

ГВИДО КНОПП

ЖЕНЩИНЫ ГИТЛЕРА И МАРЛЕН

Шесть женщин – шесть судеб:
соратницы, сторонницы
и враги

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

ГВИДО
КНОПП

Женщины Гитлера и Марлен

Москва
АСТ-АСТРЕЛЬ
2006

УДК 94(430)(092)
ББК 63.3(4Гем)-8
К53

Перевод с немецкого Т. Ф. Датченко

Кнопп, Гвидо
К53 Женщины Гитлера и Марлен / Гвидо Кнопп; пер. с нем. Т.Ф. Датченко. — М.: Астрель: АСТ, 2006. — 415, [1] с.: ил.— (Неизвестные знаменитости)
ISBN 5-17-037224-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-13977-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-442-15212-7 (нем.)

УДК 94(430)(092)
ББК 63.3(4Гем)-8

Подписано в печать 13.02.2006. Формат 84×108^{1/2}.
Усл. печ. л. 14,7. Тираж 5000 экз. Заказ № 929.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ISBN 5-17-037224-8
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-13977-8
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-442-15212-7 (нем.)

© «Издательство Астрель», 2006
© 2001, C. Bertelsmann
Verlagsgruppe Random House
GmbH, München, Germany

ЖЕНЩИНЫ ГИТЛЕРА

С самого начала у Гитлера были помощницы. До сих пор в перекрестии исторических споров находились мужчины — организаторы и исполнители нацистских преступлений, а женщины считались спутницами, вначале скорбевшими об убитых, а затем из руин создавшими новую Германию. Однако, за исключением сферы военных действий, женщины продвигали карьеру фюрера наравне с мужчинами, голосовали за него, поддерживали, на многое закрывали глаза и подчас куда громче мужчин кричали «Хайль!». Иногда женщины находили в себе силы противостоять искушению. Это касается не только обычных немок, но и известных дам гитлеровского рейха. Шесть жизненных путей — от соучастия и отрицания до приспособления и сопротивления — от подруги Евы Браун, чья мечта стать супругой Гитлера исполнилась лишь перед смертью; последовательницы Магды Геббельс, находившейся под влиянием Гитлера в большей мере, чем ее муж Йозеф Геббельс; музы Винифред Вагнер, которая и после 1945 года не признала истинную суть своего кумира; до мастера пропаганды Лени Рифеншталь, завершившей свой жизненный путь, полный ошибок и прекрасных свершений, в возрасте 102 лет. Есть еще и певица Цара Леандер, постоянно выслушивавшая упреки в приспособленчестве и извлечении выгоды из «создания настроения» в нацистском рейхе.

А Марлен Дитрих? Допустимо ли называть ее имя в одном ряду с «женщинами Гитлера»? Пожалуй, да, поскольку она символизирует тех женщин, которые сумели избежать гитлеровских чар. Несмотря на выгодные предложения продолжить карьеру в Германии, Марлен противостояла нажиму Гитлера. Более того, она победила его — своими средствами!

Как эти женщины стали последовательницами Гитлера? Почему поддались его знаменитому магнетизму и позволили управлять собой? Почему одна из них противостояла безумию, охватившему всю Германию?

Начнем с **Евы Браун**. Она родилась в мелкобуржуазной семье. Получила строгое религиозное воспитание, мечтала, как и все девушки того времени, стать известной актрисой, носить красивые платья, стоять на сцене и наслаждаться поклонением мужчин.

Когда в 1929 году фотограф Гитлера Генрих Хофманн в своем фотоателье познакомил ее с руководителем нацистов, она не узнала его. Ева Браун не интересовалась политикой. «А Гитлер заинтересовался веселой, простой девушкой, — вспоминает кузина Евы Гертруда Вайскер. — Какая юная девушка не возгордится, когда ею восхищается немолодой мужчина..?»

Правила игры диктовал Гитлер. Главная заповедь — строжайшая секретность. У фюрера мало времени, и встречи дозировались по его желанию. Его невеста — «Германия». А Ева? Фюрер говорил: «Для любви я держу в Мюнхене девушку». Но была ли это «любовь»? Нет, Гитлер позволял себя любить, но сам любить не мог. Он приносил женщинам несчастья и никогда не считался с ними. Одни из-за него кончали с собой, другие вновь и вновь повторяли попытки свести счеты с жизнью. Он не был несчастным человеком, он был враждебен счастью. Ему нравились женщины слабее его: «Нет ничего прекраснее, чем воспитать юное существо: девушку лет восемнадцати—двадцати, податливую как воск». Такой девушкой оказалась Ева Браун. В 1932 году она первый раз попыталась покончить с собой, в 1935 году — второй. Причиной отчаяния явился не характер возлюбленного, а то, что он мало уделял ей внимания. В своем дневнике она оценивала политические события только по тому, оставалось ли у Гитлера свободное время или нет. Ева то преисполнена гордости: «Я — возлюбленная самого великого мужчины Германии и мира», то полна отчаяния: «Я лишь пленница в золотой клетке».

Потом диктатор взял ее с собой на Оберзальцберг. Только узкий коридор разделял их спальни. «Умные мужчины должны

выбирать примитивных и глупых женщин», — говорил Гитлер Альберту Шпееру. Послушная подруга Ева Браун молча стояла рядом. Он называл ее «чапперль», она на людях обращалась к нему «мой фюрер», а в усадьбе «Бергхоф» во время государственных визитов удалялась в свою комнату.

Дабы не разрушить образ фюрера, которому чуждо все земное, нелюбимая возлюбленная вела жизнь в тени. У нее был дом, дорогие платья, машины и французские духи — но не обручальное кольцо. Хотя Ева больше всего на свете хотела стать «госпожой Гитлер».

Среди своих запрещалось говорить о войне и геноциде. Ева Браун являлась безвольной частицей иллюзорного рая и старалась не думать о грустном.

Лишь перед смертью Ева Браун почувствовала, что сможет, наконец, сыграть свою выстраданную роль: «Бедный Адольф, все тебя покинули!» Она осталась вместе с ним и сделалась госпожой Гитлер. Ни секунды не колеблясь, Ева вместе с «супругом» покончила с собой, желая хотя бы в смерти обрести то знание, которого была лишена при жизни.

Магда Геббельс не принадлежала к руководителям Третьего рейха и не занимала важной должности в политической иерархии. Однако она в большей степени, чем иные партийные функционеры, определяла образ «коричневой эпохи». Магда являлась неофициальной «первой леди» в гитлеровском рейхе, единственной, кому подходило это определение, — элегантной, образованной, представительной. Светская дама в окружении шовинистов, она делала хорошую мину при плохой игре. Одновременно Магда олицетворяла национал-социалистический идеал женщины и матери: блондинка с хорошей фигурой, трогательно заботящаяся о своих семерых детях. Жена министра пропаганды сама являлась наглядным примером: она трудилась у плиты, хлопотала по хозяйству, «дарила фюреру» столько детей, сколько позволяли ее молодые годы. Внешне — верная супруга в тени главного демагога рейха, в любой момент готовая выйти на сцену и сыграть свою роль. Магда Геббельс казалась воплощением национал-социалистических добродетелей: добрая, скромная, уверенная в себе и сдержанная. Ей приходилось

служить образцом миллионам женщин любой ценой. Это была роль всей ее жизни — рай и ад одновременно. С помощью железной дисциплины она сохраняла фасад давно разрушенной семейной идиллии.

За внешней маской скрывалась противоречивая личность, готовая ко всему ради достижения цели всей жизни — власти, блеска и богатства, — и упрямо шла к ней. Эта привлекательная, энергичная женщина постоянно искала близости сильных мужчин. Падчерица еврейского коммерсанта, воспитанная в католичестве, в юности Магда полюбила молодого лидера сионистов Виктора Арлозорова, а в 1921 году, выйдя замуж за Гюнтера Квандта, одного из богатейших немецких промышленников, быстро оказалась в высшем обществе. После развода с Квандтом, принесшего ей материальную независимость, она стала преданной сторонницей национал-социалистической партии и вместе с Йозефом Геббельсом вошла в круг сильных мира сего. С мужем ее объединяло глубокое восхищение Гитлером, которому, в свою очередь, тоже очень нравилась верная последовательница. Вначале Магда Геббельс наслаждалась своей новой ролью во время приемов, государственных визитов и общественных мероприятий, но затем безропотно смирилась с ролью образцовой женщины и матери. Сотни писем с просьбами и благодарностями подтверждают, что она была настоящим идеалом женщины в нацистском рейхе. Со стоическим самообладанием она старалась поддержать видимость семейной идиллии даже тогда, когда супруг без всякого стеснения демонстрировал многочисленные любовные похождения. Лишь когда связь Геббельса с чешской актрисой Лидой Бааровой стала грозить разводом и потерей престижа для всего нацистского руководства, обманутая супруга использовала прямой контакт с Гитлером и с его помощью одолела соперницу.

Во время войны Магда Геббельс исполняла в обществе роль патриотически настроенной солдатской матери (ее сын Харальд был на фронте). Ухудшение ее здоровья требовало длительного пребывания в санатории, и оказалось, что за блестящим самообладанием на деле скрывается чрезвычайно хрупкая женщина. Близкая к буддизму, Магда Геббельс безоговорочно связала жизнь с судьбой гитлеровского режима и в конце концов при-

несла, безусловно, любимых детей в жертву своим убеждениям.

Почему умная, успешная во всем и материально независимая женщина полностью отдала себя во власть примитивного учения и его преступных пророков? Что связывало ее с холодным человеконенавистником Йозефом Геббельсом? Какие бездны чувств скрывались за ее ослепительной улыбкой?

Что побудило мать убить собственных детей? Жизненный путь Магды Геббельс оказался таким же жестоким и лживым, как и режим, которому она продала душу.

А режиссер Лени Рифеншталь? О ней спорят до сих пор: она создала пропагандистский фильм «Триумф воли» и во время летних Олимпийских игр 1936 года в Берлине запечатлела на киноплёнке иллюзорную красоту нацистского режима. Тем не менее в киношколах по всему миру ее считают одним из самых великих режиссеров XX века. В старости Рифеншталь утверждала, что не была связана с политикой: «В своей долгой жизни я только семь месяцев работала для Гитлера».

Но именно фильмы Рифеншталь превратили парвеню из Нижней Австрии в могущественного спасителя нации. В объективе ее камер парады нацистов обещали измученной стране порядок и силу. Эти кадры помогли совратить целое поколение. Чистая пропаганда? Нет, говорила Лени Рифеншталь, она лишь отображала реальность художественными средствами. Допустим. Но как далеко может зайти искусство, если мораль застряла где-то на полпути?

Собственно говоря, проблемы у нее возникли только из-за двух фильмов. «Триумф воли» явился вторым фильмом о нацистском съезде. Фильм безупречен с технической точки зрения: кадры геометрически выровненных шеренг и бесконечного моря знамен фатальным образом заворожили современников. Свыше 20 миллионов немцев посмотрели фильм. «Кто видел лицо фюрера в «Триумфе воли», тот никогда его не забудет, оно будет преследовать человека днем и ночью и, как мирно светящийся огонь, войдет в его душу», — изрек глашатай режима Йозеф Геббельс. «Триумф воли» положил начало складыванию культа фюрера.

Второе пятно на репутации Рифеншталь — игровой фильм «Равнина», начатый еще в 1934 году и появившийся в кинотеатрах лишь в 1954 году. В качестве статистов в нем задействованы цыгане из лагеря под Зальцбургом. В послевоенные годы Лени Рифеншталь во время многочисленных судебных процессов опровергала обвинения в том, что знала о дальнейшей судьбе этих цыган, большинство которых погибло в Освенциме.

После войны Лени Рифеншталь признали всего лишь «попутчицей» — для любимого режиссера Гитлера это довольно лестный «приговор». Она, без сомнения, была очарована диктатором, как и миллионы других немцев. Только была талантливее других и стала, словно Фауст в женском обличье, гениальной выразительницей преступного режима.

Винифред Вагнер, муза фюрера, первой из известных женщин не устояла перед силой убеждения Гитлера. Она обеспечила ему поддержку мюнхенского высшего общества, а он отплатил ей верной привязанностью. Какое-то время оба предавались иллюзии, что это любовь их жизни. Впоследствии диктатора и невестку Рихарда Вагнера объединяли общие интересы и взаимные выгоды. Он за счет режима спонсировал ее фестиваль и сделал известную увертюру Вагнера неофициальным гимном рейха. Она положила к ногам Гитлера наследие свекра и позволила использовать его творчество в идеологических целях.

Еще в начале тридцатых годов в Байрейте ходили слухи о свадьбе Винифред и Гитлера. Частые визиты Гитлера на «Зеленый холм» не удавалось хранить в тайне, поэтому то, что руководитель нацистской партии ухаживал за Винифред Вагнер, стало достоянием гласности. Своим помощникам он признавался, что если когда-нибудь женится, то хозяйка Байрейтского театра будет лучшим выбором. «Дядя Вольф», как называли поклонника матери четверо детей Винифред, охотно оставался на ночь. Однако многое препятствовало их браку. Свадьба нарушила бы имидж Гитлера, который полагал, что народный трибун должен походить на монаха-отшельника, только в этом случае он сможет выражать надежды и чаяния большинства избирателей. Кроме того, скончавшийся в 1930 году супруг Винифред Зигфрид в завещании распорядился, что если его

жена снова выйдет замуж, ей придется отказаться от руководства знаменитым фестивалем. Так что желание заключить брак осталось нереализованным. «Можете меня даже не спрашивать: я не спала с Адольфом Гитлером!» — выкрикнула Винифред допрашивающему ее после войны офицеру США еще до того, как он задал первый вопрос.

Так что связывало диктатора с невесткой великого композитора?

О чем беседовали они ночью у камина? Прежде всего, конечно, о произведениях мастера. Оба были страстные вагнерианцы и черпали основу своего мировоззрения в мире оперы. Страстные шовинистические монологи Гитлера нравились Винифред, которая была снисходительной и верной слушательницей. Несостоявшуюся пару связывало также происхождение. Оба хорошо знали, что такое тяжелая жизнь без особых перспектив: психически неустойчивый, самовлюбленный Адольф Гитлер после школы оказался в венском мужском общежитии и мог, как никто, понять английскую сироту Винифред Вильямс, 13 лет скитавшуюся по приютам.

Лишь брак с сыном великого Вагнера Зигфридом одним махом завершил темную полосу в жизни Винифред. Тогда, в разгар Первой мировой войны, ей было 18, супругу — 46 лет. Несмотря на его гомосексуальные наклонности, Винифред родила четверых детей, но счастливой не была. «Зигфрид такой вялый», — жаловалась она Геббельсу. Лишь контакты с Гитлером и его партией придали ее жизни желанный смысл. Она вступила в НСДАП и после провалившегося путча 1923 года посылала Гитлеру в Ландсбергскую тюрьму бумагу для создания рукописи книги «Моя борьба».

После освобождения Гитлера из заключения их связь стала еще теснее. Она ездила за своим кумиром в открытом «Мерседесе», не пропуская в Баварии ни одного предвыборного мероприятия НСДАП. С молчаливого согласия супруга Зигфрида Винифред встречалась с Гитлером все чаще, обычно в уединенных лесных ресторанчиках под Байрейтом. Страстный демагог очаровал и детей, рассказывая им на ночь истории своих политических «приключений». После смерти Зигфрида в 1930 году Винифред Вагнер стала руководительницей фестиваля, вскоре пол-

ностью поставив его на службу своему идолу. В 1934 году Гитлер из Байрейта руководил попыткой переворота в Австрии. В 1936 году в антракте он принял решение послать солдат вермахта в Испанию на помощь Франко в Гражданской войне.

Будучи членом партии, Вагнер могла позволить себе определенные вольности. Она защищала музыкантов-евреев от преследования и с согласия Гитлера помогала им бежать за границу. Имперская театральная палата не касалась дел фестиваля, зато Гитлер иногда лично вмешивался в его организацию.

С началом войны муза отошла на задний план. В 1940 году Гитлер и Винифред Вагнер виделись в последний раз. Отныне в Байрейт приезжали инвалиды войны.

В военные годы Гитлер объявил «Гибель богов» своей любимой вагнеровской оперой и попытался превратить рейх в гигантскую сценическую площадку. Когда Германия лежала в руинах, Винифред Вагнер продолжала выполнять в Байрейте то, что понимала под своим «долгом», и в марте 1945 года все еще работала над следующим «фестивалем военных лет».

Верность Нибелунгов в духе Вагнера и после краха Тысячелетнего рейха оставалась девизом ее жизни. Неисправимая Винифред Вагнер до самой смерти не связывала воспоминания о Гитлере, как частном лице, с катастрофическими последствиями его господства.

Шведка Цара Леандер была самой большой «звездой» Третьего рейха. Ее силой был голос — эротичное хрипловатое контральто, от которого у слушателей по коже бегали мурашки. Ее коньком были музыкальные фильмы. Говорили, что никто не мог так красиво изображать страдания, как она. Своим успехом Леандер была целиком обязана нацистскому режиму, став одним из рычагов пропаганды режима. Ее песни давали надежду во время бесчеловечной, преступной войны. Ради славы и денег она на многое закрывала глаза. Леандер сделала карьеру под свастикой, но национал-социалисткой никогда не была, однако и «политической идиоткой», как она сама себя называла, Цара не была, просто умела приспособливаться.

Карьера Цары Стины Хедберг началась в двадцатые годы на подмостках шведской оперетты. В 1936 году певицу с огненно-

рыжими волосами открыл немецкий кинематограф. После того как Марлен Дитрих покинула страну, Царе предстояло стать новой «звездой» Германии. Она сразу оправдала возложенные на нее надежды. Сначала министр пропаганды Геббельс не слишком доверял «гастарбайтеру» из Швеции, но успех сделал Леандер незаменимой. Творчество Цары поднимало людям настроение и пополняло валютой военную казну, ее фильмы «К новым берегам», «Хабанера» и «Родина» пользовались огромным успехом и в Германии, и за ее пределами. Девушка из скромной семьи стала «звездой» номер один в Третьем рейхе. Гонорары ей выплачивались наполовину в шведских кронах. Продажа пластинок принесла ей миллионные прибыли, на которые она приобрела поместье в Швеции. Цара жила ради успеха, не желая осознавать, какому режиму служит.

При этом шведка совершенно не соответствовала нацистскому идеалу «немецкой женщины». Крупная, рыжая, с мужским голосом, она привнесла в размеренную жизнь тоталитарного общества аромат эротики и экзотики. В ее песнях — подчас малопристойных — речь шла о любви: «Почему у женщины не может быть связи» и «Может ли любовь быть грехом». Такие песни могла петь только Леандер.

То, что актриса родом из нейтральной Швеции, служило дополнительной «рекламой» нацистского режима. Она умела утешить в то время, когда требовалось утешение: пела на концертах для солдат, выступала перед ранеными, а в своем самом популярном фильме «Большая любовь» (1942 г.) превратилась из женщины-вамп в верную офицерскую невесту. Но творчество Леандер было больше, чем просто пропагандистский прием, ее песни во многом задевали нерв эпохи. Бывший узник концлагеря рассказывал, что шлягер Леандер «От этого мир не погибнет» дарил утешение в лагерной жизни. В своем главном хите певица высказывала сокровенные мысли всех: и жертв нацизма, надеявшихся на конец тирании, и власть имущих, считающих такие песни патриотичными. В этой многоплановости и таился ее успех.

Леандр всегда хотела быть аполитичной, но политика не останавливалась перед дверьми киностудии. В то время как Цара Леандер делала карьеру «звезды», многие евреи, деятели

искусства из ее окружения, вынуждены были бежать от гитлеровского режима: страну покинули такие режиссеры и актеры, как Билли Уайлдер, Петер Лорре, Макс Офюльс. Затем из-за жен-евреек из Германии бежали Ральф Бенацкий, автор мирового хита «Да, сэр!», и режиссер Детлеф Зирк. Гомосексуалистов, среди которых у Цары Леандер было много друзей, преследовали как врагов государства и ссылали в концлагеря. Даже Бруно Балльц, автор текстов ее самых популярных и любимых песен «Может ли любовь быть грехом» и «Его зовут Вальдемар», провел три недели в гестапо.

Цара обо всем знала и молчала. «Звезда» кокетничала с властью. С Гитлером она встречалась лишь однажды, хотя у Геббельса бывала частенько. «Глубоко интеллигентный человек», — высказалась она о министре пропаганды после войны. Но когда «УФА» стала затягивать с выплатой гонораров, виллу Леандер в Берлине разбомбили, а Геббельс начал уговаривать ее принять подданство Германии, кинодива быстро собрала чемоданы. Она сознавала, что пик карьеры пройден, а режим, которому она обязана своим успехом, скоро рухнет. Ей вслед раздавалась брань нацистов, а шведы приняли певицу настороженно, подвергнув критике ее карьеру в нацистской Германии. Лишь через пять лет Царе Леандер удалось скромное возвращение в профессию, однако такого успеха, как в гитлеровском рейхе, она уже не достигла.

Марлен Дитрих, противница Гитлера, стала легендой еще при жизни. Ни одну другую немецкую кинозвезду так не любили и не поклонялись ей во всем мире, и ни одну немецкую мировую «звезду» так не поносили на родине.

Режиссер Джозеф фон Штернберг, открывший ее и сделавший знаменитой, был евреем, ее образ на экране явно противоречил национал-социалистическому идеалу женщины. Свободный образ жизни любой другой актрисы мог бы вызвать гнев «коричневых правителей», однако Гитлер многократно делал ей аморальные предложения. Когда Марлен Дитрих рассталась с Джозефом фон Штернбергом, нацистская пресса язвительно приветствовала этот шаг и высказала надежду, что Дитрих наконец-то сыграет «историческую роль предводительницы гер-

манской киноиндустрии». Мировая «звезда» Марлен Дитрих в качестве рекламы немецкого кинематографа — от этого Гитлер ожидал многого. «Фюрер хочет, чтобы Вы вернулись домой», — дословно передал ей один из посланников рейха. Гитлеровский рейх никогда не был домом для Марлен, того Берлина, который она знала и любила, уже не существовало. Умнейшие головы и крупные художники покинули Германию: одни — потому, что были евреями, другие — из-за своих политических убеждений, многие — из-за полного несогласия с целями тоталитарного искусства, провозглашенными властью. Политическое чутье Марлен объяснялось ее жизненным опытом и личной моралью. Она заявила, что никогда не будет иметь ничего общего с национал-социалистическим режимом.

Однако годы спустя Марлен думала о том, что могло бы произойти, вернись она в Германию. Может быть, ей следовало принять предложение Гитлера? «Возможно, я смогла бы отговорить его от этого!» Под «этим» подразумевались война и холокост.

Марлен Дитрих приняла американское гражданство и с решительностью и последовательностью, которыми она всегда отличалась, начала свою войну против Гитлера — она выступала на фронтах перед солдатами США и союзников. Однажды она по радио обратилась к немецким солдатам: «Не жертвуйте своими жизнями! Гитлер — идиот». Многие не простили Марлен того, что она вернулась в лежащий в руинах Берлин в форме победителей. Ее следующий приезд в Берлин в 1960 году вызвал демонстрации протеста, однако в конце жизни она высказала желание быть похороненной в родном городе. Марлен говорила: «Я, слава Богу, берлинка...»

В своем последнем интервью на вопрос журналиста «Шпигеля» Хельмута Каразека, почему она боролась с Гитлером, Марлен заявила: «Из чувства приличия». Лучше не скажешь.

Чему учат нас судьбы этих женщин? Между приспособленчеством и протестом, соучастием и сопротивлением подчас лишь маленький шаг. Тесная связь с Гитлером не была предопределена этим женщинам от рождения. В сущности, они сами сделали выбор: Ева Браун не порвала со своим холодным, эго-

истичным возлюбленным, когда еще было время, а Марлен Дитрих, напротив, с самого начала не желала иметь с Гитлером ничего общего. Хотя поворотные моменты, определяющие жизненный путь, подчас лучше видятся на расстоянии, но необратимость всегда является продуктом собственной воли. История не черно-белая, она переливается множеством оттенков. «Женщины Гитлера» — пример этого.

Ева Браун
ПОДРУГА

«Я мечтаю только об одном — тяжело заболеть и, по крайней мере, восемь дней ничего о нем не слышать. Почему со мной ничего не случается, почему я должна пройти через все это?»

«Я нужна ему только для определенных целей».

«Почему он так мучает меня и не покончит со всем немедленно?»

«Вообще-то нормально, что сейчас он не проявляет большого интереса ко мне, ведь столько всего происходит в политике».

«В настоящий момент любовь, похоже, вычеркнута из его программы».

«Я, возлюбленная самого великого мужчины Германии и земли...»

*Ева Браун, записи в дневнике,
11 марта — 10 мая 1935 года*

«Сам фюрер потерял всякую веру в счастливый исход...»

«Каждый день и каждый час может быть для нас последним».

Ева Браун, письмо от 23 апреля 1945 года

«У нее была шикарная фигурка, стройная, очень ухоженная. У нее же на это были и время, и деньги. Потрясающий гардероб, переодевалась по много раз в день, к обеду, к ужину. В каком-то смысле ее можно было любить».

*Герберт Деринг,
управляющий имением Гитлера «Бергхоф»*

«Конечно, она была тщеславной, иначе бы не переодевалась так часто. Но это она делала не для других, а для себя. Она все время хотела видеть себя в новой позе, в новом платье».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Она никогда не реагировала позитивно или негативно на политические шаги Гитлера или его репрессивные меры. Это ее не интересовало. И против евреев она, насколько мне известно, никогда ничего не говорила. Для нее это была «terra incognita», она не занималась проблемами, волнующими Гитлера и вызванными самим Гитлером.

Отто Гричнедер, после 1945 года адвокат семьи Браун

«Она не вела дневник, потому что говорила: “Мой дневник — фильмы”».

Маргарете Митльштрассер, камеристка Евы Браун

«Она могла бы быть маленькой милой продавщицей из обувного магазина, с которой приятно поболтать. Она была посредственностью — милая немецкая девушка из простой семьи».

*Райнхардт Шпици, референт министра иностранных дел
Иоахима фон Риббентропа*

«Об этом же не знал ни один человек. Думаю, это была строго соблюдаемая тайна; но никого не обязывали молчать, просто, как ни странно, все инстинктивно хранили молчание и не рассказывали об этом другим».

Траудль Юнге, секретарша Гитлера

В тот год нацистский режим пытался ввести весь мир в заблуждение. В 1936 году народы разных стран встретились в Берлине на летних Олимпийских играх. На несколько недель гитлеровская империя превратилась в образцовую державу. Партии надлежало вести себя тихо, СС и гестапо — вежливо, антисемитские лозунги исчезли из поля зрения, подстрекательский журнал «Штюрмер» продавался только из-под полы. В киосках появился целый ряд иностранных журналов. На столе журналиста Алоиса В. оказался экземпляр «Пари суар» — бульварный листок, не имеющий особой политической значимости, однако этот сентябрьский номер представлял определенный интерес. На последней странице — громкий заголовок: «Женщины вокруг Гитлера». В конце статьи написано: «Сейчас бесспорной фавориткой является Ева Браун, дочь учителя из Мюнхена. Ради нее Гитлер, по-видимому, забыл всех других женщин».

«Я чуть не упал со стула!» — писал позднее Алоис В. в рукописи, посвященной родственнице Евы Браун. «Ева! Этого не может быть! Маленькая девчушка, которой я иногда помогал решать сложные примеры по математике или подправлял сочинение по немецкому языку, возвращавшееся со строгой учительской пометкой: «Тема не раскрыта!», девочка, которая под воздействием бабушкиной набожности все еще прилежно молилась на ночь?» Дядя Алоис — двоюродный брат матери Евы все прочитал правильно. Что он предпринял после такого известия?

«Я бросился к телефону и позвонил своей двоюродной сестре Фанни, сказав, что в ближайшее время, возможно, смогу поздравить ее с тем, что она стала тещей фюрера». Мать Евы не разделяла шутливого настроения кузена: «Она считала, что я должен оставить столь глупые высказывания. У нее и так достаточно неприятностей из-за этой истории! И вообще: по телефону она не желает об этом разговаривать».

Дядя Алоис затронул «больной вопрос» в семье добропорядочных бюргеров Браунов, эти «грязные» отношения между их Евой и рейхсканцлером Адольфом Гитлером уже много лет доставляли почтенным родителям головную боль. Гитлер и не думал жениться на девушке из Мюнхена, моложе его на 23 года.

Все изменилось лишь спустя девять лет, когда империя Гитлера уже рушилась: «У него уже не было причины тянуть время. Раньше считалось, что он женат на Германии. И вот Германии не стало. Тогда он, вероятно, решил, что может все-таки жениться на женщине, которую выносил в течение 16 лет», — не без горькой иронии говорит сегодня кузина Евы Гертруда Вайскер.

28 апреля 1945 года, Берлин. Бункер под имперской канцелярией дрожит от бомбардировки, которую ведут советские войска. В девяти метрах под землей царит упадническое настроение конца света. «В этот день Ева Браун сказала мне что-то странное, она сказала, что сегодня мы еще будем плакать». Секретарша Гитлера Траудль Юнге подумала, что настал час, когда Гитлер и Ева Браун решили покончить с собой. Но речь шла не о последнем акте пьесы: «На самом деле Ева Браун имела в виду свадьбу с Гитлером». Слухи об этом ходили уже несколько дней. Конечно, многие высказывали сомнения. Во время своей политической карьеры диктатор судорожно пытался выглядеть легендарным фюрером, которому чуждо все человеческое. Но лишь когда самоубийство стало неизбежным, тиран пришел, в конце концов, к решению «взять в жены ту девушку, которая после долгих лет верной дружбы по доброй воле вернулась в почти полностью окруженный Берлин, чтобы разделить мою судьбу». В награду за годы унижений Ева Браун все же получила желаемое — обручальное кольцо. Его не заказывали заранее, и оно оказалось слегка велико невесте. Странное бракосочетание состоялось, очевидно, лишь потому, что жениху нечего было терять.

Свадьба под градом снарядов происходила с педантичным соблюдением всех формальностей. Гитлер сделал Еве Браун официальное предложение, правда, «ввиду военного положения в устной форме», новобрачные письменно подтвердили свое арийское происхождение и отсутствие препятствующих браку наследственных заболеваний. Все это выглядело жутко.

Ева Браун нервничала. В комнате для совещаний соорудили временный алтарь. Руководитель окружного загса Вальтер Вагнер произнес торжественные слова, о которых подруга Гитлера мечтала долгие годы: «Теперь я спрашиваю Вас, фрейлейн Браун, согласны ли Вы вступить в брак с моим фюрером Адольфом Гитлером?» Тридцатитрехлетняя Ева ни секунды не медлила с согласием. А где-то вдалеке раздавалась песня «Кроваво-красные розы». Исполнилась мечта девушки из мюнхенского предместья. Она стала супругой Гитлера в платье из черного шелка. Но что это за союз на всю жизнь? На жизнь, которая была короче одного дня.

«У меня такое чувство, — говорила Траудль Юнге, — что она при жизни все время оставалась в тени и, возможно, не имела шанса изменить это. Думаю, она представляла себе, что, по крайней мере, войдет в историю как героическая возлюбленная великого фюрера».

Когда после войны мир впервые обратил внимание на Еву Браун, то появились вопросы: Что за женщина более десяти лет находилась в близких отношениях с диктатором, нацистским военачальником и кровавым убийцей XX века? Что значила она для Гитлера, была только любовницей или партнершей в жизни? Не замечала зла, которое ее возлюбленный принес миру? Была она спутницей жизни или также соучастницей его преступлений? Почему она, на первый взгляд беспрекословно, согласилась умереть вместе с диктатором?

Начало истории весьма банально. Сначала — юность совершенно нормальной девушки. Ева Анна Браун родилась 6 февраля 1912 года и была второй дочерью учителя Фридриха Брауна и его жены Франциски, которую называли Фанни, урожденной Кронбургер, профессиональной портнихи. Старшей сестре Евы Ильзе было четыре года, когда родилась Ева, через три года после Евы на свет появилась Гретль. Девочки росли в хорошей, просторной квартире, занимающей целый этаж на Изабелла-штрассе, они воспитывались строго в католической вере, с причастием и конфирмацией, все это обещал отец-протестант во время венчания, потому что его невеста Франциска была католичкой.

Консервативно настроенные монархии и поклонники национальной идеи, Брауны являлись типичной мюнхенской

*«Сияющий
ребенок...»
Маленькая
Ева Браун
(справа)
со старшей
сестрой
Ильзе.*

«Воспитание дома было очень, очень строгим, иначе мой дядя никогда бы не написал письма Гитлеру, в котором просил вернуть обеих девочек, Еву и Гретль, которых тот вырвал из родительского дома».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«В сущности, девочки из семьи Браунов были точно такие же, как мы. Особенно не выделялись. Они играли с нами, как все другие».

Анна Хиндльмайер, подруга детства Евы

мелкобуржуазной семьей, позволившей себе в 1925 году переехать в комфортабельную квартиру. Благодаря полученному наследству был куплен первый автомобиль, о трех девочках работала няня. Фриц Браун мечтал о сыновьях, и дочери это чувствовали.

Некоторые авторы считают, что из-за этого у Евы сформировался комплекс, она искала замену отцу и тяготела к мужчинам старше ее. Хотя на «кушетке Фрейда» Ева никогда не лежала. «В сущности, девочки из семьи Браунов были точно такие же, как мы. Особенно не выделялись. Они играли с нами, как все другие», — вспоминает подруга детства Евы Анна Хиндльмайер.

Еву Браун отдали в монастырскую начальную школу в сельском местечке Байльнгрис. «Ева была сложной, — вспоминала позднее одна из монахинь, — но достаточно умной, чтобы достичь того, чего хотела». По мнению учителей, она была непослушной и ленивой. «Она любого могла обвести вокруг пальца, и я думаю, что она легко училась в школе, не напрягаясь, но и без особенных успехов. Она была слишком очаровательной для этого», — сообщает кузина Евы Гертруда Вайскер. Абсолютно не проблемный ребенок. Хорошенькая, добродушная, она всегда была готова к веселым проказам, но не к работе. Ева была любимицей семьи. «Перед этим созданием с кудряшками, доверчивыми глазами и заученной улыбкой мерк даже отцовский гнев», — пишет дядя Евы Алоис. Хотела ли она быть «звездой» в своей семье? «Не «звездой», но центром внимания — хотела. Она хотела быть в центре внимания», — считает ее кузина.

Католическое воспитание Ева продолжила в английском Институте для девушек в Зимбахе. По иронии судьбы она стала той женщиной, которая находилась рядом с заклятым врагом Церкви и христианства. Она изучала машинопись, бухгалтерское дело, домоводство и французский язык. На оплаченных отцом уроках музыки и рисования Ева скучала. Спорт и наряды — две ее страсти, сохранившиеся на всю жизнь. Позднее фильмы и фотоальбомы наглядно подтвердят эти склонности. Дядя Евы журналист Алоис В. пишет: «Ильзе, старшая из сестер, превосходила Еву в школе, но Ева компенсировала это, сознательно используя свое огромное обаяние, жила своей

жизнью в мире чувств, отгораживаясь от мира знаний: эта изоляция и определила, в конце концов, трагичность ее жизни».

Ева Браун немного оторвана от реального мира? Ее любимое чтение — романы Карла Мая, впрочем, как и у молодого Гитлера, только когда она читала про Виннету, он уже замыслил государственный переворот. Он намеревался полностью искоренить презируемую им Веймарскую республику. Когда в 1923 году провалился дилетантски организованный им путч, Еве Браун было только одиннадцать лет, и до первого знакомства с ним она практически ничего не знала о руководителе «коричневого движения». Политика ее не интересовала. В ее мире высоко котировались киножурналы и дешевые романы. Некоторые биографы полагают, что многие женщины из мелодраматических романов, жертвующие собой ради любимого, заставили саму Еву повторить их судьбу. Может быть, и так. Известно.

Спорят и о том, хотела ли сама Ева стать актрисой или танцовщицей. Во всяком случае, она увлекалась кинозвездами и собирала их фотографии. Ей была важна собственная безукоризненная внешность. Позже ее мать рассказывала: «По утрам до школы она стояла на коленях перед стулом, одной рукой причесываясь, а другой делая домашние задания по английскому языку». Ева любила наряжаться, но не из-за особой любви к роскоши, а из-за желания что-то изобразить и заслужить признание. Однажды она взяла у друга мотоцикл, но потом сказала: «Лимузины нравятся мне больше, и не только потому, что они комфортабельнее».

По крайней мере, ходят слухи, что желание стать «звездой» сопровождало ее всю жизнь. Во всяком случае, ее профессиональная карьера началась на соответствующей фирме. Отец Фридрих Браун услышал, что в фотоателье Хофманна на Шеллинг-штрассе, 50, свободно место ученицы. Хофманн испытывал особое пристрастие к молодым девушкам, которых легко использовал в корыстных целях. Но более важным оказался другой факт. Хофманн являлся фотографом Национал-социалистической рабочей партии Германии и был одним из ее первых членов. С Гитлером его связывала довольно тесная дружба. Вождь национал-социалистического движения искал в фото-

*«Ева была сложной, но достаточно умной, чтобы достичь того, чего хотела...»
Ева (1-й ряд, 4-я справа) со своим классом в монастырской школе в Байльнг-рисе.*

*«Монахини были в восторге от этого "сияющего ребенка"».
Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун*

*«Перед этим созданием с кудряшками, доверчивыми глазами и заученной улыбкой мерк гнев отца».
Алоис В., дядя Евы Браун*

*«Я бы сказала, что она была вполне разумной, но не умной, иначе предприняла бы иные шаги».
Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун*

«Когда я смотрю старые фильмы о женском гитлерюгенде, то в них у женщин обязательно косы и волосы высоко подняты и заколоты сзади. Эти женщины близки к земле. Так ли это на самом деле — другой вопрос. Немецкая женщина не курит, немецкая женщина не пьет, немецкая женщина не красится. В этот стереотип Ева никогда не вписывалась. Думаю, что Гитлера пленил ее шарм. А ее привлек этот молодой мужчина, который был на 23 года старше ее. Ева была, как сегодня сказали бы, «тинейджер», тогда говорили «девочка-подросток», мечтающая вырваться из семейного клана».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

*«Она хотела быть в центре внимания...»
Добропорядочный
родительский
дом устанавли-
вает четкие
ценности, но
в переходном
возрасте Ева
своейравна.*

снимках своего соратника не только скупое отображение реальности, его фотографии должны были производить впечатление, действуя на подсознание. Гитлер часто приходил в фотоателье. Со служащими там дамами вел себя галантно, всегда целовал им ручки и дарил небольшие подарки.

Как Ева Браун познакомилась со своим будущим возлюбленным? Однажды вечером 1929 года Хофманн вошел в ателье вместе с «господином Вольфом». «Вольф» (нем. Волк) — псевдоним Гитлера. Псевдоним имел для Гитлера символическое значение. Как настоящий волк, он хотел ворваться в стадо своих политических противников. Его сестра Паула, пока получала от него финансовую поддержку, вынуждена была взять фамилию Вольф — и это еще одна грань культа Гитлера.

Впоследствии Ева Браун как-то рассказывала своей сестре Гретль: «Тут заходит шеф, а с ним господин в летах со смешными усами в светлом английском пальто, в руке — большая фетровая шляпа... Я, не поворачиваясь, искоса смотрю в их сторону и замечаю, что мужчина смотрит на мои ноги. Как раз в этот день я укоротила свою юбку и чувствовала себя несколько неловко, потому что сомневалась, аккуратно ли я ее подшила. Спускаюсь вниз, и Хофманн представляет его: “Господин Вольф”».

Гитлер, он же «Вольф», делает Еве Браун комплименты и, тем самым, пробуждает в ней интерес. Она не знает, кто перед ней. После этой встречи Хофманн спрашивает ее: «Ты не догадалась, кто этот господин Вольф? Ты что, не смотришь наши фотографии?» Ева ответила: «Нет». Вот наглядное подтверждение ее равнодушия к политике. Но теперь у нее появилась причина поискать в ящиках столов фотоснимки этого господина.

Когда дома она задала вопрос, кто же этот Гитлер, папаша Браун ответил: «...это молодой нахал, считающий, что у него ума палата. При встрече с ним лучше перейти на другую сторону». О своей встрече с «молодым нахалом» Ева не проронила ни слова. Они тайно договаривались о первых свиданиях. Гитлер приглашает миловидную мюнхенскую девушку в театр или в ресторан. Его красноречие часто создавало ей проблемы. Мицци Джойстен, подруга Евы, позднее вспоминала: «Она ужасно скучала». Еве приходилось заглядывать в словарь, что-

бы понимать его монологи. Несмотря на это, она твердо уверена, что хочет видеть его снова.

О любовной связи между Гитлером и Евой до конца 1920-х годов и речи не идет. Гитлеру нравилась свежая, естественная, веселая и неиспорченная девушка, а ей казался интересным немолодой мужчина, делающий ей комплименты.

Приглашения на пикники в Верхнюю Баварию чередовались с посещениями кафе и кабачков. Гитлер постоянно был окружен толпой преданных сторонников, шоферами и адъютантами. Это производило впечатление, как, вероятно, и колонна «Мерседесов», нанятая на деньги спонсоров. Кто еще мог похвастать таким видным поклонником? Возможно, это тешило ее тщеславие.

В 1930–1931 годах отношения Гитлера и Евы все еще оставались платоническими. Лишь в начале 1932 года, по словам экономки Анни Винтер, Ева стала любовницей Гитлера в его квартире на Принцрегентен-плац. Ева намекала об этом и своей сестре Гретль.

«Если бы Хофманн не свел их, они никогда бы не сошлись. Но Хофманн не уступал, все сводничал и, так сказать, преподносил своему патрону Еву Браун на серебряном блюде, пока Гитлер, наконец, не клюнул», — сообщает Герберт Деринг, управляющий имением «Бергхоф», его жена Анна с начала 1930-х годов тоже служила у Гитлера.

Сам Хофманн видел все иначе: «...ни я, ни кто-либо другой не замечали повышенного интереса Гитлера к Еве. ...Другое дело Ева... она рассказывала своим подругам, что Гитлер влюблен в нее, и ей наверняка удастся заставить его жениться на ней». Хотя фотограф Гитлера опровергает то, что способствовал их отношениям, но роман Гитлера и Браун был ему на руку. Он упрочил деловые позиции предприимчивого Хофманна и превратил его в богатого человека. Фотомастерская стала огромной фирмой.

Гитлер с самого начала задавал тон в их отношениях. Когда и где встречаться? Как часто? Зачем? Наивысшая заповедь — секретность. Главное — его политические цели и их осуществление, в том числе контакты с обществом состоятельных светских дам, выступавших в роли меценатов. Гитлер охотно окру-

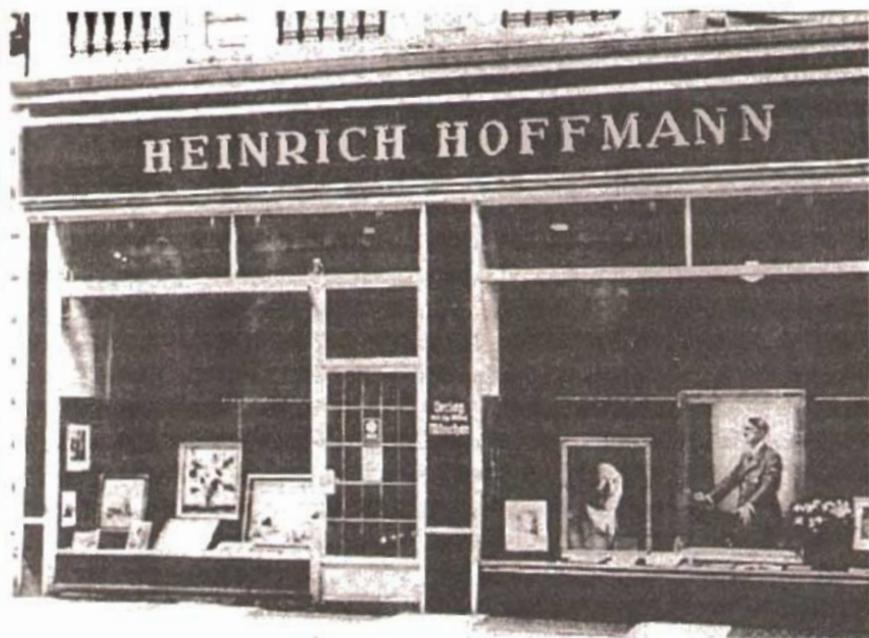
жал себя «богатыми и красивыми», потому что они позволяли ему войти в высший свет. Еву трясло от ревности, ведь на других женщин у него находилось время. К тому же с такими женщинами, как Винифред Вагнер, Магда Геббельс, Анни Ондра и Лени Рифеншталь, она не могла тягаться — во всех отношениях. С ними Гитлер появлялся в обществе, а ее скрывал.

Гитлеру хотелось неприятельных и легких отношений без обязательств. «Для любви я держу в Мюнхене одну девушку», — отвечал Гитлер на вопрос своего адъютанта Видемана. И, конечно, девушку проверили, его преданный помощник Борман, позднее шеф партийной канцелярии, изучил всю родословную Браунов на предмет арийской чистоты.

«Чапперль» («Tschapperl» — по-австрийски «теленочек, бедняжка» — так Гитлер называл Еву) никогда не должна была стать партнершей диктатору. Он не искал соратницы. «Очень умные мужчины должны выбирать примитивных и глупых женщин. Что бы было, если бы у меня была женщина, вмешивающаяся в мою работу! В свободное время я хочу покоя... жениться я не могу!» — сказал он как-то Альберту Шпееру. Но Ева Браун все больше подстраивала свою жизнь под его желания. «Он имел над ней власть. И использовал эту власть, потому что она позволяла себя использовать», — считает Вайскер, кузина Евы, по поводу недостойного спектакля. Таким образом, главным в жизни Евы Браун стало постоянное ожидание Гитлера.

В 1932 году она еще жила дома, говорила с Гитлером по якобы служебному телефону Хофманна, часто под одеялом — чтобы родители ничего не знали. Но Гитлер звонил все реже. Он рвался к власти. После выборов в рейхстаг в 1930 году он располагал 107 депутатами — национал-социалистами. И снова началась предвыборная борьба. Демон-искуситель боролся за власть вполне по-современному, с самолетом и дорогостоящей пропагандистской техникой. Он хотел внушить немцам, что он вездесущ и, как мессия, спускается к ним с небес. При такой демагогии времени для девушки из Мюнхена совсем не оставалось. В последней фазе ноябрьской предвыборной борьбы в их отношениях царил полное молчание.

Измученная ожиданием, Ева Браун впала в полное отчаяние. Подталкиваемая жалостью к себе, она полностью вошла в

«Все начиналось так невинно. А заканчивается такой катастрофой. Мир рушится, и вместе с миром гибнет моя кухня, на самом деле милая родственница. С человеком, который погубил мир. Большую трагедию трудно представить».

Гертруда Вайскер, кухня Евы Браун

«Если бы Хофманн не свел их, они никогда бы не сошлись. Но Хофманн не уступал, все сводничал и, так сказать, преподносил Еву Браун на серебряном блюде, пока Гитлер не клюнул».

Герберт Деринг, управляющий именем «Бергхоф»

«Ни я, ни кто-либо другой не замечали повышенного интереса Гитлера к ней. Другое дело Ева... она рассказывала своим подругам, что Гитлер влюблен в нее, и ей наверняка удастся заставить его жениться».

Генрих Хофманн, шеф Евы Браун

«Тут заходит господин в летах и со смешными усами...»

В фотомагазине Хофманна его служащая Ева Браун в 1929 году знакомится с Гитлером.

роль жертвы. Все чаще ее посещает мысль о самоубийстве. Почему она не думала о разрыве с Гитлером?

Характерно, что она не хотела с ним расстаться, а смирилась с мыслью о смерти. Можно рассуждать о мотивах. Наверное, ее влекла аура необычного, стремительно идущего вверх человека. К тому же ее самооценка полностью зависела от удачного исхода этих отношений. Ревнивая и в некотором роде честолюбивая, она не хотела отдавать его другой женщине.

Ее дядя Алоис писал: «Гитлер представлял большой соблазн для стольких женщин. Кто может упрекнуть маленькую Еву и отказать ей в снисхождении лишь потому, что она попала под влияние чар этого мужчины? Разве женщины совсем другого умственного и личностного уровня не находились в той или иной степени под его влиянием!»

Конечно, она хотела, чтобы он полностью принадлежал ей — может, из гордости, или очарованная им и его властью, — во всяком случае, обратного пути не было. Ее кузина пытается понять: «В 17 лет она встретила мужчину с гипнотическим взглядом, на 23 года старше ее. Он голил ей в отцы. Этот мужчина заинтересовался веселой, простой девушкой, заметившей его восхищение. Какая юная девушка не возгордится, когда ею восхищается немолодой мужчина..? Обычная история любви стала началом катастрофы. Мужчина наслаждается той скрытностью, с которой его юная подруга оставляет семью в неведении, скрытничает и лжет, где только можно. Малышка нужна ему только иногда, потому что перед ним великая цель — стать рейхсканцлером. Для этого все средства хороши, а девушка часто становится помехой. Она мешает ему, и время от времени его интерес угасает. Он забывает о ней, окружает себя самыми красивыми женщинами из мира кино и светского общества. Для Евы, несовершеннолетней соблазненной девушки, — это настоящий ад, тем более что она ни с кем не может поделиться своей бедой... Она все решает одна, вплоть до суицида».

Три месяца без общения с Гитлером — и Ева Браун решила покончить с собой. 1 ноября 1932 года она написала прощальное письмо, а потом выстрелила из пистолета отца себе в грудь. Сестра нашла Еву всю в крови, жизнь ее была в опасности, но она выжила.

«Она хотела находиться в центре внимания. И почти добилась этого. Только с Гитлером она стояла не в центре, а в стороне. Станным образом она там и осталась. Почти до самой смерти. Лишь тогда ей удалось снова попасть в центр внимания».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Он не хотел портить отношения с народом. Если бы он был женат на ком-нибудь, в том числе и Еве Браун, к нему относились бы по-другому».

Карл Вильгельм Краузе, личный слуга Гитлера

*«Многие знали ее только как секретаршу...»
Официально Еву Браун не признают, и на Олимпийских играх в Гармише она сидит позади Адольфа Гитлера.*

Гитлер тут же навестил ее, желая удостовериться, действительно ли это настоящая попытка самоубийства. «Она целилась прямо в сердце, — заверил его врач, — нам чудом удалось спасти ее».

Озабоченным родителям Ева выдала все за несчастный случай. Даже если это и был расчет, то Гитлер чувствовал себя, по крайней мере, польщенным такой страстной привязанностью, возможно, потому что не хотел терять контроль над Евой, но чувствовал, что ее смерть навредит ему.

До этого случая женщины тоже пытались покончить с собой из-за Гитлера, одна из них умерла, и однажды дело чуть было не дошло до скандала.

Гитлер испытывал пристрастие к молодым девушкам, обожавшим его и ни в чем ему не противоречащим. «Нет ничего прекраснее, чем воспитывать юное существо: девушку лет восемнадцати—двадцати, податливую как воск». Некоторых он настолько подчинял своей власти, что они видели для себя выход только в самоубийстве. «Это Миццерль», — говорил Гитлер, гордо демонстрируя Генриетте фон Ширах фотографию семнадцатилетней Марии Райтер. Это было в 1926 году. Гитлер продолжительное время ухаживал за хорошенькой блондинкой — продавщицей текстильных товаров из Берхтесгадена, они уже даже целовались. Она прилежно вязала гетры и мечтала о свадьбе. Но Гитлер и в самых смелых мечтах не думал о длительной связи. Но все-таки с пафосом писал: «Мое любимое дитя... Как бы я хотел видеть твое прелестное личико, чтобы сказать то, что твой самый верный друг может только написать», — и в заключение: «Я хотел бы быть с тобой, смотреть в твои милые глаза, забыв все, твой Вольф». Мицци Райтер напрасно ждала своего «Вольфа», на день ее рождения он прислал два тома «Майн кампф» с припиской: «Прочти их, и тогда, я думаю, ты сможешь лучше понять меня». Она не прочитала и не поняла. Когда она в любовной тоске решила повеситься на дверном косяке, то лишь вовремя подоспевшие близкие смогли ее спасти.

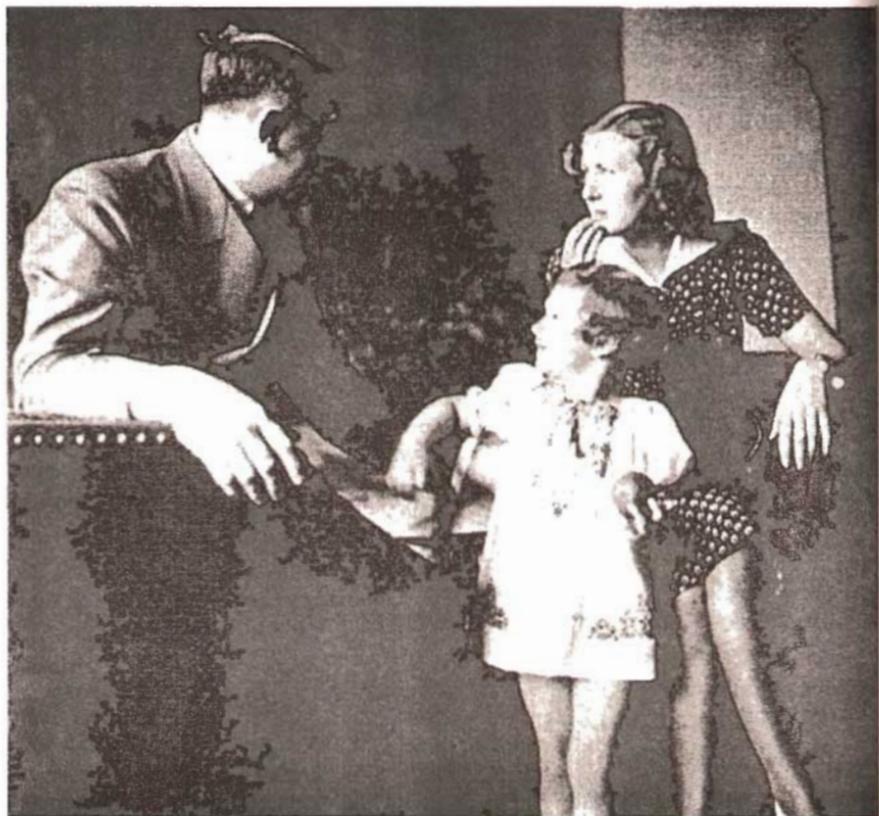
«Моя невеста — Германия», — все время страстно подчеркивал Гитлер. Германия была его карьерой; неоднократно он высказывал опасения, что женщины могут помешать его взлету. К тому же он самонадеянно опасался, что народ не простит ему

женитьбы; ведь и кинозвезда, вступая в брак, утрачивает популярность. В жизни Гитлера уже появилась новая страсть — очаровательная семнадцатилетняя: племянница Гели Раубаль, дочь его сводной сестры Ангелы. В 1929 году дядя, бывший на 23 года старше племянницы, пригласил ее жить у него.

Он окружил простую австрийскую девушку отеческой заботой вкупе с мальчишеской влюбленностью. Гели Раубаль испытывала симпатию, но ни в коей мере не соответствовавшую влюбленности ее дяди. Он протезировал ее, оплачивал уроки пения, ходил с ней в оперу и рестораны; но в то же время ревниво следил за кругом ее общения и тем, как она проводит свободное время. Когда шофер Гитлера Эмиль Морис рискнул поцеловать хорошенькую племянницу в щеку, то с его шефом случился приступ ярости: «Я испугался, что он убьет меня на месте», — вспоминал впоследствии водитель. Для Гели Раубаль квартира на Принцрегентен-плац превратилась в камеру, затянувшаяся опека дяди подавляла ее волю к жизни. В то время как Гитлер вел предвыборную борьбу в Германии, Гели — и несвободная, и неудовлетворенная — ждала в мюнхенской квартире своего дядю, почти не появлявшегося дома. Прибыв, он изображал из себя тирана. После очередной их ссоры Гели покончила с собой.

«Между ними не было никаких интимных отношений», — убеждена подруга Гели Генриетта фон Ширах. Однако бытует мнение, что закоренелый нарцисс испытывал глубокую искреннюю любовь только к Гели Раубаль. Комната Гели в квартире на Принцрегентен-плац всегда была заперта, только ему разрешалось входить в нее. Не известно, имела ли «комната Гели» в «Бергхофе».

Окружив себя портретами и бюстами племянницы, Гитлер сделал настоящий культ из умершей. Если кто-то упоминал ее имя, то у него тут же выступали слезы. Он стилизовал мертвую под свою большую и единственную любовь. Управляющий именем «Бергхоф» Герберт Деринг сообщает, что его жена даже стала свидетельницей замышляемого самоубийства: «Гитлер находился в шоке, полностью потерял самообладание, ничего не ел. Потом заперся в комнате Гели. На столе — заряженный пистолет. «Я убью себя, для меня жизнь кончена», — говорил он. «Моя жена взяла у него пистолет. Позже она пожалела об

«Рядом с Гитлером она любила изображать модную даму...» Гитлер и Ева Браун позируют в «Бергхофе».

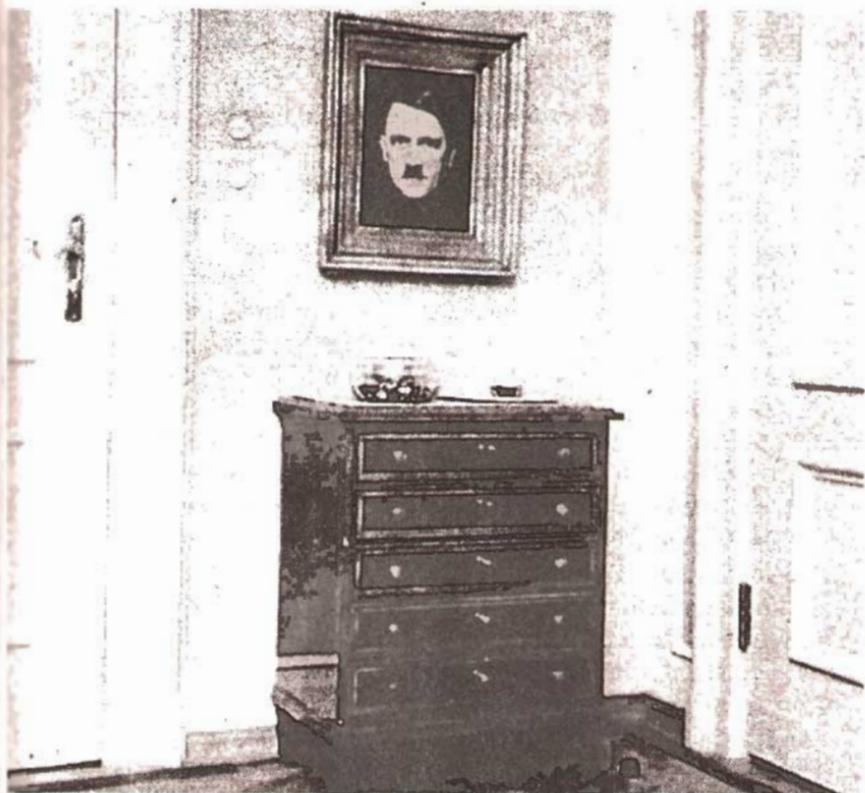
«Она ничего не желала знать о политике, она хотела быть любимой и больше ничего. И они любили друг друга. И basta!» Вильгельм (Вилли) Митльштрассер, до 1943 года шофер Евы Браун»

«Она не очень интересовалась детьми. С детьми она играла только для фотосессии».

Маргарете Митльштрассер, камеристка Евы Браун»

«В любовной позе или очень близкой дружеской позе их никогда не видели».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«Это были отношения мужа и жены, и если кто-то воображает, что они жили рядом и ничего между ними не было, то он ошибается. Поэтому они были для нас мужем и женой».

Вилли Митльштрассер, шофер Евы Браун

«Я не знаю, были ли они ночью вместе, все же было заперто. Если кто-то утверждает, что нет, то это скорее всего неправда».

Карл Вильгельм Краузе, личный слуга Гитлера

«Моя жена всегда была любопытной. Она специально разматывала белье перед стиркой, когда Гитлер уезжал. И ничего не обнаружила, совсем ничего, никаких следов. Никаких признаков, ничего».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Я, возлюбленная самого великого мужчины Германии...»

Портрет Гитлера занимает почетное место в комнате Евы Браун.

этом». Во второй раз женщина удерживала Гитлера от самоубийства. Но неизвестно, нажал бы он действительно на курок?

В конечном счете, Гитлер любил только самого себя. Он отказал живой Гели во внимании, но с избытком одарил им мертвую.

Но и в этом случае он опасался, что самоубийство племянницы сможет помешать его политической карьере; при всей его скорби это обстоятельство волновало его больше. Действительно, против Гитлера выдвигались обвинения в убийстве девушки, оказавшиеся необоснованными. Сразу после смерти Гели Раубаль он произнес фанатичную речь перед 10 тысячами приверженцев. Но «с этих пор», по мнению Генриетты фон Ширах, из жизни Гитлера исчезли «проявления нежности» и легкая критика, которую он позволял племяннице в отношении своей персоны. «Тогда в нем и развился зародыш бесчеловечности», — почувствовал фотограф Гитлера Хофманн.

«Боюсь, что не приношу женщинам счастья», — заявил этот объект женской страсти в 1939 году, после того как еще одна поклонница предприняла попытку покончить с жизнью. На этот раз это была почтенная английская аристократка Юнити Митфорд, по пятам следовавшая за фюрером. Гитлер намеревался использовать ее для установления контактов с высшими слоями британского общества. Она выстрелила себе в голову через несколько часов после начала войны на скамейке в мюнхенском Английском саду. Выжила, но спустя несколько лет умерла от последствий ранения.

«Думаю, что есть люди, притягивающие смерть, — говорила Генриетта фон Ширах, — и, безусловно, Гитлер один из них». Ева Браун не подозревала о сопернице вплоть до самоубийства Гели Раубаль, хотя и видела фотографии племянницы Гитлера. Похоже, что впоследствии она решила подражать Гели. Диктатор желал копию? Во всяком случае, так считает дядя Евы: «Для Гитлера Ева Браун, прежде всего, не большая любовь, а замена Гели. А для неиспорченной, подверженной влиянию девушки Адольф Гитлер — не идеальный мужчина ее мечты, а награда и вызов судьбы».

Как уже упоминалось, первый раз Ева Браун решила покончить с собой из-за Гитлера 1 ноября 1932 года, в День всех Свя-

тых. Ей, помощнице из фотоателье, было двадцать лет и восемь месяцев. Гитлер не мог позволить еще один скандал. «Впредь я должен больше заботиться о ней. Хотя бы для того, чтобы предотвратить повторение подобной глупости», — таким любовником был Гитлер.

30 января 1933 года — день, когда старый президент Германии Пауль фон Гинденбург провозгласил Гитлера рейхсканцлером, не принес радости Еве Браун. Какую роль она будет играть в будущем? Пока никто из поддерживающих его не подозревал о характере этого человека: его любовь к несовершеннолетним девушкам приобрела уже патологические черты; беспощадный и не считающийся ни с кем, в случае необходимости он шел по трупам.

Рейхсканцлер Гитлер переехал в Берлин, а Ева осталась в Мюнхене. Правда, в ее двадцать первый день рождения, 6 февраля 1933 года, Гитлер признался своей подруге в своем особом расположении, но это ничего не изменило в его взглядах и поступках. В столице Гитлер сколько угодно мог встречаться с политическими соратницами и другими поклонницами. Вторая жена Хофманна, Софи, руководствуясь, по-видимому, добрыми намерениями, пыталась продемонстрировать Еве бессмысленность их отношений с Гитлером. Она хотела предотвратить худшее, но только сыпала ей соль на рану: «Как мне ласково и бестактно сообщила госпожа Хофманн, у него теперь есть замена для меня...» — жаловалась Ева Браун. И снова ждала: известия, телефонного звонка или встречи с любимым. Гитлер был нарочито любезен, и ему удавалось удержать ее от отчаянных поступков.

В 1934 году ей, в качестве «секретарши», было позволено во время Нюрнбергского съезда сидеть на трибуне для почетных гостей. И сразу разразился скандал. Ангела Раубаль, мать Гели, являлась хозяйкой в доме «Вахенфельд», перестроенном позднее в «Бергхоф», и иногда сопровождала своего брата. В Нюрнберге она призвала его к ответу. Об этом сообщает Герберт Деринг: «Госпожа Раубаль, госпожа Геббельс и другие супруги министров, знавшие Еву, были шокированы, что эта молодая капризная девица с кислым видом сидит на главной трибуне. Госпожа Раубаль выказала свое недовольство и раскритиковала

ла Гитлера. Его это совершенно не устраивало. Он не допускал попыток вмешательства в свои дела, тем более в командном тоне. Он тут же запретил ей находиться на Оберзальцберге. На следующий день она уже упаковывала чемодан. Это была ссора. Причиной явилась Ева». Выяснилось, что Гитлер уже предоставил Еве постоянное место в своем сердце. Она пользовалась его симпатией и защитой — особенно от ядовитых насмешек заносчивых светских дам.

Съезд и все, что происходило в рейхе: введение единой идеологии в государстве и обществе, открытая дискриминация евреев, бойкот еврейских магазинов, в том числе в центре Мюнхена, фарс, названный «путч Рёма» и объявленный государственным преступлением, — Ева видела в свете своих отношений с Гитлером. Доказательством этого являются ее записи в дневнике.

От них осталось всего 22 страницы, охватывающие период с начала февраля по конец мая 1935 года. И все же они показательны: «Ладно, в последнее время у него голова занята политическими проблемами, но разве сейчас не наступил отдых? А как было в прошлом году? Разве Рём ... не доставлял ему много хлопот, а он все же находил время для меня?» Международные события измеряются с точки зрения того, есть у любимого время для нее или нет. Фрагменты дневника отражают неустойчивость ее психики: с одной стороны, гордость («Я — возлюбленная самого великого мужчины Германии и мира»), а с другой, — разочарование, ожесточение и стремление к смерти.

11 марта 1935 года Ева Браун записала в своем дневнике: «Я в отчаянии...», и далее: «Я нужна ему только для определенных целей». Это не единственное доказательство того, что между ними были интимные контакты. Гитлер манипулировал ею как ему хотелось. Неопределенность положения сломала Еву Браун. В отчаянии она пишет дальше: «Я решила принять 35 штук. В этот раз я точно должна умереть». Речь идет о снотворном фанодорм. Вторую попытку самоубийства она совершила в ночь с 28 на 29 мая 1935 года. И на этот раз она выжила, потому что вовремя подросла ее сестра Ильзе.

Связь Гитлера с Браун подошла к финалу? Нет, напротив, Гитлер пошел на уступки. Помня о смерти Гели, он отказался

«Итак, Ева никогда не интересовалась политикой. Это совсем не подходило к ее характеру, потому что она никогда не занималась серьезно каким-либо делом, не принадлежала политической организации и не была активисткой. Этого она никогда не делала, шла ли речь о политике или о чем-нибудь другом. Она никогда не проявляла большой активности».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Я узнала об этом лишь перед отъездом в Берхтесгаден. Меня подготовили: «В «Бергхофе» Вы познакомитесь с фрейлейн Браун, это спутница жизни фюрера». Я была поражена: непосредственная юная девушка, очень живая, говорит на баварском диалекте, симпатичная, но, собственно говоря, не та, что представляют в качестве жены высокого государственного руководителя».

Траудль Юнге, секретарша Гитлера

«Она ничего не желала знать о политике, она хотела быть любимой...» Ева Браун не являлась ревностной поклонницей национал-социализма.

от изматывающей игры: отныне он ежедневно звонил Еве — даже во время войны, как позже вспоминал его радист Шульц. Она получила привилегии, право присутствовать на некоторых официальных мероприятиях, правда, как «секретарша». И ей не надо было больше работать. «Он все еще разрешает мне при-служивать чужим людям», — жаловалась перед этим возлюбленная Гитлера, до сих пор служащая у Хофманна.

Чтобы избежать упреков родителей, все еще не смирившихся с «позорными отношениями», вместе с сестрой Гретль Ева переехала в квартиру на Виденмайер-штрассе. Это была современная комфортабельная трехкомнатная квартира с центральным отоплением. Оплату квартиры и услуг уборщицы-венгерки Гитлер осуществлял через Хофманна.

Отец считал позором семьи, что его дочери именно таким образом вышли из-под опеки родителей. Дядя Евы, Алоис, сообщает о встрече с взволнованным господином Брауном: «Фриц хотел излить мне душу, но не дома. Подходящим местом ему показалась пивная «Хофбройхаус». В «парадной комнате» наверху, на втором этаже, мы нашли свободный столик. И тут Фрица понесло, он стал рассказывать, как долгие годы у него были только смутные подозрения, как он пытался отговорить Еву от этой «идиотской» дружбы, как он еле сносил язвительные замечания своих знакомых и как этот «тип» разрушил его семейную жизнь. Фриц все больше приходил в ярость, не стесняясь, использовал крепкие баварские выражения и уже не реагировал на мои попытки унять его, а я всерьез опасался, что какой-нибудь переодетый гестаповец может положить конец этой импульсивной выходке. Во время этой встречи Фриц рассказал о письме, которое он написал Гитлеру и в котором просил отступить от Евы».

Это письмо обыкновенного отца семейства, озабоченного судьбой своего ребенка. Сохранился черновик послания.

«Глубокоуважаемый господин рейхсканцлер!.. У Вас, вождя германской нации, совсем другие заботы, наверняка гораздо большие... Моя семья раскололась, потому что обе мои дочери Ева и Гретль переехали в предоставленную Вами квартиру, а меня, главу семейства, поставили перед свершившимся фактом. Кроме того, я придерживаюсь, возможно, старомодных

моральных взглядов: дети выходят из-под надзора родителей только после свадьбы. Таково мое понятие о чести. Не говоря уже о том, что я очень скучаю по своим детям...»

Гнев отца усилился еще и потому, что он так и не получил ответа.

Он передал письмо бывшему шефу Евы Хофманну, а тот вручил его не Гитлеру, а Еве Браун, которая уничтожила опасный документ. В последнее время благодаря Гитлеру у Евы Браун появилось больше свободы, ее авторитет повысился. А на следующий год по приказанию Гитлера Хофманн приобрел за 30 тысяч рейхсмарок симпатичный, построенный в 1925 году, особняк в Мюнхен-Богенхаузене, на Вассербургер-штрассе, 12. Ева с сестрой въехали в него 30 марта 1936 года. Дом был внешне простой, но с эксклюзивной внутренней отделкой. Гитлер сам позаботился об обстановке. Например, гарнитур в гостиной был изготовлен из редких пород дерева по эскизу Пауля Людвиг Трооста — архитектора известного «Коричневого дома». Со временем обитель девушек наполнилась подарками Гитлера: gobеленами из Обюссона, дорогими коврами, изысканной мебелью, столовым серебром. Для Евы дом являлся, прежде всего, выражением признания и в какой-то мере символом ее статуса, но на самом деле — слабым утешением. Позднее владение нотариально переписали на «секретаршу» Еву Браун. До квартиры Гитлера на Принцрегентен-плац можно было дойти пешком. Когда Гитлер приезжал в Мюнхен, то, по словам камеристки Браун, Маргарете Митльштрассер, «Ева отправлялась туда с маленьким чемоданчиком».

Правда, он редко приезжал в Мюнхен, а имперская канцелярия в Берлине по-прежнему оставалась недоступной для Евы Браун. Но и здесь Гитлер предложил замену. Имелась другая резиденция — «Бергхоф» под Берхтесгаденом. В 1928 году руководитель национал-социалистов приобрел «Дом Вахенфельд» на Оберзальцберге, который до этого снимал. Позднее его перестроили, вернее, сильно достроили. Среди альпийской идиллии возникло что-то ужасное — какая-то несуразная колода с огромным панорамным окном и грубой обстановкой. Однако панели из кедра, германская «руническая» резьба и «не дегенеративные» произведения искусства создавали, скорее, традиционную атмос-

феру в доме. Повседневную жизнь в доме Гитлера в горах определяли не иностранные государственные деятели и не сильные и великие его империи, а те, кто заменял ему семью: личные врачи, фотографы, охранники, секретарши и адъютанты. Все были любезны, но очень сдержанны. В эпицентре грозы царилась гробовая тишина абсолютного подчинения.

Гитлер привез Еву Браун к себе в «Бергхоф» в 1936 году и сделал составной частью этого иллюзорного мира. О том, кто она на самом деле, знали только избранные. «Когда я в 1937 году первый раз был на Оберзальцберге и стоял там с Риббентропом и Гитлером, вошло очаровательное юное существо и сказала: «Пожалуйста, пойдем обедать». Я подумал: кто осмелился так говорить с фюрером? У меня тогда возникло чувство, что я нахожусь в замке святого Грааля, а ко мне спускается не благородная дама, а простая девушка. Тогда я пошел к обергруппенфюреру Брюкнеру — старшему адъютанту — и спросил: «Кто эта женщина?» И он мне ответил: «Послушай, дорогой, ты будешь часто приезжать сюда и часто видеть эту женщину. И ты забудешь ее. У фюрера есть право на личную жизнь, и если ты будешь обсуждать это со своей семьей, друзьями и прочими, тебе не поздоровится», — вспоминает офицер, осуществлявший связь Риббентропа с Гитлером, Райнхардт Шпитци.

В период с 1936 по 1945 год более чем две трети времени Ева Браун провела на Оберзальцберге. Это была ее маленькая империя: «Для нас она являлась истинной хозяйкой «Бергхофа», не Гитлер, а она», — говорит бывшая горничная Анни Плайм. Но для внешнего мира она оставалась его тайной возлюбленной. Непосредственно подчинявшийся ей персонал почитал ее, а слуги и адъютанты Гитлера абсолютно не уважали. «Простая девушка, я не позволял ей командовать мною», — даже сегодня подчеркивает бывший камердинер Гитлера Краузе. Однажды ему велели к пяти часам утра подготовить для Евы Браун лыжи. Он отказался, сказав, что служит хозяину дома и должен выпастись, жалоба возлюбленной не возымела действия, в этой схватке она проиграла. Камеристка Маргарете Митльштрассер старалась добиться уважения для любовницы Гитлера: «Всех дам, прибывающих в «Бергхоф», именовали «милостивые сударины», а ее — «фрейлейн Браун». Тогда я спросила ее, нельзя

«Он всегда называл ее «чапперль» (по-австрийски «теленочек, бедняжка»). В присутствии других людей он всегда соблюдал дистанцию, никогда не бывал ласковым».

*Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера
«Бергхоф»*

«На Оберзальцберге существовали определенные правила, которые надо было соблюдать. Приходилось считать с тем, что она спутница Гитлера, и, конечно, больше об этом не говорили. Все. Точка».

*Райнхардт Шпици, референт министра иностранных дел
Йоахима фон Риббентропа*

*«В частной жизни он излучал очаровательную любезность...»
Тем не менее, на людях Гитлер всегда соблюдал дистанцию.*

ли это изменить. И Ева спросила Гитлера, и он согласился. Я получила разрешение обращаться к ней «милостивая сударыня». Слуга фюрера Краузе сначала решил, что к нему это не относится. Но потом ему все же пришлось подчиниться.

Благодаря тому, что теперь Еву Браун называли «милостивая сударыня», ее стали больше уважать. Но все же Гитлеру нравилось время от времени ставить свою возлюбленную на место, иногда в присутствии слуг. Однажды он, как часто бывало, поздно вечером размышлял над картами, управляющий Деринг как раз разложил новые, и тут в комнату вошла Ева Браун: «Вдруг постучали в дверь между спальней Гитлера и кабинетом. Фюрер не услышал. Постучали еще раз, он снова не слышит. Тут дверь открылась, и вошла Ева Браун. Она с удивлением на меня посмотрела и сказала: «Что, Вы еще здесь, что Вы здесь делаете?» Потом подходит к нему, заговаривает — ответа не последовало. Обращается еще раз — никакой реакции. И вдруг он выходит из себя: «Ты снова здесь? Ты же видишь, что я должен напряженно работать! Ты все время приходишь в неподходящее время, ты мне сейчас совершенно не нужна». И она, в ярости, с багровым лицом, вскинув голову, посмотрела на меня. Выскочила, с грохотом захлопнув дверь. И тут я увидел, как Гитлер цинично, со сладострастием усмехнулся...»

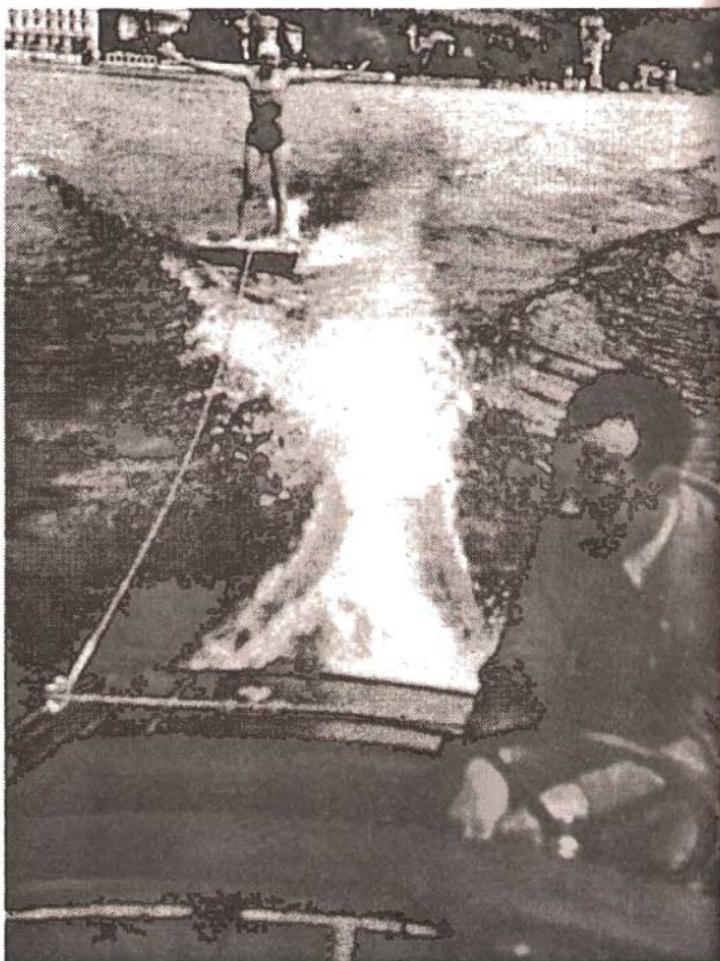
Между влюбленными, похоже, доверия тоже не хватало. Когда Гитлер покидал «Бергхоф», управляющему Дерингу предстояло быть особенно бдительным: «Деринг, — говорил мне Гитлер, — мы все запрем, спальню, все, даже мой кабинет. Никто не должен сюда входить. Вы все закроете, и ключи останутся у Вас, и кто бы ни пришел, никто не должен сюда входить, даже горничные. Они все могут сделать в другое время». Но подразумевалась Ева Браун, он ей не доверял, считал, что она заходит и выведывает, что за бумаги лежат у него, и прочее. Это очень характерно для Гитлера».

Имеются также и сообщения совсем другого рода, речь идет о преисполненных любви словах и подчеркнутой вежливости в их общении. Отношения Гитлера с Браун были крайне противоречивыми, что-то вроде «кнута и пряника», «не с тобой», но и «не без тебя». Если Ева Браун вольничала, то он унижал ее, а если считал, что сам зашел слишком далеко, то заискивал.

«Мы вместе гуляли, и я сказал ей, почти с вызовом: «Фрейлейн Браун, ни одной женщине в Германии нельзя позавидовать так, как Вам», потому что она была с Адольфом Гитлером.

И тогда она ответила: «Ах, я только пленница в золотой клетке», — вспоминает кинооператор Гитлера Вальтер Френц. Гитлер знал, как обращаться с Евой Браун, чтобы не доводить ее до полного отчаяния: «Он ласково говорил с ней», — рассказывает секретарша Гитлера Юнге. На редких и совершенно секретных фотографиях из частной жизни фюрера видно, как Гитлер игриво целует Еве Браун руку, и как они, бок о бок, тесно прижавшись друг к другу, поднимаются по лестнице в «Бергхофе». Но на большинстве фотографий видна дистанция, на них изображены два человека из разных миров. И это тоже симптоматично: «В присутствии других они никогда не обменивались нежностями», — вспоминает Траудль Юнге.

Ева Браун — формально секретарша на особом положении с окладом в 450 рейхсмарок в месяц — до конца войны исполняла свою партию на Оберзальцберге. Распорядок дня в «Бергхофе» был упорядочен, т.е. скучен. Гитлер долго спал. День начинался около полудня, затем следовали приемы, совещания, поездки, как было угодно фюреру. Порой вечера оставляли у участников «воспоминания об удивительной пустоте». Три-четыре часа просмотра фильмов — развлекательных, банальных, сентиментальных, пошлых, на просмотр допускался и персонал как часть псевдосемьи. Если демонстрировался фильм, запрещенный в рейхе или привезенный из Америки, то собиралось все окружение в полном составе. Гитлер с Евой Браун всегда сидел в первом ряду. Она оставалась рядом даже во время его бесконечных монологов. «Она давала знак уходить, когда окружение Гитлера уже не могло сдерживать зевоту. Она позволяла себе высказывать Гитлеру свое мнение в личных вопросах, критиковала его форму и костюмы, с яростной решимостью защищала перед овчарками Гитлера двух своих скотчтерьеров, а благодаря природному чувству юмора ей удавалось подшучивать над слабостями и чванливостью ближайших сподвижников Гитлера», — пишет Алоис В.

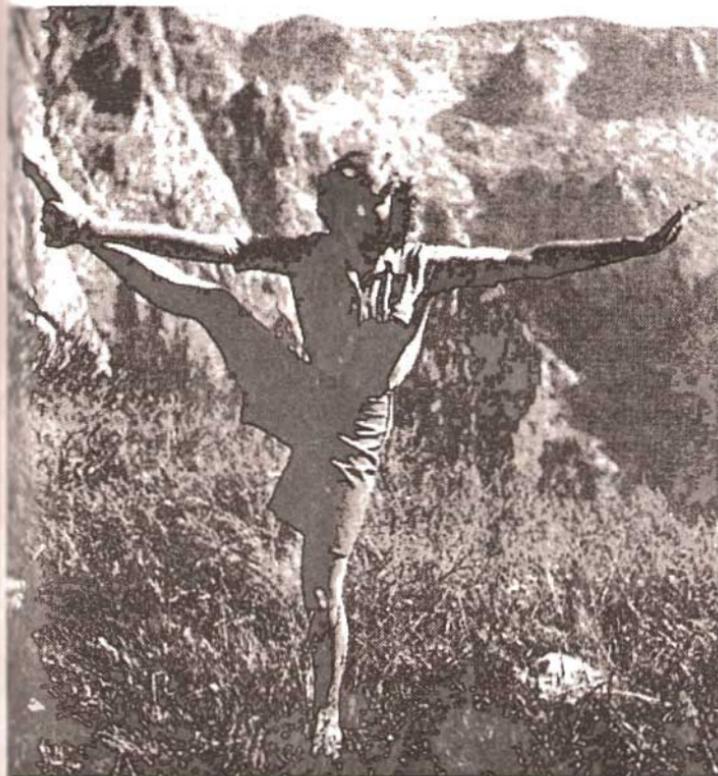

«Непосредственная юная девушка...» Спорт и физическая культура были в центре ее интересов.

«Она любила развлечения, и тут у них вообще ничего не было общего с Гитлером. Ей приходилось от всего отказываться. Он все высмеивал.»

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Я никогда не уважал ее — никогда! В моих глазах она была ничто. С моей точки зрения, Ева Браун была обычной девушкой, как все.»
Карл Вильгельм Краузе, личный слуга Гитлера

*«Не та, что представляют под женой фюрера...»
Позы перед фотоаппаратом все время повторяются.*

«Впервые я увидел Еву Браун в 1940 году в «Бергхофе». Друзья мне сказали, что она экономка «Бергхофа».

Рохус Миш, радист в бункере фюрера

«Лучшая во всем. Она должна лучше всех плавать, лучше всех выполнять упражнения на перекладине. В этом плане она была очень, очень честолюбивой. Но думаю, что в остальном она не проявляла честолюбия. Однако в спорте она была очень, очень честолюбивой».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

Ева любила джаз и в присутствии Гитлера время от времени ставила пластинки. Гитлер однажды заметил: «Милая музыка». Она ответила: «А твой друг Геббельс ее запретил».

Вопреки национал-социалистическим идеалам, Ева Браун иногда выкуривала сигарету, но только не в присутствии Гитлера. Критика в незначительных вопросах, соблюдение своего стиля в мелочах — вот ограниченная империя Евы Браун.

Официальная сфера строго отделялась от личной. Во второй половине 1930-х годов Оберзальцберг превратился в один из центров имперской политики. Здесь принимали глав иностранных государств, вызывали послов для отчета, а генералам отдавали приказы. «В таких случаях Ева, следуя собственному инстинкту, а также желанию Гитлера, удалялась за кулисы. Для этих гостей Ева оставалась более или менее невидимой, простой девушкой, интересующейся не грязной политикой, а прекрасными сторонами жизни: общением, музыкой, плаванием, лыжами и вечной женской игрой вокруг платьев и цветов», — таков ее психологический портрет, созданный дядей.

Она уделяла большое внимание тому, чтобы выглядеть элегантно: костюмы она заказывала у самых известных портных Берлина и Парижа, а за обувь иногда ездила лично к Феррагомо во Флоренцию. Охваченная страстью к нарядам, она передевалась до семи раз в день. Личная парикмахерша заботилась о ее новых прическах. Ева Браун жаждала перемен. Гитлер же, напротив, считал, что она должна носить только те платья, которые ему нравятся и, как жаловалась Ева, «иметь их в шкафу тысячу экземпляров». Это являлось отражением его собственного стремления всегда выглядеть одинаково: «Вспомните фараонов!» Психопат ненавидел новое. В отличие от Евы Браун он остерегался перемен.

Тайная возлюбленная почти не имела возможности демонстрировать в свете произведения высокой моды. На официальные приемы ее не приглашали, а во время политических или военных совещаний ей не разрешалось входить в большой зал. При важных визитах она удалялась в свою комнату. Если гости оставались надолго, ее выдворяли из «Бергхофа». А в 1930-е годы сюда приезжали многие знаменитости: адмирал Хорти, Невилл Чемберлен, царь Болгарии Борис III, Ага-хан III, кар-

динал и нунций Пачелли. Еве Браун было особенно обидно, что ее не представили герцогу и герцогине Виндзорским.

Ее очень интересовала их трагическая история любви. Но если ей все-таки время от времени разрешалось присутствовать на приемах, то перед гостями она называла Гитлера на «вы». Обращение на «ты» позволялось только в тесном кругу, и то она называла его «мой фюрер».

Чтобы отвлечься от скуки и однообразия «Бергхофа», Ева Браун увлекалась не только модой, музыкой и спортом, но также кино и фотографией. Четыре с половиной часа «Киношоу Евы» и около 20 личных фотоальбомов знакомят нас с жизнью в «Бергхофе». На фотографиях запечатлены чопорные и неестественные ритуалы имения. Они свидетельствуют, как Ева Браун смирилась со своей судьбой. Зато в подписях под фотографиями заметна ее ирония и невозмутимость. Показательна съемка от 12 августа 1939 года: на свою 16-миллиметровую кинокамеру Ева снимала из окна прибытие министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано. Он заметил ее и спросил, что это за девушка. Гитлер приказал тут же закрыть окно. Она продолжала снимать телеобъективом тайком, из-за шторы. Комментарий к снятому материалу: «Приказ: Закрыть окно! И что можно предпринять после этого». На снимке, сделанном Хофманном, граф Чиано смотрит вверх, на нее. Фотография вклеена в альбом с торжествующей подписью: «Там, наверху, можно увидеть нечто запрещенное — меня». Маленькая тайная победа в крохотном мире Евы Браун.

Время от времени и другие известные обитатели Оберзальцберга оказывались неосведомленными о ее роли в жизни Гитлера. Помощники Гитлера Геринг, Борман и Шпеер тоже переехали в собственные резиденции в Альпах: «Так случилось, что фрау Геринг, в отсутствие Гитлера на Оберзальцберге, пригласила к себе на кофе всех дам, в том числе и Еву Браун, как секретаршу Гитлера, потому что она не знала подробностей. Когда Гитлер узнал об этом, он пришел в ярость и тут же пресек это», — вспоминает управляющий Герберт Деринг. Во внешнем мире Ева Браун действительно продолжала играть роль секретарши — абсурдная игра, — но Гитлер был слишком тщеславен, чтобы ее по-прежнему считали таковой. Похожие проблемы подстере-

гали ее во время поездок в Италию. Ева Браун любила посещать страну — союзницу Германии, хотя бы из-за модной итальянской обуви.

Иногда с ней ездила ее мать. В 1938 году Ева единственный раз сопровождала диктатора во время государственного визита в Италию, правда, в секретарской свите. Она не участвовала в официальной программе для женщин, что ее сильно обидело. Ее пригласили на официальный морской парад, проходящий в заливе Неаполя, но не как подругу, а как служащую Гитлера.

А дома игра продолжалась. Вне «Бергхофа» никто ни о чем не знал. В близлежащем Берхтесгадене лишь немногие знали о связи фюрера и Евы. Но кто бы осмелился открыто говорить об этом? Слишком велик был страх попасть в гестапо. Многие местные жители знали Еву Браун, но не подозревали, кто она на самом деле. «Я часто плавал со своим отцом по озеру Кёнигзее на так называемом “ландо” — длинной лодке вроде венецианской гондолы, — вспоминает Йозеф Грёсванг, сын местного владельца гостиницы. — Мы подплыли к водопаду у ручья Кёнигсбах и высадились на мысе, уходящем в озеро. Там на одеяле лежала дама и загорала. Мы поприветствовали ее и обменялись парой слов о погоде и температуре воды. Дама пошла плавать, потом снова легла на одеяло, а я принес из лодки аккордеон и начал играть. На следующий день мы снова поплыли к водопаду, и дама опять была там. Она сказала: «А, вы снова здесь!» Мы поговорили, и я опять играл на аккордеоне. Каждый раз, когда мы бывали у водопада, мы встречали эту даму».

Следующее «свидание» состоялось только после войны. В начале мая 1945 года в Берхтесгаден вошли победители, сначала французы, а через несколько часов американцы. «Они пришли в нашу гостиницу и остановились в ней, а один француз, ему было лет 19, как и мне, вечером бросил на стол кипу фотографий и сказал: «Посмотри, красивые девочки, правда?» Я сказал: «О, одну я знаю». А он ответил: «Ты не можешь ее знать». — «Почему?» — «Ты не можешь ее знать, потому что это Ева Браун, подруга Гитлера, а потом и его жена». Я, конечно, ничего не сказал, но в этот момент мне стало ясно, что дама, с которой я познакомился у водопада и для которой играл на ак-

«Она всегда должна была соблюдать определенную дистанцию. Как девушка, как поклонница, она не могла вести себя при гостях так, как хотела».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«Она являлась женщиной, подарившей Гитлеру приятную обывательскую жизнь с пирогами и чаем, и с ней он удовлетворял свои сексуальные потребности, абсолютно нормально».

*Райнхардт Шпици, референт министра иностранных дел
Иоахима фон Риббентропа*

«Для нас они были супружеской парой. Для тех, кто общался с ними поближе, было само собой разумеющимся, что они муж и жена».

Маргарете Митльштрассер, камеристка Евы Браун

«У фюрера есть право на частную жизнь...»

*Для обслуживающего персонала «Бергхофа»
Ева Браун — женщина Гитлера.*

кордеоне, — жена Адольфа Гитлера. Но я не знал, как отреагирует солдат, если я ему все расскажу».

Союзники пытались узнать как можно больше о Гитлере и Еве Браун. Персонал «Бергхофа» в деталях описывал помещения в разбомбленной резиденции. Квартиры Гитлера и Браун на втором этаже разделял только маленький коридор. Есть фотография, изображающая эту дверь в углу спальни Евы Браун. Рядом комод, а над ним мрачный портрет Гитлера, по-видимому, нравящийся влюбленной Еве. С другой стороны коридора — спальня Гитлера. Рядом с дверью стоит кушетка. Оба могли без свидетелей приходиться друг к другу.

До сих пор спорным остается вопрос, являлись ли Адольф Гитлер и Ева Браун настоящей любовной парой. Ни одна страница жизни диктатора не содержит столько причудливых легенд. Некоторые авторы уверены, что демон являлся сексуальным извращенцем, и стараются более или менее убедительно это доказать. Другие считают его импотентом, что также, в общем, не доказуемо. Согласно некоторым исследованиям, Гитлер лишь немного не дотягивает до истинного Казановы. По их мнению, у него были «длительные и регулярные» сексуальные контакты с Евой Браун и сводной племянницей Гели Раубаль, а с парой десятков других женщин «от случая к случаю». В качестве партнерш Гитлера называют чужих жен, среди которых принцессы и актрисы, например, Инга Лей или дочь оперной певицы Маргарете Слезак. Также Гитлер имел интимные связи с иностранками: с Мартой Додд, дочерью посла США в Берлине, с леди Юнити Митфорд и другими. Вывод данного «исследования»: многочисленные женщины, «ожидавшие встретить свирепого грубияна, покидали его очарованные и восхищенные». В основном это чистая фантазия. Единственные конкретные свидетельства об интимной жизни Гитлера имеются только в отношении его связи с Браун. Многие говорят о том, что, прежде всего, в мюнхенские годы у них была интимная близость. Камеристка Евы Маргарете Митльштрассер сообщает, что возлюбленная всегда отправлялась в квартиру Гитлера на Принцрегентен-плац с особым чемоданчиком, получившим название «Буко» («BuKo» — «Beischlafutensilien-Koffer»), что расшифровывается как «че-

модан с принадлежностями для полового сношения». А на Оберзальцберге?

«Это были отношения мужа и жены, и если кто-то воображает, что они жили рядом и ничего между ними не было, то он ошибается. Для нас они были мужем и женой», — считает служащий «Бергхофа» Вилли Митльштрассер. Однако управляющий Герберт Деринг сообщает: «Моя жена всегда была любопытной, всегда рассматривала белье перед стиркой, когда Гитлер уезжал. И ничего не обнаружила, совсем ничего, никаких признаков». Слуга фюрера Краузе: «Я не знаю, были ли они ночью вместе, все же было заперто. Если кто-то утверждает, что это не так, то это неправда».

Одна из самых близких доверенных лиц Евы Браун — Маргарете Митльштрассер — уверена: «Я точно знаю, что они были близки, так как когда он приходил к ней, а у нее была менструация, то она брала кое-что у врача, чтобы прекратить менструацию. И обычно я ходила за этим к врачу, сама приносила ей, поэтому совершенно ясно, что что-то между ними было».

В годы войны, естественно, сексуальные возможности стареющего военачальника заметно снизились. Личный врач Гитлера доктор Морелль во время допроса комиссией США официально заявил, что в последние годы Ева Браун осаждала его просьбами стимулировать слабеющее сексуальное влечение Гитлера.

Уже в 1938 году атмосфера в «Бергхофе» стала меняться. Резиденция Гитлера окончательно превратилась в центр политических решений. То было время так называемых «цветочных войн»; за «аншлюсом» Австрии в марте 1938 года последовало вступление в Судеты. В предвоенный период Гитлер находился в зените своей популярности. Замечала ли Ева Браун политические изменения? «Она ничего не желала знать о политике, — говорит Вилли Митльштрассер. — Она хотела быть любимой. Больше ничего. И они любили друг друга. И баста!» Ничто не могло заставить ее прекратить рассматривать мир через призму ее отношений с Гитлером. Гитлер путем шантажа «вернул Австрию обратно в рейх», что, по словам Герберта Деринга, принесло Еве Браун, в первую очередь, материальные выгоды: «Собственно говоря, это не произвело на нее особенного впечатления. У нее в голове по-прежнему были платья, мода, эле-

*«Элегантная скромная женщина...»
Новый 1938 год в «Бергхофе». Еве не часто удавалось блистать в свете.*

«Она всегда была элегантно одета. До войны мы тоже были такие же. Она была ухоженной и следила за тем, чтобы у нее всегда была косметика. Другие тоже старались».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Совсем плохо приходилось Еве перед войной, когда Гитлер устраивал в имперской канцелярии большие приемы для деятелей культуры, иногда на тысячу человек. Приглашались деятели театра, музыки, искусства, кино, живописи — все, имевшие отношения к данной сфере. На этих мероприятиях он безумно любил окружать себя чрезвычайно элегантными, волнуемыми, загадочными дамами. Она была готова лопнуть от ревности».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

гантные туфли. А Зальцбург — отличная возможность посетить шикарные бутики и приобрести элегантные платья».

Вначале аннексия Австрии явилась для Евы Браун лишь расширением внутреннего рынка. А после оккупации Судет Гитлер наделил ее в своем первом личном завещании ежемесячной пенсией в размере 1000 рейхсмарок из партийной кассы. Тем самым он поставил ее на первое место среди получателей платежей, за ней шла сестра Гитлера Паула, сводная сестра Ангела и другие родственники. Это первый официальный документ, в котором вообще появляется фамилия Браун. В подробном телефонном справочнике «Бергхофа», включающем 140 человек, она не упоминается.

Тем самым гарантировалась ее финансовая безопасность на случай войны. Более того: уже летом 1938 года в подвале дома на Вассербургер-штрассе оборудуется бомбоубежище с вентилятором и «неприкосновенным запасом».

Ева Браун видела в возлюбленном не поджигателя войны, а миротворца, использующего все средства для защиты своего народа. Правда, она старалась не думать на политические темы, лишь изредка становясь свидетельницей важных событий. В то время как в Москве министр иностранных дел Риббентроп торговался со своим советским коллегой Молотовым по вопросам пакта о ненападении, Гитлер лихорадочно ждал оттуда сообщений. Его нервы были на пределе. Ева Браун посвятила историческому событию небольшую фотосерию с наивным комментарием, что ее любимый «всеми средствами» пытается остановить войну. Надо отметить, что и более мудрые современники попадали под его влияние и начинали «плясать под его дудку».

Когда 1 сентября 1939 года в Опере Кролля (в которой после 1933 года заседал рейхстаг. — *Примеч. перев.*) Гитлер в очередной раз обманул мир, объявив нападение на Польшу актом самозащиты, Ева находилась среди гостей. Для нее пребывание в столице являлось не политическим действием, а шансом показать себя там, где, по ее мнению, сконцентрировались самые опасные соперницы. С начала 1939 года у Евы собственная квартира, в которую входила — пикантная подробность —

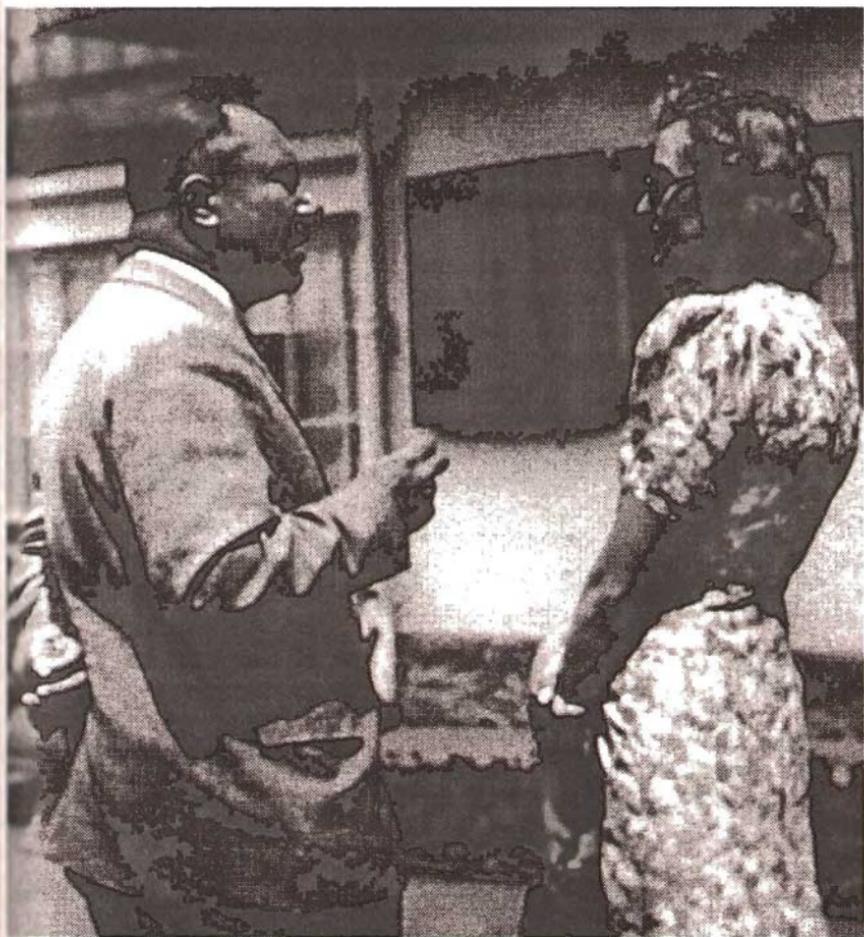
бывшая спальня Гинденбурга. Но и в Берлине Ева Браун оставалась тайной возлюбленной диктатора. Она пользовалась служебным входом, обедала одна в комнате.

Разумеется, Гитлер считал, что в правительственной резиденции ей не место: «Еви, ты не создана для светской жизни... Ты мне слишком дорога... Я должен охранять твою чистоту... Берлин — город порока... Внешний мир грязный и подлый», — убеждал он ее.

Война создала еще большую пропасть между двумя мирами. «Часто Гитлер вообще не замечал Еву, просто не видел. Его занимала только война и вопросы: “Что нам делать? Как дальше будут развиваться события?” В начале войны дамы покинули “Бергхоф”. С первыми победами ситуация несколько нормализовалась», — вспоминает управляющий «Бергхофом» Герберт Деринг.

После нападения на Польшу появился новый военный термин — «блицкриг». То, что вступление во Францию «успешно» завершилось в течение нескольких недель, наполнило Гитлера чувством превосходства. После победы над «заклятым врагом» в июне 1940 года его слава достигла апогея. Генерал Кейтель превозносил его как «величайшего полководца всех времен». Хотя насмешники вскоре сократили это почетное прозвище до коротенького и смешного «Грёфац» («Gröfaz» — по первым буквам от «größter Feldherr aller Zeiten»), многие противники Гитлера встали на его сторону, признавая, по крайней мере, его победы. Правда, далеко не все — даже после неоспоримых успехов армии — вступали в партию, однако невольно становились его поклонниками, несмотря на моральную испорченность идола. А Ева Браун? С одной стороны, она испытывала гордость, с другой, по свидетельствам очевидцев, ждала момента, когда в полной мере сможет насладиться славой рядом с ним. Находясь на Оберзальцберге, она представляла, как после окончательной победы (в том числе и над США) возникнет голливудский эпос, который наконец-то расскажет миру историю ее тайной любви к Гитлеру. То было обыкновенное бегство в мир иллюзий.

Для Гитлера во время западной кампании Ева Браун ни в коей мере не была той женщиной, о которой он постоянно ду-

«Для нас она была хозяйкой дома, не фюрер, а именно Ева Браун».

Анни Плайм, горничная в «Бергхофе»

«Феномен Евы мало что объясняет, так как она находилась вне политики. Она не имела никакого влияния. Она не могла иметь влияния, так как нацистское окружение не признавало ее».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

*«Ей пришлось смириться с Борманом...»
На Оберзальцберге
всем распоряжался
человек, находящийся
в тени Гитлера.*

мал. В июне 1940 года в «Бергхофе» произошло следующее: «Гитлер позвал мою жену и что-то ей сказал, — признается управляющий Деринг. — Она быстро пошла в нашу квартиру и тут же вернулась с большим серым конвертом. Я не знал, что в нем.

Мы вместе поднялись к нему, и я доложил: “Мой фюрер, явились, как приказано”. Он очень обрадовался. Подошел к моей жене: “Да, Анна, я этого никогда не забуду”. И тогда моя жена дала ему конверт, и он достал из него редкую, почти уникальную фотографию Гели. Эту фотографию Гели перед смертью подарила моей жене. Гели сидела на банкетке, шикарная меховая накидка, очень элегантная и светская. Гитлер знал, что у моей жены есть эта фотография. А у него ее не было. Тогда он сказал: “Не будешь ли ты так добра и не одолжишь мне эту фотографию? Я возьму ее с собой в Ставку. И когда вся эта неразбериха окончится, ты снова ее получишь”. Но этого так и не произошло».

Сцена происходила в кабинете Гитлера. «А рядом, где-то на расстоянии в 30 метров, сидела Ева Браун, которую он горячо любил или терпел, не знаю. Он обожал Гели. Ева Браун ничего не узнала. Мы молчали», — продолжает Деринг. Гели Раубаль оставалась его настоящей возлюбленной.

22 июня 1941 года началась гитлеровская война в войне: «план Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. В то время как главнокомандующий принимал на Оберзальцберге решение о неслыханной истребительной войне и уничтожении миллионов людей, повседневная жизнь Евы Браун на фоне летних Альп почти не изменилась. Когда Гитлер отправлялся в ставку на Восточном фронте, Ева тут же приглашала друзей, часто свою сестру Гретль: «Однажды он отсутствовал шесть дней. И это была совсем другая Ева. Веселая, радостная, свободная, тут же устроила вечеринку, пригласила весь персонал, танцевала. Это была другая Ева. Такая непринужденная. Но когда шеф возвращался, она становилась прежней», — вспоминает радист и телефонист Гитлера Рохус Миш. С началом войны Гитлер запретил всяческие развлечения на Оберзальцберге, ввели продуктовые карточки. «А она ни от чего не хотела отказываться. Она, как и прежде, хотела апельсинов, причем свежавыжатый сок. А также свое любимое блюдо — черепаший суп.

«Он любил одну-единственную женщину — свою племянницу Гели Раубаль. Когда она застрелилась, он взял себе Еву Браун. Он больше терпел, чем любил ее. Он чувствовал себя виноватым перед ней, ведь Ева два раза пыталась покончить с собой из-за него. Думаю, что Гитлер был не способен любить женщину, потому что был одержим Германией».

Лени Рифеншталь, режиссер

«Она все время критиковала его за старую форму, старую фуражку, за то, что он сутулится, за опущенные плечи. «Но ты же не знаешь, какой тяжелый груз на моих плечах», — отвечал он».

*Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера
«Бергхоф»*

*«...всегда соблюдать определенную дистанцию...»
На публике Гитлер избегал проявлений симпатии.*

Черепаший суп поздно вечером и другие деликатесы. Моя жена должна была специально для нее их заказывать», — говорит Деринг.

Для Евы Браун комфорт «Бергхофа» являлся небольшой компенсацией за то, чего ей не хватало в отношениях с Гитлером. Так почему она должна от всего отказываться? Понадобилось время, пока она с этим смирилась.

«Е» и «Б» — инициалы Евы Браун в форме клеверного листа украшают переплет фотоальбома, обнаруженного недавно в США, одного из трех личных альбомов, изготовленных Евой Браун для ее лучших друзей. Он с автографом и посвящен Рождеству 1941 года, третьему с начала войны. В него вклеено более 100 фотографий, большинство из них прежде были не известны. История жизни Евы Браун отображена на тщательно отобранных, красивых фотографиях. Демонстрирует ли она наряды, занимается ли спортом или отдыхает после купания в прекрасных баварских озерах — позы везде безупречны. Возлюбленного, т.е. Гитлера, в этом альбоме почти не видно. Поражает время возникновения альбома. Это конец 1941 года: гитлеровская война на уничтожение Советского Союза продолжалась уже шесть месяцев, а в тылу были истреблены сотни тысяч людей, прежде всего евреев. Не известно, что к тому времени знала Ева Браун. Но она уже давно научилась не слышать.

Ева Браун любила снимать кино- и фотокамерой, но также охотно она снималась сама. Особенно ей нравились работы фотографа из Бад-Райхенхалла Эрнста Бауманна. «Она изъявила желание, чтобы он сделал еще несколько ее фотографий. Полученные снимки мной отчим доставлял по назначению, это были исключительно частные заказы», — сообщает приемный сын фотографа Рудольф Бауманн-Шихт.

Но фотограф со своим аппаратом приблизился к любовнице Гитлера слишком близко. Многие из его фотографий находятся в подарочном альбоме, многие — нет. Их сейчас тоже обнаружили в архиве Бауманна. На них Ева в конце лета 1941 года: расслабленно лежит на солнце, делает зарядку и купается в Кёнигзее. В коллекции также есть снимки ее сестры Гретль: она в шезлонге с бокалом красного вина или позирует со своим другом. «Фотографии ни в кой мере не предназначались для

печати», — сообщает Бауманн-Шихт. Возможно, их все-таки увидел Мартин Борман, секретарь Гитлера и наместник на Оберзальцберге. «В конце 1941 года отчима неожиданно отправили на фронт. После войны он узнал от своего бывшего начальника, что его должны были направить туда, откуда не возвращаются». Но фотограф выжил, а вместе с ним и снимки.

Эрнст Бауманн не единственный из окружения Евы, подвергшийся репрессиям. Ее горничная Анни Плайм тоже покинула «Бергхоф», вызвав тем самым большую суматоху. «Борман велел передать мне, что я должна уехать из «Бергхофа», — говорит бывшая горничная Евы. Герберт Деринг и сегодня возмущается: «С чего это? — сказал я. — Ее нанимала моя жена, она ее не увольняла». Анни Плайм свидетельствует: «Тогда Ева Браун сказала: “Я этого не потерплю. Вы мои служащие, и я тут же позвоню фюреру”». О том, что из этого вышло, сообщает камеристка Евы Маргарете Митльштрассер: «Ева поговорила с Гитлером. Он сказал, что ничего не может поделать, если Борман так распорядился». Увольнение имело под собой религиозную подоплеку. «Ее выгнали, потому что ее родители были истыми католиками и часто жертвовали для церкви». Еве Браун пришлось смириться, ей нечего было возразить, если речь даже отдаленно затрагивала политические вопросы. Она никогда и не доводила дело до этого. Ее робкий протест был подавлен.

Борман не любил ее. Она платила ему тем же. Он считал Еву Браун «бездельницей, тунеядкой, дармоедкой, не подходящей Гитлеру», она считала Бормана бесчувственным «грубияном». Но она нуждалась в нем. И при необходимости находила в Бормане, распорядившемся деньгами Гитлера, щедрого кредитора. При его поддержке она могла выбирать в ювелирном магазине, не спрашивая цену. Она сознавала, что слово Бормана значит для Гитлера больше, чем ее собственное, и считалась с этим. Приспосабливалась. Вилли Митльштрассер вспоминает характерный пример: «Я приехал из Мюнхена, там был воздушный налет, около 250 погибших, я рассказал это своей жене, а она сказала Еве: «Столько-то было погибших». А она рассказала это Гитлеру. На следующий день Гитлер говорил с Евой, а она потом сообщила моей жене: «Вы ошиблись, всего 25 по-

гибших, это и рейхслейтер Борман сказал». Возможно, в этот раз Ева Браун была даже благодарна Борману. Он помог ей избежать мыслей об ужасах войны и сохранить душевное равновесие.

Ведь она была возлюбленной человека, все время говорившего только о победе и несшего ответственность за то, что происходило.

Возможно, она чувствовала, что Гитлер втайне уже считал войну проигранной. Основания для этого имеются: «Иногда мы говорили с глазу на глаз, — вспоминает Герберт Деринг. — “Вы думаете, что все еще хорошо закончится, думаете, что все еще хорошо закончится?” — повторяла Ева. Это был 1942 год. Я отвечал уклончиво. Однажды я сказал ей: “Мы снова не достигли военной цели”. Она выглядела подавленной. А поражение под Сталинградом совсем ее доконало».

Вера в призывы к стойкости означала для нее преданность возлюбленному. Говорят, что однажды она дала своей сестре пощечину, когда та сказала, что война все равно проиграна. А когда семья ее знакомых попросила походатайствовать перед Гитлером, чтобы двум их сыновьям предоставили отпуск с фронта, Ева Браун ответила: «Гордитесь, что ваши сыновья борются за Отечество!» «С тех пор она превратилась для нас в пустое место, эта Ева», — возмущается и сегодня один из членов этой семьи.

Что знала Ева Браун о преступлениях века, в частности, об убийстве евреев? «На Оберзальцберге, на службе у господина Гитлера, мы ничего не знали об этих злодеяниях, хотите — верьте, хотите — нет, но мы не знали совсем ничего. Никто из всего окружения или обслуживающего персонала не был в курсе происходящего. Правда, был известен концлагерь Дахау. Ходила поговорка: кто не будет подчиняться, попадет в Дахау, но кроме этого — ничего...» — утверждает Герберт Деринг.

Вероятно, следует исходить из того, что и Ева Браун до 1944 года ничего не знала об убийстве евреев в лагерях и о массовых расстрелах людей в тылу и на фронте. Но все же и она слышала о дискриминации некоторых граждан и депортации. Даже от нее не ускользнуло, что Гитлер по своему усмотрению приказывал убивать людей, если это «нужно», совершать массовые

*«Он был против телесного контакта...»
Редкое свидетельство близости Гитлера и Евы Браун.*

«Она была молодой женщиной, вступившей в любовную связь и до самой смерти эту связь сохранившей. Ее нельзя обвинять. Если партнер виноват, а я люблю этого партнера, то не становлюсь автоматически виновной в его грехах».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Она многое подавляла в себе. Особенно свою волю, которую не могла осуществлять при Гитлере, не могла настаивать на своем».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Ева Браун — умная девушка, очень много значащая для фюрера».

Йозеф Геббельс, дневник, 10 августа 1942 года

убийства. Возможно, она знала достаточно, чтобы точно знать, что более ничего знать не желает.

Однажды в «Бергхофе» случился скандал. Секретарша Гитлера Траудль Юнге сообщает о том, как дочь Хоффманна Генриетта фон Ширах в узком кругу рассказала о варварском обращении с еврейями в Голландии.

Она пожаловалась, как плохо приходится бедным людям. Гитлер тут же вскочил и с каменным лицом заявил: «Вредный гуманизм». Затем быстро вышел из комнаты. Госпожу фон Ширах больше не приглашали. Она нарушила табу: политика проникла в частную сферу. Горе тому, кто обличал раздвоенный мир диктатора.

Надо сказать, что в частной жизни Гитлер не был монстром. В идиллии «Бергхофа» в свободное время за ним не наблюдалось ни презрения к людям, ни беспощадности. И сегодня секретарши Гитлера с восторгом говорят о приветливости шефа, о том, как очаровательно он целовал им руки. В этом двуличность диктатора: здесь — фюрер, преданные ему люди и овчарка на террасе на фоне синего баварского неба и альпийских гор, там — замученные, истерзанные, запытаные до смерти в лагерях смерти. Здесь — «Унесенные ветром» в кинозале в кругу «семьи», там — ночи под бомбежкой в немецких городах. Он целовал дамам ручку и между делом подписывал смертные приговоры. Он страстно выступал — под одобрение своих дам — в защиту животных, но считал нормальным, что миллионы немецких мужчин гибнут на полях сражений. К животным он испытывал жалость, а к людям — нет. В его жизни все соединилось: убийство, обаяние, обыденность.

Совесть его не мучила. А зачем? Есть «более важные вещи». Гитлер ни разу не посещал концлагерь, ни разу сам не применял силу. Он старался, чтобы эти ужасы не касались его. Возможно, иллюзорный мир среди альпийской идиллии облегчал ему необходимость принятия жестоких решений. Ева Браун являлась одним из элементов этой идиллии.

Она не нарушала запреты. Свидетели рассказывают, что если служащие или гости «Бергхофа» спрашивали ее о политике, она часто отвечала уклончиво или подносила указательный палец ко рту, показывая тем самым, чтобы дальше не спрашивали.

«Прислуга знала, что она подруга Гитлера. Но посторонние ничего не знали, ни один человек».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«На самом деле она все время находилась в тени».

Маргарете Митльштрассер, камеристка Евы Браун

«Милая немецкая девушка...»

Несмотря на позу домохозяйки, Ева Браун никак не вписывалась в образ идеальной немецкой женщины Третьего рейха.

Нельзя было расшатывать и без того хрупкое основание их жизни.

Семья Браун, стоявшая сначала в стороне, в конце концов тоже попала под очарование «Бергхофа».

Все реже они находили неприличным «аморальное поведение» дочери и, наконец, стали испытывать что-то вроде гордости за своего «псевдозятя». Кроме того, эта связь принесла семье и определенные выгоды. Двоюродный брат матери так описывал развитие событий: «Отношения Евы к родственникам, когда она являлась хозяйкой «Бергхофа», были различной степени интенсивности. Родители — Фриц и Фанни — после того, как уяснили положение дел, т.е. после безуспешных попыток вернуть Еву в семью, смирились со своей ролью не совсем безучастных зрителей, но не имеющих влияния на происходящее. Еву они посещали редко, хотя и не отказывались от поступающих время от времени приглашений Гитлера в «Бергхоф» на чай. Возможно, Гитлер считал такие приглашения дружеским жестом, хотя при его самоуверенности это сомнительно».

Дядя Алоис писал, что папа Фриц соблюдал дистанцию по отношению к национал-социалистическому режиму. Это верно лишь отчасти. В кадрах из фильмов Евы Браун виден его партийный значок. Фридрих Браун вступил в НСДАП в конце 1930-х годов. Как пишет биограф Евы Нерин Ган, в ноябре 1939 года Фридрих Браун находился в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» во время покушения на Гитлера Георга Эльсера, после чего получил доступ ко двору Гитлера.

Наиболее правильным кажется мнение адвоката Отто Гричнедера, после войны защищавшего Фрица Брауна в суде. Он цитирует высказывание отца Евы: «Я никогда не пропагандировал и не признавал национал-социалистическое мировоззрение, но Гитлер импонировал мне своими успехами. Он построил автобаны, ликвидировал безработицу, победил Францию, что являлось очень важным военным достижением». Согласно Гричнедеру, эти события повлияли на Брауна, превратив его антипатию в симпатию. И он был далеко не единственным среди современников.

Роль семьи Браун не исчерпывается этим. Становится жутко при мысли, что в «Бергхофе» в начале последнего периода

ужасной войны, развязанной Гитлером, состоялась роскошная свадьба.

Западные союзники готовились штурмовать «крепость Европы», в июне 1944 года планировалось открытие Второго фронта в Нормандии. А за три дня до начала операции, 3 июня, на Оберзальцберге младшая сестра Евы, Гретль, вышла замуж за группенфюрера СС Германа Фегеляйна. В марте 1944 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер посетил Гитлера на Оберзальцберге. Он представил нового «офицера по связи боевых частей СС при фюрере», это был Фегеляйн. Он являлся, пожалуй, одним из самых мерзких карьеристов национал-социалистической элиты, ответственных за смерть десятков тысяч женщин и детей на Восточном фронте в 1941 году. Но на дам из окружения Гитлера он произвел колоссальное впечатление. Свадьба преследовала сразу несколько целей. Он считал, что, соединив свою судьбу с сестрой Евы и став родственником любовницы Гитлера, получает возможность дальнейшего продвижения по службе.

Сама Ева Браун признавалась подругам, что Фегеляйн очень понравился ей как мужчина. «Если бы я познакомилась с Фегеляйном на десять лет раньше, то просила бы шефа отпустить меня», — спустя годы повторяла слова Евы ее подруга Марион Шёнманн. То, что она смирилась со своей судьбой, подтверждает подготовка бракосочетания сестры. «После того как провалилось несколько попыток выдать младшую сестру Евы Браун замуж за кого-нибудь из окружения Гитлера, Ева наметила только одну цель: Фегеляйн должен жениться на Гретль», — вспоминает секретарша Гитлера Криста Шрёдер. Наконец, под руководством Евы свадьба состоялась. «Хочу, чтобы все было так, как будто это моя собственная свадьба», — заявила возлюбленная фюрера и тем самым недвусмысленно намекнула: «Младшая сестра, существовавшая как бесплатное приложение, становится супругой, а я после 16 лет остаюсь все еще подругой, любовницей», — интерпретирует ее слова кузина Евы Гертруда Вайскер. Ева Браун хотела продемонстрировать возлюбленному, что ей самой не хватало брака?

Сомнительно, что подобные мысли дошли до адресата, тем более в той фазе войны, когда Гитлер находился уже в безвы-

*«...при жизни
всегда в тени...»
Гретль Браун
(справа)
в 1944 году
выходит замуж
за группенфю-
рера СС
Фегеляйна, ее
сестре Еве (в
центре) пока
отказано в
свадебном
торжестве.*

«Пока хватало запасов, Ева Браун сохраняла прежний образ жизни. К началу войны у нас были всевозможные припасы, их хватило надолго».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«Думаю, что это была свадьба по расчёту, поскольку Гретль по-моему, добровольно не рассталась бы с Евой. Не знаю, кто сыграл главную роль: Гитлер, Борман или сам господин Фегеляйн. Но ее выдали замуж».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун, о свадьбе Гретль Браун

«Стало быть, она любила веселую музыку, оперетты. А танго был ее любимый танец. Чем темпераментнее танец, тем необузданнее она становилась, становилась счастливой, прямо на седьмом небе».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«С другой стороны, эта свадьба была оскорблением Еве, которая считала, что младшая сестра, существовавшая просто как бесплатное приложение, становится супругой, а я после 16 лет — все еще подруга, любовница».

*Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун,
о свадьбе Гретль Браун*

«Ева Браун была двух видов. Одна та, которая принадлежала Гитлеру. Очень сдержанная. А если Гитлера не было, то Ева становилась совсем другой — веселой, радостной, свободной, тут же устраивала вечеринку, со всем персоналом и по возможности с танцами».

Рохус Миш, радист в бункере фюрера

*«Она любила развлечения...»
Но свадьбу Гретль — сестры, которая была ей очень близка, — Ева Браун отмечала со смешанными чувствами.*

мались, как фрау Геббельс, Ева Браун проявляла почти веселую невозмутимость... “Как насчет бутылки шампанского на прощание? Немного конфет? Вы наверняка уже давно не ели”.

Мне показалось трогательным и любезным, что после стольких часов в бункере она первая подумала о том, что я голоден. Слуга принес бутылку “Мозт и Шандон”, пирожные, конфеты».

Конец в бункере фюрера превратился в почти мелодраматическое действо в стиле оперы Вагнера — с нарушением верности, свадьбой, завещанием, самоубийством и сожжением трупов. В последние дни в катакомбах душевное состояние диктатора менялось от приступов бешенства до глубокой депрессии. После просветления он опять впал в пучину темных видений. В этом настроении вечером 23 апреля его застала телеграмма рейхсмаршала Геринга, в которой он ультимативно заявлял о том, что берет власть в свои руки. Гитлер был вне себя от ярости: неслыханно, чтобы паладин «обманул и оставил в одиночестве, как меня, так и свое Отечество!» «У меня ничего не осталось, ни верности, ни чести. Нет такого разочарования, какого бы я не испытал!» — Гитлер взвинтил себя до состояния жертвы. Люди, сопровождавшие его на политическом пути, перестали быть друзьями. А вечером 28 апреля пришла вторая роковая весть: Гиммлер, как сообщало агентство «Рейтер», вступил в переговоры о мире с представителем Швеции графом Бернадотом. Еще одно предательство! И именно «верный Генрих»! «Он бушевал как безумный», — вспоминает летчица Ханна Рейч.

Смерть «друга Муссолини» усилила панику Гитлера. Партизаны расстреляли итальянского диктатора вместе с его возлюбленной и подвесили их трупы вниз головой. Гитлер был в шоке. Возможно, судьба человека, с которого он когда-то брал пример, послужила зловещим предзнаменованием. А для Евы Браун? «Я могу только сказать, что Гитлеру повезло с ней, — считает Райнхардт Шпици, посещавший «Бергхоф» в 1937–1939 годах, — так как она до конца оставалась ему верной, в то время как все генералы и партийные бонзы пытались улизнуть. Она осталась и благородно пошла с ним на смерть, как и Петаччи вместе с Муссолини».

«После Сталинграда, с 1943 года, стало очевидным, что все потеряно. Но он не мог признать это публично. Ева тоже это знала. И использовала. С этого момента она заметила, что он безучастно относится ко многим вещам, и тогда смогла осуществлять свою волю, свои желания».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Берхгоф»

«Сделанным она хотела доказать ему, что, возможно, стоит большего, чем он до сих пор думал, что она та, которая все выдержит. И теперь он, наверное, увидит ее такой, какой она была в действительности».

«Ева была чрезвычайно верным себе человеком. Она приняла на себя пусть временный, но яростный, гнев родителей. Не только мой отец, но и мой дядя, и бабушка критиковали режим. А она осталась верной этому человеку, так же как и осталась верной себе».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

*«Ева Браун не является важным фактором в истории рейха...»
Возлюбленная преступника века практически не влияла на его политические решения.*

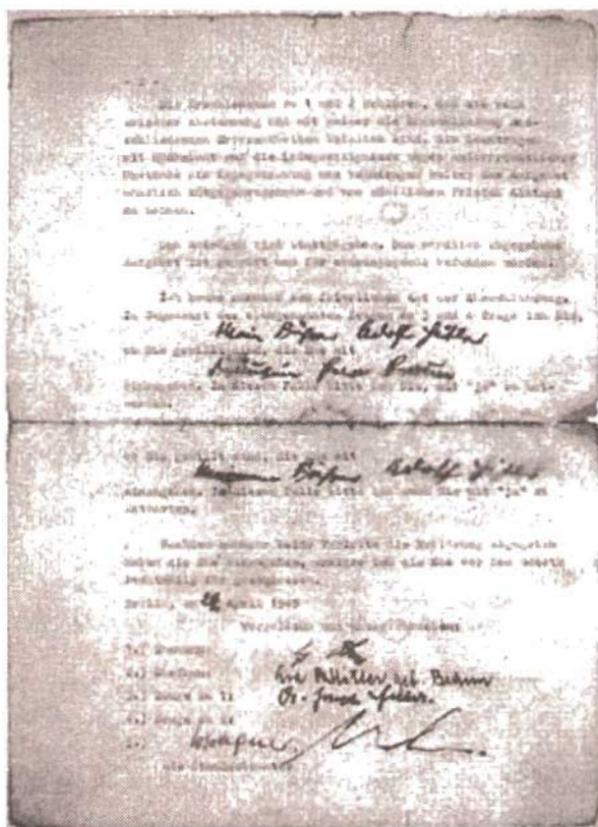
Ева Браун чувствовала, что перед крахом сможет получить роль, о которой долго мечтала. Она хотела быть ближе всех к нему.

«Бедный Адольф, все покинули тебя! Все тебя предали!» — обвиняла она весь мир и судьбу. Она хотела продемонстрировать, что только она, единственная, оставалась верной ему. Ева не понимала, что своим утешением только усиливала его заблуждение в том, что он жертва, и давала уйти ему в мир иллюзий.

Она была привязана только к Гитлеру и не проявила никакого участия в судьбе обергруппенфюрера СС Фегеляйна, супруга Гретль, который пытался бежать с чемоданом, полным драгоценностей и валюты, и в качестве козла отпущения, был казнен за мнимое участие в заговоре Гимmlера. То, что Фегеляйн являлся зятем Евы, не смягчило Гитлера, и ничего не известно о том, что сама Ева Браун пыталась замолвить слово за мужа своей сестры.

Ураганный огонь Красной Армии был слышен уже и в правительственном квартале, когда Гитлер попросил свою секретаршу Траудль Юнге пройти с ним в кабинет бункера. Это был вечер 28 апреля 1945 года. Гитлер продиктовал два завещания — без остановки и без правки. «Политическое» в последний раз подтвердило, что диктатор существовал в мире безумия. Фрау Юнге стенографировала слова, полные ненависти и обвинений. Избитыми фразами он пытался оправдать свои дьявольские дела. Вину за развязывание войны приписал «международному еврейскому заговору».

В своем значительно более кратком личном завещании он объявил о том, что должно последовать через несколько часов, — о бракосочетании с Евой Браун: «Хотя в годы борьбы я придерживался мнения, что не могу брать на себя ответственность за брак, перед концом своей жизни я решил взять в жены ту девушку, которая после долгих лет верной дружбы по доброй воле вернулась в почти полностью окруженный Берлин, чтобы разделить мою судьбу. По собственному желанию она, как моя супруга, пойдет со мной на смерть». Остаток документа содержит имущественные распоряжения. Затем следуют последние решающие слова: «Моя жена и я добровольно выбираем смерть»,

«Ныне я беру
эту девушку
в жены...»
Ошибка по
привычке: на
свидетельстве о
бракосочетании
супруга хочет
расписаться как
«Браун», затем
исправляется.

«Я очень счастлива именно сейчас быть рядом с ним».

Ева Браун, письмо от 19 апреля 1945 года

«В тот день Ева Браун сказала мне кое-что странное. Она сказала: «Сегодня Вы еще будете плакать». Тогда я подумала, что время пришло. Так как она всегда говорила, что когда придет день, в который он покончит с собой, фюрер обязательно скажет нам об этом. А потом она сказала: «Нет, нет, не это». Она имела в виду, что сегодня выйдете замуж».

Траудль Юнге, секретарша Гитлера в бункере фюрера в 1945 году

«Она отдала ему свою юность, подарила или пожертвовала».

Гертруда Вайскер, кухня Евы Браун

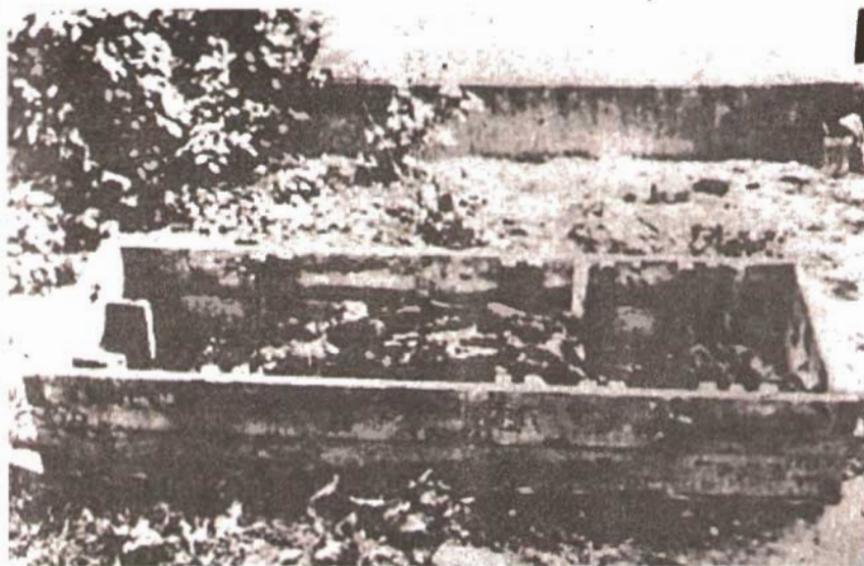
чтобы избежать позора свержения и капитуляции. Мы желаем, чтобы наши тела были сожжены здесь, в месте, где я исполнил большую часть своей работы во время двенадцатилетнего служения своему народу».

Объявленное Гитлером бракосочетание нашло свое прозаическое выражение в простой импровизированной свадьбе. Кроме руководителя окружного загса Вагнера, в краткий срок доставленного в бункер из сражающегося рядом с имперской канцелярией подразделения Фольксштурма, присутствовали два свидетеля: Йозеф Геббельс и Мартин Борман. Через несколько минут все завершилось. Невеста была так взволнована, что вначале стала подписываться неправильно. Ей указали на ошибку, она зачеркнула «Браун» и поставила под документом свою новую фамилию: «Ева Гитлер, урожденная Браун». Церемония завершилась бокалом шампанского в личных комнатах Гитлера. Среди немногочисленных гостей были секретарши и повара Гитлера. Это была зловещая свадьба, на которой жених, принимая поздравления, говорил о самоубийстве. Но и после церемонии никто в бункере не осмеливался называть Еву Браун «госпожа Гитлер».

Однако в истории Ева Браун достигла того, чего хотела. «У меня было чувство, что при жизни она всегда оставалась в тени и, возможно, не имела шанса изменить это, — говорит Траудль Юнге. — Я думаю, она представляла себе, что, по крайней мере, потом войдет в историю как героическая возлюбленная, жена фюрера. Полагаю, эта мысль придавала ей силы».

Под конец только в этом, вероятно, она видела смысл. Некоторые оправдывают ее тем, что она пожертвовала собой ради любви, другие видят только следствие тех саморазрушительных отношений, на которые она когда-то добровольно пошла и из которых могла бы выйти, но, ослепленная, никогда этого не хотела.

Красная Армия стояла на Потсдамской площади, уже был захвачен Тиргартен. Войскам Сталина оставалась какая-то пара метров до бункера имперской канцелярии, когда Гитлер и Ева Браун прощались с оставшимися верными соратниками. 30 апреля около 15 часов 30 минут в бункере раздался единственный выстрел, почти не различимый среди ураганно-

«Я умираю так же, как и жила. Мне это нетрудно».

Ева Браун, письмо от 22 апреля 1945 года

«Ева Браун не является важным фактором в истории. Никто никогда ею бы не заинтересовался, если бы в последние дни она не заключила брак и не пошла с Гитлером на смерть».

Гертруда Вайскер, кузина Евы Браун

«Я сам и моя супруга... выбираем смерть».

Останки пары, сфотографированные в саду имперской канцелярии в мае 1945 года.

го огня русской артиллерии. Мертвый Гитлер сидел в своей комнате на диване, запачканном кровью, рядом с ним — Ева Браун. Бывший руководитель имперской молодежи Артур Аксманн так описал увиденное в комнате:

«Адольф Гитлер сидел на правой стороне дивана, верхняя часть туловища несколько наклонена в сторону, голова откинута назад. Лоб и лицо необычайно бледные, а из виска текла кровь. Рядом с Гитлером на диване — Ева Браун, ее глаза были закрыты. Я не увидел какого-то внешнего воздействия. Она отравилась и казалась спящей».

О причине смерти Евы Гитлер никогда не возникало сомнений. Она покончила с собой, приняв цианистый калий. В случае с Адольфом Гитлером долго спорили, что явилось причиной смерти, только выстрел или выстрел и яд. Сегодня установлено, что сначала Гитлер разгрыз ампулу с цианистым калием, а затем выстрелил в правый висок.

Эсэсовцы и прислуга, завернув тела в одеяла, вынесли их по узким лестницам бункера в сад. Железобетонная глыба с маленькой дверью отделяла катакомбы от внешнего мира. На улице беспрерывно взрывались советские снаряды. Адьютант Гитлера Пюнше отнес Еву Браун от входа на расстояние примерно в три с половиной метра, здесь оба тела облили бензином, наготове имелось около 300 литров. От скомканной горячей бумаги занялся огонь, никак не желающий разгораться. «Шеф не горит!» — воскликнул шофер Гитлера Кемпка.

От входа в бункер Мартин Борман и Йозеф Геббельс молча наблюдали, как вспыхнули оба тела: труп человека, принесшего страдания миллионам людей, за которым они слепо следовали до самого конца, и бранные останки его тайной возлюбленной, которая лишь перед лицом смерти стала женой.

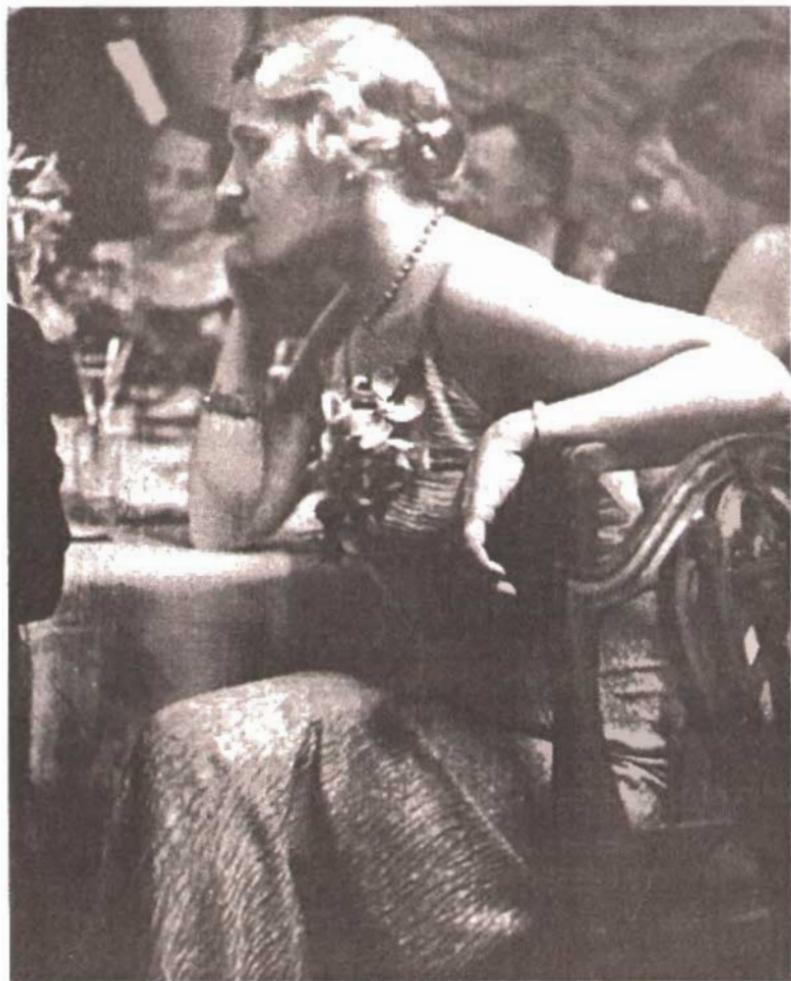
1 мая «Радио Великой Германии» обнародовало свою версию событий. Адольф Гитлер «погиб на своем командном посту в имперской канцелярии, до последнего вздоха сражаясь за Германию». Последняя ложь режима. О женщине, находящейся рядом с Гитлером, ничего не сообщалось.

Гертруда Вайскер узнала о смерти кузины в июне 1945 года и высказала свое личное мнение: «Это было ее последнее решение. Она практически сделала то, к чему стремилась всю

жизнь. А стремилась она любой ценой выйти замуж за этого человека. Не было возможности в жизни, она сделала это в смерти. История любви семнадцатилетней девушки пришла, казалось, к единственно возможному результату».

Мнение историков звучит отрезвляюще. Хью Тревор-Ровер однажды написал: «Ева Браун — разочарование истории». Действительно, она не играла никакой роли в принятии решений, приведших к самым страшным преступлениям XX века. Гитлер был слишком самовлюбленным человеком, слишком упрямым в своем безумии, чтобы позволять молодой мюнхенской девушке высказывать свое мнение. Но она была частью его личного мира — обманчивой идиллии, дающей ему опору и равновесие. Может быть, именно поэтому он столь последовательно осуществлял свои злодеяния.

Магда Геббельс
СОРАТНИЦА

«Если сегодня Германия вновь поднимается из нужды и отчаяния к вере и надежде, то в этом важная и значительная заслуга немецкой матери».

«Мне лично неприятно и невыносимо подозрение, будто я одеваюсь в еврейском доме моды».

«Я люблю и своего супруга, но моя любовь к Гитлеру сильнее, для него я была бы готова уйти из жизни... Когда мне стало ясно, что Гитлер, кроме Гели, своей племянницы, не может любить ни одну женщину, а только, как он повторяет, Германию, я согласилась на брак с доктором Геббельсом, потому что таким образом могла быть рядом с фюрером».

«Я пытаюсь сделать немецкую женщину красивее».

«...Если мы проиграем войну, то моя жизнь, разумеется, закончится. Мне позволено переносить вместе с ним тяготы войны. Потом все закончится... для меня выхода нет».

Магда Геббельс

«Ее называли «первой дамой» режима, и по праву, так как она была не только единственной дамой, но и единственной женщиной, которая вообще играла роль в обществе рядом с одним из самых великих и влиятельных мужчин. Рядом с Гитлером не было признанной подруги или официальной жены».

Аннелизе Улиг, актриса

«Она стала чем-то вроде второй половины Гитлера-человека, соединенной с ним и удерживаемой святой готовностью к служению и исполнению высочайшего долга».

Отто Вагнер, начальник штаба СА и советник Гитлера по экономике

«Собственно говоря, она была не из национал-социалистической среды, напротив, она получила строгое католическое воспитание. Она ни в коей мере не являлась национал-социалистической «козой», как мы называли таких. Вовсе нет».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Она была очень красивой и очень элегантной. У нее первой появился чемоданчик с косметикой «Элизабет Арденн», как только она появилась в продаже. Она получила его от Элизабет Арденн со всеми коробочками, баночками и флакончиками...»

Ариане Шенпарт, сводная сестра Магды Геббельс

«...Я ни в коей мере не разделяла восторга Магды. С самого начала мне казалось странной непоколебимая вера Магды в миссию Адольфа Гитлера».

Аугусте Беренд, мать Магды

«У нее был сложный брак, она была разведена, и к ней часто приезжал сын от первого брака. У нее была непростая жизнь, и она, похоже, пыталась ради детей сохранить свой второй брак как можно дольше».

*Биргитта Вольф, соседка Магды и
Йозефа Геббельс в Берлине*

«Я никогда не видел у женщины таких ледяных глаз».

*Андре Франсуа-Понсе, посол Франции в Германии
журналистке Белле Фромм, 1932 год*

За пасьянсом хорошо коротать время, к тому же эта старинная игра успокаивает нервы. Некоторые могут сидеть часами, определенным образом выкладывая карты и даже читая по ним предсказания. Особого напряжения ума пасьянс не требует, зато отвлекает, позволяя переключиться.

Вряд ли французские карты раскладывали при более жутких обстоятельствах, чем в тот вечер, 1 мая 1945 года, в одном из помещений бункера фюрера под гитлеровской имперской канцелярией. 43-летняя женщина с каменным лицом сидит за громоздким прямоугольным столом и раскладывает один пасьянс за другим, в то время как ее муж бесцельно бегаёт за ее спиной, лишь время от времени бросая через ее плечо взгляд в пустоту. Супруги молчат, они избегают прикасаться друг к другу. Слышно только шуршание раскладываемых карт и рыдания женщины. Она очень много плачет. Только что она убила своих детей.

Больше всего на свете Магда Геббельс любила своих детей. Она посвятила им несколько лет своей жизни, от многого отказалась, пережила болезни и лишения. Дети платили ей благодарностью. Всякий, кто знакомился с ними, поражался, насколько хорошо они воспитаны и как милы. Каждый из шести ее детей обладал собственной неповторимой индивидуальностью.

Магда Геббельс старалась производить хорошее впечатление как мать, более того, в какой-то мере она являлась главной матерью Третьего рейха. В иллюстрированных журналах можно было часто видеть доброжелательно улыбающуюся эlegantную даму рядом с аккуратно одетыми детьми. Супруга министра пропаганды и ее семья являлись самой лучшей пропагандой. Множество детей под присмотром воспитательницы, готовящей подрастающее поколение стать достойными предста-

«Гитлер был свидетелем на свадьбе. Он все организовал и тем самым добился желаемого: благодаря его тесным отношениям с министром пропаганды отношения с Магдой никогда не прерывались. Он имел с ней очень, очень сильную связь, и именно потому, что Геббельс и дальше продолжал заводить любовные романы на стороне, имел на нее больше влияния, чем муж. От него Магда получала больше возможностей для общения и больше понимания от мужчины, который ее почитал, как Гитлер, чем от супруга, который ей изменял».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Наш отец считал Геббельса чрезвычайно опасным. Но он был абсолютно бессилен и ничего не мог сделать. Ни против преследования евреев, ни против этой свадьбы».

Ариане Шеппард, сводная сестра Магды Геббельс

«...мы обещали друг другу стать мужем и женой...»

*Бракосочетание
Йозефа и
Магды Геббельс
в именин
Северин,
19 декабря
1931 года.*

вителями гитлеровской империи: так должно было выглядеть идеальное национал-социалистическое семейство.

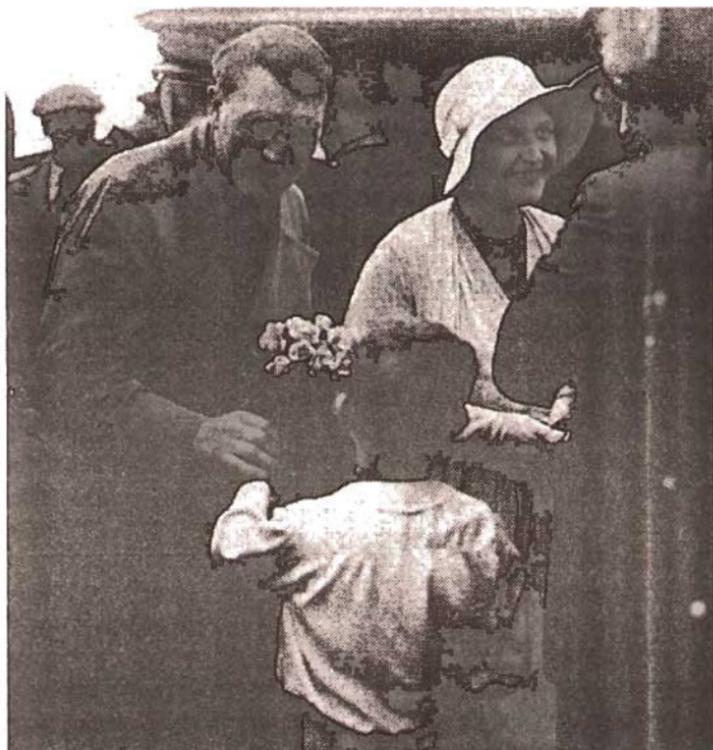
Магда Геббельс приложила много сил для того, чтобы соответствовать эталону. В конце ее детям пришлось умереть ради этого.

Сейчас она пыталась при помощи пасьянса отсрочить собственное самоубийство, а перед этим торжественно отметила уход собственных детей. Их одели в белоснежные ночные рубашечки, у девочек были белые бантики в волосах. Они воплощали детскую невинность, прежде чем их, ни о чем не подозревающих, отправили на смерть. Еще одна жалкая попытка придать убийству «чистый» вид. Обман и себя, и других, что полностью соответствовало всей двенадцатилетней жизни под свастикой. Магда Геббельс хотела быть идеальной, совершенной национал-социалисткой, а стала убийцей — и здесь нет противоречия.

Как и Йозеф Геббельс, она полностью отдалась делу Гитлера, и оба твердо придерживались этой веры, даже когда гибель была очевидна. Они оказались в плену маниакальной мистической страсти и считали, что все их существование неразрывно связано с подъемом и крушением гитлеровской империи. Еще во времена военных побед Магда Геббельс с мужем решили вместе уйти из жизни, если вдруг дело примет иной оборот. Оба слишком хорошо знали о тяжких преступлениях режима и виновности в них Йозефа Геббельса. Пребывая в тисках своего абсурдного мировоззрения, образцовая женщина Третьего рейха опасалась после краха диктатуры пасть жертвой «еврейской мстительности». На самом деле за мрачным пророчеством скрывался панический страх быть привлеченной к ответственности за участие и соучастие во всем этом безумии, стоившем жизни миллионам людей. Еще она боялась превратиться в незначительный объект истории, во многом виновный, к тому же без прежнего влияния, привилегий и самолюбования.

Магда Геббельс не хотела жить в мире, лишенном обмана. Свое существование она нерасторжимо связывала с режимом, которому продала душу и которому многим была обязана.

Но почему мать приговорила к смерти и своих детей, не отягощенных виной родителей? «Мы возьмем их с собой, потому

«Она любила Гитлера, она боготворила его...»
Гитлер и Магда Геббельс во время предвыборной поездки, 1932 год.

«Эта женщина могла бы сыграть большую роль в моей жизни, даже если бы я не был женат на ней. Она могла бы стать в моей деятельности женским противоположным полюсом моих однобоких мужских инстинктов... Жаль, что она не замужем».

Гитлер — Отто Вагенеру, начальнику штаба СА и советнику по вопросам экономики, 1931 год

«Но я могу представить себе, что госпожа Геббельс позднее вместо Геббельса вышла бы замуж за Гитлера. Возможность у нее определенно была».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Я никогда не видела ее вне себя или даже просто нервной. Она всегда была уравновешенной и приветливой, проявляла интерес к другим. Она умела слушать».

Ариане Шеппард, сводная сестра Магды Геббельс

что они слишком красивы и слишком хороши для того мира, который наступит, — говорила она за недели до этого своей золовке от первого брака, которая позднее дала официальные показания. — Грядущий мир будет считать Йозефа величайшим из преступников, которых когда-либо порождала Германия. Его дети будут вынуждены ежедневно слышать это, их будут мучить, презирать и унижать. Их обвинят во всем, что он совершил. Им будут мстить...»

Убить детей, чтобы сохранить их? За материнской опекой в действительности таилась большая доля эгоизма. Конечно, и для потомков главарей нацизма предстоящая расплата означала преследования и позор, но ни в коей мере не сравнимые с преследованием родственников арестованных при нацистской диктатуре. Боязнь, что детей преступников будут истязать и унижать вместо родителей, на деле скрывала более прозаический резон: для Магды Геббельс непереносимым являлось сознание того, что ее дети будут жить без нее и что постепенно на их глазах за осколками блистательного фасада обнаружится ложь родителей. Она хотела покончить со всем, что создала и что принадлежало ей. В конце не должно было остаться ни наследства, ни наследников, ни свидетелей, ни свидетельств, только миф о стойкости и верности до гроба.

Она сама не боялась смерти. Под влиянием буддистских идей Магда Геббельс была убеждена, что ее смерть прокладывает дорогу в новую жизнь. Однажды, когда она со своим отцом стояла на острове Капри на краю крутого утеса, она, по свидетельству ее сводной сестры Ариане Ричель, воскликнула: «Видишь, папа, это, как с моей жизнью: когда я буду на самом верху, я захочу упасть вниз и не жить больше, потому что у меня было все, что я хотела!»

Подняться вверх настолько, чтобы не бояться падения — принцип, сопровождавший на всем жизненном пути Иоганну Марию Магдалену Беренд, затем Ричель, Фридлиндер, Квандт и, наконец, Геббельс.

У ее жизни было несколько вариантов. Подъем мог бы привести к другим, противоположным вершинам, но стремление ввысь оставалось главным в жизни Магды.

Все началось 1 ноября 1901 года в Берлине. Мать Аугусте Беренд изо всех сил стремилась забыть свое прошлое простой служанки. Она заставила отца девочки, инженера Оскара Ричеля, во всяком случае, она сама так говорила, заключив брак, задним числом «узаконить» рождение дочери. Хотя этот брак, скорее всего, являлся формальностью и уже в 1903 году был расторгнут, состоятельный отец из Рейнской области до самой своей смерти в 1941 году непрерывно заботился о том, чтобы дочь ни в чем не нуждалась. По его настоянию пятилетняя Магда отправилась в Бельгию, где в то время работал Ричель. Он распорядился, чтобы почтенные монахини-урсулилки в монастырских школах Тильд и Вильвоорде под Брюсселем воспитали в строгих католических традициях прибывшую издалека девочку. Жестокие годы ученичества в монастырских стенах дали Магде знание французского, самообладание и самодисциплину. Старательная ученица приобрела основы для серьезного образования, без особого труда полученного в дальнейшие годы.

Это произошло к удовольствию не столь образованной матери, которая в 1908 году последовала за дочерью в Брюссель. К этому времени Аугусте Беренд уже связала жизнь с другим мужчиной, который ради нее прибыл из Берлина для заключения брака, происшедшего при всеобщем согласии: его предшественник в браке Оскар Ричель являлся свидетелем на бракосочетании. Для Магды Рихард Фридендер значил больше, чем просто супруг ее матери. В ее молодые годы он заменял ей отца, и их связывали близкие отношения. Хотя Фридендер не был слишком религиозен, девочка-католичка познакомилась с миром зажиточного немецкого еврейства.

Близость к евреям углубилась благодаря встрече, имеющей большие последствия. В этой встрече косвенно повинна сумятица Первой мировой войны. После объявления войны Фридендеры, как немцы, мгновенно превратились в Бельгии во врагов. В августе 1914 года семье пришлось вернуться обратно в Берлин, и ехать от бельгийско-голландской границы в вагоне для скота.

Похожее — хотя и по другой причине — произошло и с русско-еврейской семьей, спасавшейся от украинских погромов

и нашедшей пристанище в Кенигсберге в Восточной Пруссии. Как подданные русского императора, в 1914 году Арлозоровы были высланы из города-крепости на границе с Россией.

Как и для 13-летней Магды Фридлендер, для Виктора — 15-летнего сына Арлозоровых — в Берлине начался новый отрезок жизни. Магда продолжила обучение в лицее для девушек из состоятельных семей. Вскоре она очень близко, как это бывает только у девочек подросткового возраста, подружилась с сестрой Виктора, своей одноклассницей Лизой Арлозоровой. В открытом благожелательном доме русских эмигрантов Магда нашла замену родному дому и ощутила семейное тепло, которого до сих пор не знала.

Сын Арлазоровых посещал в то время прославленную реальную гимназию Вернера фон Сименса, отличавшуюся современной педагогикой и большим количеством учеников-евреев. Хотя немецкий не был его родным языком, Виктор получал только отличные отметки и заслужил авторитет как председатель школьного комитета и издатель ежемесячного «Журнала Вернера Сименса». Чрезмерный германский патриотизм вследствие всеобщей победной эйфории сменился в ходе войны новым самосознанием, к которому 18-летний юноша пришел, изучая свою родословную. «Я — еврей, — писал Виктор Арлозоров в 1917 году своему учителю немецкой литературы, — и, будучи евреем, ощущаю себя сильным и гордым. Не воспринимаю себя немцем и никогда не скрываю это. Чувствую, как много Востока, разлада неоседлости, тоски по целостности живет во мне, а коренной немец этим не обладает».

Гимназист с увлечением занимался древнееврейским языком и углубился в изучение идей и истории сионизма.

В результате Виктор пришел к выводу, что будущее рассеянных по миру евреев только в Эрец-Израиле — их исторической родине в Палестине. Он не был ни фанатиком, ни сектантом, никому не навязывал своих убеждений. Но ему доставляло радость в теории и на практике готовиться к будущей жизни на Обетованной земле, хотя и в Берлине он чувствовал себя как дома. Общительная и харизматическая натура, вскоре он собрал вокруг себя юных единомышленников — евреев и не евреев, спорящих как о сионизме, так и о немецкой литературе. На

*«Она очень умная и во многих вещах разбирается лучше... много высокопоставленного политика...»
Магда и только что назначенный министр народного просвещения Третьего рейха.
1933 год.*

«Геббельс узнал, что госпожа Квандт очень симпатизирует Гитлеру, а он ей. Что и послужило для него поводом жениться на этой женщине. Таким образом, госпожа Геббельс попала в зависимость от доктора Геббельса и, в конце концов, заплатила за это жизнью. Госпожа Геббельс была очень ухоженной женщиной».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Гитлер ценил в Магде некое духовное созвучие, и поэтому ее по настоянию Гитлера, дабы сохранить для него, выдали замуж за Геббельса».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Геббельс мог манипулировать людьми. И это он вновь и вновь проделывал с Магдой. Но все равно она осталась с ним».

Ариане Шенпард, сводная сестра Магды Геббельс

встречах «Тикват Сион», так назывался кружок, вдоволь пели и веселились.

Подруга Лизы Арлозоровой Магда неизбежно заразилась увлеченностью и жизнерадостностью этих молодых людей. Нееврейка пылко обсуждала будущее Палестины и вскоре стала носить кулон в форме звезды Давида и, казалось, была полна решимости в один прекрасный день самой отправиться на родину иудеев. Во всяком случае, так рассказывала десятилетия спустя Лиза Арлозорова, называя при этом самую главную причину: Магда влюбилась в Хаима, так стал называть себя Виктор Арлозоров. В самоуверенном молодом интеллектуале Магда нашла ту сильную, целеустремленную решимость, которая притягивала ее в мужчинах на протяжении всей жизни. Единственный ребенок, выросший практически без отца, она всегда искала личностей с аурой исключительности.

Юношеская любовь осталась эпизодом. Их пути разошлись. У Магды появились другие пристрастия, как это часто бывает в молодости. Хаим нашел себе подругу-еврейку, у них родилась дочь, и в 1924 году после окончания учебы он уехал с ними в Палестину. На своей новой родине в Тель-Авиве 25-летний Арлозоров развернул неутомимую деятельность. Он постоянно ездил в командировки по делам сионистского движения, представлял свою родину в Лиге Наций в Женеве, посещал конгрессы, конференции и собрания, публиковал огромное количество статей и трактатов, беседовал с политиками, дипломатами и спонсорами, основал социалистическую партию МАПАЙ и руководил ею, а затем возглавил внешнеполитическую деятельность Еврейского агентства. Несмотря на молодость, Арлозоров вскоре стал одним из блистательных и влиятельных руководителей сионистского движения.

Становление Магды шло в другом направлении. После получения аттестата зрелости она стала изучать обязательное для благородных девиц домоводство в элитном пансионе для девушек в Хольцхаузене под Госларом, но только одну осень. Случайная встреча неожиданно решила все вопросы будущей жизни молодой целеустремленной дамы. В поезде из Берлина в Гослар некий пассажир в переполненном купе уступил место симпатичной фрейлейн и, похоже, с первого взгляда увлекся

ею. С настойчивостью бизнесмена попутчик незамедлительно принялся за дело. Во время поездки через зимний Гарц он вел учтивую беседу, по прибытии позаботился о носильщике, а через три дня явился в пансион Магды с букетом цветов для директрисы. У кавалера отсутствовали многие качества, от которых обычно начинают взволнованно биться девичьи сердца. В свои 38 лет он годился Магде в отцы, лысина во всю голову еще больше подчеркивала их разницу в возрасте. Чопорный, тяжелый в личном общении и придирчивый в мелочах человек оказался внимательным поклонником и обладал решающим преимуществом: он был одним из самых богатых промышленников страны.

Благодаря мировой войне, инфляции и предпринимательской сноровке Пюнтер Квандт превратил семейную текстильную фабрику в мекленбургском Прицвальке в огромную промышленную империю с множеством филиалов. После смерти супруги от гриппа в октябре 1918 года Квандт остался один с сыновьями — Гельмутом десяти и Гербертом восьми лет. Веселая и умная воспитанница пансиона со своей дивной внешностью, шармом и прекрасным образованием показалась ему ангелом, способным восстановить семейное благополучие.

Ухаживания вдовца возымели действие. Перспективы жизни в высшем свете, материального благополучия и материнского счастья привлекали Магду больше, чем обучение в пансионе в Хольцхаузене. Несмотря на некоторые сомнения и предостережения родных, Магда дала согласие на свадьбу в начале 1921 года. Правда, со своей стороны Квандт поставил условия: Магда должна перейти из католической веры в протестантскую и сменить еврейскую фамилию Фридлиндер на фамилию ее отца Ричель, дабы соответствовать сословным требованиям, предъявляемым к невесте в провинциальном городке, где родился Квандт. В то же время ее мать развелась с супругом-евреем, зарабатывающим на жизнь официантом в Берлине.

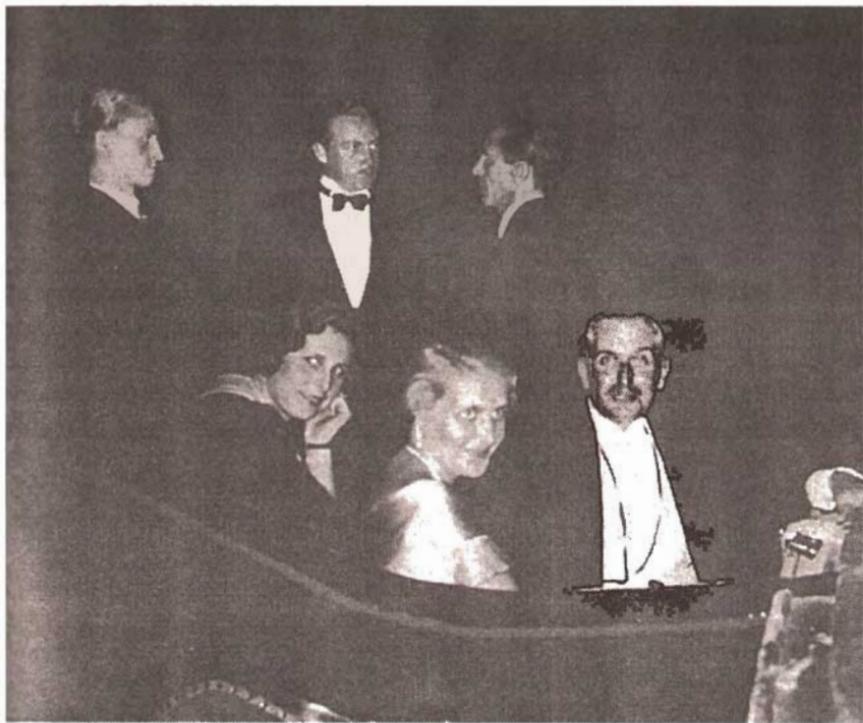
Для Магды Квандт начался увлекательный и необычный период жизни с супругом, который был почти на двадцать лет старше ее, и двумя его сыновьями, которые были лишь на десять лет младше мачехи. Шикарный образ жизни на идилли-

ческой вилле, расположенной на озере Грибницее в Нойбабельсберге, свидетельствовал о блеске и процветании. Длительные путешествия по Италии, Швейцарии, Англии, Франции, Северной, Центральной и Южной Америке были по тем временам редкой возможностью расширить кругозор. На какое-то время Магда нашла смысл жизни в ведении хозяйства и материнстве. В ноябре 1921 года, к радости главы семейства, на свет появился сын, которого назвали Гаральд. Через четыре года в семье появились еще трое приемных детей, ставших сиротами после внезапной смерти их родителей, с которыми Квандта связывали деловые отношения.

Замужество Магды принесло выгоду и ее матери, снова ставшей одинокой. Состоятельный зять подарил ей аптекарский магазин в Берлине на Борзигштайг. В 1927 году Квандт приобрел огромную квартиру в городе для проживания зимой. В распоряжении молодой хозяйки имелись экономка, домашний учитель, повариха, горничная, садовник и шофер. Без особого напряжения она могла заниматься воспитанием детей, общественными обязанностями или играть на пианино. То была жизнь в золотой клетке. Но все удобства не могли, конечно, преодолеть понятную пропасть между супругами, которых разделял не только возраст. Гюнтер Квандт постоянно находился в разъездах по делам фирмы, но даже когда он приезжал домой, мыслями был на работе. В повседневном быту серьезных разговоров не вели. Бизнесмен не отличался красноречием и остроумием, иногда просто засыпал, что случалось даже во время редких визитов в театр.

Магде Квандт с трудом удавалось уговорить супруга пойти на какое-нибудь светское мероприятие. Кроме того, в финансовом отношении мультимиллионер оказался чрезвычайно мелочным. Семейная жизнь омрачилась смертью любимого пасынка Магды Гельмута, скончавшегося в 1927 году в Париже из-за ошибки врача.

Общее горе не сблизило отдалившихся супругов. В 1929 году расставание стало неизбежным. Причиной развода Квандту послужила измена жены с молодым студентом, с ним Магда пыталась найти замену мужу и утешение. Но неверная супруга, которой грозила потеря статуса, ловко выпута-

«Отныне я оставляю все любовные похождения и обращаюсь только к одной-единственной... у нее умное, реалистичное осознание жизни и при этом великодушные мысли и поступки. Надо только немного воспитать ее и меня, и мы сказочно подойдем друг другу».

Йозеф Геббельс, дневник, 10 марта 1931 года

«...Магда как-то призналась мне, что вышла замуж за Геббельса только для того, чтобы быть рядом с Гитлером. Так как его она действительно любила».

Лени Рифеншталь, режиссер

«Если разделять ее мнение, она милый, приятный, душевный человек».
Городская опера, Берлин, 1933 год.

лась из этого дела. Она пустила в ход письма бывших поклонниц Квандта времен холостяцкой жизни, найденные ею за несколько лет до этого в одном из ящиков стола. С юридической точки зрения, реликты молодости не имели значения, но обнародование в родном городе промышленника его давнишних походов грозило большим скандалом, которого он предпочел избежать. Обманутый супруг безоговорочно согласился дать бывшей жене ежемесячное содержание в размере 4000 рейхсмарок, прекрасную квартиру на берлинской Рейхсканцлер-плац и право опеки над их совместным сыном Гаральдом до его 14-летия. Таким образом, о средствах к существованию разведенной супруге не приходилось беспокоиться.

Привлекательная женщина под тридцать не испытывала недостатка и в галантном внимании. Самым известным и богатым среди ее поклонников был Герберт Гувер, племянник действующего президента США, с которым она познакомилась во время поездки в Америку вместе с Гюнтером Квандтом. В 1930 году он лично приехал в Берлин, чтобы сделать ей предложение. Ее отказ так огорчил кавалера, что на обратном пути он на большой скорости перевернулся на машине; находившуюся рядом Магду с переломами костей и черепа доставили в больницу. В этот раз Магда видела свое будущее точно не в роли супруги, служащей украшением для миллионера.

Отныне Магда была во всех отношениях независимой, но не счастливой. Распрощавшись с обманчивым статусом обеспеченной хозяйки дома, молодая женщина утратила и привычную среду. Вместо привычного сочетания изобилия и пресыщения появилась пустота. Золотую клетку открыли, но одновременно одинокая женщина лишилась почвы под ногами. Мать Магды после войны с явным упреком описывала состояние своей дочери в то время: «Ах, как все надоело», — вздыхала она. А потом со злобной иронией продолжала: «Какие мы сегодня веселые! Официант, пригласите, пожалуйста, другого гостя...» Тут я поняла, что мучает эту молодую избалованную женщину, которая мне дочь и в то же время загадочнее любого чужого человека: ей скучно, она не знает, чем заняться. Десятки тысяч людей были бы вне себя от счастья, если бы имели

«Я лично считаю, что Гитлера и Магду сильно тянуло друг к другу. У них было много, правда, не физических, соприкосновений. Гитлер бесспорно восторгался Магдой Геббельс».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Отношения с Гитлером были очень хорошие. Гитлер был крестным ее детей, и он выступал на ее стороне, когда Йозеф Геббельс поступал непорядочно. Он позвал их к себе в имперскую канцелярию и говорил с ними, и брак, несмотря на трещины, был спасен».

Биргитта Вольф, соседка Магды и Йозефа Геббельс в Берлине

«Она верила в Гитлера. В ее глазах он не мог поступить неправильно. Было очевидно, что она увлекалась им, как подросток».

Ариане Шенпарт, сводная сестра Магды Геббельс

*«Магда получила очень глубокое и хорошее образование...»
Гитлер и его свита.*

только часть того, чем обладает Магда. Она же, зевая, идет по своей праздной жизни, постоянно опасаясь превратиться в никчемную и легкомысленную “молодую даму”.

Эта внутренняя пустота наверняка и подтолкнула 29-летнюю женщину, у которой замужество осталось позади, а жизнь еще впереди, поискать свое предназначение в политике. То, что состоятельная светская дама попала именно в сети плебея Гитлера, не такой уж парадокс, как кажется. Смесь реакционного мышления с радикально-динамичными действиями национал-социалистов вызвала любопытство в падком на сенсации берлинском светском обществе. Хотя высокопоставленных людей с заслугами, в орденах и шубах отделяла пропасть от мелких обывателей в коричневой форме, им нравилась мнимая бескомпромиссность Гитлера. Не случайно первый контакт Магды с гитлеровской партией состоялся в «Северном кольце», элитном клубе, в значительной степени повлиявшем на распространение праворадикального мышления в высших кругах столицы.

1 сентября 1930 года она вступила в НСДАП, получив в партийной группе района Берлин-Вестэнд членский билет за номером 297442, и этот шаг ни в коей мере нельзя объяснять скукой, отчаянием или наивностью. Образованная горожанка хорошо понимала, что означает свастика.

Основательно и последовательно, как было ей свойственно, она углубилась в идеологию своих новых товарищей по партии. Она внимательно изучила труд Гитлера «Майн кампф», проштудировала «Миф XX столетия» Розенберга, выписала национал-социалистическую газету, читала учебную литературу и речи Гитлера в прессе. С той же страстью, с которой она когда-то восхищалась построением новой жизни на сионистской родине, она была убеждена теперь в превосходстве «германской расы», в еврейском заговоре и кощунстве «навязанного Германии Версальского мира».

Национал-социализм привлекал ее не ради развлечения и разнообразия, а потому, что в нем осуществлялась ее тоска по вере. Она получила задание, полностью захватившее ее, и цель, ставшую ей ориентиром в жизни. Она была не одинока. С возрастающим успехом спасительное учение национал-социали-

стических пророков привлекало последователей: ищущих и убежденных, надеющихся и отчаявшихся. Свастика соответствовала духу времени.

Первая попытка Магды закончилась плачевно. Руководитель отделения поспешно предложил богатой партийке возглавить женское объединение в местной национал-социалистической группе. В аристократическом берлинском Вестэнде у национал-социалистов было не так уж много единомышленников, в сети праворадикальной партии попали лишь мелкие служащие. Благородную даму восприняли в мелкобуржуазной секте как экзотическую сенсацию и провокацию. Умы соратниц по партии больше волновали не доклады, которые она читала, а ее свободный образ жизни после развода и дорогие наряды.

После неудачного дебюта разведенная фрау Квандт вспомнила о своем высоком положении и направилась прямо в штаб-квартиру партии, чтобы там предложить свои услуги. Благодаря образованию и знанию языков она тут же получила должность в архиве гауляйтера, а вскоре и доступ к наместнику Гитлера в Берлине.

За четыре года до этого уроженец Рейнской области Йозеф Геббельс по поручению фюрера принялся штурмовать столь неприступную для национал-социалистов «красную столицу». Его беззастенчивая агитационная кампания вначале принесла демагогу не слишком много голосов, зато появились статьи в прессе и повышенное внимание к его персоне.

Демонстрации, факельные шествия, словесные баталии и провокационные выступления быстро прибавили Геббельсу известности в жадном до скандалов и сенсаций Берлине. Понуждаемая любопытством Магда Квандт посетила одно из его предвыборных выступлений во Дворце спорта. Сначала под звуки марша вынесли знамена, а затем на сцену взобрался худосочный оратор — главная надежда партии. Он казался живой карикатурой на народного трибуна. Низкорослый, хрупкий, с непропорционально большой головой, в плохо сидящем пиджаке и в рубашке со слишком широким воротом, при ходьбе он заметно волочил большую правую ногу — следствие перенесенного в детстве остеомиелита. Но как только доклад-

чик заговорил своим необычным звучным голосом, он тут же завоевал публику четкими, ясными формулировками, наступательным задором, язвительным сарказмом и популистскими замечаниями. Элегантная слушательница, казавшаяся лишней среди простонародной суеты, тоже поддалась воздействию его слов. То, что вещал одержимый проповедник, не имело ничего общего с сухими речами официальных представителей республики. Укротитель масс изощренным арсеналом из мимики и жестов, модуляций и тонов голоса, искусными риторическими оборотами и остротами метил не в холодный разум публики, а в ее чувственное восприятие и приводил свою паству в экстаз, являвшийся смесью злобы и восторга. Предвыборная речь Геббельса укрепила Магду в решимости стать его соратницей.

И вот она сидела в его кабинете. Гауляйтер не упустил случая. Как только он увидел в коридорах своей администрации благородную даму с красивыми чертами лица, привлекательную и элегантную, он тут же вызвал ее к себе. И к удовольствию новообращенной сотрудницы.

Внешне сухо Геббельс сообщил неопитке, что избрал ее для формирования его личного архива.

Гауляйтер знал, что значит информация в политических интригах. Подробные досье на предысторию национальных и международных событий, на политических противников, а особенно на собственных друзей по партии, могут стать важным оружием в борьбе за власть. Поэтому сбор материалов для этого архива гауляйтер собирался вверить симпатичному члену партии, который — в отличие от шефа — мог бы читать и иностранные газеты. Таким образом, Магда попала в распоряжение своего нового начальника и в непосредственную близость от него. С самого начала единомышленница оказалась посвященной и втянутой во все тайны его политической борьбы.

«Не было высказано ни слова симпатии, — вспоминает мать Магды первое свидание своей дочери с Геббельсом, — ни комплиментов, ни каких-то личных замечаний. Но глазами он просто ел Магду. “Я думала, что сгорю под этим цепким, почти пожирающим взглядом”, — рассказала она мне как-то впоследствии».

«Они производили впечатление счастливой семьи, даже когда пошли слухи о Бааровой. Образ идеального семейства так глубоко проник в общественное сознание, что многие посчитали его подделком. Госпожа Геббельс стала еще популярнее: мать с детьми, которая все переносит. Но затем они снова помирились и снова стали счастливой семьей».

Брунхильде Помзель, секретарша в министерстве пропаганды

«Мне казалось, что она пребывала в полной уверенности, что у нее абсолютно верный муж. А люди не были так уверены в этом».

Фрида Смирек, экономка семьи Геббельс

«Достижения немецкой матери ни в коей мере не уступают героической борьбе мужчин на фронте».
Семья Геббельс.

Что касается отношений с дамами, то тощий агитатор ни в коей мере не являл собой дитя печали. В дневнике тех лет он описывает трофеи победителя — знакомства с женщинами, которые с головокружительной быстротой сменяют одна другую. «Любая баба страшно возбуждает меня, — пишет в 1926 году хвастливый Казанова. — Как голодный волк, я мечусь вокруг, но при этом я робок, как ребенок». Не одаренный природой качествами героя-любовника, этот аутсайдер с маниакальным упорством стремился доказать свою мужественность. Любовные истории, мнимые или состоявшиеся, проливали бальзам на его израненную душу, с детских лет испытывшую злобу и презрение со стороны здоровых сверстников.

Записи в дневнике о новом знакомстве читаются как хроника завоевательного похода. «Красивая женщина по фамилии Квандт составляет мой новый личный архив», — записал Геббельс 7 ноября 1930 года. Неделью спустя добавил: «Вчера после обеда у меня была красивая фрау Квандт и помогала разбирать фотографии». Запись от 28 января 1931 года свидетельствует о большей близости: «Фрау Квандт пришла ко мне домой (!) для работы над архивом. Она красивая женщина».

15 февраля Геббельс доложил о победе: «Вечером приходит Магда Квандт. Остается очень долго и расцветает в обольстительном белокуром очаровании. Ты моя королева!» В этом месте автор дневника в подражание Дон Жуану пометил для потомков свой первый интимный контакт цифрой 1. «Прекрасная, прекрасная женщина, которую я, вероятно, буду очень любить! Сегодня я как во сне, полон свершившегося счастья. Как прекрасно любить красивую женщину и быть любимым ею». Через четыре дня любовник мечтает: «Придет Магда Квандт. Будет безмятежно прекрасный вечер. Она великолепная женщина, дает мне покой и сдерживает меня. Я ей за это очень благодарен. Прекрасная Магда!» Через неделю избраннице позволено сопровождать гауляйтера на партийный митинг в Веймар. «До глубокой ночи сижу вдвоем с Магдой Квандт, — докладывает он. — Она пленительно красивая и добрая женщина и любит меня безмерно».

Но эта уверенность вскоре поколеблена. Как оказалось, Магда существенно отличалась от прежних любовниц гауляй-

«Бесконечная болтовня с Магдой. Она рассказывает мне о своих балах, званых вечерах и прочее, прочее. Но меня это не интересует».

Йозеф Геббельс, дневник, 17 февраля 1939 года

«Она была лучшей хозяйкой дома, которую только можно себе представить, очень предупредительной, искусно вела беседу. В разговоре она умела избегать проблем и однозначно производила впечатление великосветской дамы. Она, по-видимому, привыкла играть роль в обществе и первоклассно это делала».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Она полностью исполнила свою роль «первой леди» Германской империи. Главным для нее было выполнение желаний Гитлера, так как у него не было супруги. Ева Браун не пользовалась авторитетом».

Ариане Шеннард, сводная сестра Магды Геббельс

«...так хорошо обладать человеком, который целиком и полностью принадлежит тебе...»

Чета Геббельс с итальянским министром Алфиери.

тера из числа сотрудниц и соратниц по партии. Магда ответила на его бурные ухаживания, но сознательно искала более тесной связи с человеком, у которого своим безошибочным инстинктом почувствовала ауру власти и харизму, она была слишком уверена в себе, чтобы опрометчиво отдаться любви. Ей не хотелось быть просто женщиной, которую показывают как красивую безделушку. У нее была своя голова. «Дома мы впервые поссорилась из-за моих необдуманных слов, — неожиданная запись в дневнике 26 февраля. — Она пишет мне прощальную записку и уходит в слезах. Старая песня! Теперь я вижу, как она прекрасна, и как сильно я ее люблю».

Это явилось началом непрерывной череды страстной влюбленности, драматических размолвок и театрального примирения. Напряжение было запрограммировано, ведь в этих отношениях уверенная в себе светская дама, знающая себе цену, встретила со страстным пашой, не делающим секрета из своего презрительного отношения к женскому полу: «Перед женщиной стоит задача быть красивой и рожать детей», — так Геббельс понимал роль женщины.

Любовник ревностно следил за тем, чтобы не появились соперники, могущие отнять его сокровище. Возлюбленная несколько дней не звонила ему, и Геббельс, казалось, был близок к сумасшествию, узнав, что его предшественник с приступом ревности приходил к Магде домой и устроил целый спектакль: «Я остался совсем один со своим страхом и болью. Магда не звонит. Я звоню ей по тридцать раз на день, ответа нет. Я вне себя, я в отчаянии. У меня появляются безумные видения... Почему она не дает о себе знать? Эта неизвестность смертельна. Я должен поговорить с ней, будь что будет. Сегодня я добьюсь этого любыми средствами. Всю ночь одна только кричащая боль. Хочется выть. Сердце разрывается в груди...»

Но сам пылкий любовник в такие моменты по-прежнему ищет утешения у других женщин, хотя 22 марта и докладывает в дневнике о своей капитуляции: «Теперь я люблю только одну».

Несмотря на перекосы в чувствах, между красавицей и дьяволом установилась связь, захватившая обоих сильнее, чем предыдущие и сопутствующие любовные романы. Она поддержи-

валась общей верой в псевдорелигиозное учение под знаком свастики. Требовалось покончить с прошлым, не соответствующим этой бессмысленной идеологии. Во время совместного отпуска на Северном море в июле 1932 года Магда посвятила своего спутника в подробности своей прошлой жизни. В дневнике Геббельса лишь тайные намеки на то, в чем она исповедовалась. Но, судя по записи, это действительно привело его в ужас: «С Магдой серьезная борьба за наше счастье. В своей прошлой жизни она была слишком легкомысленна и опрометчива. Теперь мы оба должны за это расплачиваться. Наша судьба висит на волоске. Дай Бог, чтобы мы не разбились о ее злой рок».

Что так испугало партийного карьериста в признании Магды? Если бы речь шла только о любовных грехах юности, Геббельс вряд ли употребил столь сильные выражения.

Более убедительным кажется такое объяснение: Магда призналась ему в своем увлечении в молодые годы идеями сионизма и одним из его видных поборников. Как нарочно, именно возлюбленная Геббельса оказалась когда-то в мире, объявленном его партией вне закона. Он опасался «рока», из-за которого эта давняя история может открыться и причинить ему вред? Геббельс, заняв свою должность в Берлине, тут же выгнал тогдашнюю спутницу жизни, у которой мать оказалась еврейкой. С новой возлюбленной он не был столь бескомпромиссным: «Небольшой скандал с Магдой. Она иногда такая бессердечная, когда рассказывает о своем прошлом. Она не до конца порвала с ним».

Но Геббельс предпринял все, чтобы добиться этого разрыва. Квартира на Рейхсканцлер-плац, которую по-прежнему оплачивал бывший супруг Магды Гюнтер Квандт, постепенно превращалась в родной дом для кочевника, обитавшего прежде в крошечных квартирках и питавшегося в дешевых кафе. Шикарная обитель Магды и ее изысканный стиль жизни означали для выходца из мешанской среды рост собственного престижа, который он с гордостью констатировал. Впервые рядом с холостяком появилась женщина, не только восхищающаяся маленьким доктором, но и обучающая его манерам, этикету и стилю в одежде. За это поклонник дарил своей пассии дорогие

подарки, а счета за них с нескрываемой злобой посылал для оплаты отцу Магды Оскару Ричелю.

Вскоре роскошная квартира Магды Квандт превратилась в место встречи «коричневого» общества. Наступил день, когда во время пребывания в столице сам Гитлер посетил салон Магды. Партийному руководителю необыкновенно понравилась буржуазная атмосфера и особенно хозяйка дома. Ее внешний облик и корона золотых волос идеально соответствовали пропагандируемому им типу «германской женщины и матери», а она сама твердо верила в фюрера и его учение.

Кроме того, она сочетала эту веру с умом и интеллектом. Согласно субординации, как вскоре заявил учитель своему окружению, эта образцовая национал-социалистическая женщина по праву должна была принадлежать ему, а не его вассалу. Но как будущий фюрер нации он принял обет безбрачия и поэтому поручил своему берлинскому заместителю заключить брак вместо себя, дабы прекрасная муза и в будущем постоянно находилась рядом со своим вождем. Ритуальные проявления мужской власти породили множество легенд, но все равно очевидно, что Магда сильно притягивала Гитлера, так как отличалась обаянием, преданностью ему и искусством вести беседу. Она же нашла в Гитлере отца, которого ей так не хватало с раннего детства, и радовалась возможности быстро попасть туда, куда всегда стремилась — на самый верх. Своей матери она, руководствуясь холодным расчетом, заявила, что, по ее убеждению, победят или коммунисты, или национал-социалисты: «Если к власти придет движение Гитлера, я буду одной из первых женщин Германии».

Фюреру не пришлось приказывать ей выйти замуж за Геббельса.

Правда, близкие, например, родной отец Оскар Ричель, решительно предостерегали ее, но Магда твердо верила, что нашла в берлинском гауляйтере мужчину своей мечты. Геббельса же к узакониванию отношений подтолкнули внутривнутрипартийные пересуды соперников, пытавшихся дискредитировать связь национал-социалиста с бывшей женой крупного промышленника, которая к тому же когда-то носила еврейскую фамилию Фридендер.

«Госпожа Квандт уже с первого взгляда производила отличное впечатление, которое в ходе разговора только усиливалось... Я замечал, какое удовольствие получал Гитлер от ее простосердечной оживленности. И я также замечал, как она своими большими глазами смотрела на Гитлера...»

Отто Вагнер, начальник штаба СА и советник Гитлера по экономике, 1931 год

«Гитлер почитал ее, а она его еще больше. От нее он принимал советы по общим вопросам и по управлению государством. Она была очень выдержанной, очень замкнутой, очень скромной и очень любимой...»

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Она страстно желала быть признанной Гитлером. Она все время хотела его признания. Так она являлась «первой дамой» рейха, ведь у Гитлера не было супруги.»

Ариане Шеппард, сводная сестра Магды Геббельс

«...если бы у нас не было бы Магды, мы бы имели неважный вид...»

Прием в ведомстве Геббельса, 1936 год.

Забавно, но для бракосочетания пара выбрала роскошное поместье Квандта в мекленбургском Северине. В уединенной усадьбе, в которую фрау Квандт по-прежнему имела доступ благодаря симпатизирующему ей управляющему, они чувствовали себя в безопасности. 19 декабря 1931 года жених с невестой прошли к маленькой деревенской церкви поместья сквозь строй соратников, вскинувших руки в нацистском приветствии. В качестве свидетелей их сопровождали сын Магды Гаральд в форме детской гитлеровской организации и сам Гитлер.

В церкви пастор, сторонник национал-социализма, совершил обряд бракосочетания между врагом католической церкви и воспитанной в католицизме протестанткой.

Покрывалом для алтаря служил флаг со свастикой.

Ради партии пришлось отказаться от медового месяца. Веймарская республика находилась на пороге краха, и в ходе предвыборного марафона свежеспеченный супруг без передышки ездил на митинги, демонстрации, выступления и собрания. Жилище супруги превратилось в штаб-квартиру. На Рейхсканцлер-плац руководство партии разрабатывало политическую стратегию, Эрнст (по прозвищу «Путци») Ханфштенгель и сама Магда садились за рояль, а Гитлер лакомился вегетарианскими деликатесами, подаваемыми хозяйкой дома.

После нескольких выкидышей в предыдущем браке Магда снова находилась в положении и, несмотря на недомогания, наслаждалась бурной жизнью в центре политической борьбы, обещавшей ей успех в будущем. 1 сентября, через десять месяцев после свадьбы, она родила дочь Хельгу. Хотя отец, обладавший патриархальными взглядами, конечно, ожидал наследника, он несомненно радовался удачному началу семейной жизни.

Если образцовая семья попадала под перекрестный огонь критики, например, из-за излишне роскошного образа жизни самопровозглашенного народного трибуна, маленький доктор спасал свою честь своеобразным способом. В дневнике он хвастает: «Один редактор в своей желтой газетенке самым подлым образом задел честь моей жены. К нему на прием пришел эсэ-овец и так долго избивал его хлыстом, пока тот весь в крови не

свалился на пол. Затем он положил на стол свою визитку и покинул редакцию без малейшего сопротивления со стороны присутствующих лакеев-газетчиков. Это единственный способ справиться с клеветниками».

Грубая сила постепенно входила в арсенал агитатора, всеми средствами боровшегося за внимание общественности. Будучи руководителем пропаганды в своей партии, супруг Магды внес значительный вклад в превращение антипарламентской группы в самую многочисленную фракцию в парламенте.

Но, похоже, он выдохся. В ноябре 1932 года на вторых за полгода выборах в рейхстаг число голосов НСДАП впервые сократилось. Партии Гитлера грозили раскол на соперничающие группировки и финансовый крах. Тяжелый экономический кризис, за счет которого правые экстремисты получали голоса избирателей, пошел на убыль. Шансы получить власть на выборах стали таять.

Изнурительные перемены не прошли бесследно для спутницы Геббельса. В Рождество Магду с сильными болями доставили в больницу. «1932 год — сплошная полоса неудач», — пишет в дневнике ее отчаявшийся супруг. Потом стало еще хуже. Пока Геббельс рядом со своим вождем и учителем пытался выиграть власть на фоне умирающей республики, его жена после очередного выкидыша боролась за жизнь. «Мы хотим бороться, победить или умереть! — мрачно писал Геббельс в дневнике. — Я крепко пожал Гитлеру руку: “Я желаю Вам власти!”»

Несколько дней спустя его снова охватила паника: «Между жизнью и смертью. А я за 600 км томлюсь в гостиничном номере. Только страх дал мне понять, как сильно я люблю эту женщину и как бесконечно в ней нуждаюсь... Всю ночь дрожал и молился: Боже, сохрани мне эту женщину. Я не могу без нее жить. Прибыл рано утром. Сразу в больницу. Все такие серьезные. У меня самые страшные подозрения».

После операции больная набиралась сил. В это же время Гитлеру удалось прорваться к власти благодаря влиятельным пособникам из окружения старика Гинденбурга, президента Германии. 30 января 1933 года Гинденбург провозгласил его рейхсканцлером. Два дня спустя Магда Геббельс покинула боль-

ницу. Но час выздоровления и политического триумфа принес ей жестокое разочарование. Партия получила власть, а ее супруг нет, так как, несмотря на торжественное обещание Гитлера, в правительстве, состоявшем из реакционной знати, не нашлось места для яростного бунтовщика. Следовательно, и его супругу лишили первого места.

«Магда очень грустная, — записал в дневнике Геббельс. — Меня размазали по стенке. Гитлер почти не помогает. Я потерял мужество».

Но вскоре пропагандист снова обрел его. Гитлер избавился от своих консервативных союзников, как только получил от них согласие на единовластие. Тут пробил час и для его верного бунтовщика. Став имперским министром народного просвещения и пропаганды, Геббельс пошел в наступление на сознание немцев.

Новая должность оказалась выгодной и для госпожи министерши. Среди избирателей Гитлера женщины составляли большинство, но в самой партии их изначально не было. Нацистское движение представляло собой чисто мужской союз в соответствии с взглядами Гитлера, которые он охотно излагал в частных беседах: «Мир женщины — мужчина» или: «Для женщины интеллект не важен». Поэтому не удивительно, что на первом этапе новые правители не имели надлежащих представительниц. Глава государства считал правильным обходиться без женщины и, соблюдая обет безбрачия, направлять все свои силы на благо только одной «невесты» — нации.

Таким образом, на светскую и представительную супругу министра, пользующуюся благосклонностью фюрера, пала обязанность заполнить эту брешь. Во время официальных приемов и государственных визитов, например, в братскую фашистскую Италию, Магда Геббельс блистала элегантностью и грацией. Роль «Первой дамы рейха» стала главной ролью в ее жизни.

Как неофициальная руководительница имперских женщин, она получила право в День матери, 14 мая 1933 года, выступить по радио с речью о том, какой должна быть идеальная немецкая женщина. В духе государственных взглядов она сначала превозносила матерей, а затем перешла в атаку на робкие попытки женской эмансипации в Веймарской республике: «Раз-

рушились святыни немецкого народа. Мораль, честь, любовь к родине отступили перед вредной и разрушающей силой низких, неблагочестивых убеждений. Упало значение матери, безумство фривольного времени сбросило ее с высокого пьедестала носительницы и хранительницы семьи и сделало простым партнером мужчины, ее целью стало сравняться с мужчиной или даже превзойти его в области политики, работы и морали. Не удивительно, что когда в народе появился мужчина, представитель нового времени и борец за новую мораль и новую честь, женщина и прежде всего мать, инстинктивно потянулась к нему, а затем, осознав его высокие духовные и моральные цели, стала его восторженной сторонницей и фанатичной последовательницей».

Наряду с ослепительным присутствием на официальных приемах фанатичная борьба ограничивалась для Магды Геббельс, в первую очередь, почетной должностью в национал-социалистическом союзе социального обеспечения «Национал-социалистическая народная благотворительность» (NSV) и почетным председательством в созданном «Германском ведомстве моды». Благодаря своей необъятной и изысканной коллекции одежды и шляпок элегантная дама была просто предназначена для этой деятельности. На своем посту она добросовестно боролась против распространения униформы; задавая и здесь тон: «Я считаю своей обязанностью выглядеть так хорошо, насколько могу. В этом плане я хотела бы влиять на немецких женщин. Они должны быть по возможности красивыми и элегантными. На меня возложили высшее руководство «Германским ведомством моды», и на этой должности я попытаюсь своим примером превратить немецкую женщину в истинную представительницу своей расы».

Возведенное в государственную доктрину безумное учение о расах и его ужасающие последствия не прошли мимо Магды Геббельс. Немцев-евреев лишали прав, а зачастую профессии и жизни. Геббельс сам разжигал расовую ненависть, призывая в своих уродливых речах к бойкоту еврейских магазинов и сжиганию важнейших произведений немецкой литературы. Его жена покорно взирала на этот культурный позор. Своей бывшей золовке Элло Квандт она заявила, что Третий рейх теперь

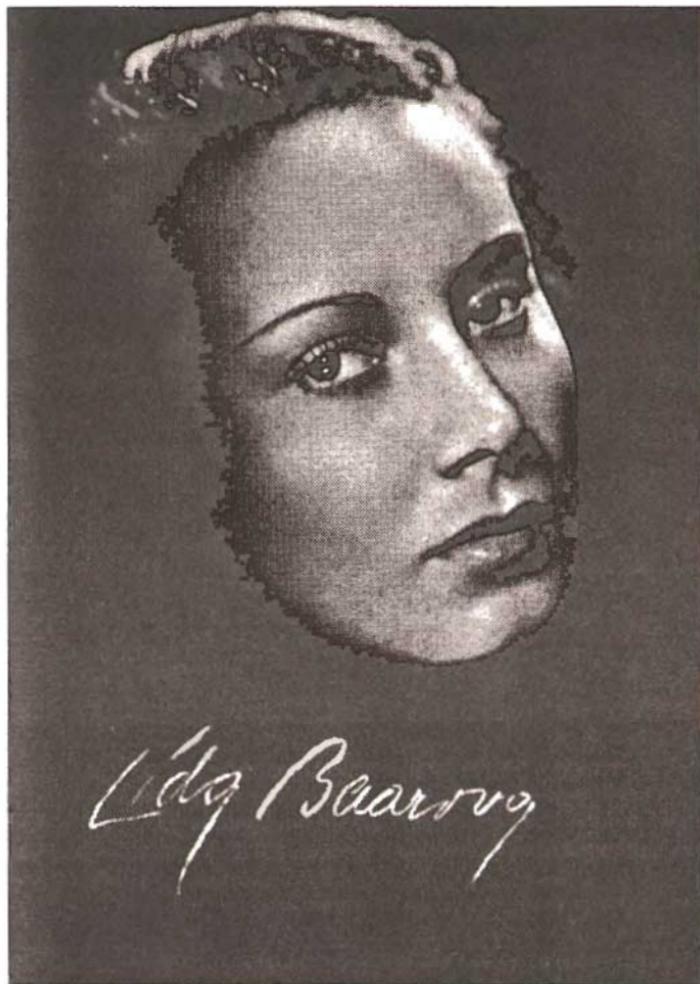
*«...при этом он все время бросал взгляд на Лиду...»
Лидя Баарова (вторая слева) на берлинском кино-балу с Хильдой Кёрбер и Густавом Фрёлихом.*

«Ходили слухи, что Геббельс не пропускает ни одной юбки, не заглянув под нее. Он оставил за собой право, по крайней мере, просматривать списки приглашенных на фильмы актрис. Не знаю, насколько решающим было его мнение. Конечно, говорили, что это его очередная возлюбленная».

Брунхильде Помзель, секретарша в министерстве пропаганды

«Магда Геббельс была умной, уверенной женщиной, знающей, что делает. Дело дошло до того, что она попросила у Гитлера разрешения на развод. Он очень сожалел, потому что очень любил ее детей. Затем в некотором смысле наступило определенное спокойствие в эскападах Геббельса. Магда старалась не замечать сложившегося положения, она была очень интеллектуальной женщиной, многим интересующейся».

Биргитта Вольф, соседка Магды и Йозефа Геббельс в Берлине

*«...Гebbельс не считает необходимым вынуть свою руку из руки Лиды Бааровой...»
Возлюбленная министра пропаганды.*

«Когда я сжигал его личные документы, а он разбирал свой письменный стол, там была и фотография Лиды Бааровой. Он сказал: «Пожалуйста, разорвите». Тогда я сказал: «Господин министр, я этого не сделаю, Вы сами должны это сделать». Тогда он взял фотографию, разорвал ее, а я бросил ее в огонь».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Гebbельса

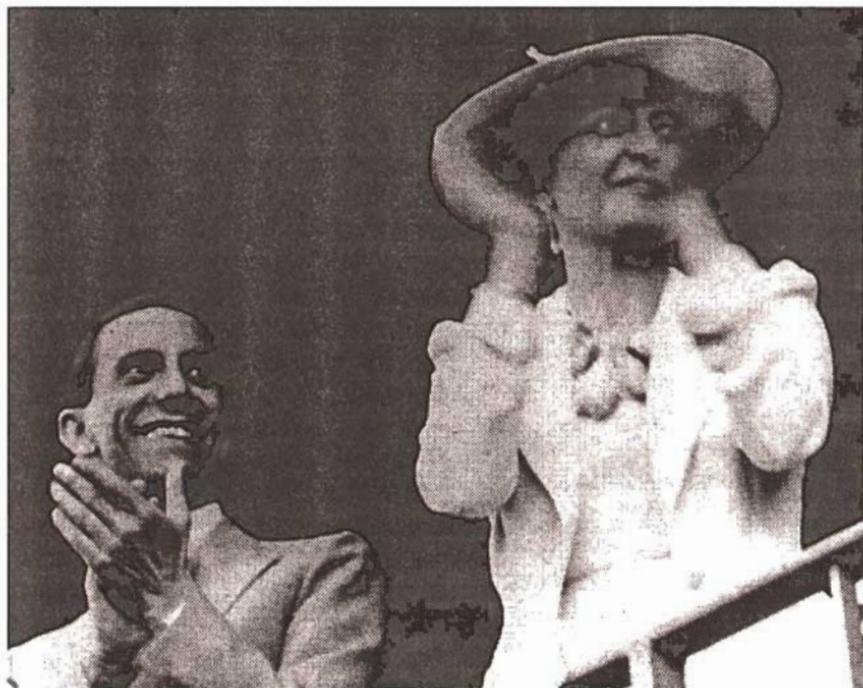
против евреев, и на ее мужа, как министра пропаганды, возложена задача выступать против них в прессе и на радио: «Так хочет фюрер, и Йозеф должен подчиняться».

Но он совершал преступления по политическим убеждениям, а не по приказу. Его жена, «первая дама рейха», также хорошо понимала, к чему ее обязывает положение, и считала недопустимыми «еврейские родственные и дружеские связи» времен молодости.

Как она писала уполномоченному национал-социалистического профсоюза «Германский рабочий фронт» (DAF), Магда Геббельс считала невозможным «одно лишь подозрение, будто она одевается в еврейском доме моды». Одного ее намека оказалось достаточно, чтобы профсоюз закрыл указанный салон моды на Курфюрстендамм и вынудил его владельца-еврея эмигрировать.

Еще более «невозможной» Магде казалась мысль о том, что ее имя свяжут с другом юности Арлозоровым, который тем временем считался одним из ведущих представителей еврейского центра в Палестине. Как руководитель внешнеполитической деятельности Еврейского агентства, 10 мая 1933 года Арлозоров рискнул еще раз приехать в родной Берлин, который теперь, под свастикой, превратился для него в логово льва. На вражескую территорию его привела деликатная политическая миссия: в переговорах с нацистскими властями, некоторых представителей которых он знал еще со студенческих времен, парламентарий хотел добиться смягчения условий для еврейских эмигрантов и права сохранять имущество.

Как рассказывала впоследствии его сестра, Арлозоров, гуляя по знакомым улицам, вдруг увидел в витрине фотомагазина глянцевую фотографию, изображающую министра пропаганды с ребенком и супругой: его юношеская любовь Магда теперь жена воинствующего антисемита! Арлозоров не сразу справился с шоком. Но потом подумал, что знакомство с главной дамой рейха открывает новые возможности для переговоров. Несмотря на возражения близких людей, он вступил в контакт с Магдой, чтобы через нее выйти на ее мужа и национал-социалистическое правительство. Но его бывшая возлюбленная резко поговорила с ним по телефону и настоятельно пре-

«Она очень мила».

«Она такая добрая и терпеливая».

Йозеф Геббельс, дневник, 1 и 3 декабря 1937 года

«Магда все активнее агитировала за новое дело, отдавая ему всем сердцем».

Воспоминания Гюнтера Квандта, Ханс-Отто Мейсснер, 1978 год

«Они всегда очень разумно обращались друг с другом. Это была не громкая любовь до небес, скорее рациональные отношения супругов».

Фрида Смирек, экономка семьи Геббельс

«Мой отец часто спрашивал себя, как можно было так растратить свою жизнь, выйдя замуж за бунтаря. Этому отец не мог понять до конца своей жизни».

Ариане Шенпард, сводная сестра Магды Геббельс

«Она была очень дисциплинированной... на нее можно было положиться, в отношениях она была железной». Геббельс с супругой на гоночной автотрассе на западной окраине Берлина».

дупредила, что любая связь с ней опасна как для нее, так и для него. По словам его сестры, и сам Арлозоров посчитал этот звонок большой ошибкой.

16 июня 1933 года, через два дня после возвращения, руководитель сионистского движения прогуливался вечером со своей супругой Симой по пляжу Тель-Авива, после того как поужинал с ней в близлежащей гостинице «Kate Dan».

Потом к ним подошли двое мужчин, сначала спросили у Арлозорова, который час, затем его фамилию, а потом один из них вытащил пистолет и два раза выстрелил. 34-летнего политика уже нельзя было спасти. Он умер в ту же ночь в расположенном неподалеку госпитале «Hadassah». Его убийцы исчезли в темноте. Погиб один из самых талантливых лидеров еврейского анклава в Палестине. Несмотря на молодость, он сыграл решающую роль в зарождении государства Израиль и впоследствии имел все шансы стать его руководителем.

Община переселенцев в Израиле пребывала в глубоком шоке, последствия которого не забыты и сегодня. Что это? Братоубийство? Евреи убили самого способного из своих лидеров? Или все было иначе? Может быть, приказ об устранении молодого политика пришел из-за границы? И в этом деле замешан сам Геббельс? Рвущийся к власти человек, полностью лишенный совести, хотел, чтобы Арлозоров унес с собой в могилу историю прежней жизни Магды? У Магды были серьезные опасения, когда по телефону она предупреждала друга юности? Существует масса предположений, но подлинных доказательств причастности к этому министра пропаганды не имеется. Большинство улик указывают на то, что убийцами Арлозорова являлись политические экстремисты из Палестины, вменившие ему в вину переговоры с гитлеровским режимом. Это мнение разделяла в суде и его жена Сима.

Но никого не осудили, а из-за недостатка доказательств истинная подоплека и по сей день остается невыясненной. Неоспоримо лишь то, что преждевременная смерть одного из бывших любовников оградила Магду Геббельс при жизни от обнародования ее сионистских пристрастий в молодые годы. Опасаясь преследований, сестра убитого хранила тайну до самой своей смерти.

«Она была блондинка, она была красивая, она была настоящая дама. Геббельсу удалось жениться на ней и родить с ней детей. Это были восхитительные дети... что-то божественное. И она их любила по-настоящему горячо и преданно».

«Я думаю, что роль матери была ее настоящей, подлинной ролью».

Аннелизе Улиг, актриса

«Немецкая мать, очень милая и хорошая. Подлинное совершенство». Магда со своими детьми, 1937 год.

Хотя руководимые Геббельсом средства массовой информации умышленно замалчивали покушение в Палестине, отголоски этого события докатились и до бывшей родины Арлозорова. «Юдише Рундшау» в Берлине, пока еще продолжавшая выходить под строгим контролем, опубликовала большой некролог, посвященный лидеру сионистского движения.

26 июня 1933 года в память об Арлозорове его приверженцы и друзья организовали в Берлинской филармонии поминальный вечер. Пока еще была возможна эта тихая демонстрация единения, хотя вокруг уже начиналась травля евреев.

Не известно, знала ли Магда Геббельс о покушении, или была посвящена во все подробности. Вдали от всех перипетий молодая мама наслаждалась солнцем на курорте Хайлигендамм на Северном море. Со своим одиннадцатилетним сыном Гаральдом и девятимесячной Хельгой первая дама позволила себе первый отдых после напряженного полугодия «Тысячелетнего рейха». «Тихий, благословенный вечер, — пишет Геббельс, посетивший свою семью на курорте, 18 июня 1933 года. — Много работы и определенная досада несколько отдалили нас друг от друга. Мы должны снова стать такими, как прежде. Мы обещаем это себе».

Но намерению не суждено было сбыться. Геббельс не собирался разрешать своей супруге по возвращении с моря снова блистать в обществе, где она чувствовала себя все увереннее. Тщеславный вельможа опасался в лучах ее обаяния оказаться в тени. Во время официальных выступлений министр обычно отправлял свою супругу в машину сопровождения. Он велел ей оставить те должности, которые она занимала и которые приносили ей удовольствие и почет. Не имея реальных возможностей для сопротивления, Магда ответила на это своенравием и лишила его любви. «Вечером скандал с Магдой из-за ее ведомства моды, доставляющего мне очень много забот, — писал Геббельс в дневнике 20 июля 1933 года. — Одни скандалы. Магда должна больше сдерживаться. Так дальше не пойдет. В этом отношении у меня с ней только неприятности. Сердитая в кровати. Сегодня утром отговорки. Не хочет. Да, эти женщины. Во всяком случае, я рад, что скоро ехать в Байрейт».

«Госпожа Геббельс была приятной гостьей, одной из самых дорогих среди тех, кого приглашали туда, в горы... Ухоженная, привлекательная, скромная, всегда сдержанная и очень приветливая».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«Тот факт, что в браке с Геббельсом она родила шестерых детей, соответствовал мировоззрению национал-социалистов. А она была убежденной национал-социалисткой».

Ариане Шенпард, сводная сестра Магды Геббельс

«Гитлер добился примирения...»

Семья Геббельс в гостях у Гитлера, 1938 год.

В культовое место национал-социалистического искусства верховному хранителю культуры пришлось на этот раз отправиться без жены. Магда, обидевшись, осталась дома.

Если он решил отстранить ее от дел, то, по крайней мере, будет посрамлен перед публикой, ежегодно собирающейся на фестиваль Вагнера в Байрейте. Но Гитлер, которому помощник признался в своем позоре, не одобрил демонстративного поведения и велел незамедлительно пригласить в Байрейт столь ценимую им музу.

Оскорбленная супруга охотно подчинилась воле фюрера. Магда появилась в опере с опозданием, после первого акта «Мейстерзингеров», и Геббельс в очередной раз восхитился своим учителем: «Он помирил нас с Магдой. Он настоящий друг. Правда, признает мою правоту: женщинам нечего делать в политическом обществе. Потом скандал вспыхивает с новой силой. В гостинице сплошное несчастье. Все на волоске. Затем примирение... Магда — сладкая и хорошая. Она может быть такой милой. Но в принципиальных вопросах мне нет прощения».

В конце концов честолюбивой супруге пришлось смириться с мужскими принципами. На определенное время Магда Геббельс исчезла с общественной сцены и посвятила себя той роли, которую сама с удовольствием пропагандировала: сохранение домашнего очага и рождение во славу фюрера множества детей. Тем временем семья оставила городскую квартиру, которую Гюнтер Квандт после замужества бывшей супруги перестал оплачивать, и въехала в собственный дом в берлинском предместье Кладов. Хозяйка дома принялась со вкусом обставлять его. Согласно программе, скоро должен был появиться еще один ребенок. И снова семейный скандал. «Надеюсь, мальчик», — требует гордый родитель в дневнике. Но вопреки указанию отца, 13 апреля 1934 года родилась опять девочка, Хильде. Отец рассердился, не прислал цветы, и сам не пришел навестить жену. Только когда Гитлер со свитой явился для поздравлений в клинику, Геббельсу ничего не оставалось, как примириться с неугодным ребенком. К концу визита Магда все же сердито прошептала: «В следующий раз будет мальчик!»

Это требование роженица исполнила быстро. Уже 2 октября 1935 года на свет появился мальчик, которого родители окрестили Гельмутом, следуя странной причуде называть детей именами, начинающимися на одну и ту же букву.

«Вот лежит малыш: лицом Геббельс, — ликует в дневнике гордый отец. — Я безмерно счастлив. Готов все расколотить от радости. Мальчик!»

Но затем снова последовали девочки: Хольде родилась 19 февраля 1937 года, Хедда — 5 мая 1938 года и, наконец, Хайде — 20 октября 1940 года.

Между тем разросшаяся семья переселилась на роскошную виллу, прежде принадлежавшую евреям, на живописном полуострове Шваненвердер на берегу озера Ваннзее. Расположенный в идиллическом месте участок являлся чудесным фоном для национал-социалистической образцовой семьи с послушными детками и преданной, заботливой мамой. В 1937 году студия «УФА» запечатлела семью Геббельса на пленке и подарила на день рождения высшему киноруководителю. По указанию Геббельса, семейная хроника в сокращенном варианте попала на экраны общественных кинотеатров, однако в его адрес раздалась критика за господский стиль жизни его семьи.

Без всякого стеснения Геббельс представил своих детей как пример «чистокровного» потомства без наследственных заболеваний, в отвратительной пропагандистской ленте «Жертвы прошлого», оправдывавшей бесчеловечную дискриминацию умственно больных и инвалидов. А когда «дядюшка фюрер» появлялся в своей любимой ипостаси друга детей, очаровательные отпрыски министра пропаганды, облаченные в белые платица, изображали статистов. Вопреки распространенной легенде, семья не ограждала своих детей от униформы гитлерюгенда. Как и Гаральд, Хельга стала членом детской организации и, как гордо заметил отец, «бурно радовалась этому».

Для полного соответствия идеалу Геббельс окружил себя статусными символами нуворишей: фешенебельными машинами, моторной лодкой под названием «Бальдур» и большой яхтой. Магда Геббельс умело управляла семьей и хозяйством. Она стильно и со вкусом обставляла покои и обсуждала с архитек-

торами, в том числе с Альбертом Шпеером, планы реконструкции дома. Как хозяйка, она успевала следить за всем.

Хотя кулинарное искусство не входило в число ее талантов, она так умело руководила прислугой, что ей никогда не приходилось смущаться перед гостями, которых без предупреждения привозил муж. Однажды она сказала, как узнать настоящую даму: «Настоящая дама, не моргнув глазом, будет продолжать беседу с гостями, если даже у нее на кухне взорвется плита».

Большое внимание она уделяла и своему внешнему виду. Несколько раз в день меняла макияж и наряды, сшитые у лучших модельеров; тщательно следила за безупречностью прически и маникюра. Элегантная дама спокойно игнорировала созданный партией и предписанный соотечественницам образ немецкой женщины, которая не красится, не пьет, не курит и одета, как Гретхен. В этом отношении Магда Геббельс стояла над простым народом.

Постепенно владения семьи расширились, был приобретен загородный дом на озере Богензее севернее Берлина. На его перестройку ушло 2,26 миллиона рейхсмарок, которые министр взял с киноиндустрии, а официальный дворец рядом с министерством отреставрировали по вкусу хозяина и его жены за 3,2 миллиона рейхсмарок, взятых на этот раз из государственной казны. Кульминацией обещал стать ночной бал на шикарном Павлиньем острове на озере Ваннзее по случаю Олимпийских игр 1936 года, на который господин министр с супругой пригласили 3000 гостей со всего мира. Но старые вояки «боевых времен», готовые напиться и подражаться, превратили торжественный прием в общественный скандал.

Между тем дамы «коричневого общества» с поразительным единством пренебрежительно взирали на абсолютно не соответствующую им по статусу подругу фюрера — помощницу фотографа Еву Браун. Появляясь в окружении Гитлера, она являлась постоянным объектом язвительных замечаний и неуважительных насмешек. Жена министра пропаганды также считала ниже своего достоинства приглашать на кофе соперницу, окрещенную, впрочем, не без оснований, «белокурой дурочкой». Но фюреру не показалось забавным, когда его возмущенная

любовница сообщила ему о своей изоляции, и Магда Геббельс на определенное время была наказана презрением всемогущего вождя.

Гитлер, любивший проводить время в кругу их семьи, перестал бывать в доме Магды.

Гитлер обычно проявлял отеческую заботу, и опала задела Магду, но она, как обычно, не подала и виду. Стоическое владение собой являлось основным качеством этой женщины-соратницы. С помощью железной самодисциплины она соблюдала строжайший распорядок дня, расписанный по минутам, и сохраняла для внешнего мира картину идеальной семьи, в действительности давно уже давшей трещину. Не проявляя ни малейшего волнения, она вежливо обслуживала за завтраком нежданную гостью, прежде чем также невозмутимо отправить ее на вокзал. Хотя молодая дама, без сомнений, провела ночь с хозяином дома.

Став отцом семейства, Геббельс не отказался от навязчивого стремления доказывать свою мужскую силу, тем более что руководство кинопроизводством Третьего рейха обеспечило ему полное право повелевать актрисами. Многочисленные «звезды» и «звездочки» «УФА» более или менее охотно соглашались подтвердить славу министра как неотразимого соблазнителя. Для честолюбивого Казановы с комплексами в первую очередь был важен внешний успех. «Французский Людовик XIV, английский Карл и даже победоносный Наполеон брали столько женщин, сколько хотели, а народ все же боготворил их», — заявил как-то одержимый манией величия Геббельс.

В этом отношении подражателю не удалось сравняться с его великими кумирами, но в народе и в самом деле много говорили о «бабельсбергском бычке» и его любовных похождениях. А его собственная супруга, которая, согласно широко распространенной легенде, единственная не подозревала о его многочисленных изменах, в действительности просто закрывала на все глаза. Ей было важнее сохранить видимость и домашний очаг.

Со своей стороны, ей тоже удавалось вызвать ревность неверного супруга. 1 августа 1936 года в дневнике Геббельса запись: «Скандал с Магдой. Розенберг рассказал мне неприят-

*«Фюрер находит слова высшей похвалы для Магды...»
Магда принимает пожертвования от Гитлера в День солидарности.*

«Можно было видеть... Гитлер был тогда полностью раскрепощен. Она — одна из немногих дам, к кому он обращался за советом, учитывал их и, возможно, воплощал в жизнь, стремясь влиять на людей».

Герберт Деринг, управляющий именем Гитлера «Бергхоф»

«Связь Гитлера с госпожой Геббельс была чисто интеллектуальной, но очень тесной. Гитлер много и охотно беседовал с ней с глазу на глаз».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Звонит Магда; она так мила и добра ко мне. Настоящая женщина!»

Йозеф Геббельс, дневник, 5 августа 1938 года

«Она была очень выдержанной. В присутствии чужих людей никогда не выходила из роли, даже если в душе была взволнованна».

Фрида Смирек, экономка семьи Геббельс

«Ее болезни скорее были отговорками. Ведь она все-таки родила семерых детей, причем не оставаясь подолгу в кровати после родов».

Ариане Шенпард, сводная сестра Магды Геббельс

«Магда снова в прекрасной физической форме...»

Персонал кухни и официантки санатория Ламанна.

ную историю с Людеке. Говорю с Магдой об этом. Но дело еще не ясно».

Курт Георг Вильгельм Людеке, родившийся в 1890 году, в 1920-е годы принадлежал к ближайшим соратникам Гитлера и устанавливал контакты с нацистскими активистами в США. С Магдой у него была связь в 1930 году, после ее развода с Квантдом. По некоторым данным, именно он привел ее в НСДАП. В ходе интриг соперничавших фракций он вскоре оказался вне игры, а в 1934 году попал на короткий срок в концлагерь Заксенхаузен, пока его друг по партии не помог ему бежать. Похоже, в расчете на протекцию он по-прежнему поддерживал отношения с Магдой.

В 1937 году в эмиграции в Америке Людеке в отместку нацистскому режиму сообщил, что неоднократно посещал свою бывшую возлюбленную, последний раз в 1936 году: «Я как раз рассказывал госпоже Геббельс о моем разочаровании недостойным соперничеством внутри партии в столь критическое время. Мы сидели на широком, удобном диване, перед нами стоял низкий чайный стол. Я говорил взволнованно, и Магда сочувствующим, дружеским жестом положила свою ладонь мне на руку.. Вдруг открылась дверь, и на пороге показался маленький доктор.

Он застыл на какое-то время, держась за ручку двери и уставившись на нас широко раскрытыми глазами на бледном, усталом лице. На мгновение наступила мучительная тишина. Я медленно поднялся и бережно снял руку Магды со своей руки. Геббельс с мрачным лицом подошел ближе... Наверняка он не был рад увидеть меня здесь. Его жена попросила меня остаться на ужин, но я извинился и немедленно удалился».

Всего лишь злополучное недоразумение? В дневнике Геббельса описывается настоящий семейный кризис: «Вначале ссора с Магдой. Из-за визита. Она плачет, и мне ее снова становится жаль. Просто беда. Дело с Людеке тоже не совсем ясно. Говорит ли она правду? Не знаю». К вечеру ему известно больше: «Ночью Магда призналась, что с Людеке все верно. Я очень подавлен. Она постоянно говорила мне неправду. Полная потеря доверия. Все так страшно. В жизни без компромиссов не обойтись. Это ужасно! Мне потребуется много времени, чтобы отдохнуть от всего».

«Вчера: тяжелый день. Вечером перед этим долгий разговор с Магдой стал сплошным унижением для меня. Никогда ей этого не забуду. Она такая черствая и жестокая».

Йозеф Геббельс, дневник, 18 августа 1938 года

«Она являлась исполняющей рукой Гитлера на всевозможных общественных мероприятиях. Когда она уезжала, она всегда так устраивала, чтобы до нее можно было дозвониться... Впрочем, она могла уехать только на пару дней».

Ариане Шеппард, сводная сестра Магды Геббельс

«Эта женщина, какой я ее знала, вряд ли жила, руководствуясь какой-то идеологической преданностью. Она была женщина. А вся система была такой мужской».

Аннелизе Улиг, актриса

«Она
пленитель-
но красивая
и добрая
женщина...»
Прием в
замке
Шарлот-
тенбург.

Мучимый ревностью мужчина, не испытывая угрызений совести, искал отдохновение в любовных развлечениях. Но однажды его поразило более глубокое чувство. Интрижка с 22-летней чешской актрисой Лидой Бааровой превратилась в отношения, имеющие серьезные последствия. При любой возможности министр брал молодую даму в усадьбу на Богензее, где оба безмятежно предавались любви, как в кино. Без стеснения любовники появлялись на кинопремьеры и приемах, пока об их отношениях не заговорил весь город и вся страна, а затем слухи дошли и до Магды Геббельс.

Даже в этом случае измученная супруга искала вначале не разрыва, а договоренности ради соблюдения внешнего приличия. Она вызвала Лиду Баарову к себе и, как впоследствии рассказывала актриса, ошеломила соперницу следующим признанием: «Да, знаете ли, он гений, и мы должны существовать для него, обе. Что происходит в моем доме, решаю я. Что происходит вне моего дома, мне все равно. Вы должны обещать мне только одно, что не заведете от него ребенка».

Не известно, как на самом деле протекал разговор, действовала Магда по убеждению, необходимости или хитрости, но, действительно, некоторое время существовала «любовь втроем». «Прочная связь с Бааровой, которую он, очевидно, на самом деле любит, — так оправдывалась обманутая супруга в разговоре с бывшей золовкой Элло Квандт, — возможно, удерживает его от других бесконечных историй, способных разрушить его славу и его положение. Я буду пытаться выстоять, буду пытаться понять его. Может быть, мне удастся удержать Йозефа своим великодушием. Когда-нибудь это с Бааровой тоже пройдет. Если я сейчас уйду от него, то потеряю мужа навсегда. А так я сохраню себе Йозефа на последующие годы. В старости он будет принадлежать только мне».

При всей стратегической дальновидности «вынужденный тройственный союз» не мог существовать долго. По сообщениям гостей, Лида Баарова иногда вела себя как хозяйка дома. Например, во время посещения кабаре Геббельс бесцеремонно обращался со своей супругой, в то время как сам сидел с любовницей в соседней ложе.

Терпение лопнуло. Магда находилась на грани нервного срыва. Как часто с ней бывало, душевные переживания отразились на ее здоровье. Чтобы собраться с духом, она несколько недель провела на своем любимом курорте «Белый олень» в Дрездене.

Мечтая о помощи, она вдруг получила неожиданную поддержку. Благородным рыцарем, собравшим документальные подтверждения супружеской неверности шефа, оказался статс-секретарь и соратник Геббельса Карл Ханке. В качестве доказательств он представил ей интимные письма и сообщения, к которым у него был доступ в министерстве. Спаситель, в свое время положивший глаз на госпожу министершу, укрепил ее в решении развестись. Но столь далеко идущие намерения в Третьем рейхе осуществлялись только с согласия шефа. Прежде чем Магда успела изложить свое дело Гитлеру, Геббельс проведал о ее намерении и успокоил шефа: все это лишь женская истерия. Перед супругой изменник появился с покаянным видом и букетом цветов, театрально обещая в будущем оставить все любовные похождения. По ее просьбе он жизнью своих детей поклялся в верности. Сказал, а затем уехал и с новой силой окунулся в море удовольствий, несмотря на все заверения. Для министра пропаганды искусная лож являлась повседневной работой.

Но благодаря своему кавалеру Ханке обманутая супруга незамедлительно узнала о новых выходках обманщика. Для нее все было кончено. Магда Геббельс уехала и нашла себе приют в грюневальдской вилле статс-секретаря Ханке, не потому что искала его близости, а просто желая в этой личной войне нанести поражение неверному мужу. «Магда такая черствая и жестокая», — сетует Геббельс в своем дневнике и, полный жалости к себе, заявляет, что скорее поедет консулом в Японию, чем подчинится.

Но вообще-то он упустил из виду главного судью. Гитлер не потерпел скандала и развода из-за чешки, тем более что в это время он как раз планировал оккупацию ее родины. Образцовая семья Третьего рейха должна была соответствовать пропагандистскому идеалу.

Вожь призвал к себе в «Бергхоф» поссорившихся супругов и велел помириться, что было незамедлительно запечатлено для

*«В это трудное время она мне драгоценная опора».
Семья Геббельс.*

«Женщина создана, чтобы стать матерью, мужчину, чтобы содержать и охранять семью. Так, как мужчина находит свое высшее счастье в успехе своего созидания, стремления и труда, в достижении жизненной цели, женщина находит это счастье только в исполнении своего жизненного предназначения, в материнстве!»

Магда Геббельс «Счастье колыбелей», Ханнес Шмальфусс, 1941 год

«...Дети были так просто одеты и по своему поведению самые обычные дети, никакого чванства...»

Брунхильде Помзель, секретарша министерства пропаганды

«Всю свою жизнь она отдала Гитлеру. Она делала все, что ему нравилось».

Ариане Шенпард, сводная сестра Магды Геббельс

«Ее тогда называли «первой дамой» режима, и по праву, так как она была не только единственной дамой, но и единственной женщиной, которая вообще играла эту роль в обществе. Рядом с Гитлером не было признанной подруги или официальной жены».

Аннелизе Улиг, актриса

«Одно время у Геббельса были очень плохие отношения с женой, которую он, без сомнения, сильно обманывал. Но именно в последние годы войны они снова соединились».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

«Она оставалась верной своей жизни, до конца...»
Чета Геббельс.

имперской прессы на задушевной семейной фотографии. Геббельсу категорически запретили встречаться с Лидой Бааровой, и на какое-то время он лишился благосклонности всемогущего фюрера. Его возлюбленную спустя некоторое время отправили на родину, а супруга могла торжествовать. Видимость была восстановлена.

Но Магда Геббельс не собиралась покорно возвращаться в обманчивый мир домашней гармонии. Одно время она всерьез раздумывала над настойчивым предложением Ханке о замужестве. В августе 1939 года она, наконец, решилась возвратиться домой. Через год на свет появилась Хайде — «дитя примирения». От неверного помощника Ханке Геббельс избавился довольно элегантно. Он позаботился о назначении статс-секретаря гауляйтером в Бреслау, в Силезию, на его родину, и таким образом Ханке исчез из поля зрения его супруги.

В то время как Магда Геббельс переживала семейный кризис, режим, которому она продала душу, все сильнее преследовал ее отчима Рихарда Фридлендера. В период господства антисемитизма человек, с которым Магда провела детство и юность, потерял профессию и социальное положение. Он работал обер-кельнером в одном из ресторанчиков в берлинском парке Тиргартен и с трудом содержал себя и свою новую жену Эрну Шарлоту. Однако, как и многие евреи, он не допускал мысли об эмиграции, полагая, что страна многим обязана ему, офицеру Первой мировой войны. Придя за поддержкой к своему зятю Йозефу Геббельсу, он, по словам его внука, получил решительный отпор. Можно предположить, что и супруга Геббельса знала о судьбе Фридлендера, хотя и избегала любого контакта с ним.

В 1938 году гитлеровские власти перестали сдерживаться в так называемой «еврейской политике». После дискриминации, лишения прав и профессии немецких евреев репрессивными мерами стали принуждать к эмиграции, при условии, что они оставят все имущество Германии.

Эта широкомасштабная акция чистого вымогательства началась уже в июне 1938 года серией арестов евреев. Отчим Магды стал одной из первых жертв. В ходе провозглашенной кампании против «тунеядцев» и имеющих судимость арестовали

2000 евреев, большинство из подконтрольного Геббельсу Берлина, и выслали в концлагерь Бухенвальд. Рихарда Фридендера арестовали 15 июня 1938 года прямо на рабочем месте, поездом отправили в Веймар и оттуда в грузовике в концлагерь на горе Эттерсберг.

Позже один из выживших описал, как обращались с вновь прибывшими, в основном, пожилыми врачами, адвокатами, бизнесменами или рабочими: «Наше прибытие в концлагерь Бухенвальд превратилось в сплошное издевательство. Эсэсовцы избивали нас кулаками и ногами. 500 человек запихнули в бывшую овчарню. Ужасная скученность. Ни столов, ни стульев, ни кроватей. Ночью мы спали на голом полу и не могли даже вытянуться, так было тесно». В первые дни заключенным не давали еды, не было возможности помыться. Зато часами длились переклички, построения, наказания, пытки и публичные порки, например, за курение.

Потом заключенных отправили на рабскую работу в каменоломни и на строительство дорог, каждый день с 6 до 20 часов, по воскресеньям до 16 часов. «Когда мы строим шли на работу, среди нас были мужчины 65 лет. Эсэсовец с палкой в руке гнал нас к новому рабочему месту — пресловутой каменоломне. 80% из нас никогда не работали физически, а нам приходилось носить тяжеленные каменные глыбы, которые даже квалифицированные рабочие с трудом могли поднять. Некоторые глыбы были такие тяжелые, что их поднимали несколько человек, чтобы положить кому-то на плечи. Потом мы тащили камни на шоссе, расположенное примерно в полутора километрах, которое тоже строили заключенные. Шоссе круто поднималось вверх, и последние пятьсот метров нас пинками и ударами прикладов подгоняли стоящие вдоль дороги часовые-эсэсовцы.

Больше всего страдали пожилые, которым все это было просто не под силу. А потом мы тут же возвращались обратно в каменоломню, и бешеная гонка начиналась снова».

К октябрю 1938 года, не выдержав мучений, скончалось более 100 заключенных. Среди измученных и страдающих от недоедания людей свирепствовали эпидемии, число умерших постоянно росло. Не выдержал нечеловеческих условий в Бу-

хенвальде и Рихард Фридендер. В свидетельстве о смерти от 18 февраля 1939 года кратко указана причина: «Перерождение сердечной мышцы при воспалении легких». Охранники буквально замучили его до смерти. Отчим Магды Геббельс пал жертвой национал-социалистического расизма за годы до массового уничтожения евреев. Его вдова, которая каждую неделю, пытаясь смягчить ужас заключения, посылала ему разрешенные пять рейхсмарок, получила только его гроб с его телом. Свой последний покой Рихард Фридендер обрел в безымянной могиле на еврейском кладбище в берлинском районе Вайсензее. В этой книге мы впервые попытались восстановить его судьбу.

Неизвестно, узнала ли падчерица о его одинокой и страшной смерти и проявляла ли вообще интерес к этому. Но она приняла уничтожение евреев, к которым она так близка была в юности, как многие приверженцы режима. При этом она лучше, чем многие ее соотечественники, знала, какая судьба уготована жертвам режима. Геббельс ничего не скрывал от своей жены. «Ужасно то, что он мне сейчас рассказал. Я просто больше не выдержу, — признавалась она своей бывшей золовке Элло Квандт, в то время когда фабрики смерти полным ходом выполняли свою ужасную работу. — Ты даже не представляешь, какими страшными вещами он меня нагружает, а я даже никому не могу излить душу. Мне же нельзя ни с кем говорить... Он все вываливает на меня, потому что для него это слишком. Этого нельзя ни постичь, ни представить».

Чем дальше шла завоевательная война, развязанная Гитлером в 1939 году, тем ближе друг другу становились Магда и Йозеф Геббельс. Пропагандист пребывал в своей стихии.

Война предоставила ему цели, на которые он мог направить свои силы. Как в счастливые годы «борьбы», он мог нападать и возвещать о подлинных или мнимых победах.

Под знаком патриотического генерального наступления его супруга вернулась к общественной работе, от которой была отстранена в мирное время. В духе требуемой боевой готовности она в начале Второй мировой войны в одном из госпиталей окончила курсы медсестер Красного Креста, правда, никогда не применяла эти знания на практике. Шла ли речь о выступ-

«Народные массы любили наблюдать за госпожой Геббельс и ее очаровательными детьми, все очень мило одеты, великолепная супружеская пара. Это хорошо принималось публикой. Это было просто красивым зрелищем».

Брунхильде Помзель, секретарша министерства пропаганды

«Она являлась "Первой дамой рейха". Она заботилась обо всем, связанном с гостями. И делала это охотно, поскольку делала это для Гитлера».

Ариане Шепард, сводная сестра Магды Геббельс

«Национал-социалистическая идеология поразила ее воображение, как ничто прежде...»

Супруги Геббельс приветствуют югославского кронпринца с супругой.

лениях перед женщинами, о встречах с супругами иностранных государственных деятелей, о подарках для солдат на фронте или о поднятии духа солдатских вдов, Магда была во всеоружии.

Она делала хорошую мину при плохой игре. К супруге министра, как к «первой леди», обращались со своими бедами женщины и матери всего рейха. В ее приемную приходили сотни писем с просьбами. Женщины связывали с Магдой Геббельс надежду на спасение. Одни просили о финансовой поддержке, и благотворительница помогала им личными деньгами. Другие просили помочь выволить детей из приютов. «Так как Вы тоже любящая мать, — писала одна из просительниц в 1941 году, — я надеюсь, что Вы полностью войдете в мое положение». Образцовая мать вошла в положение и позаботилась о том, чтобы эвакуированного сына вернули в Берлин. Наряду с мольбами о помощи приходило и много писем от поклонниц, выражавших «Первой даме рейха» свое глубокое восхищение, подчас в неловких стихотворных строках. «Над твоими волосами светлыми венец», — писала почитательница из Франкфурта. «Счастье отражается в твоих глазах! Столько детей окружает тебя, и имя “мама” звучит всегда... Ты — символ немецкой женщины. Благоговейно стою я и вижу в твоих голубых глазах широкую душу. Ты разделяешь судьбу многих женщин, в тяжелые дни став еще добрее...»

Поднятая на пьедестал, «идеальная немецкая женщина» как простая «жена солдата ковала победу в тылу».

Отказавшись от водителя, она три месяца ездила в город на трамвае и собиралась работать на оборонном предприятии «Телефункена», но ей помешал очередной приступ болезни. Позднее она вместе с домашним персоналом наматывала катушки взрывателей. Приходившие к ней гости получали скудный ужин, только отдав ей карточки.

Гаральд, сын Магды от первого брака, с начала войны был на фронте. Хотя мать с тревогой следила за участием молодого лейтенанта в боевых действиях, для нее было немыслимо просить о привилегиях для сына. Напротив, мать и отчим Геббельс с гордостью воспринимали его военные награды, требуя при этом обязательного участия в боевых действиях. Когда в нача-

ле 1944 года Гаральд, простудившись, некоторое время находился в госпитале в Мюнхене, дома это восприняли почти как дезертирство. В своем дневнике Геббельс пишет: «Я настоятельно призвал его побыстрее выздороветь и вернуться в свою часть. Впрочем, в понедельник Магда навестит его в Мюнхене и задаст головомойку».

Порицание домашних возымело действие. Гаральд вернулся в свою часть в Италию и в том же году, раненый в тяжелых боях, попал в плен к англичанам.

Изменение положения на фронтах после катастрофы под Сталинградом усилило активность министра пропаганды. Как «уполномоченный по тотальной мобилизации», Геббельс получил широкие полномочия по уничтожению остатков гражданской общественной жизни и прочесыванию предприятий на предмет обнаружения резервов для фронта и вооружения, как он под бурные аплодисменты заявил в своей пресловутой речи во Дворце спорта. Его жена, находящаяся в зале, полностью разделяла его тоталитарный порыв. «Я очень рад, — с гордостью писал Геббельс в дневнике, — что, прежде всего, в вопросе тотальной войны она занимает непреклонную и радикальную позицию. Если бы все нацистские женщины думали, как она, то дела с нашей тотальной войной обстояли бы гораздо лучше».

Но сама Магда Геббельс мало что знала о реальной жизни — тяготах выживания, ночных бомбежках, борьбе за жизнь среди руин и подневольном труде на оборонных предприятиях.

В августе 1943 года она переселилась с детьми в семейное поместье на озере Богензее. В мирной идиллии Шорфхайде, расположенного севернее Берлина, гул бомбардировщиков был почти не слышен. Если важные обстоятельства требовали пребывания Геббельса в официальном дворце, то и там имелась надежная защита от налетов. Бесшумный лифт переносил обитателей дома в бункер, расположенный в 14 метрах под землей. Ковры, кресла, спальни, полностью оборудованная кухня, кондиционеры и битком набитый винный погреб создавали комфортные условия и во время бомбардировок.

Все же во время войны у Магды Геббельс не часто появлялась возможность посвятить себя вновь обретенной семейной

жизни. Неделями, даже месяцами, она находилась в больнице и санатории. Болезненные воспаления челюсти и лицевого нерва, сердечные атаки и тяжелые депрессии превратили жизнерадостную женщину в изможденную тень. Она много пила и курила, утратив привычную уравновешенность.

Болезни являлись внешним отражением внутренней раздвоенности. Призывая других к стойкости, она сама несколько не сомневалась в предстоящем крахе рейха, которому посвятила жизнь. Неудержимое продвижение Красной Армии и провал наступления в Арденнах в начале 1945 года разбили последние надежды на перелом в войне. Разговоры у камина загородного дома на Богензее в основном крутились вокруг сценария ухода. После долгой борьбы и пролитых слез Магда Геббельс согласилась со своим мужем до конца остаться вместе с детьми в Берлине. «Я заявил фюреру, что моя жена полна решимости тоже остаться в Берлине и даже отказывается отослать детей, — записал Геббельс в своем дневнике 1 февраля 1945 года. — Фюрер считает эту позицию ошибочной, но достойной восхищения».

То, что родители с самого начала подписали смертный приговор для всей семьи, единодушно подтверждают их тогдашние собеседники. «Мы все должны сейчас отравиться», — сухо заявила Магда Геббельс, отправляясь 22 апреля со всей семьей в бункер Гитлера под имперской канцелярией. «Жизнь, которой вы все будете жить после ее крушения, ...не будет достойна жизни, — обосновывала она свое решение близкой ей Элло Квандт. — Что касается нас, верхушки Третьего рейха, мы должны отвечать за последствия. Мы потребовали неслыханного от немецкого народа, с неумолимой жестокостью обращались с другими народами. Победители сурово отомстят нам... Мы не можем трусливо скрыться. У всех других есть право на дальнейшую жизнь, у нас нет. У нас нет этого права... мы оказались несостоятельны».

Но ее вывод означал не осознание краха, а попытку уйти от ответственности. Ее не может скрыть даже лживый пафос верности к фюреру, как у «Нибелунгов». В последний час империи быть рядом со своим идолом. Эта сумасшедшая мысль вытеснила все предостережения разума.

*«...может
быть, я
смогу
обрести
спокойное
счастье с
таким
солидным
граждани-
ном, как
Ханке».
Карл Ханке.*

«Вечером она мне все открыла. Я так и предполагал. Ханке оказался пройдохой высшего класса. Мое недоверие к нему полностью оправдано. Я сделаю из этого соответствующие выводы. Магда перед страшной дилеммой. Но я помогу ей справиться».

Йозеф Геббельс, дневник, 23 июля 1939 года

Для верной соратницы высшей ступенью удовлетворения явилось то, что Гитлер на прощание в холодном коридоре бункера вручил ей свой «Золотой партийный значок». Всегда сдержанная женщина разрыдалась. Ни одна женщина не получала до этого такой награды. Теперь он был лишь кусочком металла, но Магда Геббельс давно уже утратила чувство реальности. «Вчера вечером фюрер снял свой Золотой партийный значок и прикрепил его мне, — писала она в прощальном письме сыну Гаральду, единственному из ее детей, пережившему войну. — Я горда и счастлива. Дай Бог, у меня останутся силы, чтобы совершить последнее, самое сложное. У нас только одна цель: верность фюреру до смерти, и то, что мы можем закончить жизнь вместе с ним, есть милость судьбы, о которой мы не решались и мечтать».

При этом было множество попыток спасти из бункера хотя бы детей. Друзья, знакомые, партийные функционеры, даже сам Гитлер предлагали Магде Геббельс возможности эвакуироваться. Перед самым концом летчица Ханна Рейч умоляла мать разрешить ей на самолете увезти детей из осажденного города.

Но Магда Геббельс оставалась непреклонной, она приняла свое решение.

На следующий день после самоубийства Гитлера мать нарядила детей в ослепительно белые одежды. «Не пугайтесь, дети, — успокоила она их после слов доктора, помогавшего ей, — вы получите укол, как все солдаты». Когда средство подействовало и дети заснули, мать приступила к умерщвлению. Врач предпочел покинуть комнату детей. Она засунула ампулы с цианистым калием в рот своим детям: двенадцатилетней Хельге, одиннадцатилетней Хильде, девятилетнему Гельмуту, восьмилетней Хольде, шестилетней Хедде и четырехлетней Хайде. Когда второй врач зашел в комнату, то, по его словам, она уже закончила свою смертоносную работу.

Прежде чем вместе с мужем уйти из жизни, Магда Геббельс еще раз спустилась на самый нижний этаж бункера, чтобы еще раз разложить пасьянс. Теперь она все проиграла.

«Я сообщил фюреру, что Магда с детьми при любых обстоятельствах останется со мной, даже если Берлин будет атакован и окружен. После некоего колебания фюрер соглашается».

Йозеф Геббельс, дневник, 5 марта 1945 года

«Наша чудесная идея гибнет. В мире после фюрера и национал-социализма уже не стоит жить, и поэтому я возьму с собой и детей. Их слишком жаль для жизни, которая придет после нас...»

Магда Геббельс в письме к своему сыну Гаральду Квандту, конец апреля 1945 года

«Она была целиком и полностью на стороне своего мужа, и ее не уговаривали и не прельщали принять смерть, как в «Нибелунгах». Они решили это вместе — для себя и всей семьи».

Вильфрид фон Овен, личный референт Йозефа Геббельса

*«...Я родила их для Гитлера и Третьего рейха...»
Трупы детей, 1945 год.*

Лени Рифеншталь

РЕЖИССЕР

«Я никогда не хотела зависеть от кого-нибудь в жизни. Когда видела, как мой отец обращается с матерью: стучит ногами как слон, если на накрахмаленном воротнике рубашки не расстегивается пуговица, я клялась себе, что во взрослой жизни сама буду стоять у руля. Все будет решать только моя собственная воля».

«Когда рождается гармония, я счастлива».

«У меня всегда была привычка заниматься только тем, что меня интересует».

«Все заурядное мне не нравится. Меня привлекает только необычное».

«Я не хотела попадать под влияние Гитлера. Я только восхищалась тем, как ему удалось ликвидировать безработицу, как успешны все дела, которые он осуществляет. Что при этом убили миллионы людей, евреев, я не могла знать».

«За чистое искусство — а к этому стремилось большинство художников — нельзя нести ответственности».

«Гитлер меня очень ценил. Поэтому партия меня ненавидела. К тому же иногда Адольф Гитлер приводил меня своим мужчинам в качестве примера, на котором они могли бы поучиться».

«Я никогда не интересовалась политикой, а в своей долгой жизни всего семь месяцев работала для Гитлера».

«Действительность меня не интересует».

Лени Рифеншталь

«Она была естественным человеком, потрясающе естественным человеком. И необыкновенно красивой женщи-

ной. Для меня она была тогда самой красивой женщиной, которую я когда-либо встречал».

Ханс Эртль, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Я восхищаюсь ей как художницей, она — самый революционный фотограф и режиссер нашего времени. Хотя ее нацистские сюжеты — такая дрянь».

Хельмут Ньютон, фотограф, 19 октября 2000 года

«Она жила как «невеста фюрера без половых сношений», в неполитическом, свободном от каких-либо законов пространстве».

*Рудольф Аугштайн, «Шпигель» (Spiegel),
10 августа 1987 года*

«Преследование этой женщины превратилось, прежде всего в Германии, в “охоту на ведьм”, которая продолжается и сегодня».

Алисе Шварцер, журнал «Эмма», январь 1999 года

«Лени Рифеншталь очень быстро превратилась в беспримерно устойчивый символ при осуждении нацизма, отчасти, возможно, потому, что была женщиной».

*Райнер Ротер, «Лени Рифеншталь —
сворачивание таланта», 2000 год*

«Рифеншталь — не типичная представительница чисто немецкого явления «все забывать и отрицать», хотя у нее и много общего. Скорее, она — одержимая мачизмом суперотрицательница, обладающая незаурядной способностью не вспоминать то, что не хочет вспоминать»

Маргарете Мичерлих, «О тяготах эмансипации», 1994 год

«Она была стройной, высокой женщиной, худой, очень словоохотливой, много говорила, была очень темпераментной и точно знала, что хотела».

Ильзе Вернер, певица и актриса

Она играет роль своей жизни: Лени Рифеншталь исполняет Лени Рифеншталь.

В перекрестии объективов старой дамы почти не видно. Она сидит на подиуме в окружении плотного кольца фотографов и телевизионщиков. Кажется маленькой, хрупкой и невыразимо старой. Ей нравится интерес прессы к себе, но это ее не удивляет, ведь Лени Рифеншталь всегда находилась в центре событий. «Я же знаю, почему вы пришли. Хотите узнать, как же она выглядит, эта Рифеншталь. Жива еще? Или уже мумия?» — остроумно спрашивает она вместо публики. 1:0 в ее пользу! Лени права. На Франкфуртскую книжную ярмарку 2000 года она пришла для презентации фотоальбома о своей жизни. А журналисты собрались посмотреть на Рифеншталь — последнюю оставшуюся в живых представительницу «великой когорты» Третьего рейха.

Когда родители присутствующих журналистов только родились, Лени Рифеншталь уже находилась в зените своей карьеры, главные этапы ее жизни стали уже историей. Представители второго и тем более третьего поколений пытаются обнаружить за маской Рифеншталь человека. Они еще менее отягощены прошлым, чем их родители, но суть вопросов за последние шесть десятилетий не изменилась. Ответы тоже: «Посмотрите, мне 98 лет, но в своей жизни я только семь месяцев работала для Гитлера», — произносит Лени Рифеншталь. Ее взгляд повелительно требует, чтобы присутствующие поверили в эти слова. «Только 50% написанного обо мне правда», — сердится она. Чуть позже утверждает, что «лишь 10%». «Все, что написано обо мне в газете, сплошная ложь», — звучит в конце ее приговор. Она бы «убила всех журналистов». Вот такая она, Лени: вечно преследуемая, вечно не понятая, легенда Рифеншталь, которой она, как броней, окружила себя.

«Прелестное дитя! Полное грации и прелести».

Йозеф Геббельс, дневник, 1 декабря 1929 года

«Лени была танцовщицей. Как танцовщица она была хорошо подготовлена в спортивном плане. Она совершенно неповторимо, невероятно владела своим телом. Такого я больше у женщин никогда не видел. Походка, шаги... фантастика».

Ханс Эртль, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Она всегда обожала одно и то же: здоровое, грандиозное, чудесное. Она непоколебимо самовлюбленная и вечно невинная. Она была ослепительной — как здоровый, непреклонный, твердый, самовлюбленный мужчина».

Маргарете Мичерлих, психоаналитик и публицистка

«Примадонна Гитлера» — Лени Рифеншталь.

Она была танцовщицей, когда в Германии еще правил кайзер. Снималась в кино, когда рушилась Веймарская республика. Фотографировала в Африке, когда в 1968 году демонстранты шли на баррикады. В 2000 году, будучи самой старой в мире ныряльщицей, работала над фильмом о подводном мире. Но ее жизнь определили 1933–1945 годы. Она являлась главным режиссером Третьего рейха. В ее фильме о Нюрнбергском партийном съезде 1934 года «Триумф воли» преступный режим выглядел крайне привлекательно. Она дала диктатору его публику, а публике — фюрера, которого ждали. Фильм превратил крикуна во всемогущего бога и спасителя. Снятые ею нацистские парады обещали порядок и силу. Мошь этих кадров помогла совратить целое поколение.

В этом ее упрекают и сегодня? Пожалуй, не только. Фильмы, которые в те годы снимала Лени Рифеншталь, знают многие. Во-первых, они запрещены для общественного просмотра, во-вторых, их образное содержание устарело. Это она сама, как личность, по-прежнему притягивает и отталкивает. Ведь Рифеншталь так и не сказала: «мне жаль», стойко противясь любым обвинениям. По ее словам, она снимала просто документальные фильмы. Пропаганда? Нет, никогда. Только отображение действительности. Так считала Лени Рифеншталь, не желая осознавать прошлое. Но было бы слишком просто поставить на ней определенную печать. С художественной точки зрения некоторые из ее фильмов — шедевры, во многих киношколах их используют в качестве учебного материала. Ее бесчисленное количество раз спрашивали об ответственности искусства и художника за свои произведения. Но Лени Рифеншталь так и не ответила.

Когда Лени Рифеншталь родилась, прошлый век только начинался. Отец Альфред Рифеншталь зарегистрировал в берлинском загсе 22 августа 1902 года как день рождения своей дочери Хелены Берты Амалии. Мать Берта была глубоко разочарована. Во время беременности она все время молилась: «Боже милостивый, подари мне красивую-прекрасивую дочку, которая станет известной актрисой», — писала позже в своих воспоминаниях сама дочь.

«Но ребенок казался воплощением уродства, сморщенный, с взъерошенными тонкими волосиками и косыми глазками».

Дома у Рифеншталей все было строго. Отец Альфред, владелец процветающей фирмы, выпускающей отопительное и санитарное оборудование, не терпел возражений — прежде всего, со стороны жены и дочери. Но маленькая Лени оказалась настоящим мальчишкой. Неугомонная и спортивная, она лазила с соседскими ребятами по деревьям, плавала, гребла на веслах и ходила под парусами. Многочисленные шрамы и переломы не могли остановить необузданного ребенка. По воспоминаниям Рифеншталь, ее отец говорил: «Жаль, что ты — не мальчик, а твой брат — не девочка». У нее были хорошие успехи в гимназии Кольморгена, но с поведением явно не ладилось. Однажды Лени поймали, когда она поднимала на крыше школы национальный флаг, вывешиваемый только в день рождения кайзера. Так она хотела отменить занятия. В 16 лет она окончила школу, к тому времени у папы Рифенштала сложились твердые намерения в отношении нее. Лени предстояло отправиться в школу домоводства, а затем — в пансион. Дочь, естественно, мечтала о другой судьбе.

В «Берлинер цайтунг» она обнаружила объявление о наборе молодых девушек для съемок в фильме «Опиум». Ожидая своей очереди в танцевальной школе Гримм-Райтер, она увидела репетицию танцовщиц знаменитой школы. «Мной овладело неодолимое желание танцевать вместе с ними», — описывала она впоследствии этот момент. Она тайком стала брать уроки танцев без ведома отца. Он называл берлинскую танцевальную среду «полусветом». Когда Альфред Рифеншталь наконец все узнал, он пришел в ярость. Лени не могла больше противиться наказанию — отправке в пансион для девочек в Гарце. Лишь через год бесплодных попыток отговорить дочь от непристойного занятия Альфред Рифеншталь сдался: Лени разрешили брать уроки танцев.

И вот в 19 лет она пыталась нагнать то, что другие танцоры постигали с детства. Ранним утром звенел будильник, на трамвае из берлинского пригорода Цойтен она отправлялась в город. Русская танцовщица Евгения Эдуардова взяла Лени под свою опеку.

После многочасовой балетной тренировки — короткий послеобеденный сон, затем работа над экспрессивным танцем. В это время Лени Рифеншталь впервые доказала то, что в будущем отличало ее: железную волю, ведущую к триумфу.

Случай свел ее с выгодным покровителем, продюсером Харри Зокалем, который, по крайней мере, по воспоминаниям Лени, тут же безумно влюбился в нее и по достоинству оценил ее талант. На 23 октября 1923 года он арендовал Мюнхенский концертный зал для первого большого выступления Лени. «Я не волновалась, — вспоминает Рифеншталь. — Напротив, с трудом дождалась выхода на сцену. Уже мой первый танец “Этюд на тему гавота” вызвал аплодисменты, третий танец мне пришлось повторить, овация усилилась, а потом зрители из последних рядов вышли вперед, требуя повторения. Я танцевала до полного изнеможения».

Вечер в Мюнхене явился началом короткой, но яркой карьеры. Макс Рейнхардт пригласил ее выступить в Немецком театре: для неизвестной танцовщицы это было равносильно «посвящению в рыцари». Последовали ангажементы по всей Германии, в Инсбруке, Цюрихе, Вене и Праге. Босиком, в плотно облегающем платье из серебряного ламе или в прозрачном шифоне она исполняла экспрессивные танцы в стиле 1920-х годов. В то время она была гораздо полнее, чем в годы своей кинокарьеры, но все равно обладала огромным темпераментом. Ее легкий серебряный взгляд тоже привлекал поклонников. В своем рекламном проспекте она опубликовала восторженные отзывы о своих выступлениях, что стало одним из первых примеров умелого пиара.

Например, отрывок из «Берлинер цайтунг» от 21 декабря 1923 года: «...эта очень красивая девушка... настойчиво борется за место рядом с тремя главными танцовщицами: Импековен, Вигманн, Герт. И когда видишь эту безупречную стройную фигуру, застывшую под звуки музыки, то кажется, что в танце есть великолепие, которое ни одной из тех трех не дано ни передать, ни сохранить...»

Правда, продолжение цитаты в рекламе тактично не опубликовали: «Но когда тело этой девушки начинает движение, предчувствие улетучивается, блеск меркнет, звук ржавеет, —

«Мне бы хотелось лично познакомиться с Вами...»
Лени Рифеншталь в фильме «Голубой свет».

«Я выполняла свою работу так хорошо, как могла».

Лени Рифеншталь, 22 августа 1997 года

«Она была очень хорошей актрисой, выдающейся актрисой. Она была сама собой. Она была такой простой, и это самое потрясающее в ней. Она не играла как нормальные актеры, которые чему-то учились».

Ханс Эртель, оператор в группе Лени Рифеншталь

двигается прекрасный муляж, жаждущий простора, ритма, тоскующий по музыке, однако от этого желания простор не оживает, ритм засыхает в жажде, а тоска, как старое пальто, противится музыке. Это желание, жажда, тоска глупой и заколдованной девы».

Однако первые успехи Лени Рифеншталь действительно были значительны. Но она так и не смогла полностью проявить свой талант танцовщицы. Во время выступления в Праге она серьезно повредила колено, и врачи не давали шансов на исцеление. После блестящего старта Лени в 21 год оказалась на обломках своей карьеры.

Жизнь Лени Рифеншталь никогда не развивалась постепенно, она всегда менялась кардинально, часто после случайных событий. Один из таких моментов произошел в 1923 году на берлинской станции метро «Ноллендорфплац», когда она ждала поезда. Она направлялась к врачу, надеясь вылечить травмированное колено и продолжить танцевальную карьеру. Тут подъехал поезд, и взгляд Лени упал на рекламу фильма «Гора судьбы» режиссера Арнольда Фанка. «Мучимая грустными мыслями о будущем, я, как загипнотизированная, уставилась на эту фотографию, на крутые отвесные горы, мужчину, летящего с одной скалы на другую», — вспоминала впоследствии Рифеншталь. Очарованная Лени забыла о визите к врачу и поковыляла в ближайший кинотеатр смотреть «Гору судьбы». По ее собственному признанию, кадры дикой природы околдовали ее. «Чем дольше длился фильм, тем сильнее он захватывал меня. Он так взволновал меня, что я, даже не дождавшись его окончания, твердо решила увидеть эти горы», — рассказывала она. Ей захотелось играть в таких фильмах, как «Гора судьбы».

Вопросом «А смогу ли я?» Лени Рифеншталь, похоже, никогда не задавалась. Актриса-альпинистка — это была рискованная идея, ведь больное колено мешало бы ей так же, как и в танцах.

Со своим младшим братом Хайнцем она бесстрашно отправилась в Доломиты посмотреть, где снималась «Гора судьбы». А самое главное — ей хотелось встретить съемочную группу доктора Фанка. И, как ни странно, ей удалось на показе фильма в Карерзее поговорить с исполнителем главной роли. «Вы гос-

подин Тренкер?» — спросила она. «Да, это я», — сдержанно ответил Луи Тренкер. «В следующем фильме я буду играть с Вами», — дерзко заявила Лени. Луи Тренкер от души рассмеялся, но именно так и произошло.

Вернувшись в Берлин, Лени Рифеншталь познакомилась с доктором Арнольдом Фанком. Фанк, геолог по профессии, первым среди режиссеров стал снимать фильмы о горах. Он специализировался на захватывающих драмах, разворачивавшихся среди льдов и снегов. Главными исполнителями его фильмов являлись горы, которые он изображал с невиданной доселе точностью и драматизмом. Вокруг него образовалась Фрейбургская школа — группа восторженных молодых операторов, пробующих новые технологии кино съемки и выступающих в роли актеров и каскадеров. Многие из них, например, Зепп Альгайер, Ханс Шнеебергер и Гуцци Ланцнер, позже образовали съемочную группу Рифеншталь.

Молодая танцовщица так понравилась Арнольду Фанку, что он сразу же пригласил ее на главную роль в своем фильме «Священная гора». Фанк восторгался не только танцевальным мастерством Рифеншталь. По ее словам, он неудержимо влюбился в нее. Примерно то же самое испытывал в начале съемок исполнитель главной мужской роли Луи Тренкер. Женщина между двух мужчин — эти реальные события находят свое отражение в сценарии «Священной горы». Лени Рифеншталь играла прекрасную танцовщицу Диотиму. Своими мечтательными движениями она воспламеняет сердца двух мужчин, которые отправляются в горы совершить опасное восхождение и погибают.

Личные отношения главных лиц были столь пикантны, что оказались драматичнее самого фильма. Тренкер и Фанк постоянно ссорились по пустякам, так, по крайней мере, описывает это их «Диотима». Она вспоминает и о театральной попытке самоубийства Арнольда Фанка. С Тренкером Лени Рифеншталь рассорилась настолько, что актер на пресс-конференции публично обозвал свою партнершу «жирной козой».

Позднее Рифеншталь и Тренкер абсолютно по-разному описали свою связь. Истина, как обычно, посередине. Но и сегодня очевидно, что Луи Тренкер — не слишком убедительный

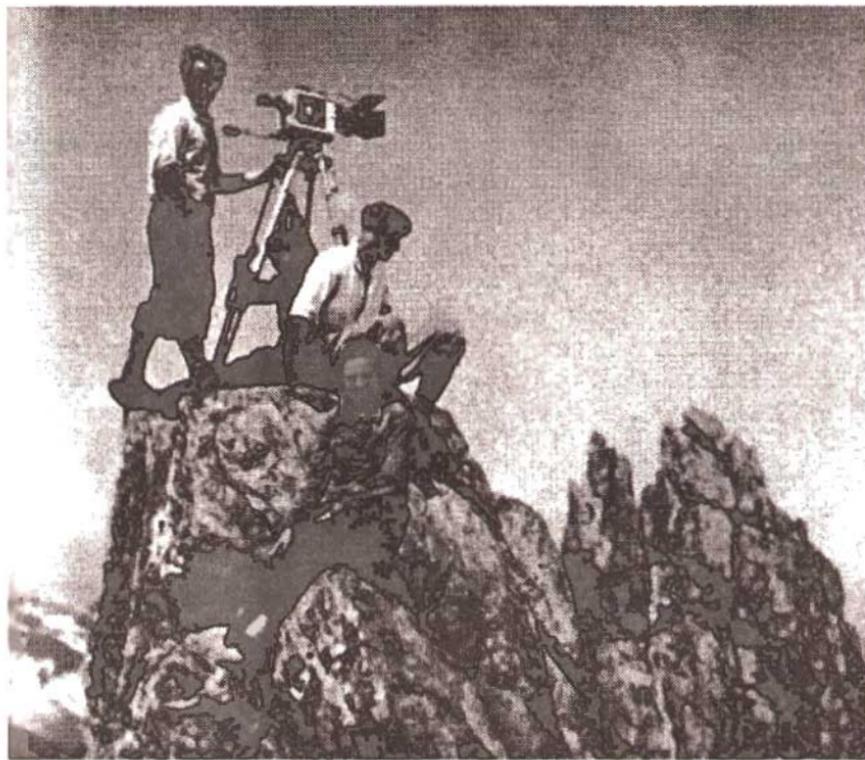
кинолюбовник — в «Священной горе» в сцене прощания очень убедительно целует Лени Рифеншталь.

Тренкер был не единственным, павшим жертвой очарования Рифеншталь. Своего первого любовника она выбрала себе сама. До 21 года она находилась под неусыпным оком строгого отца и, покинув отчий дом, решила взять в свои руки собственную личную жизнь. Избранником оказался Отто Фройцхайм, бывший чемпион по теннису, значительно старше ее. Свое недвусмысленное предложение она передала ему через подругу. Фройцхайм не заставил себя просить и явился на назначенное свидание. Все происходило по плану, правда, без какой-либо романтики. Когда Лени Рифеншталь вышла из ванной, Фройцхайм уже оделся. У него еще встреча, кратко объяснил он. Вдобавок ко всему он оставил на тумбочке немного денег: «На случай аборта», — спустя десятилетия с ужасом вспоминала Лени Рифеншталь в своих мемуарах.

Несмотря на неудачное начало, Лени не пала духом и продолжала придерживаться слишком самонадеянного для того времени принципа, а именно: самой выбирать себе мужчин. Ее избранники были успешными, уверенными в себе мужчинами, и она не скрывала перед ними своих намерений. Оператор Лени Ханс Эртль с горящими глазами в одном из интервью вспоминал эпизод, произошедший почти 70 лет назад. Лени наблюдала за ним во время съемок фильма «СОС — айсберг» в Гренландии, как он на эскимосском каяке объезжал крупную льдину. «Ты меня научишь?» — спросила она ошеломленного двадцатилетнего юношу. «Почему бы и нет, — ответил Эртль, — в любое время». «В любое время», — повторила Лени Рифеншталь, со значением подчеркивая каждое слово. Через какое-то время она села к нему в лодку в блузочке без рукавов и узких шортах цвета хаки. Эртль быстро понял истинную цель прогулки.

«Лени придвинулась ко мне и сидела, как в санях, прямо передо мной и между моих ног, а мне приходилось еще и править лодкой. И не только моя вина, что в ту волшебную ночь арктического лета урок гребли не состоялся».

Подобное случалось и с коллегами Ханса Эртля, операторами и актерами. «Для Лени мы, молодые спортсмены,

«Вы не сможете интересоваться политикой и при этом создавать художественное произведение».

Лени Рифеншталь, 22 августа 1997 года

«Она вовсе не была немецкой женщиной — преданной мужу, рожаящей детей фюреру и отечеству».

Маргарете Мичерлих, психоаналитик и публицистка

«Я воспринимал Лени Рифеншталь только как производителя художественно значимых фильмов о природе, горах, зимних видах спорта».

*Доктор Фриц Хипплер,
в то время имперский интендант кино*

«Чертой ее характера была способность руководить, как мужчина. Она могла обращаться с сотрудниками, как мужчина».

Гуцци Ланцнер, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Художник Лени Рифеншталь была творческим человеком и в осуществлении своих целей...»
Операторская группа Лени Рифеншталь на съемках в горах.

были как конфета, которой лакомишься, пока не надоест», — вспоминал он. Отношения в основном были недолговечны и прерывались без особого шума. Лишь любовь к оператору Хансу Шнеебергеру длилась дольше. Когда «Шнеефло» без объяснений оставил ее ради другой женщины, Лени пришла в отчаяние. «Боль вползла в каждую клетку моего тела, парализовала меня, пока я не издала жуткий крик, пытаюсь освободиться. Плача, крича, кусая ладони, я бродила из комнаты в комнату. Взяла нож для бумаги и стала наносить себе раны на руках, ногах, бедрах. Я не чувствовала физической боли, душа пылала как огонь в аду», — вспоминала позднее Лени Рифеншталь те драматичные часы после прочтения краткого прощального письма Шнеебергера. «Никогда впредь, я поклялась себе, никогда впредь я не хотела так любить мужчину».

За этим последовали лишь непродолжительные любовные приключения. Ее краткосрочной благосклонностью пользовались и первопроходец Северной стены Эйгера Андерль Хекмайр, и победитель в десятиборье на Олимпийских играх 1936 года Гленн Моррис. «С тяжелым сердцем я решила расстаться с ним», — сдержанно комментирует она закат любви к олимпийцу. Отверженный стал затем исполнителем роли Тарзана. Лишь в 1944 году Лени Рифеншталь вышла замуж. С женихом Петером Якобом она познакомилась на съемках своего фильма «Долина». Уже при первой встрече Лени была очарована элегантным горным стрелком, но опасалась более прочных отношений. После изнурительных сцен ревности, споров, примирений и жарких любовных писем с фронта она, наконец, сказала «Да». Это была типичная военная свадьба в узком кругу в Кицбюэле. Но Лени Рифеншталь и ее муж недолго жили вместе. Брак не пережил конца войны. В 1947 году последовал развод, о котором она вспоминала без всякой горечи.

Фильм «Священная гора» 1926 года имел огромный кассовый успех, сложилась команда Фанк — Рифеншталь. Лени Рифеншталь за ночь стала «звездой». Затем одна за другой последовали ленты «Большой прыжок», «Белый ад на Пиц-Палю» (в советском прокате «Пленники бледной горы»), «Бури над Мон-

бланом» и «Белый шум»: режиссер Арнольд Фанк, в главной женской роли Лени Рифеншталь. Драматический сюжет разворачивался обычно на горных высотах, главный мужской герой был смел, а его спутница прекрасна.

Реализм не допускал ни дублеров, ни студийных съемок. Фанк требовал от всех участников подчас невозможного. Оператор и исполнитель Гуцци Ланцнер и сегодня вспоминает о рискованных прыжках на лыжах через ущелья и горные хижинны. «Я обычно отделялся легким испугом, потому что был маленький и ловкий. С другими постоянно происходили несчастные случаи». Лени Рифеншталь тоже испытала на себе безжалостный перфекционизм режиссера. Ее заживо хоронили под лавиной и заставляли балансировать на лестнице над расселиной горного ледника. Когда по сюжету фильма ей пришлось карабкаться босиком, то у нее неделями не заживали ноги, стертые в кровь о камни Доломитов. В последнем совместном с Арнольдом Фанком фильме «СОС – айсберг» в Гренландии исполнители вместе с белыми медведями прыгали в ледяную полярную воду.

Время с Арнольдом Фанком сформировало Лени Рифеншталь как личность и как художника. Фанк обучил ее основам киноискусства.

Он все чаще разрешал ей самой инсценировать отдельные эпизоды и обучал ее правилам съемки. В то время она научилась быть единственной женщиной в мире мужчин и добиваться признания. Но еще важнее то, что она научилась достигать максимального и идти дальше.

Для фильма «Бури над Монбланом» Лени Рифеншталь пришлось освоить звуковое кино. Результат оказался забавным. Драматическое действие сопровождалось тонким голоском с сильным берлинским акцентом. По возвращении в Берлин она тут же стала брать уроки речи и для тренировки наговорила автоматические объявления для Берлинского телефонного общества. Голос стал лучше, но еще долго чрезмерная жестикуляция выдавала в ней бывшую «звезду» немого кино.

К тому же Арнольд Фанк не обладал достаточными способностями для работы с актерами. В сценах, где Фанку помогал известный режиссер Г.В. Пабст, Лени играла лучше.

Она сама, как и обычно, оценивала свой актерский талант гораздо выше, чем зрители. В ее воспоминаниях даже Джозеф фон Штернберг, открыватель и покровитель Марлен Дитрих, долго сомневался, кого из этих женщин взять с собой в Голливуд. Он, якобы безумно влюбленный в актрису-альпинистку, постоянно обсуждал с ней мизансцены с Дитрих в фильме «Голубой ангел» и просил ее совета. Когда годы спустя Марлен Дитрих попросили высказаться по этому поводу, она ответила, что если Штернберг был бы жив, он умер бы от смеха, слушая историю Лени.

Как ни убеждена была Лени в собственном актерском мастерстве, она все же замечала, что работа с Фанком не дает ей возможности развиваться. Позднее она с ужасом вспоминала, что в фильмах произносила только одну фразу «О, прекрасно!» В снятой в 1933 году драме о Гренландии «СОС – айсберг» ее роль сократилась до красивого эпизода. Она – единственная женщина в скупом повествовании, и в заключительной сцене ее эффектно увозят на каяках. В довершение ко всему режиссер снабдил сцену мелодией «Роса в горах». На этот фильм она согласилась только чтобы поправить пошатнувшееся финансовое положение и выйти на международный кинорынок, так как снималась также и английская версия фильма «СОС – айсберг». В личном и профессиональном плане она уже давно не зависела от человека, поддержавшего ее вначале.

За два года до этого Лени Рифеншталь разработала смелый план: она вознамерилась снять свой собственный фильм – как режиссер и исполнительница главной роли. С решительным упрямством новичка она предлагала материал многим именитым кинопродюсерам и постоянно слышала в ответ: «Это скучно, отклонить!» Фильм-сказка, кого это интересует? Несмотря на все усилия, никак не удавалось достать денег. Лени Рифеншталь рискнула осуществить свою мечту своими силами.

Фильм назывался «Голубой свет», это была первая большая самостоятельная работа Рифеншталь, ставшая ее самым красивым фильмом. Большинство друзей из Фрейбургской школы согласились работать без больших гонораров. Написать сценарий удалось уговорить известного венгерского автора Белу

«После того как Гитлер пришел к власти, я больше не хотела поддерживать с ним связь».

Лени Рифеншталь в своих воспоминаниях

«Когда мы придем к власти, Вы будете снимать мои фильмы».

Адольф Гитлер, 1932 год

«Лени делала документальные фильмы, а не пропагандистские. Не пропагандистские фильмы по заказу».

Ханс Эртель, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Важнее всего —
единение с
фюрером и
народом...»

*Лени Рифеншталь и Гитлер
при подготовке
к съезду национал-социалистической партии.
1935 год.*

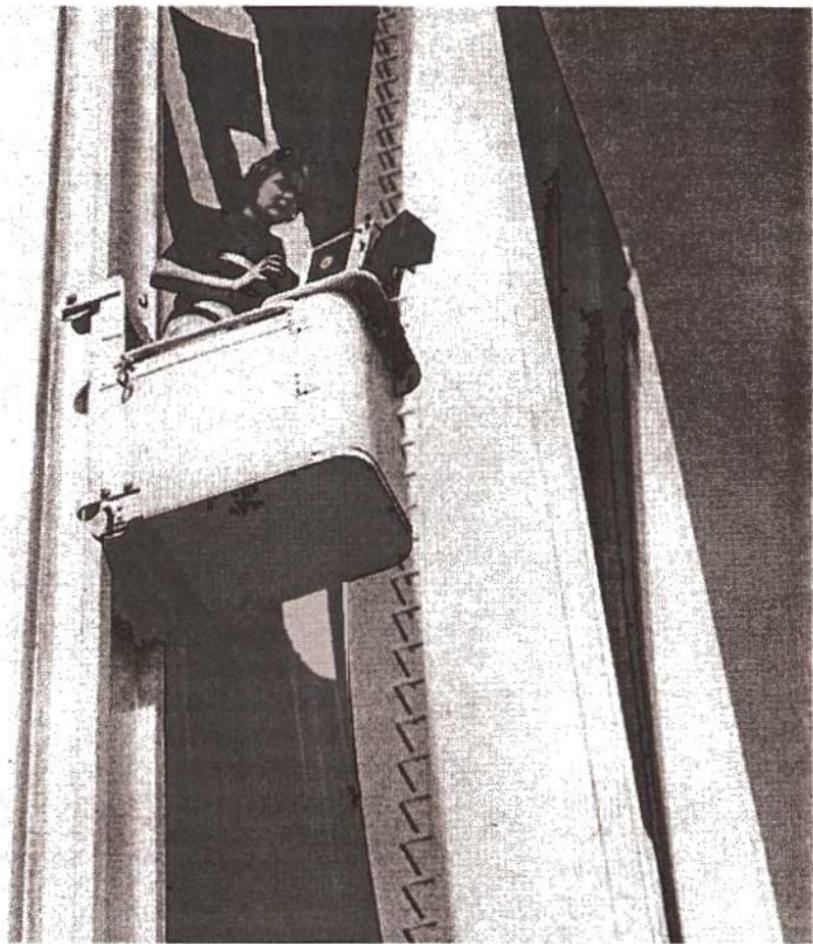
Балаш. На роли статистов она наняла крестьян из южно-тирольской долины Сарнталь, которые создавали атмосферу фильма.

Время съемок «Голубого света», похоже, самый счастливый период в жизни Лени Рифеншталь. В спартанских, примитивных условиях она со своей группой сняла в Доломитах фильм, до сих пор не утративший очарования: художник Виго (актер — Маттиас Виманн) попадает в уединенную горную деревню, скрывающую какую-то тайну. Где-то над деревней расположен грот с необычными голубыми кристаллами. Только дикарка Юнта, отвергнутая всеми и живущая в уединении в горах, знает дорогу к гроту. Ребята из деревни пытаются преследовать Юнту, но погибают. Чужак влюбляется в красавицу и оказывается в ее хижине. Ничего не подозревая, он выдает крестьянам дорогу к гроту, который они грабят. В драматичном финале Юнта гибнет, спускаясь по горе из грота.

Роль горной колдуньи Юнты сыграла сама Лени Рифеншталь — чрезвычайно привлекательная в простом изношенном платье. До конца жизни она считала этот фильм предвосхищением собственной судьбы. И Юнту, и Лени — обеих любили и ненавидели. Лени мнила себя отверженной, проклятой лишь за то, что хотела сохранить прекрасное. Она так и не поняла, что, в отличие от Юнты, сама активно создавала свою жизнь с ее светлыми и темными сторонами.

Первое творение режиссера Лени Рифеншталь имело большой успех. В «Фильм-курире» с восторгом писали, что публика на премьере «погрузилась в мечты», и еще, что «Лени Рифеншталь достигла своей цели, создав неповторимое поэтическое кино». Действительно, уже с первой попытки Рифеншталь добилась удачи и сняла фильм, обладающий удивительным единством и гармонией.

За границей тоже понравился сказочный сценарий. 14 месяцев фильм демонстрировался в Лондоне, 16 месяцев — в Париже, на Биеннале в Венеции в 1932 году он был отмечен серебряной медалью. «Самое прекрасное, что я когда-либо видел в кино», — гласил приговор человека, по поручению которого ей отныне предстояло работать.

«Фон уже имелся в Нюрнберге и в Берлине. Я не создавала его. Я ничего не добавляла в пропагандистских целях и ничем не манипулировала, только вместе со своими операторами максимально хорошо снимала то, что видела».

Лени Рифеншталь, 18 августа 1997 года

«Женщина, которая знает, чего хочет!»

Йозеф Геббельс, дневник, 5 октября 1935 года

«Вот это да, она поднимается со своей камерой вверх, чтобы снимать с высоты...»

Лени Рифеншталь на съемках фильма «Триумф воли», 1934 год.

Лени Рифеншталь никогда не скрывала своего, по крайней мере, первоначального восхищения Адольфом Гитлером. Первую встречу с ним на выступлении Гитлера в берлинском Дворце спорта она описала как обращение в другую веру: «Мне казалось, будто передо мной раскрылась поверхность земли, как полушарие, расколовшееся посередине, и оттуда, сотрясая землю, до самого неба ударила мощная струя воды. Меня словно парализовало. Хотя я многого не поняла в этой речи, она околдовала меня. На слушателей обрушился ураганный огонь, и я чувствовала, что они целиком и полностью во власти этого человека».

Под впечатлением от выступления Гитлера во Дворце спорта 18 мая 1932 года Лени отправила ему восторженное письмо. Адрес: «Коричневый дом», Мюнхен. «Глубокоуважаемый господин Гитлер, недавно я впервые в жизни посетила политическое собрание... Должна признаться, что Вы и энтузиазм слушателей произвели на меня глубокое впечатление. Мне бы хотелось лично познакомиться с Вами». Письмо поклонницы, присланное еще до прихода Гитлера к власти, возымело действие. Перед отплытием Лени в Гренландию на съемки фильма «СОС — айсберг» у нее зазвонил телефон. «Говорит Брюкнер, адъютант фюрера, — раздался в трубке энергичный голос. — Фюрер прочитал Ваше письмо, и мне поручено спросить, можете ли Вы приехать завтра на один день в Вильгельмсхафен». Конечно, это было возможно. Лени спешно сообщила съемочной группе, что присоединится к ним только в Гамбурге и не стоит беспокоиться, она прибудет вовремя. «Я спрашивала себя: был ли это случай или судьба», — писала она позже. Ни то и ни другое. Лени Рифеншталь осознанно искала контакта с Гитлером и получила то, что хотела.

Гитлер встретил ее на берегу Северного моря, и они быстро отправились на прогулку, так, по крайней мере, выглядят события в воспоминаниях Рифеншталь. Завязавшийся якобы разговор в изложении Лени выглядит как попытка оправдаться.

«Когда мы придем к власти, Вы будете снимать мои фильмы», — будто бы сообщил ей Гитлер. Отмеченная столь высокой честью, она «импульсивно» отказалась: «Я не могу! Пожа-

луйста, не поймите мой визит превратно, я вообще не интересуюсь политикой. Я никогда не смогла бы вступить в Вашу партию». И чтобы не возникло никаких сомнений в ее демократическом настрое, сразу добавила: «У Вас же расовые предрассудки. А если бы я была индианкой или еврейкой, Вы вообще отказались бы говорить со мной. Как я могу работать на того, кто делает такие различия между людьми?» Однако внушающий страх Гитлер отреагировал совсем не грубо. Напротив. Он сказал: «Я хотел бы, чтобы окружающие меня люди отвечали мне так же искренне, как Вы».

Хотя невозможно проверить, насколько правдив этот рассказ, он характерен для образа Гитлера в трактовке Лени Рифеншталь. Она всегда пыталась отделить Гитлера в частной жизни — милого и очаровательного кавалера, в котором ничто не выдавало волка в овечьей шкуре, от преступника столетия. Она принадлежала к поколению, для которого расхожим выражением являлось «если бы это знал фюрер», и на всю жизнь сохранила в памяти «доброе, домашнего Гитлера». Он был шизофреником, это она признавала, но до самой своей смерти описывала фюрера очень человечным.

Они вновь встретились на Рождество 1935 года, сообщает Лени Рифеншталь в своих мемуарах. Она озабоченно спросила его, где он провел рождественский сочельник, и фюрер «уныло» ответил: «Я бесцельно ездил с шофером по окрестностям, по проселочным дорогам, мимо каких-то деревень, пока не устал... Так я поступаю каждое Рождество. У меня нет семьи, и я одинок». На этом откровения не закончились. Гуляя вдоль берега Северного моря, Гитлер вдруг замолчал, признается Лени. «После продолжительной паузы он остановился, долго глядел на меня, медленно положил на меня свои руки и привлек к себе. Он возбужденно смотрел на меня. Когда заметил, что я сопротивляюсь, тут же отпустил меня. Чуть отвернулся от меня, потом я увидела, что он поднял руки и, будто присягая, произнес: «Я не могу любить женщину, пока не выполню свое дело».

Адольф Гитлер — несостоявшийся любовник? Лени Рифеншталь уверена в этом. «С тех пор как я решил стать политиком, я отказался от частной жизни», — будто бы сказал он ей. Лени

Лени Рифеншталь никогда не скрывала своего, по крайней мере, первоначального восхищения Адольфом Гитлером. Первую встречу с ним на выступлении Гитлера в берлинском Дворце спорта она описала как обращение в другую веру: «Мне казалось, будто передо мной раскрылась поверхность земли, как полушарие, расколовшееся посередине, и оттуда, сотрясая землю, до самого неба ударила мощная струя воды. Меня словно парализовало. Хотя я многого не поняла в этой речи, она околдовала меня. На слушателей обрушился ураганный огонь, и я чувствовала, что они целиком и полностью во власти этого человека».

Под впечатлением от выступления Гитлера во Дворце спорта 18 мая 1932 года Лени отправила ему восторженное письмо. Адрес: «Коричневый дом», Мюнхен. «Глубокоуважаемый господин Гитлер, недавно я впервые в жизни посетила политическое собрание... Должна признаться, что Вы и энтузиазм слушателей произвели на меня глубокое впечатление. Мне бы хотелось лично познакомиться с Вами». Письмо поклонницы, присланное еще до прихода Гитлера к власти, возымело действие. Перед отплытием Лени в Гренландию на съемки фильма «СОС — айсберг» у нее зазвонил телефон. «Говорит Брюкнер, адъютант фюрера, — раздался в трубке энергичный голос. — Фюрер прочитал Ваше письмо, и мне поручено спросить, можете ли Вы приехать завтра на один день в Вильгельмсхафен». Конечно, это было возможно. Лени спешно сообщила съемочной группе, что присоединится к ним только в Гамбурге и не стоит беспокоиться, она прибудет вовремя. «Я спрашивала себя: был ли это случай или судьба», — писала она позже. Ни то и ни другое. Лени Рифеншталь осознанно искала контакта с Гитлером и получила то, что хотела.

Гитлер встретил ее на берегу Северного моря, и они быстро отправились на прогулку, так, по крайней мере, выглядят события в воспоминаниях Рифеншталь. Завязавшийся якобы разговор в изложении Лени выглядит как попытка оправдаться.

«Когда мы придем к власти, Вы будете снимать мои фильмы», — будто бы сообщил ей Гитлер. Отмеченная столь высокой честью, она «импульсивно» отказалась: «Я не могу! Пожа-

луйста, не поймите мой визит превратно, я вообще не интересуюсь политикой. Я никогда не смогла бы вступить в Вашу партию». И чтобы не возникло никаких сомнений в ее демократическом настрое, сразу добавила: «У Вас же расовые предрассудки. А если бы я была индианкой или еврейкой, Вы вообще отказались бы говорить со мной. Как я могу работать на того, кто делает такие различия между людьми?» Однако внушающий страх Гитлер отреагировал совсем не грубо. Напротив. Он сказал: «Я хотел бы, чтобы окружающие меня люди отвечали мне так же искренне, как Вы».

Хотя невозможно проверить, насколько правдив этот рассказ, он характерен для образа Гитлера в трактовке Лени Рифеншталь. Она всегда пыталась отделить Гитлера в частной жизни — милого и очаровательного кавалера, в котором ничто не выдавало волка в овечьей шкуре, от преступника столетия. Она принадлежала к поколению, для которого расхожим выражением являлось «если бы это знал фюрер», и на всю жизнь сохранила в памяти «доброе, домашнего Гитлера». Он был шизофреником, это она признавала, но до самой своей смерти описывала фюрера очень человечным.

Они вновь встретились на Рождество 1935 года, сообщает Лени Рифеншталь в своих мемуарах. Она озабоченно спросила его, где он провел рождественский сочельник, и фюрер «уныло» ответил: «Я бесцельно ездил с шофером по окрестностям, по проселочным дорогам, мимо каких-то деревень, пока не устал... Так я поступаю каждое Рождество. У меня нет семьи, и я одинок». На этом откровения не закончились. Гуляя вдоль берега Северного моря, Гитлер вдруг замолчал, признается Лени. «После продолжительной паузы он остановился, долго глядел на меня, медленно положил на меня свои руки и привлек к себе. Он возбужденно смотрел на меня. Когда заметил, что я сопротивляюсь, тут же отпустил меня. Чуть отвернулся от меня, потом я увидела, что он поднял руки и, будто присягая, произнес: «Я не могу любить женщину, пока не выполню свое дело».

Адольф Гитлер — несостоявшийся любовник? Лени Рифеншталь уверена в этом. «С тех пор как я решил стать политиком, я отказался от частной жизни», — будто бы сказал он ей. Лени

участливо спросила о том, тяжело ли ему. «Очень тяжело, особенно когда встречаю красивых женщин, которыми люблю окружать себя. Но я не отношусь к любителям кратких приключений. Когда я увлекаюсь, мои чувства всегда глубокие и страстные, как бы я смог соединить их со своими обязанностями перед Германией? Как сильно мне приходилось разочаровывать каждую женщину, даже если я ее любил». Вершиной романтической сцены явился лестный для Рифеншталь вывод: «В тот вечер я почувствовала, что Гитлер желает меня как женщину».

О своих собственных чувствах к Гитлеру Лени никогда так подробно не высказывалась.

В подвалах Федерального архива сохранилась романтическая телеграмма, отправленная в Имперскую канцелярию: «Пожелание счастья, которое дарит мне мой фюрер, может осуществиться; поэтому мое сердце велит мне выразить признательность. Сегодня я в обеих руках держу розы, красные, как горы вокруг, обласканные последним солнцем. Я смотрю вверх на розовый сад, на его сверкающие башни и стены, и глажу руками красные цветы, и знаю только, что несказанно счастлива. Лени Рифеншталь».

Якобы подписавшая эту телеграмму все время оспаривала ее подлинность. Действительно, грамматика текста необычна. Правда, это можно объяснить тем, что она отправлена из Перади-Васса в Южном Тироле, где говорили и говорят на ладинском диалекте. Следовательно, грамматические особенности могут объясняться ошибками при передаче текста. Телеграмма была отправлена 24 августа, на следующий день она прибыла в Берлин. Рядом с датой указаны цифры «00.38», что до сих пор считалось 1938 годом. Лени Рифеншталь справедливо возражала, что летом того года вообще не была в Южном Тироле. Но при регистрации указывалось время поступления телеграммы, а не год. Его можно установить по форме учета, введенной лишь в 1939 году.

После 24 августа 1939 года Лени Рифеншталь, по ее собственным записям, неделю провела в Боцене (Больцано). Она хотела отдохнуть перед новым проектом – фильмом «Пентесилея». 21 июня 1939 года запись в дневнике министра пропаганды

Йозефа Геббельса: «Он [Гитлер] хочет сам финансировать фильм Лени Рифеншталь о Пентесилее». Таким образом, отношения Рифеншталь с Гитлером в то время были чрезвычайно хорошие. 22 августа 1939 года Лени исполнилось 37 лет. Вполне можно представить, что она обрадовалась цветам от Гитлера и патетически выразила эту радость.

Адольф Гитлер, без сомнения, восхищался Лени Рифеншталь и как художницей, и, может быть, как женщиной. Но, конечно, отношения между диктатором и его режиссером не выходили за рамки дружбы. Правда, слухи ходили уже в 1930-е годы. Когда Лени Рифеншталь в ноябре 1938 года прибыла в Нью-Йорк, американские газетчики первым делом спросили ее, любовница ли она Адольфа Гитлера. Недавно нашлась пленка, на которой заснят ответ Рифеншталь. «Нет, нет! — возразила она. — Это все только газетные выдумки», и, кокетливо улыбаясь, опустила глаза.

В первые послевоенные годы в прессе жадно обсуждался вопрос их возможной связи. Основой для предположений послужил псевдодневник Евы Браун, в котором рассказывалось о диких оргиях на Оберзальцберге и о Лени, голой танцующей перед Гитлером. Лишь позднее выяснилось, что дневник — абсолютная фальшивка, к тому же сфабрикованная Луи Тренкером.

Тем не менее было много общего между Лени Рифеншталь и Адольфом Гитлером. Она служила зеркалом, в котором Гитлер видел себя таким, каким хотел видеть. Гитлер, мнящий себя гениальным художником с тех пор, как в Вене начал зарабатывать на жизнь рисованием почтовых открыток, нашел в Лени Рифеншталь родственную душу. Она с пониманием слушала его бесконечные монологи об искусстве и о том, что он понимал под «культурой». В своем безусловном нарциссизме она походила на Гитлера и наслаждалась интересом к ней столь могущественного мужчины.

Он был ключом к славе, к большому успеху. «Единственная из “звезд”, которая нас понимает», — говорил о ней Йозеф Геббельс в 1933 году. Лени Рифеншталь никогда не была членом НСДАП, она восхищалась не движением, а личностью Гитлера. Не случайно его выбор пал именно на Лени Рифеншталь, и

не случайно главным героем ее первого документального кино должен был стать сам диктатор.

17 мая 1933 года министр пропаганды Геббельс записал в своем дневнике: «После обеда Лени Рифеншталь рассказывает о своих планах. Я предлагаю ей снять фильм о Гитлере. Она в восторге». По-видимому, к фильму о Гитлере приступили очень быстро. 14 июня в дневнике Геббельса запись: «Рифеншталь говорила с Гитлером. Она начинает свой фильм». Фильм о Гитлере, правда, не возник, осенью заказ изменили: Рифеншталь предстояло запечатлеть имперский съезд НСДАП в Мюнхене. Через восемь месяцев после захвата власти национал-социалистами грандиозное выступление под названием «Съезд победы» должно было подтвердить абсолютное господство нацистов в империи. В Нюрнберге, городе императоров, народ будет чтить фюрера. А весь мир должен это увидеть в фильме Лени Рифеншталь.

Лени Рифеншталь не любила говорить о фильме с громким названием «Победа веры». Не из-за его политического содержания. Нет, ее раздражало несовершенство съемки. «Это не кино, а отснятые пленки», — гласил ее презрительный приговор. Забытый на десятилетия фильм «Победа веры» нашли лишь недавно, и в нем убедительно отражено становление нацистской диктатуры.

Времени на подготовку фильма практически не оставалось. Лени Рифеншталь объявила сбор по тревоге и в спешном порядке собрала операторов и технику. Для нее фильм явился большим испытанием, потому что она никогда до этого не снимала документальных фильмов. Но в ней вера в себя уже давно победила.

Не оставалось времени определить последовательность съемок и проверить места расположения камер. Так как большинство съемок проходило спонтанно и более или менее на удачу, было много накладок. Панорамные съемки уходили в никуда, в нужные моменты отсутствовала резкость изображения. Особенно бросались в глаза погрешности при съемке Гитлера и его палладинов. Вот Гитлер, чье серьезное выражение лица все время искажает надоедливая прядь волос. А вот рейхсмаршал Герман Геринг молодецовой походкой прохо-

*«Она не могла отличить СА от СС...»
Лени Рифеншталь и Генрих Гиммлер на съезде национал-социалистов, 1934 год.*

«Я интересовалась Гитлером, прежде всего, из-за социальных причин, таких, к примеру, как безработица, не эстетических, нацистские инсценировки мне совершенно не нравились».

Лени Рифеншталь, 18 августа 1997 года

«У нее очень сильная воля. О ней самой можно сказать: «Триумф воли».

Ханс Эртль, оператор в группе Лени Рифеншталь

дит мимо Гитлера, в то время как тот хочет пожать ему руку. Комична сцена, в которой руководитель имперской молодежи Бальдур фон Ширах пытается заставить орущих ребят из гитлерюгенд внимать фюреру. Если вслушаться, можно различить хихикающий голос Гитлера: «Ну, вот они снова начали!» Нервный распорядитель в решающие моменты постоянно закрывает вид на «основных исполнителей» из партийной элиты, или, что еще хуже, приспешники Гитлера заглядывают в камеру и портят съемку.

«Победа веры» — моментальный снимок в карьерах Адольфа Гитлера и Лени Рифеншталь, проба сил. Спустя год они были безупречны.

В конце лета 1934 года Гитлер снова призвал ее в Нюрнберг. На этот раз Лени Рифеншталь полностью владела ситуацией, а Адольф Гитлер являлся единоличным правителем Третьего рейха. Если в «Победе веры» ему приходилось делить внимание публики и камеры с руководителем СА Эрнстом Рёмом, то теперь, после устранения по его приказу Рёма и других политических конкурентов, Гитлер один царил на сцене. Съезд и фильм назывался «Триумф воли». Для Лени Рифеншталь он стал наибольшим успехом и зловещим предзнаменованием: «Триумф» до сих пор считается одним из самых безупречных пропагандистских фильмов в истории кино.

Режиссер сделала выводы из неудач прошлого года. В этот раз она задолго знала о заказе и использовала досъемочный период для масштабной подготовки. Получив полную информацию о прохождении съезда, она распланировала места для камер и велела проложить рельсы вокруг трибун с ораторами, чтобы снимать, не отвлекая их.

Операторы тренировались ездить на роликовых коньках и одновременно снимать на ручную камеру. На флагштоке по приказу Рифеншталь укрепили подъемник для съемок с высоты. Именно с этой позиции возникла, пожалуй, самая известная сцена из «Триумфа воли» — проход Гитлера, Генриха Гимлера и нового шефа СА Лютце по узкому коридору между двумя воинскими колоннами.

Во время съемок столь крупного массового мероприятия Лени Рифеншталь проявила необыкновенные логические спо-

«Она — умная баба...»
Лени Рифеншталь в разговоре с Геббельсом о своем фильме «Праздник народов».

«Истеричная женщина. Не мужчина!»

Йозеф Геббельс, дневник, 6 августа 1936 года

«Хотя Америка на Олимпиаде 1936 года добилась больших успехов, фильм с ее победоносными атлетами не будет там показан, потому что американская киноиндустрия, как в производстве, так и в прокате, контролируется людьми, отвергающими сегодняшнюю Германию».

«Фильм-курир», 10 января 1939 года

«При любом сравнении «Олимпия» остается одним из лучших, если не самым лучшим спортивным фильмом, когда-либо снятым».

Тейлор Даунинг, «Олимпия», 1992 год

«Не являясь членом национал-социалистической организации и чуждая киноиндустрии, она с помощью шарма и настойчивости пробивала свои проекты. Рифеншталь, как никто другой, подходила для распространения позитивного образа национал-социализма... Она не была несгибаемой пропагандисткой, но везде, где выступала, производила приятное впечатление».

Райнер Ротер, «Лени Рифеншталь — соращение таланта», 2000 год

«Думаю, что Геббельс испытывал определенную ревность, зависть, что некоторые лица, в данном случае Рифеншталь, без его участия и сводничества пользовались признанием Гитлера».

Доктор Фриц Хиплер, в то время имперский интендант кино

способности. Ей приходилось соединить воедино операторов и место действия. Режиссер пребывала в своей стихии, явно наслаждаясь ролью. На фотографиях со съемок она в узкой светлой униформе. Ее одежда хорошо подходила к эстетике съемок и приятно выделалась на фоне коричневого однообразия одежды партийного съезда. В фотосессии съезда 16 фотографий Адольфа Гитлера и 37 — Лени Рифеншталь. Однако в воспоминаниях Рифеншталь время подготовки «Триумфа воли» было «сплошным мучением». Одну из фотографий она озаглавила как «последнюю попытку» убедить Гитлера не поручать ей съемки фильма о съезде. На ней Адольф Гитлер склонился над планом территории для проведения съезда, а рядом с ним — заинтересованная Лени Рифеншталь. Свидетельство сопротивления? Явно нет. Лени Рифеншталь приняла заказ, дававший ей небывалые возможности для съемок и славы. Другие на это не соглашались. Когда оператор Эмиль Шюнеманн по политическим соображениям отказался от работы над «Триумфом воли», Рифеншталь донесла на него, выдвинув обвинение в «бойкоте фюрера».

До конца жизни режиссер твердо придерживалась мнения, что «Триумф воли» — чисто документальный фильм. Она лишь отобразила то, что увидела. «Шла ли речь о политике или овощах, меня это вообще не интересовало», — заявила она как-то раз. Но ведь это были не овощи. Фильм «Триумф воли» — политический манифест, запечатлевший реальный восторг публики. В нем изображено новое, чрезвычайно важное событие, означающее воскрешение для «народа», который не был в Нюрнберге.

«5 сентября 1934 года, спустя 20 лет после того, как разразилась мировая война, спустя 16 лет после начала немецких страданий и спустя 19 месяцев после возрождения Германии, Адольф Гитлер вновь полетел в Нюрнберг, чтобы провести смотр войск своих верных последователей», — сообщала зрителям надпись в начале фильма.

Сюжет фильма — не слишком увлекательное нанизывание маршей и речей — Лени Рифеншталь сжала до захватывающего двухчасового действия. Возможности монтажа превратили ее в церемониймейстера мероприятия. Гитлер и «на-

род» в немом диалоге противостоят друг другу. Лени Рифеншталь изображает историю отношений фюрера и его свиты почти как любовную. Ловко смонтированный фильм все время показывает Гитлера, ведущего почти личный разговор с каким-нибудь собеседником, с рабочими, штурмовиками или юношами из гитлерюгенд. При этом фюрер постоянно возвышается над народом. Низкое расположение камеры придавало невзрачному человеку героический вид. «Кто видел лицо фюрера в «Триумфе воли», тот никогда его не забудет, оно будет преследовать человека днем и ночью и, как мирно светящийся огонь, войдет в его душу», — изрек Йозеф Геббельс, вручая Лени Рифеншталь Национальную кинопремию 1935 года. Министр пропаганды Третьего рейха правильно оценил значимость произведения. В «Триумфе воли» зрители, а в кинотеатрах фильм посмотрели по меньшей мере 20 миллионов человек, увидели своего личного фюрера. На этот раз Лени Рифеншталь следила и за правильным изображением паладинов Гитлера.

Она бесстрашно пригласила первых лиц Третьего рейха в студию для перезаписи ключевых сцен. После войны архитектор Гитлера Альберт Шпеер вспоминал эту странную сцену: «...на заднем плане Штрайхер, Розенберг и Франк расхаживают с текстами туда-сюда, заучивая свои роли. Прибыл Гесс, и его первым пригласили на запись. Он торжественно поднял руку, как перед 30 тысячами слушателей. Со свойственным ему пафосом искреннего воодушевления он обратился в ту сторону, где должен был бы сидеть Гитлер, и молодежато выкрикнул: «Мой фюрер, приветствую Вас!»

Фильм не сопровождался комментариями. Лени Рифеншталь считала это доказательством отсутствия пропаганды. Но «Триумфу воли» текст и не требовался. Для свращения людей хватало силы видеоряда.

Когда в марте 1935 года «Триумф» наконец пошел в кинотеатрах, Лени Рифеншталь после месяцев, проведенных в монтажной, была чрезвычайно утомлена. Адольф Гитлер, потрясенный тем, как она его изобразила, передал ей букет сирени. Рифеншталь, по собственному признанию, в этот момент потеряла сознание.

К моменту создания «Триумфа воли» Лени Рифеншталь принадлежала уже к элите Третьего рейха. На балах, кинопремьерах и светских вечерах, весело болтая, танцуя, развлекаясь и иногда выпивая, она входила в окружение Гитлера, что впоследствии опровергала. Йозеф Геббельс якобы ненавидел ее, разве это не доказательство того, что она сама являлась жертвой режима?

Начало их «вражды» относится к 1932 году. «Бабельсбергский бычок», как за спиной называли Геббельса из-за его бесчисленных любовных походов, якобы домогался ее. Во время одного визита тогдашний гауляйтер Берлина потерял самообладание и в отчаянии воскликнул: «Вы должны стать моей любовницей, Вы мне нужны, без Вас моя жизнь — мучение!» Рыдая, он бросился перед ней на колени и обхватил ее ноги. Резко сопротивляясь, Рифеншталь указала ему на дверь. «Это унижение будущий министр пропаганды мне не простил», — вот версия Рифеншталь. Вильфрид фон Овен, тогдашний референт Геббельса, лишь усмехался над этим рассказом. «Да, Геббельс добивался многих женщин, но Рифеншталь? Нет. Он слишком хорошо знал, что с этой женщиной будут только проблемы». В то время как Лени Рифеншталь в своих воспоминаниях изображает министра пропаганды своим смертельным врагом, записи Геббельса о ней вполне благожелательны.

Вечера с Рифеншталь он называет «очень милыми», а ее «умной бабой». Но все-таки соперничество между Геббельсом и Рифеншталь действительно существовало, хотя и не по причине, указанной Лени.

«Геббельс испытывал определенную ревность, определенную зависть, что некоторые лица, в данном случае Рифеншталь, без его участия и сводничества пользовались признанием Гитлера, — вспоминает бывший имперский интендант кино Фриц Хипплер. Вильфрид фон Овен сходного мнения: «Своими хорошими отношениями с Гитлером она портила ему все дело». Особенно во время съемок «Олимпии» министр пропаганды и знаменитая режиссер постоянно ссорились. «Я разнес Рифеншталь в пух и прах за то, что она ведет себя непередаваемо... Истеричная женщина, не мужчина», — записал министр в дневнике 6 августа 1936 года.

«На фильме об Олимпиаде она была только зрительницей. Она хотела только показать себя. Публика быстро это заметила и стала кричать: «Лени... Лени, покажись!» И она появилась. «У, старая корова, старая корова!» — вопили они. Они сразу поняли, что она задеется. Собственно говоря, фильм делал я. Потому что всегда был на месте с камерой, эдакий слуга, крутящий ручку аппарата».

Ханс Эртль, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Интереснее всего фильм об Олимпийских играх. Все шло быстро и эффектно. Все волновались, ведь надо сделать многое из того, что не обсуждалось. Этого требовала ситуация. И приходилось рассчитывать только на собственное мастерство».

Гуцци Ланцнер, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Я не хотела ничего прославлять».

Лени Рифеншталь, 29 августа 1997 года

«Ей, как большой художнице, важнее всего было создать убедительный и художественно приемлемый фильм. Все остальное ее не интересовало».

Доктор Фриц Хипплер, в то время имперский интендант кино

«Она единственная из звезд, которая нас понимает...» Лени Рифеншталь на съемках фильма об Олимпийских играх, 1936 год.

Ссоры между Геббельсом и Рифеншталь не укрылись от прессы, о них писали за границей. Весной 1937 года цюрихская «Вельтвохе» озаглавила статью: «Падший ангел Третьего рейха». Несмотря на написанную в ней чепуху, Гитлер поднял тревогу. Чтобы покончить со слухами, спешно организовали фотосъемку с Лени, ее семьей, Геббельсом и Гитлером. Министра пропаганды и режиссера сфотографировали в уютной обстановке в саду Рифеншталь в Берлине за чаем, на столе стоял букет роз.

Йозеф Геббельс и Лени Рифеншталь соперничали на одной территории. И оба являлись мастерами своего дела. Хотя Геббельса часто раздражали «звездные» выходы Рифеншталь, но министр понимал ее значение для пропаганды Третьего рейха.

Третий фильм Лени Рифеншталь по заказу национал-социалистов посвящен партийному съезду 1935 года. «День свободы» она не любила так же, как и «Победу веры», считая скучной обязательной программой. Быстро разработали концепцию «Дня свободы»: войска милитаризованной империи выходят на грандиозный парад, и чрезвычайно довольный фюрер инспектирует различные рода войск.

Перед объективами камер выступает кавалерия, демонстрируют свое мастерство артиллерия, танки и самолеты. Из бряцанья оружием Рифеншталь смонтировала драматические маневры, действие которых напоминало настоящий бой. В клубах пыли танки в последнюю секунду тормозили перед камерой или переезжали через сидящего в окопе оператора. Кадры сменяли друг друга чрезвычайно быстро, и фильм производил впечатление необыкновенной силы и движения. Он внушал публике, не забывшей позор Первой мировой войны, что Германия никогда более не будет вести изнурительную позиционную войну. «День свободы», сопровождаемый бодрой маршевой музыкой и выпущенной после введения воинской повинности, оставлял приподнятое чувство вновь обретенной силы. Германия снова «что-то собой представляла», после кабалы «позорного версальского диктата», сократившего германскую армию.

Почти ровно через четыре года немецкие танки перешли польскую границу, но поджигатель войны Гитлер снова изобразил себя миротворцем.

«У фрейлейн Рифеншталь. Частично посмотрел фильм «Олимпия». Неописуемо хорош. Снято восхитительно. Огромное достижение. В некоторых частях — глубоко трогает. Лени может чрезвычайно много. Я в восторге. И Лени очень счастлива».

Йозеф Геббельс, дневник, 24 ноября 1937 года

«Основная работа Лени была в монтажной. Тут она действительно добилась выдающихся достижений, потому что монтаж фильма — чисто женская работа».

Ханс Эртль, оператор в группе Лени Рифеншталь

«В любом случае на первый план она поставила документальный аспект. Она не выражала никаких политических замечаний или мнений. Фильм «Олимпия» и не был политическим, его же заказал Международный олимпийский комитет».

Гуцци Ланцнер, оператор в группе Лени Рифеншталь

«Не торопясь, подбирать, складывать вместе — это было ее сильной стороной...»

Лени Рифеншталь за монтажным столом.

Еще в 1931 году Международный олимпийский комитет решил провести Олимпийские игры 1936 года в Германии, что являлось актом доброй воли по отношению к находящейся в упадке Веймарской республике. В Берлине на спортивные состязания должна была прибыть «молодежь всего мира». Но новые властители делали существенные различия среди этой «молодежи». Альфред Розенберг, главный редактор «Фелькешир Беобахтер», в 1928 году, когда Германию впервые после мировой войны пригласили на Олимпиаду, назвал «преступлением» одно лишь участие. Соревнование между «арийцами» и «неарийцами»? Гитлер и его помощники считала его недостойной возней, пока не осознали пропагандистское значение мероприятия. Что может быть лучше в то время, когда весь мир с тревогой смотрит на происходящее в Германии? Спектакль, призванный убедить мир в стремлении нового режима к дружбе народов, обошелся в 100 миллионов марок.

На время Олимпиады с берлинских магазинов, из парков и общественного транспорта исчезли антисемитские лозунги. Официальный указ запрещал распевание популярных нацистских песен. Воинствующий антисемитский «Штюрмер» продавался только из-под полы. Прекрасная видимость смогла обмануть мир и скрыть подготовку к войне и массовым убийствам людей. Черно-белые фотографии, изображавшие мирные спортивные соревнования, обошли весь мир. Джессе Оуэнса, чернокожего суператлета — героя этих Игр, — и немца Луца Лонга засняли на лужайке, где они лежали, дружески обнявшись и жуя соломинки.

Лени Рифеншталь всегда мечтала о таком сюжете, как Олимпийские игры. Восторженной спортсменке предстояло снимать не монотонные шествия и бесконечные речи, а напряжение и драматизм соревнований.

Министерство пропаганды, хотя сама Рифеншталь утверждала, что «Олимпия» являлась независимой работой, предоставило ей потрясающие условия. Она сама получала огромный гонорар в размере 250 000 рейхсмарок, а фильм имел бюджет 1,5 миллиона рейхсмарок.

Уже в мае 1936 года группа операторов, подобранная Лени Рифеншталь из лучших представителей «цеха», начала проб-

ные съемки. Вилли Цильке предстояло снять эпический пролог фильма, Ханс Эртль, Вальтер Френц и Гуцци Ланцнер специализировались на спортивных съемках. Новым в команде был Ханс фон Яворски, сделавший после Первой мировой войны карьеру в Голливуде. Операторы пытались поспеть за движениями спортсменов, снимали одно и то же под разными углами и постоянно экспериментировали с камерами. В это время возникла идея снимать атлетов с «лягушечьей» перспективы, т.е. с очень низкой точки, на фоне неба. Ханс Эртль разработал своего рода автоматическую камеру, которая мчалась вдоль 100-метровой дорожки рядом с бегунами. Подготовили небольшой воздушный шар с мини-камерой, позволяющий снимать с воздуха. Как только спортсмены приступили к тренировкам, команда Лени начала снимать ближний план, чтобы не мешать атлетам во время соревнований.

В Берлине зажегся олимпийский огонь, а Лени Рифеншталь принялась доказывать оправданность затрат. Ей приходилось координировать съемки и многочисленные соревнования и определять, какое из них самое зрелищное, где следует ждать самых драматических событий? Кого из спортсменов выделить? После захода солнца она часами сидела вместе со своей командой, раздавая указания на следующий день. Слово Рифеншталь было законом даже для ее самых самоуверенных сотрудников-мужчин. Оператор Гуцци Ланцнер всегда с уважением повторял: «Она могла руководить, как мужчина, и обращаться с сотрудниками, как мужчина». Лени знала подход к своим ребятам, этому она научилась у Арнольда Фанка. Во время Олимпиады она использовала свое умение общаться с высшими партийными деятелями. Если возникали трудности, она пускала в ход маленькие женские хитрости. «И тут она, сияющая, возвращается и хихикает: “Мы получим что хотели, но для этого мне опять пришлось разрыдаться”», — вспоминает оператор Вальтер Френц.

Как львица, боролась Рифеншталь за лучшие места для своих операторов. Ее совершенно не волновало, что зачастую они мешают зрителям. Короткий эпизод, видимо, случайно попавший в фильм, запечатлел Лени Рифеншталь, отчаянно жести-

кулирующую и что-то доказывающую судьбе на соревнованиях по плаванию. По их лицам и глазам ясно, кто победит в этом словесном поединке. Если она одна не могла справиться, то тут же обращалась к покровителям из партийной элиты. Берлинская журналистка Белла Фромм вспоминала, что Лени во время Олимпийских игр ввела что-то вроде «черных писем». Как только она замечала, что оператор из газеты или кинохроники пытается снять кадр, еще не попавший в объектив ее сотрудников, она отправляла к нему посыльного с запиской угрожающего содержания: «Лени Рифеншталь приказывает Вам не покидать своего места во время съемки. Не надо расхаживать. В случае несоблюдения Вас лишат аккредитации». Тогдашний имперский интендант кино Фриц Хипплер рассерженно вспоминает выходы Рифеншталь: «Она очень мешала ребятам из кинохроники. Но что мы могли поделать, тогда войска Рифеншталь были сильнее моих».

Но иногда стальное очарование Рифеншталь не помогало. Ханс Эртль вспоминает, что он включил камеру, когда молодая женщина с букетом цветов приблизилась на трибуне к Гитлеру. Вручая цветы, она молниеносно наклонилась вперед и поцеловала фюрера в щеку. На «недосягаемом» остался четкий отпечаток губной помады. Не успели удалить назойливую поклонницу, как Ханс Эртль лишился отснятой пленки. Два эсэсовца быстро конфисковали «компрометирующий» материал.

После «Олимпиады» известность Лени возросла. В бесчисленных репортажах, предваряющих фильм, и «закулисных» сообщениях об «Олимпиаде» ее чествовали как новую суперзвезду. Лени была привлекательна и умела себя подать. В брюках а-ля Марлен Дитрих и облегающей блузке она стояла на операторской тележке за Вальтером Френцем, а ветер слегка разведал ее распущенные волосы. Ее рука спокойно лежала на плече оператора, словно она руководила съемкой, хотя на деле скорее затрудняла работу Френца.

Публику она злила, потому что всюду и всегда загораживала вид и таскала за собой личного фотографа. В конце концов ее команда устала от властных замашек дивы. Десятилетия спустя Ханс Эртль с раздражением говорил о своей пре-

жней начальнице: «Она все время носилась туда-сюда, даже во время самых напряженных соревнований, от одной группы операторов к другой и размахивала руками, будто давала важные указания. Если бы она уселась на трибуне, нашей работе это принесло больше пользы, чем ее вечная беготня».

Основная работа началась для Лени Рифеншталь после того, как погас олимпийский огонь. Если кто-нибудь из операторов имел право критиковать Лени во время съемок, то не за монтажным столом. Здесь была ее стихия. Потребовались многие месяцы, чтобы просмотреть материал, поскольку было снято более 400 тысяч метров пленки. Лишь после этого начался собственно монтаж. Гуцци Ланцнер, помогавший Лени в монтажной, вспоминает: «Мы ежедневно сидели за монтажным столом до часу или двух ночи, а утром без перерыва все продолжалось дальше».

На окончательную доработку фильма потребовались целые месяцы. Несмотря на огромный бюджет, вскоре появились финансовые трудности. К 16 сентября 1936 года растаяли 1,2 миллиона рейхсмарок. Министр пропаганды Геббельс рассердился: «Проверка фильма «Олимпия»: Рифеншталь проявила страшную бесхозяйственность. Срочно вмешаться!» — записал он 25 октября в своем дневнике. Узнав истинный масштаб финансовой катастрофы, он пришел в ярость: «Фрейлейн Рифеншталь устраивает мне истерики. С этими бешеными женщинами невозможно работать. Теперь она хочет на свой фильм еще полмиллиона, чтобы получилось два. Причем в ее лавочке дело нечисто, как никогда. Я сдержан до глубины души. Она плачет. Последнее оружие женщин. Но на меня это больше не действует. Она должна работать и соблюдать порядок», — новая запись в дневнике Геббельса спустя несколько дней. Однако ее успехи за монтажным столом, в которых Геббельс лично убедился, довольно быстро сгладили волны гнева.

После двух лет работы в монтажной титанический труд наконец-то был завершен. Получилось два фильма: «Праздник народов» и «Праздник красоты». Они и сегодня считаются крупными вехами в спортивной киножурналистике. Дело не только в новых методах операторской съемки, но, прежде все-

«Фильм повсюду имеет оглушительный успех...»
Гитлер поздравляет Лени Рифеншталь с успехом.

«Я никогда не оспаривала, что находилась под влиянием Гитлера. То, что я слишком поздно осознала в нем демоническое начало, без сомнения, моя вина или ослепление».

Лени Рифеншталь в письме к Манфреду Георге, 1948 год

«Она шла своим путем, и Гитлер в некотором смысле восхищался этим».

Вольфганг Вагнер

«Вечером обед у фюрера... Я рассказываю фюреру об «Олимпиаде» Лени Рифеншталь. Он радуется, что фильм так удался. Мы хотим что-нибудь сделать, чтобы подготовить для Лени небольшое чествование. Она это заслужила».

Йозеф Геббельс, дневник, 26 ноября 1937 года

«Иметь доступ к фюреру и пользоваться у него авторитетом означало в то время все».

Ханс Эртль, оператор, 1982 год

«В этот вечер я почувствовала, что Гитлер желает меня как женщину».

Лени Рифеншталь в своих воспоминаниях

«Я четко вижу, что эта женщина была беспощадно влюблена в саму себя и пыталась заставить всех, начиная с собственной матери, себя почитать. И Гитлер ее почитал, она его, конечно, тоже, но это был в некотором смысле честный обмен на одинаковом уровне, оба друг друга почитали».

Маргарете Мичерлих, психоаналитик и публицистка

«Рифеншталь повезло, что они с Гитлером понимали друг друга в кинематографическом плане в то время, когда о захвате Гитлером власти еще не могло быть и речи, и она очень рано завоевала поддержку и симпатию Гитлера».

Доктор Фриц Хипплер, имперский интендант кино

«Он хвалил Рифеншталь как неповторимую личность...»

Лени Рифеншталь и ее идол пожимают друг другу руки.

го, в том, как Лени Рифеншталь «рассказала» об Олимпиаде за монтажным столом. К самым красивым сценам фильма, без сомнения, относятся соревнования по прыжкам в воду. Ханс Эртли мастерски запечатлел их, впервые использовав камеру для подводных съемок, и дополнил съемки Гуцци Ланцнера, сделанные с высоты трамплина, а Рифеншталь выстроила порядок сцен, где прыгуны, словно птицы, поднимающиеся с башни, совершают прыжок с трамплина, а затем вращаются в воздухе, будто в невесомости.

В прологе фильма она отступила от изложения реальных событий. Из античной статуи «Дискобол» работы Мирона медленно возникает тело немецкого атлета-десятиборца Эрвина Хубера. Хорошо сложенные атлеты блестяще демонстрировали классические олимпийские состязания — метание копья и диска. Эти кадры были отсняты на берегу Балтийского моря. На одной из сохранившихся пленок можно видеть, с каким старанием Вилли Цильке, режиссер из команды Лени, готовит спортсменов к съемке.

Атлеты-модели в костюме Адама дрожали от холода на морском ветру, наступая голыми пятками на колючки, а в фильме казались богами давно прошедших времен. Операторы снимали из вырытых ям, поэтому в кадре спортсмены выглядели гигантами. При помощи пудры и вазелина подчеркнули мускулы спортсменов, чтобы каждый смотрелся Геркулесом. Преклонение Рифеншталь перед красотой и силой после войны назвали нацистским. Но Лени Рифеншталь непоколебимо повторяла: «Меня интересует только красота. Нужда и болезни удручают!»

«Олимпия», без сомнения, политический фильм, не в последнюю очередь потому, что навязчиво и даже агрессивно агитировал за национал-социализм. Конечно, в фильме на первый план выдвинут чернокожий олимпиец Джесс Оуэнс, а вовсе не немецкие спортсмены, что соответствовало тому образу рейха, который его правители стремились создать за рубежом. Желаемое пропагандистское воздействие «Олимпия» произвела достаточно деликатно.

Гитлер, выглядевший в «Триумфе воли» почти полубогом, здесь предстает простым спортивным болельщиком, радую-

щимся успехам немецкой команды и переживающим вместе со всеми, когда немецкая команда в женской эстафете уронила эстафетную палочку, упустив верную победу. Рядом с ним на почетной трибуне в лучах славы немецкой олимпийской сборной грелись верные соратники фюрера. Все они выглядели такими человечными: рейхсмаршал Герман Геринг каждый день появлялся в новом костюме, а заместитель Гитлера Рудольф Гесс даже среди всеобщей радости на трибунах сохранял явно озабоченное выражение лица. Они казались посланцами мира между народами. Проектора зениток, лучи которых «нарисовали» во время торжественной церемонии закрытия Олимпийских игр собор по проекту Альберта Шпеера, несколько лет спустя во время войны освещали небо над Берлином.

Торжественная премьера «Олимпиады» состоялась в 49-й день рождения Гитлера, 20 апреля 1938 года. Лени Рифеншталь пришлось собрать в кулак всю свою волю: день премьеры дважды переносили, потому что фюрер был занят «аншлюсом» Австрии.

Премьера в Берлинском дворце «УФА», на которой присутствовала партийная элита, стала триумфом Рифеншталь, позволившим ей быстро забыть напряжение длительной работы.

«Повсюду – только хвалебные отзывы. Я подарю Лени Рифеншталь еще 100 000 марок», – покровительственно записал Геббельс в своем дневнике.

Вена, Париж, Брюссель, Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, Осло, Рим... Лени Рифеншталь отправилась в турне со своим фильмом «Олимпия». За границей «Олимпия» имела блестящий успех. Только в Брюсселе и Париже, где демонстранты в знак протеста пели коммунистический «Интернационал», Лени услышала критику в свой адрес, но ничуть не обеспокоилась. Не зная мелодию, она приняла ее за очередные почести. В общем и целом турне оказалось успешным, и режиссер великолепно справилась с обязанностью очаровательной представительницы гитлеровского режима. В сопровождении германских послов она встречалась с главами государств и монархами большинства европейских стран, благосклонно принимала букеты цветов, мило и очаровательно вела бесе-

«В своей жизни я никогда не была антисемиткой...»

После стрельбы в Коньске (Польша) евреи копают могилу для убитых эсэсовцев.

«Лишь после войны, находясь в заключении, я узнала об этих преступлениях. Я почти сошла с ума, и боюсь, что никогда не смогу освободиться от кошмара этих неслыханных страданий».

Лени Рифеншталь в письме к Манфреду Георге, 1949 год

«Лени Рифеншталь принципиально действует согласно известному девизу, помогающему все забыть: “Я ничего не знала”». Когда речь идет о захвате власти, сжигании книг или преследовании евреев, тогда в ее воспоминаниях тут же появляются такие эвфемизмы, как «горная хижина», «Гренландия» или «Доломиты» — подлинные или вымышленные места и синонимы отсутствия и оторванности от жестокой реальности в Германии».

Феликс Мёллер «Лени Рифеншталь», 1999 год

«Рифеншталь не интересовали ни жертвы, ни палачи. Ей было достаточно, чтобы ее не причисляли к последним».

*Райнер Ротер «Лени Рифеншталь —
совращение таланта», 2000 год*

«Каждый, кто пытается обвинить самую талантливую пропагандистку “сверхнации” в том, что она внесла свой вклад в массовый психоз, связанный со “священной Германией” и, значит, в ответе за те страдания, которые породил рейх, вызывает лишь ее гнев и возмущение, но не печаль и воспоминания, ведущие к самопознанию и желанию исправить ошибки».

Маргарете Мичерлих, психоаналитик и публицистка

«Лени Рифеншталь падает в обморок при виде мертвых евреев».

Жестокое столкновение с реальностью войны.

ды. «Рифеншталь — смелая баба», — хвалил Лени министр пропаганды.

После турне по Европе посланница новой Германии решила завоевать Новый Свет. В ноябре 1938 года она на корабле отправилась в Нью-Йорк. В США дул совсем другой ветер, который пришлось не по вкусу избалованной успехом Рифеншталь. Голливуд пестрел плакатами с надписью: «Здесь не место Лени Рифеншталь». Студии отменяли назначенные просмотры «Олимпиады», и практически никто из известных лиц не пожелал встречаться с Лени. В 1938 году уже никто не верил в образ независимой художницы. Ей наперебой задавали вопросы: «Что Вы скажете на то, что немцы сжигают синагоги, громят еврейские магазины и убивают евреев?» Незадолго до ее визита гонения на евреев в Германии впервые достигли кульминации. «Это не правда!» — возмущенно воскликнула Рифеншталь.

Лени Рифеншталь всегда утверждала следующее: она ничего не знала о масштабах антисемитизма в Германии, она даже откровенно критиковала Гитлера за его расовую политику. Она не замечала, что тысячи деятелей науки и культуры, противников режима, покидали страну, не замечала депортации десятков тысяч человек, не слушала радио, не читала газет. Для нее существовала только работа, работа и еще раз работа! А «Хрустальная ночь» оказалась для нее, никогда не сталкивавшейся с антисемитизмом, громом среди ясного неба, настоящим шоком.

Однако документы свидетельствуют об обратном. Так Лени Рифеншталь всюю использовала «возможности», возникшие для нее после выдворения из страны еврейских деятелей культуры. На бумаге из берлинской гостиницы «Кайзерхоф» 11 декабря 1933 года быстрым почерком начертано: «Я предоставляю господину гауляйтеру Юлиусу Штрайхеру из Нюрнберга, издателю «Штюмера», полномочия в вопросах претензий ко мне еврея Белы Балажа. Лени Рифеншталь». Таким образом после прихода нацистов к власти Лени Рифеншталь избавилась от своего соавтора по «Голубому свету». Когда в 1938 году фильм снова пошел в кинотеатрах, имя Балажа в титрах уже отсутствовало. Однако она утверждает, что только один раз в жизни ви-

дела Юлиуса Штрайхера — антисемита-психопата, повешенного в Нюрнберге в 1946 году, и при этой встрече храбро критиковала его: «Как Вы только можете издавать такую ужасную газету, как Ваш “Штюрмер”!»

Но сохранилось письмо Штрайхера к Лени от 27 июля 1937 года: «Часы, которые мы провели в твоём доме, стали для всех нас событием», — доверительно пишет он. После комплиментов следуют пафосные строки расиста-фанатика: «Оставайся непонятой для непонятливых, пусть они шутят и издеваются! Иди, смеясь, своим путем, путем великого призвания. Здесь ты нашла свои небеса и останешься на них навсегда, твой Юлиус Штрайхер».

После того как Штрайхер стал невыносимым даже для партийных руководителей, и его лишили всех постов, Лени по-прежнему поддерживала с ним контакт. Шпики из гестапо следили за ним, и в их донесениях от 29 октября 1943 года написано: «Лени Рифеншталь была со своим женихом, кавалером рыцарского ордена майором Якобом, в Нюрнберге и жила в гостинице «Дойчер хоф». Она тут же установила связь с бывшим гауляйтером Юлиусом Штрайхером и навестила его в Плайкерхофе».

Во многих других случаях свирепствующий антисемитизм тоже казался Лени Рифеншталь вполне оправданным. Ее бывший продюсер Харри Зокаль, сам еврей, после войны написал в «Шпигель» письмо о том, что у Рифеншталь случались приступы ярости, когда она читала критические статьи еврейских журналистов о «Голубом свете».

Она не хотела, чтобы «эти чужаки, не понимающие нашего образа мыслей, нашей духовной жизни», уничтожали ее детище. По словам Зокаля, она предполагала, что как только фюрер придет к власти, им разрешат писать только для их собственного народа. Лени Рифеншталь оспаривала это письмо Зокаля.

Есть и другие воспоминания о ней. Актриса Эвелин Кюннеке в одном из интервью сообщает, что после того, как ее отца по расистским причинам вывели из состава Имперской кинопалаты, он обратился с просьбой о восстановлении к Лени Рифеншталь. И Рифеншталь успешно ходатайствова-

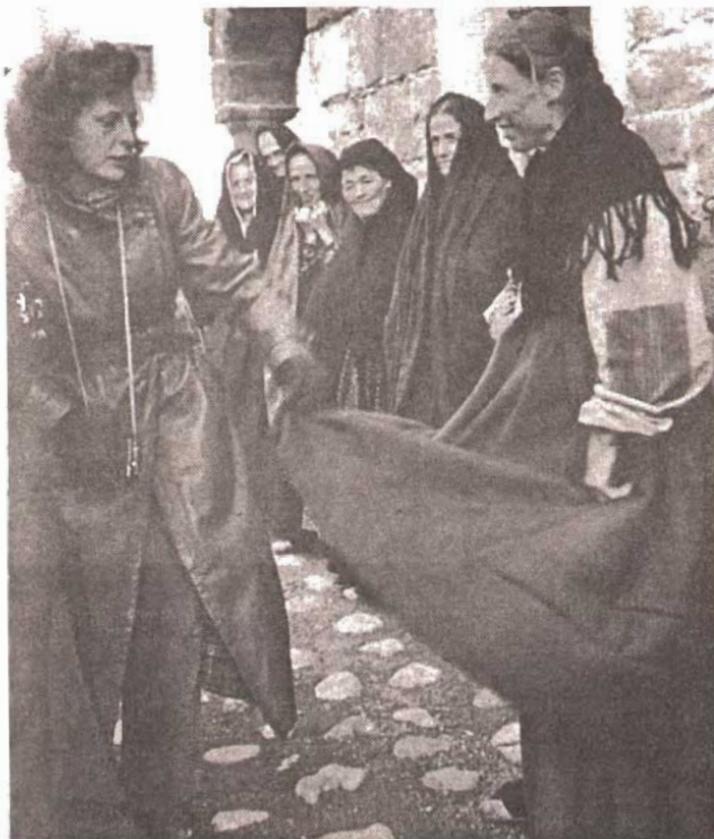
да за него у Гитлера. Постановщик оперетт Кюннеке смог работать дальше.

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу. Началась Вторая мировая война. Лени Рифеншталь решила направить свои способности на служение общему делу и последовала за гитлеровскими войсками в походе на Восток. 10 сентября она оказалась в зоне командования генерала Эриха фон Манштейна. Генерал не знал, что делать с этой экзальтированной особой. Впоследствии он вспоминал: «В один прекрасный день появилась у нас, как она выразилась, “по следам фюрера”, известная киноактриса и режиссер в сопровождении команды операторов... Впрочем, она выглядела мило и бесстрашно, как элегантная партизанка в костюме с парижской улицы Риволи. На ней было что-то вроде туники, бриджи и мягкие высокие сапоги. На кожаном ремне, опоясывающем бедра, висел пистолет. Оружие ближнего боя дополнял нож, по-баварски засунутый в голенище. Должен признаться, что штаб, увидев столь необычное существо, пришел в некоторое смущение».

Манштейн отослал обременительную на фронте посетительницу к генералу фон Райхенау. Режиссеру и ее свите предстояло отправиться в Коньске.

12 сентября 1939 года в Коньске было совершено крупное военное преступление — одно из первых такого рода. Недавно найденный фотоальбом немецкого солдата-ополченца документально отражает ход событий. «Лени Рифеншталь с киноштабом» — так озаглавлена одна из фотографий. На ней режиссер с сопровождающими лицами переходит улицу.

«Наш фюрер в Коньске» — заголовок другой фотографии, на которой Гитлер едет в открытой машине. «В ночь на 12 сентября евреи напали на четырех наших патрульных и зверски убили их» — подпись на следующей странице под фотографией четырех трупов эсесовцев. «Евреи роют могилы для наших павших товарищей» — так озаглавлена еще одна фотография из этого альбома. Что же произошло? Очевидно, во время сражения за Коньске погибли четыре немецких солдата. Вермахт собрал местное еврейское население и приказал им вырыть могилу в центре деревни. Когда несчастных

«Лени Рифеншталь обычно была мила по отношению к цыганам...»
Съемки фильма «Долина», 1940 год.

«Я знала о Дахау и Терезиенштадте, но обо всех других лагерях я узнала только после войны».

Лени Рифеншталь, 18 августа 1997 года

«Ей и до сегодняшнего дня удалось не знать о том, о чем она не хотела знать».

Мargarете Мичерлих, 1987 год

«Мы все были в сборном лагере. И тут появилась она с полицией и стала выискивать людей. И выбрала меня и многих других таких же молодых людей, потому что ей нужны были такие».

Роза Винтер, статистка в фильме «Долина»

могильщиков погнали по деревенской улице, то началась стрельба, во время которой погибли по меньшей мере, 20 мирных жителей. «Лени Рифеншталь падает в обморок при виде мертвых евреев» — так молодой ополченец озаглавил фотографию, на которой режиссер, окруженная солдатами, в ужасе кричит.

Что же увидела Лени Рифеншталь в этот момент? После войны она дала показания, что протестовала против грубого обращения с мирными жителями, копающими могилы. Солдаты стали проявлять к ней агрессию. «Один закричал: “Застрелите эту бабу!” и направил на меня свое оружие», — впоследствии вспоминала она. Убийство евреев она сама не видела, лишь позднее узнала о нем. В эти показания Лени Рифеншталь трудно поверить, тем более что подпись под фотографией в альбоме однозначна, но Лени высказывалась исходя из ситуации пятидесятых годов, когда в обществе резко осуждались события в Коньске. Однако критика была направлена не столько против вермахта, солдаты которого, бесспорно, совершили преступление, сколько против предполагаемой свидетельницы преступления, в котором она, строго говоря, не участвовала. Вопрос стоял так: «Кто что видел?», а не: «Кто что совершил?» Под огнем общественной критики Лени Рифеншталь выбрала самый сдержанный вариант истории. Бесспорно лишь то, что Рифеншталь выступала против событий в Коньске. Имеются документальные подтверждения, что она обратилась к генералу Райхенау и возмущенно рассказала ему о том, что видела. Ее протест не возымел действия, по крайней мере, на преданного фюреру генерала, но она высказала его, и это гораздо больше, чем осмеливались сделать в то время другие.

После событий в Коньске Лени Рифеншталь полетела в Данциг (Гданьск) и сняла триумфальное вступление в город фюрера и его войск. Она сама называла Коньске событием, после которого она прекратила свою деятельность военного корреспондента. Действительно, больше она никогда не ездила с камерой на фронт, но она протестовала против ужасов войны, а не триумфа человека, эту войну развязавшего.

«Я никогда не была любовницей Гитлера, я никогда не видела ни одного концлагеря...» Лени Рифеншталь подает в суд на журнал «Ревю», 1949 год.

«Сожалею, что жила в то время. Если бы я тогда все знала, то убила бы Гитлера».

Лени Рифеншталь, июль 1996 года

«Если она появлялась на сцене, то не как второстепенный персонаж».

Райнер Ротер «Лени Рифеншталь — свращение таланта», 2000 год

Когда Гитлер спустя полгода вступил в Париж, она телеграфировала: «С неопишущей радостью, глубоко взволнованные и исполненные горячей благодарностью мы вместе с Вами, мой фюрер, наблюдаем Вашу величайшую победу и победу всей Германии — вступление германских войск в Париж. Вы совершаете подвиги, которые не может представить человеческая фантазия и равных которым нет в мире, как мы можем отблагодарить Вас за это? Высказать пожелания счастья — это слишком мало, чтобы продемонстрировать Вам чувства, волнующие меня».

В последующие годы Рифеншталь не отказалась ни от Гитлера, ни от его поддержки. Уже весной 1939 года начались первые переговоры о создании в Берлине роскошного кинопавильона Лени Рифеншталь. Рядом с виллой Рифеншталь на улице Хайден-штрассе в Далеме должна была располагаться территория площадью 22 500 квадратных метров для киносъемок Лени. За государственный счет и по решению фюрера.

Предусмотрена была постройка монтажных, просмотровых залов, кухни и столовой для сотрудников, даже спортивного зала. А для своих личных покоев Лени Рифеншталь пожелала опускающееся панорамное окно с видом на сад, такое окно являлось гордостью Гитлера и находилось в его имении «Бергхоф» над Берхтесгаденом. Из-за войны проектирование затягивалось, но не прекращалось. К 1940 году территория кинопавильона увеличилась до 28 000 квадратных метров, а в 1942 году в делах гитлеровского архитектора Альберта Шпеера встречается переписка по этому вопросу. Киностудия должна была стать частью новой столицы, которую Шпеер и Гитлер планировали как центр Тысячелетнего рейха. Но рейх лежал в руинах еще до того, как был заложен фундамент роскошной студии Рифеншталь.

Решив отказаться от деятельности военного корреспондента, Лени Рифеншталь вернулась к игровому кино. Ее вторым и последним художественным фильмом стала кинолента «Долина» — патетическая киносага о победе Добра над Злом. Для создания фильма потребовалось около 20 лет. В нем рассказывается история Педро, скромного пастуха, пасшего овец в горах

«Я жила в Третьем рейхе со всеми его ужасными преступлениями. Мы оставили ужасное наследство. Я должна как-то это компенсировать. Вина остается, можно это так назвать».

Лени Рифеншталь, май 2000 года

«Подсудимая включена в группу попутчиков... В формальном отношении установлено, что госпожа Лени Рифеншталь, родившаяся 22 августа 1902 года, не являлась ни членом НСДАП, ни какой-либо из ее организаций, согласно директиве № 38 нельзя предполагать наличие вины, но необходимо расследовать, содействовала ли госпожа Рифеншталь национал-социалистическому деспотизму другим образом, кроме сотрудничества в НСДАП или какой-либо из ее организаций, и в какой мере, и извлекала ли выгоду из этого...»

Из судебного дела Лени Рифеншталь, 16 декабря 1949 года

«В конце концов, Гитлер являлся главой государства, и она была корректной по отношению к нему...»
Приговор специальной комиссии по денацификации: «не виновна», 1952 год.

Испании, и его любви к Марте, ставшей жертвой ужасного деспота из равнины. Съёмки фильма, начатые в 1934 году, вскоре были приостановлены, последовала череда финансовых проблем и неудач. Ведущую роль должен был играть... волк. Попросили доктора Бернхарда Гржимека найти прирученное животное. Первый волк оказался слишком активным, второй — подавился едой, и только третий дрессированный волк «сыграл» свою роль на радость Лени. Проблемы создавали и стада овец, призванные оживить живописный горный пейзаж. Животных пичкали солью, чтобы они, побуждаемые жаждой, не отходили от живописного пруда. Однако животные, мучимые жаждой, быстро выпили всю воду, пруд с трудом опять наполнили водой. Война добавила новых трудностей. Съёмки в Испании, где происходит действие фильма, стали невозможны. Деревню Роккабруна соорудили в городке Миттенвальд в Карвенделе. Затраты стремительно росли. Вскоре Йозеф Геббельс потерял всякое терпение. 8 марта 1941 года он записал в дневнике: «Новый фильм Рифеншталь доставляет нам много хлопот. На ветер выбрасывают “бешеные деньги”». Но Лени Рифеншталь все же удалось достать средства. Путь к кошельку фюрера пролегал теперь через Мартина Бормана, секретаря Гитлера.

В отличие от других фильмов Лени Рифеншталь, «Долина» не вошла в историю кино. Прежде всего из-за того, что Рифеншталь решила сама сыграть главную женскую роль. Даже при удачном освещении она, сорокалетняя, выглядела значительно старше своего 23-летнего партнера по фильму. Патетические изобразительные средства в 1954 году, когда «Долина», наконец, появилась в кинотеатрах, оказался уже несовременным. «Штутгартер цайтунг» иронизировала по поводу «классического примера непревзойденной скуки, смонтированной со скоростью хромой улитки». «Дойче цайтунг» ерничает: «Похожая на цветок из воска, Лени Рифеншталь в этой роли выглядит словно утопшая Кристина Зёдербаум».

Несмотря на безуспешность проекта, именно из-за «Долины» Лени Рифеншталь вела после войны самые ожесточенные судебные процессы. Когда в 1940 году съёмки возобновились,

из-за войны нечего было и мечтать о приезде большой группы испанских статистов. Но Лени хотелось «испанского колорита» в лицах исполнителей. Решение проблемы находилось ближе, чем она полагала.

Цыганке Розе Винтер было 17 лет, когда она с семьей попала в лагерь для интернированных лиц в Максглане под Зальцбургом. Она и сегодня вспоминает тот день, когда впервые увидела Лени Рифеншталь: «Она пришла в лагерь вместе с мужчинами в форме и стала выискивать людей». На автобусах цыган увезли из Максглана в Миттенвальд. Роза Винтер вспоминает, что все были рады вырваться из ужасных условий лагерной жизни. Как статисты «Долины» они получали достаточно еды и жилье, но их постоянно охраняли. Роза Винтер описывает режиссера как исключительно приветливую и любезную по отношению к статистам даму.

Разве Рифеншталь не задавалась вопросом, что будет потом с ее «актерами»? После войны Лени Рифеншталь обвинили в том, что она знала об отправке цыган по окончании съемок в Освенцим, где их уничтожили. Маловероятно, что в 1941 году упоминалось конкретное название «Освенцим», но Лени Рифеншталь видела цыган в лагере в Максглане и, скорее всего, от нее не укрылось, что статистам, которых она так никогда и не вознаградила, грозит печальная судьба.

Сейчас уже невозможно установить, что Лени Рифеншталь действительно знала о холокосте. Она десятилетиями повторяла одни и те же слова. В мемуарах она даже утверждает, что цыгане были ее «особыми любимцами»: «После войны мы все вместе снова встречались», но точно известно, что практически никто из ее статистов не пережил Освенцим.

Сама Лени Рифеншталь никого не отправляла в лагерь и никого не убивала, но она должна была упрекнуть себя в том, что использовала возможности, предоставленные ей бесчеловечным режимом. Ей требовались люди, выглядящие «по-испански», и она их получила от режима, который их высылал, сажал в лагерь и затем уничтожал.

Окончание войны 8 мая 1945 года явилось коренным переломом в жизни Лени Рифеншталь. Час «Ч», воспринятый большинством немцев как освобождение и начало новой жизни,

отбросил знаменитого режиссера к нулевой отметке карьеры. Рифеншталь не запечатлела развалины рейха, которому была обязана своим триумфом.

В Кицбюэле американские солдаты тут же арестовали известного режиссера и вместе с высокопоставленными нацистами отправили в сборный лагерь. Ирвинг Розенбаум был одним из офицеров, ведущих допрос. В 17 лет он, будучи евреем, эмигрировал из Германии, а сейчас вернулся на родину, имя Рифеншталь было ему хорошо знакомо. «Я еще ребенком смотрел ее фильмы о горах. Однако женщина, которую нам предстояло допросить, создала и пресловутые пропагандистские фильмы нацистов, — вспоминает он. — Ее нервы были абсолютно расшатаны». Хотя сама Лени Рифеншталь в первую очередь вспоминает о потрясении от фотографий из концлагерей, протокол допроса, хранящийся в американских архивах, говорит об обратном: «Фрейлейн Рифеншталь прежде всего обеспокоена своим фильмом “Долина”». Другие высказывания Лени Рифеншталь на допросах союзниками ныне всем хорошо известны. Большинство фраз она повторяла после 1945 года бесчисленное количество раз: ее вынудили снимать фильмы о партийных съездах; она являлась жертвой министра пропаганды и не имела ни малейшего понятия о том, что творилось в концлагерях.

Допросы 1945 года стали для Лени Рифеншталь началом ее легенды. В последующие годы в трех судебных процессах расследовалась связь режиссера с национал-социализмом. Дважды приговор гласил «не виновна», на третьем процессе ее признали «попутчицей». Итак, попутчица — как и многие в национал-социалистической Германии.

Этим приговором можно было бы завершить «дело Рифеншталь», но до сегодняшнего дня этого так и не произошло.

После войны Лени Рифеншталь долго не могла утвердиться в профессиональном плане. Больше она не сняла ни одного фильма, однако не из-за запрета на профессию, которого не было, несмотря на распространенное убеждение. Она всю жизнь считала себя козлом отпущения, которого послевоенная Германия символически распяла вместо виновников гораздо более страшных преступлений. Неприятие Ри-

*«Ваши фотографии реалистичны, в этом нет никаких сомнений...»
Фотограф Лени Рифеншталь у нубийцев, начало 1970-х годов.*

«Иди, смеясь, своим путем, путем великого призвания. Здесь ты нашла свои небеса и останешься на них навсегда».

*Юлиус Штрайхер, письмо к Лени Рифеншталь,
27 июля 1937 года*

«Ни на одну другую женщину XX века не обрушилось столько почестей и столько клеветы».

Джоди Фостер, актриса, 2000 год

Рифеншталь обществу во многом явилось следствием ее самоизоляции. Хотя ее воспоминания легко опровергнуть при помощи документальных свидетельств, Рифеншталь во всем видела заговоры и отвечала на критику массивными контр-наступлениями, принесшими ей славу «неисправимой». Лени Рифеншталь не спорила, она подавала в суд на каждого, кто пытался связать ее имя с нацизмом и фюрером. Она выиграла большинство процессов, но потеряла при этом свою репутацию.

Профессиональная карьера Рифеншталь погибла не потому, что ее больше не воспринимали, а потому, что она больше не могла делать то, что хотела и считала нужным. С исчезновением привычных для нее условий потерпели крах все ее проекты. Ее любимые темы и изобразительные средства устарели. У нее уже не было бездонного бюджета и сплоченной команды – виртуозных съемок Ханса Шнеебергера, фантазии Ханса Эртля или преданности Гуцци Ланцнера. У нее условия были не хуже, чем у других, просто на этот раз – равные со всеми.

Рифеншталь вновь начала карьеру, но не режиссера, а фотографа. В ноябре 1962 года она отправилась с экспедицией в суданскую деревню Тадоро, чтобы открыть там «своих нубийцев». Жизнь в племени, еще не тронутом западной культурой, означала для Лени Рифеншталь возвращение в рай, потому что среди нубийцев она была женщиной без прошлого. Серии фотоснимков нубийцев стали большим успехом Лени, хотя ее опять критиковали за чрезмерное восхваление героизма и силы.

«Они такие красивые! Не я же их сделала, их создал Господь Бог», – отметала Лени эти упреки. Она так и не поняла, что хотели сказать ей критики.

Лени Рифеншталь умерла 8 сентября 2003 года на 102-м году жизни. Отношение к ней в последние годы существенно изменилось. Пожилая дама поражала своей впечатляющей жизненной силой. По всему миру с большим успехом проходили выставки ее фотографий и ретроспективы фильмов. Культовый режиссер Стивен Спилберг мечтал с ней познакомиться, его коллега, знаменитый Джордж Лукас, честно признался, что

«Это просто история, чистая история».

Лени Рифеншталь о своих фильмах

«Ее живость и грация глубоко потрясли меня».

Ангелика Ташен, издательница, 2000 год

«Единственная женщина, имевшая официальное право находиться на партийном съезде, хотя она часто выступала против партии, которая вначале была близка к тому, чтобы выступить против нее... Ради падения Рифеншталь плели интриги, на нее клеветали Гессу».

Альберт Шпеер, «Воспоминания», 1969 год

«Самая спорная личность среди немцев после 1945 года».

Алисе Шварцер, журнал «Эмма», январь 1999 года

«Все, что написано обо мне в газете, ложь». Лени Рифеншталь на Франкфуртской книжной ярмарке, 2000 год.

использовал «Триумф воли» для фантастической трилогии «Звездные войны». Американская киноактриса и продюсер Джуди Фостер собиралась экранизировать ее жизнь. «Она — одна из самых интересных женщин XX века», — заявила Фостер о Лени Рифеншталь.

Роль Рифеншталь как пропагандистки нацизма постепенно отошла на второй план, на первый план вышла талантливая художница. Критика осталась в прошлом, тем более что со времени ее ошибок прошло более 50 лет. Осталось уважение. О ней всегда говорили. Говорить с ней было невозможно, потому что Рифешталь всегда избегала критического анализа причин, побудивших ее к творчеству в Третьем рейхе. В ее фильмах, как и в ее жизни, никогда не было нюансов и полутонов, только черное или белое, хорошее или плохое. Она не признавала половинчатости, а броня воспоминаний превратилась в ее собственную правду.

Винифред Вагнер

МУЗА

«На самом деле мой национал-социализм был связан только с личностью Адольфа Гитлера. Все остальное интересовало меня гораздо меньше».

«Во время своих поездок между Берлином и Мюнхеном с 1925 по 1933 год Гитлер несколько раз останавливался в доме «Ванфрид». В кругу семьи Гитлер чувствовал себя обычным человеком и отдыхал от изнурительной деятельности партийного пропагандиста».

«Я знала его [Гитлера] 22 года и ни разу не разочаровалась в нем как в человеке. Я не имею в виду то, что происходило во внешнем мире, меня это не касалось».

«До самого конца я в большей или меньшей степени оставалась его единомышленницей, потому что знала этого мужчину как приятного, благородного и готового прийти на помощь человека. Меня привлекал мужчина, а не партия».

«В Байрейтском театре «Фестшпильхаус» никогда не интересовались партийной принадлежностью человека, а только его поведением в данный момент».

«Между нами была чисто человеческая, личная, доверительная связь, покоившаяся на почитании и любви к Рихарду Вагнеру».

«Я полностью отделяю Гитлера, которого знала, от того, что ему сегодня вменяется в вину».

«США – наш святой Адольф» (USA – Unser seliger Adolf).
Винифред Вагнер

«Моя мать... идеалистически понимала веру в “национальное обновление”, пропагандируемое Гитлером».

Вольфганг Вагнер, «Вся жизнь — автобиография», 1994 год

«Она принесла Рихарда Вагнера, как приданое, в дьявольский союз с германским рейхом, имея очень личное отношение к фюреру и сделав композитора посмертно сообщником и политическим соучастником национального краха Германии».

Ханс Юрген Зиберберг, 1980 год

«После 1945 года Байрейтский фестиваль не мог проявлять антисемитизм или прославлять национал-социалистические идеи, поэтому моя бабушка выражала их в своей частной жизни. Все знали ее мнение о “святом Адольфе”».

Готтфрид Вагнер, внук Винифред Вагнер

«Гитлер был мещанином, стремившимся попасть в высшие круги. И это ему удалось с помощью Винифред».

Эрика Янсен, статистка на Байрейтском фестивале

«Винифред обладала связями на самом верху и постоянно использовала их, чтобы найти пропавшего байрейтского врача-еврея или вызволить знакомого из лагеря. В ее защиту свидетельствует более тридцати благодарственных писем от евреев и евреек...»

Нике Вагнер, внучка Винифред Вагнер

Середина мая 1945 года: самоубийство Гитлера и капитуляция вермахта наконец-то избавили Германию от грохота сражений и запаха крови. В то время как большинство немцев судорожно размышляли о том, победили их или освободили, сами победители принялись искать главных виновников. Клаус Манн, сын эмигрировавшего из Германии писателя Томаса Манна, в форме офицера США разыскивал женщину, имя которой стояло в самом верху списка. Он обнаружил ее на уединенном франконском хуторе. Там, в маленьком летнем доме, Винифред Вагнер, невестка самого немецкого из всех композиторов, приняла его приветливо и решительно: «Один вопрос, господин Манн, можете мне не задавать: я не спала с Адольфом Гитлером».

Уже на первом допросе она продемонстрировала то, что симпатизирующие ей биографы называли «прямодушной откровенностью», а внучка Нике, напротив, порочным «нераскаянием». Клаус Манн с удивлением заметил, что ему пришлось доехать «почти до чешской границы» в поисках немца, оставшегося приверженцем Гитлера. «Она единственная не отказывалась от Гитлера, а, напротив, открыто признавала дружбу с ним. Мы говорили о Гитлере! “Дружили ли мы? Ну конечно! Безусловно! И как!” Она, похоже, гордилась этим! Она сидела напротив меня, крупная, с высоко поднятой головой — валькирия внушительных размеров и столь же внушительной дерзости. “Он был очарователен”, — заявила она с вызовом. — “Я не очень хорошо разбираюсь в политике, зато прекрасно разбираюсь в мужчинах. Гитлер был обаятельным. Австриец, знаете ли! Полный души и душевности! С великолепным юмором!”»

И своего мнения она не изменила. Правда, на двух процессах против нее Винифред Вагнер охарактеризовала свое пове-

«В «Ванфриде» не совершали преступлений».

Вольфганг Вагнер в своей автобиографии

«Гомосексуальность собственного мужа являлась для Винифред Вагнер крайне сложным вопросом. В двадцатые годы на эту тему было наложено табу. У Гитлера с Геббельсом высказывались следующим образом: «Фу-ты, гадость, что за упадочничество!»»

Готтфрид Вагнер

«Глубоко уважаемый мастер...»
Зигфрид Вагнер и его Виннихен.

друг другу, пока, наконец, она не оказалась под присмотром строгих монахинь в детском приюте, построенном в мрачном готическом стиле на юге Лондона.

То были «воистину несчастливые годы», — признавалась она в старости, умалчивая обо всех горестях тех лет. Пребывание в детском доме оставило Винифред в наследство две особенности: с одной стороны, некую закрытость, «щетиניות», не позволявшую проявлять чувства, а с другой — сильную и самоотверженную любовь к близким, превратившую Винифред в заботливую и, по мнению многих, образцовую мать и бабушку. Позднее именно в этой холодности и суровости упрекал ее внук Готтфрид Вагнер бабушку и своего отца Вольфганга.

До глубокой старости Винифред неутомимо заботилась о своих потомках: пеленала и кормила самых маленьких, простила мятежной дочери Фриделинде ее безжалостную книгу «Ночь над Байрейтом», послужившую основой для обвинения в процессе против Винифред, а после войны, как само собой разумеющееся, взяла на себя ответственность за «коричневое» прошлое Байрейта, чтобы ее сыновья, бывшие любимцы Гитлера, могли спокойно руководить знаменитым фестивалем.

Окончив начальную школу, Винифред Вильямс заболела. Врач порекомендовал континентальный климат, и таким образом она оказалась в Берлине у дальних родственников супругов Клиндворт. Это перевернуло всю ее жизнь. Пожилой седобородый музыкант Карл Клиндворт, некогда друживший с Рихардом Вагнером, по-прежнему поддерживал контакты с Байрейтом. Он стал приемным отцом Винифред, познакомил ее с операми Вагнера и «народными» идеями, связанными для немецких вагнерианцев, прежде всего, с «Парсифалем», «Мейстерзингерами» и «Кольцом нибелунга». Когда чахоточная английская девочка превратилась в привлекательную молодую женщину, Клиндворт вместе с вдовой Вагнера Козимой выступил в роли сводника, сосватав свою питомицу в семью мастера. Он настолько увлек Винифред творчеством Вагнера, что она взяла имя Сента, как у мифической женщины из «Летучего голландца», призванной «верностью до гроба» спасти проклятого моряка.

В то время, когда болезнь и случай привели девочку Винифред в дом страстного почитателя Вагнера, в партере оперного театра Линца произошло духовное «пробуждение» стоявшего там австрийского юноши. Исполняли раннее произведение Вагнера — «Риенци». «Потрясенные, мы следили за гибелью Риенци, — писал о том ноябрьском вечере 1906 года Август Кубицек, друг юности Гитлера и пылкий поклонник Вагнера. — Обычно после какого-либо художественного события, тронувшего его, Адольф тут же начинал говорить и резко критиковать постановку, но после «Риенци» он долго молчал». В судьбе римского народного трибуна Риенци, желавшего освободить свой народ и погибшего из-за предательства под развалинами Капитолия, молодой Гитлер увидел собственное будущее.

Густль Кубицек описывает, как его приятель вдруг сообщил ему «величественно и зажигательно» о некоем «предназначении», которое позволит ему привести немецкий народ «к высотам свободы». «Казалось, — продолжает Кубицек, — будто говорило его второе «Я», которое взволновало его самого так же, как и меня». В 1939 году, уже давно сделав мелодию из «Риенци» гимном нацистских партийных съездов, Гитлер с дрожью в голосе описывал Винифред Вагнер ту ночь в Линце: «Тогда-то все и началось!»

Еще в юности Гитлер избрал своей духовной родиной сценический мир Вагнера — с мифами, пучинами чувств и священными посланиями. «Я был сражен наповал», — вспоминает он о своей встрече с музыкой Вагнера в своей книге «Моя борьба», название которой перекликается с автобиографией Рихарда Вагнера «Моя жизнь». Одному американскому репортеру он признался, что с того времени ходил на оперы Вагнера «как иные люди ходят в церковь». Горящие костры, гибнущие Валгаллы, упоительное спасение — Гитлер, воспитанный в католичестве, получил причастие в опере. Сколько на самом деле воспринял от творчества Вагнера Гитлер, выяснилось лишь в годы его господства.

Винифред Вильямс услышала свою первую вагнеровскую оперу летом 1914 года перед Первой мировой войной — в судьбоносные дни крушения эпохи. Только что сербский националист убил австрийского кронпринца Франца Фердинанда.

Но семнадцатилетняя девушка-подросток думала совсем о других вещах. Впоследствии она писала, что ее «глубоко взволновали» каскады звуков, доносившиеся из оркестровой ямы во время генеральной репетиции «Летучего голландца». Действие на сцене с искусственными деревьями, развевающимися бородами и германскими рогатыми шлемами захватило ее. «С этого часа, — с восторгом рассказывала она спустя десятилетия, — для меня существовали только Вагнер и мир Байрейта». В упоении от музыки, а, может быть, во многом по совету Клиндворта, Винифред увлеклась сыном Рихарда Вагнера Зигфридом. Через год, 22 сентября 1915 года, пара заключила неравный брак.

Война войной, а Байрейт был счастлив. Наконец вдова мастера Козима избавилась от забот о продолжении рода. Ее единственному сыну Зигфриду (Фиди) исполнилось 46 лет, когда он предстал перед алтарем. Правда, у него был внебрачный ребенок от дочери священника, но для сохранения господства на «Зеленом холме» — территории фестиваля — недостойный отпрыск не годился. В свое время Зигфрид слыл вполне успешным композитором и достойным наследником Вагнера. Авторитет подрывали его многочисленные романы с женщинами и мужчинами, хотя некий промискуитет, похоже, являлся семейной традицией. Ведь Козима так и не смогла однозначно назвать отца своей дочери Изольды, однако в преклонном возрасте она из чувственной подруги гениального композитора превратилась в высоконравственную хранительницу святого Грааля, догадывавшуюся об эскападах Фиди, но не желавшую ничего о них знать. Юная Золушка Винифред вряд ли подозревала обо всем этом до того, как дала согласие на брак. Виннихен просто использовали для сохранения династии. Незадолго до свадьбы она писала своему Зигфриду словами самой Сенты: «Я вверяю тебе свою душу и тело, веди меня по жизни — сделай меня такой, какой хочешь видеть. Я так жаждала любви».

Рихард Вагнер окрестил свою импозантную байрейтскую виллу «Ванфрид», потому что здесь его «воображение должно было обрести покой». Но когда молодая супруга Винифред пришла в «Ванфрид», ее встретило все что угодно, но только не мирное спокойствие. Две ревнивых сестры Зигфрида, замуж-

«Я не спала с Адольфом Гитлером».

Винифред Вагнер — Клаусу Манну, 1945 год

«Слава Богу, есть ещё немецкие мужчины! Гитлер — великолепный человек, истинная душа немецкого народа. Он должен справиться».

Зигфрид Вагнер, 1923 год

«...Я должен полагаться только на будущее... Тогда придет время, когда гордость за твоего друга будет благодарностью за многое, что я не могу воздать тебе сегодня...»

Адольф Гитлер — Винифред Вагнер, 30 декабря 1927 года

«Дружба-
уваже-
ние...»

*Винифред
Вагнер
сопровождает
Гитлера.*

ние и бездетные, своими нравочениями и нападками сильно затруднили ей жизнь.

Старая Козима установила ей строгий распорядок дня и любила, когда молодая невестка обращалась к своему супругу Зигфриду «глубокоуважаемый мастер». Из-за войны фестиваль не проводился, вследствие чего семья попала в тяжелое финансовое положение. На зиму переезжали в маленькую пристройку рядом с «Ванфридом», потому что ее было дешевле отапливать.

Несмотря на все неприятности, Винифред оправдала возложенные на нее ожидания. Каждый год она рожала маленьких Вагнеров: в 1917 году – сына Виланда, потом Фриделинду, Вольфганга и, наконец, в 1920 году – Верену. Постоянные беременности укрепили ее позиции в клане. Приехав первый раз с младенцем Виландом в «Ванфрид», она демонстративно положила Козиме на руки продолжателя рода.

Вообще-то Винифред с самого начала «с валлийским упрямством», как утверждал ее сын Вольфганг, участвовала в борьбе за власть в «Ванфриде». Когда одна из нелюбимых золовок Даниела Тоде с самыми добрыми намерениями подарила ей перед свадьбой наряд для венчания и повседневные платья, Винифред тут же отослала их в байрейтскую церковь «на благотворительные нужды». Она сама решала, что ей носить. Вскоре принятая в семью Виннихен превратилась в значимую фигуру. Один из гостей граф Гравина Джильберто недвусмысленно описал столь заметные, даже внешне, изменения: «После четырех детей ее нельзя было узнать. Она почти удвоилась. Она считалась примерной матерью, кормилицей, родившей чрезвычайно здоровое, полное жизненных сил потомство. Зигфриду приходилось немало потрудиться, чтобы справиться с ней».

Отношения с Фида, который был на 28 лет старше Винифред, постепенно превратились в чисто деловое содружество. Обеспечив продолжение рода, каждый из супругов пошел своим путем. Муж вернулся к холостяцкой жизни и возобновил гомосексуальные отношения, одним из его любовников стал англичанин Клемент Харрис, хваставшийся тем, что делил ложе с Оскаром Уайльдом. Свои смешанные чувства по поводу мни-

мого семейного благополучия Зигфрид в зашифрованном виде выразил в опере с характерным названием «Любовное счастье».

И хотя Винифред была глубоко оскорблена, ей приходилось хранить молчание о пристрастиях Фиди. Публичное обсуждение гомосексуальности сына Вагнера не понравилось бы консервативной публике фестиваля, поэтому друзьям Фиди частенько удавалось шантажировать его.

Прагматический склад характера Винифред Вагнер выразился в ее неустанной заботе о семейной жизни в «Ванфриде». Четыре энергичных ребенка, привередливые золовки и престарелая Козима требовали внимания. Время от времени появлялся Зигфрид и, как ни в чем не бывало, сопровождал семью в поездках в горы. По мнению сына Вольфганга, главным было «внешне» казаться хорошей семьей. За рулем сидела Винифред — первая обладательница водительских прав в Байрейте. Страстная автолюбительница, она лихо водила машину, обычно с сигаретой в углу рта, и сама же ее ремонтировала. Вольфганг Вагнер вспоминает, как по ее указанию вырыли специальную яму, чтобы ей удобнее было менять масло в автомобиле.

Клиндворт, скончавшийся в 1916 году, сформировал политическое мировоззрение Винифред, и она жадно впитывала в себя «народный образ мыслей», царивший в «Ванфриде». Ева, вторая золовка, была замужем за праворадикальным философом Хьюстоном Стюардом Чемберленом, видевшим свое предназначение в сохранении посланий Рихарда Вагнера. Задолго до Гитлера Чемберлен писал в 1905 году об «арийском мировоззрении» и советовал избавить «рейх от уничтожающих объятий евреев». За это он удостоился от императора Вильгельма II высочайшей похвалы: «Бог послал мне Вас лично, а Вашу книгу — немецкому народу» — гласила дарственная надпись монарха англичанину, обеспокоенному дальнейшим существованием немцев.

Чемберлен выхватил из обширного и идеологически невнятного конгломерата мыслей Рихарда Вагнера пассажи, наиболее вписывающиеся в «народную» картину. Прежде всего в глаза бросаются антисемитские высказывания композитора: «Коммунизм и биржевой капитал — ползучий демон еврейства» или «Еврейская раса — заклятый враг человечества».

Много спорят об антисемитизме Рихарда Вагнера, попавшего при помощи Чемберлена в идеологию нацистов. Несут ли произведения Вагнера антиеврейские идеи? Являются ли мрачные фигуры его опер — «мим» из «Кольца нибелунга» или «Бекмессер» из «Мейстерзингеров» — собирательным образом врага-еврея? Был ли его труд «Еврейство в музыке» теоретическим обоснованием программы по уничтожению евреев? А сам композитор, по определению Йоахима Кёлера, «пророком», за которым последовал лишь «исполнитель» — Гитлер? Друзья Вагнера напоминают, что их идол предпочитал еврейских дирижеров, а пресловутые «мим» и «Бекмессер» ассоциируются с евреями лишь в интерпретациях последующих режиссеров.

Рихард Вагнер, безусловно, находился под влиянием распространённого в те годы антисемитизма. Конечно, он не помышлял о массовых убийствах миллионов людей, в XIX веке вообще не имелось конкретных предвестников холокоста. По его мнению, надо было настолько «ассимилировать» евреев, чтобы они, крестившись, «освободилось» от своего еврейства. Таким образом, вагнеровский антисемитизм основывался на религиозной и культурной неприязни, а не на расовой вражде. Лишь в конце XIX века, после смерти Вагнера, в это мировоззрение вмешались более радикальные представления. Байрейт с хранильницей Грааля Козимой и поставщиком радикальных идей Чемберленом превратился в одно из зловещих мест, где немецкий национализм быстро выродился в очень агрессивную идеологию. Эта опасная смесь определила политический настрой молодой Винифред Вагнер. В своих консервативных, строго националистических принципах она враждебно относилась к республике. Ко всем праздничным датам из «Ванфрида» в адрес находящегося в эмиграции кайзера уходили послания с заверениями в преданности.

Уже в 1919 году до Байрейта докатилась весть о человеке, на которого националисты возлагали большие надежды. Искушенные в политике друзья из Мюнхена сообщили о солдате по фамилии Гитлер, выступавшем с пламенными речами. В то время этот участник Первой мировой войны — страстный почитатель Вагнера — находился в поисках своей политической родины и профессионального будущего. Его успех в качестве поли-

«Сирота и супруга мужчины-гомосексуалиста, она существует во всем этом идеологическом и мировоззренческом окружении и становится стопятидесятипроцентной “вагнерианкой”».

Готтфрид Вагнер

«Гитлер выразил желание увидеть дом, в котором работал мастер, и его могилу. Винифред, со свойственной ей спонтанностью, сказала: “Утром приходите к нам на завтрак”. Что он и сделал».

Вальтер Шерц-Парей, биограф Винифред Вагнер

*«Эмансипированная женщина...»
Винифред Вагнер с детьми на могиле Рихарда Вагнера.*

тического агитатора казался праворадикальным офицером многообещающим началом.

Однако без поддержки влиятельных мюнхенских кругов Гитлер, возможно, никогда не получил бы известности вне баварских пивных. Прежде всего, семьи Бехштейн и Брукман, состоятельные издатели и продавцы музыкальных инструментов, способствовали рождению Гитлера как большого политика. В их салонах бывший обитатель мужского общежития расстался со своими неуклюжими манерами, он учился целовать дамам ручки, разделявать омаров и прилично одеваться. Благодарителям не пришлось натаскивать его только в одном: удивительно, но о любимой музыке этих кругов молодой человек уже все знал. Эрудиция Гитлера в области творчества Вагнера существенно повлияла на его вес в «изыщном» мюнхенском обществе.

Согласно официальной истории фестиваля и рассказам Винифред, первая ее встреча с Гитлером состоялась в «Ванфриде» только 1 октября 1923 года. Судьбоносная встреча на «святой земле» Вагнера идеально подходит для легенды и впечатляет театроведов, но скорее всего, они виделись и раньше. Винифред Вагнер, будучи берлинской школьницей, часто посещала Бехштейнов. Эдвин Бехштейн одно время даже являлся ее опекуном. Обращаясь к Гитлеру, Винифред называла Бехштейнов «наши общие друзья», а ее дочь Фриделинда писала о восторженном отношении Винифред к национал-социализму: «Мать заразилась им во время одного из визитов в дом Бехштейнов в Мюнхене». Имеется еще одно доказательство того, что Винифред Вагнер еще до 1 октября 1923 года была хорошо знакома с Гитлером. В отчете службы наблюдения баварской полиции от декабря 1923 года зафиксировано, что «особенно женщины дома “Ванфрид” явно делают культ из Гитлера». Явный «культ» после одной-единственной встречи? Интимная доверительность их ранней переписки и ее передачи Гитлеру в Ландсбергскую тюрьму позволяют сделать вывод, что Гитлер и его муза уже давно знали друг друга.

Тогда понятен дружественный прием, оказанный Гитлеру во время его первого посещения дома «Ванфрид». Накануне вечером в Байрейте проходил «Немецкий день» — «народное»

*«Я хотел бы иметь ее своей подружкой...»
Винифред Вагнер с Йозефом и Магдой Геббельс.*

«Ей, невесте фюрера, не надо было льстить партийным бонзам. Она знала, что дядя Вольф обязательно ее поймет».

Рудольф Аугштайн, 1994 год

«Породистая женщина. Такими должны быть они все. И фанатично на нашей стороне».

Йозеф Геббельс, дневник от 8 мая 1926 года

мероприятие различных праворадикальных партий, где Гитлер держал речь, восторженно принятую тысячами крикунов-демагогов.

А утром он, наконец, оказался в доме композитора, которого вскоре назовет «величайшим немцем». Фриделинда с иронией описывает этот момент: «Он ходил на цыпочках, останавливаясь как вкопанный перед отдельными предметами, словно перед мощами в соборе». Затем Гитлер нетерпеливо прошел через сад к могиле Рихарда Вагнера — простой каменной плите. Как вспоминает Винифред, он провел там несколько минут в «благоговейном молчании». Затем с серьезным лицом обратился к потомкам своего кумира, обещая, что вернет фестивалю исключительное право на постановку «Парсифаля», в случае если «когда-нибудь сможет влиять на судьбы Германии» — обещание, которое ему не пришлось выполнять.

Первое появление Гитлера в кругу вагнеровской семьи оставило смешанные чувства: если тети были почти шокированы тем, что посетитель заявился в святая святых в коротких кожаных брюках, то Винифред и Зигфриду гость, похоже, чрезвычайно понравился. Казалось, что этот мужчина излучает жизненную силу. А потом «эти глаза», «эта сила любви» — так без устали расхваливала его Винифред. Сын Вагнера Зигфрид восторженно напишет своему знакомому: «Слава Богу, есть еще немецкие мужчины! Гитлер — великолепный человек, истинная душа немецкого народа. Он должен справиться».

Перед своим посещением «Ванфрида», так восхитившим Вагнеров, Гитлер поздним вечером нанес незабываемый визит духовному хранителю мировоззрения Рихарда Вагнера. В изложении нацистской партии встреча с прикованным к постели Хьюстоном Стюардом Чемберленом явилась «моментом истины», идеологической «передачей факела», во время которой хранившийся в Байрейте «огонь» разжег «пламя национальной революции». Эта встреча выглядела так: «Они протянули друг другу руки. Гениальный пророк и провозвестник Третьего рейха почувствовал, что в этом простом человеке из народа счастливо осуществится судьба Германии». До нас не дошло, о чем именно говорили той ночью старый философ и импульсивный молодой человек.

Годы спустя Гитлер упоминал лишь о том, что 30 сентября 1930 года посетил место, где сначала Вагнер, а затем Чемберлен ковали «духовный меч, которым мы сегодня сражаемся». Чемберлен в открытом письме писал, что после встречи с Гитлером осознал, что может не бояться за будущее Германии, впервые за долгое время к нему вернулся «продолжительный освежающий сон».

Недавно историки выдвинули гипотезу, что нацистское описание встречи Чемберлена с Гитлером достоверно лишь в том, что 30 сентября Гитлеру поведали об антисемитизме Вагнера как программе массового уничтожения евреев. Записи беседы не существует, поэтому данная теория, вызвавшая сильное неприятие у поклонников великого композитора, вряд ли получит широкое распространение. Сочинения Чемберлена, бесспорно, соответствовали «мировоззрению» Гитлера. Их общий знаменатель явился фундаментом национал-социалистического режима, лозунги о «национальной революции», «решении еврейского вопроса», «общности народа» также весьма схожи. Вряд ли Чемберлену пришлось в этом единственном разговоре направлять будущего диктатора. Гитлер уже давно вынашивал в себе ненависть к евреям, а о «национальной революции», как реакции на «красную» революцию, твердили десятки «народных» ораторов начиная еще с ноября 1918 года. Значение встречи двух антисемитов, прежде всего, в том, что престарелый мыслитель согласился посвятить нацистов, не играющих пока существенной роли, в рыцари байрейтского замка Святого Грааля и считать последователями Рихарда Вагнера. С этого момента нацистское движение приобрело некий оттенок духовной аристократичности, что Гитлер всегда подчеркивал в пропагандистских целях.

9 ноября 1923 года чета Вагнеров находилась в Мюнхене. Вечером Зигфриду предстояло дирижировать в концерте. Но концерт не состоялся, потому что благоговейный посетитель могилы Вагнера вознамерился изменить ход истории. Винифред и Зигфрид своими глазами увидели «марш к галерее полководцев», годовщины которого во время нацистской диктатуры отмечались под звуки произведения «Смерть Зигфрида», и его постыдный провал.

Из окна гостиницы они видели, как лилась кровь и путчисты разбежались под огнем баварских полицейских. Можно предположить, что Вагнеры с определенной надеждой следили за первой попыткой «национальной революции» и были глубоко разочарованы ее исходом. Теперь следовало еще активнее помогать «выразителям надежды». По настоянию Винифред, Зигфрид прямо из Мюнхена поехал в Инсбрук, где в больнице находился раненый Геринг. Сын Рихарда Вагнера оплатил лечение и позаботился о тайной переправке в Венецию героя войны и его супруги-шведки.

Винифред вернулась домой и немедленно рассказала о путче местной байрейтской группе НСДАП. Свидетель сообщал, что 26-летняя Винифред взволнованно вскочила на стол в ресторане «Либ» и принялась страстно описывать «деяния» Гитлера и других путчистов. Чуть позже, 12 ноября, она составила отрывок письма, опубликованное в «Оберфренкише Цайтунг». «В течение нескольких лет мы с огромным внутренним участием и одобрением следим за созидательной работой Адольфа Гитлера», — говорится в ее «послании сторонницы», которое она завершила обещанием: «Я открыто признаю, что мы всецело находимся под впечатлением от этой личности, мы поддерживали его в дни счастья и будем хранить ему верность в дни горя». Эта точка зрения Винифред, поддержанная Зигфридом, характеризует политический климат в тогдашней Баварии. Консерваторы, чью среду Томас Делер метко окрестил «баварским болотом», считали путчистов, которым грозили суд и тюремное заключение, настоящими героями угнетенной нации, им принадлежит будущее. На это рассчитывали, по крайней мере, супруги Вагнер в своем открытом выступлении. На Рождество 1923 года Зигфрид писал: «Еврей и иезуит идут рука об руку, чтобы истребить Германию. Но, может быть, в этот раз Сатана просчитается... Моя жена, как лвица, борется за Гитлера. Грандиозно!»

В действительности Винифред Вагнер не только «боролась», но и трогательно заботилась о том, чтобы и без того комфортное заключение Гитлера в Ландсбергской крепости протекало как можно приятнее.

Она передавала ему пакеты с едой, участливые письма («...Вы знаете, что мысленно Вы всегда с нами»), бумагу и ка-

«У нее была прямая связь с представителями высшей власти, имя и положение».

Вольфганг Вагнер в автобиографии

«Мой национал-социализм был связан только с личностью Адольфа Гитлера. Все остальное интересовало меня гораздо меньше».

Винифред Вагнер в интервью Хансу Юргену Зибербергу, 1975 год

«Я не очень разбираюсь в политике...»
Геринг и Винифред Вагнер выходят из Байрейтского театра.

рандаши для книги Гитлера «Моя борьба», которая десятилетие спустя станет бестселлером нацистского времени. Не только заглавие, но и одна из ключевых фраз были заимствованы будущим диктатором у Рихарда Вагнера. Композитор писал в мемуарах «Моя жизнь»: «Я решил стать музыкантом», а заключенный писал: «Я решил стать политиком». Гитлер никогда не забывал посылку из Байрейта. Даже во время своих ночных монологов в ставке «Волчье логово» он с некой тоской вспоминал дары, полученные «в то время, когда ему приходилось тяжелее всего».

Летом 1924 года вновь должен был состояться фестиваль — первый после войны. Зигфрид заработал необходимую стартовую сумму, объездив с гастроями пол-Европы. В начале года, уезжая с Винифред в Америку, он надеялся найти там спонсоров. Но сообщения либеральной американской прессы о политических взглядах Вагнеров создали неожиданные затруднения. В результате собиратели пожертвований вернулись домой всего лишь с 8000 долларов, собранных в основном выступлениями Винифред и концертами Зигфрида. Встреча с автомобильным магнатом Генри Фордом тоже прошла не так как хотелось, по крайней мере, ее официальная часть. Симпатизирующий германским нацистам промышленник не хотел, чтобы об этом появились статьи в прессе, правда, существует подозрение, что он тайно жертвовал определенные суммы на «дело», за которое открыто выступали Вагнеры. Высшая награда рейха для иностранцев — Большой крест ордена германского орла, который Гитлер в 1938 году со словами благодарности послал Форду, подтверждает эту мысль.

Возвращаясь в Германию в марте 1924 года, Вагнеры еще раз выступили как политические посланники находящегося в заключении Гитлера и в Риме нанесли визит Муссолини, успешно осуществившему захват власти. Вождь итальянских «чернорубашечников» оставил у Вагнеров не слишком приятное впечатление. «Одна только воля, сила, почти брутальность, — констатировали визитеры из Байрейта, — никакой энергии любви, как у Гитлера и Людендорфа».

Фестиваль 1924 года проходил под знаком политического противостояния. Над зданием театра реял не республиканский

флаг, а имперское знамя. Генерал Людендорф, маршировавший плечом к плечу с Гитлером перед галереей полководцев, в качестве почетного гостя внимал «Парсифалю». Демократическая пресса остро критиковала Зигфрида за слова о «фестивале, несущем спасение немецкому духу». Вагнеровский фестиваль в Байрейте казался явным выступлением против республики «ноябрьских преступников». По законам Федеративной Республики Германии, это являлось бы грубым нарушением конституции, но молодая Веймарская конституция 1919 года не умела защищаться от внутренних врагов. Когда после «Нюрнбергских мейстерзингеров» публика поднялась для исполнения «Песни о Германии», то даже для руководителей фестиваля это было чересчур: Зигфрид Вагнер велел повесить на дверях храма музыки плакаты с надписью «Предназначен для искусства».

Через год Гитлер тоже посетил фестиваль — первый в его жизни. Из положенных пяти лет заключения ему пришлось отсидеть в крепости только девять месяцев. Торжественная атмосфера зрительного зала и свидание с Вагнерами пробудили счастливые чувства. «Я приехал в Байрейт в одиннадцать часов вечера, — во время войны в мельчайших подробностях вспоминал Гитлер, — на следующее утро пришла госпожа Вагнер с цветами. Мне было тридцать шесть лет, я не знал никаких забот и был на вершине блаженства». После освобождения Гитлера из заключения его отношения с наследниками Вагнера стали еще ближе. Зигфрид, которому официальная байрейтская историография приписывает нейтралитет, на деле прекрасно ладил с частым гостем «Ванфрида». Однажды, как вспоминает один из гостей, он положил Гитлеру руку на плечо и сказал: «Знаешь, ты мне нравишься».

Винифред проявляла еще больше активности. По совету Гитлера, в 1926 году она вступила в партию, получив членский билет № 29349, то есть являлась «старым боевым товарищем». В нацистские времена ей полагался «Золотой партийный значок». На пианино, когда-то принадлежавшем Ференцу Листу, она играла своим детям незамысловатые нацистские мелодии.

Их было легче напевать, чем партитуры свекра. «Вольф» — дети «Ванфрида» вскоре стали называть Гитлера его боевым именем — слыл желанным гостем. Он часами мог играть с деть-

*«Свела
Байрейт с
национал-
социализ-
мом...»
Руководители
режима на
фестивале.*

«Гитлер спасет Германию и Байрейт от сил тьмы, большевиков и старых вагнерианцев».

Винифред Вагнер

«Она допускала и терпела, что национал-социалистическая пропаганда украсила себя престижем фестиваля, одновременно используя его как трибуну для собственных выступлений».

Вольфганг Вагнер в автобиографии

«Моя бабушка часто рассказывала мне, что с осени 1930 года — мой дед умер во время фестиваля 1930 года — Гитлер вынашивал идею на ней жениться».

Готтфрид Вагнер

ми и рассказывать им истории на ночь. У Вольфганга Вагнера до сих пор сохранились воспоминания о симпатичном дяде: «Вольф всегда вел себя спокойно, предупредительно и любезно» и — вопреки ложным слухам — «не страдал никакими припадками».

Гитлер постепенно заменил отца, в первую очередь, сыновьям Вагнера, как позднее подтверждала супруга Виланда Вагнера Гертруда. Но их сестра Фриделинда — «склочница из “Ван-фрида”» — описывала несколько иного Гитлера. «Его ногти, — писала она позднее, находясь в эмиграции в Америке, — слишком заросли кожей, а во время еды он непрерывно жевал, иногда прерывая это занятие и критически кого-нибудь рассматривая».

Саму Винифред мало интересовал маникюр Вольфа. Мюнхенский друг в некотором смысле заменил ей Зигфрида, интересовавшегося совсем иными вещами. Когда она на своем «Престо» сопровождала Гитлера в его предвыборных турне, встречалась с ним по ночам в уединенных кафе, то это служило ей какой-то компенсацией за самоотречение в браке. Тесная дружба, политическая и личная, породила, конечно, множество слухов в Байрейте. Была ли у Вольфа связь с Винифред? Из-за недостатка доказательств мы можем только строить предположения.

После войны Винифред стойко отвергала интимные контакты с Гитлером, но от надежных свидетелей мы знаем, что после 1930 года она великодушно отбросила свою добродетель и делила ложе с Хайнцем Титьеном — художественным руководителем фестиваля. Может быть, и с Гитлером она проявила подобную слабость? Или вообще не должен ставиться вопрос о физической связи? Разве творчество Рихарда Вагнера и, прежде всего, «Парсифаль» не воспевали воздержание, как способ накопления энергии и силы? Сочетается ли почти религиозное почитание композитора и грубая интрижка с его невесткой?

Имеющиеся сегодня источники не дают окончательного ответа. Поэтому остается спорным, оправданна ли странная ревность Зигфрида, проявляемая перед смертью к Вольфу, за которым бегала его жена. Как обычно, он переработал свои

чувства в оперу. В опусе № 17 под названием «Валамунд» на сцене появляется безобидный волк, который под конец произведения раскрывает свою истинную натуру и съедает овечку. Иногда хозяин Байрейта выражал свою досаду проще, издеваясь над полнотой Винифред: «Вини, не ешь так много», — шипел он на нее за столом при свидетелях.

Мелочная ревность супруга отражала и изменившееся соотношение сил на «Зеленом холме». Винифред постепенно брала бразды правления в свои руки. Политическая деятельность, управление «Ванфридом» и деловая сторона фестиваля требовали жизненной силы, которой не обладал легкомысленный Фиди. Разница в возрасте между супругами становилась все более заметной. Зигфриду Вагнеру было уже почти шестьдесят, в то время как его жена в 1927 году отметила свое тридцатилетие. Ее портрет появился в программе фестиваля рядом с изображением Зигфрида. Благодаря Йозефу Геббельсу, усердно писавшему свой дневник, запечатлен один из эпизодов того времени: «Госпожа Вагнер пригласила меня на обед, — записал Геббельс 9 мая 1926 года по поводу визита в «Ванфрид», — она пожаловалась мне. Зигфрид такой вялый. Фу! Ему должно быть стыдно перед мастером. Его жена мне нравится. Я хотел бы иметь ее своей подругой. Молодая женщина плачет, потому что сын не такой, как сам учитель».

В 1929 году супруги Вагнеры составили совместное завещание. Хотя Зигфрид отличался отменным здоровьем, его 60-летие казалось достаточным поводом, чтобы позаботиться о будущем. «Все наследство» предназначалось Винифред, общие дети становились «наследниками второй очереди» — большое доверие для молодой женщины, к тому же не имеющей понятия о художественной стороне фестиваля. Правда, Зигфрид Вагнер внес еще одну важную оговорку, открыто направленную против милого «дяди Вольфа»: в случае повторного замужества Винифред все права и обязанности, согласно завещанию, переходят к наследникам второй очереди.

Тем самым исключалась возможность, чтобы любитель Вагнера Гитлер через женитьбу на Винифред получил господство над «Зеленым холмом». С точки зрения Зигфрида, это было не беспочвенным подозрением, так как наряду с болтовней о тай-

«Сохранены для немецкой сцены...»
 Винифред Вагнер, ее интendant Хайнц Титъен, «породнившийся с еврейством» певец Макс Лоренц и его жена.

«Было так, что, к примеру, господин Розенберг приставал к моей матери, почему она — старый член партии — выбрала художественным руководителем социал-демократа Титъена. Моя мать, я помню, это было за два года до наступления Третьего рейха, незамедлительно ответила: «Я беру на работу не за партийный билет, а за мастерство».

Вольфганг Вагнер

«Она всегда защищала своих артистов».

Вальтер Шерц-Парей, биограф Винифред Вагнер

ных встречах с Винифред до него доходили слухи о том, что Гитлер собственноручно делает наброски для будущих декораций и размышляет над инсценировками.

Но никто не ожидал, что уже через год завещание вступит в силу и в решающей степени определит дальнейшую жизнь Винифред Вагнер. Весной 1930 года умерла 92-летняя свекровь Козима Вагнер — вдова мастера. В последние годы жизни бывшая «первосвященница» была прикована к постели. Вольфганг Вагнер вспоминает, как любовно и в то же время бесцеремонно обращались внуки со старухой. Вместе с Виландом, Фриделиндой и Вереной он врывался в покои Козимы и «щекотал лежащую за ногу, чтобы посмотреть, реагирует ли она». С удовольствием они «поиграли бы и с ее вставной челюстью».

Похороны Козимы напоминали государственные. Зигфрид тяжело переживал ее уход. В 14 лет он потерял отца, и с тех пор поддерживал противоречивые отношения с матерью. Он сильно страдал от ее высоких требований, но искренне уважал ее и ту силу, которая помогла ей превратить Байрейт в замок Святого Грааля для наследия Вагнера.

Всего через три месяца после похорон Козимы во время репетиции фестиваля 1930 года с Зигфридом случился сердечный приступ. Опираясь на руку Винифред, он сошел со сцены. Спустя три недели, 4 августа, сын Рихарда Вагнера скончался. Проходивший в то время фестиваль, не останавливаясь, продолжался дальше. На погребении строем прошла колонна байрейтского СА. Гитлер прислал венок, который прибывшие на похороны гости сочли «несколько чрезмерным».

Траур ненадолго остановил прагматичную Винифред Вагнер.

Через день после смерти Зигфрида она распространила среди сотрудников театра письмо, в котором заявляла о своих правах на управление фестивалем согласно завещанию и уговаривала всех помочь ей в выполнении этой «ответственной задачи». С самого начала ее единовластие на «Зеленом холме» носило диктаторские черты. «Для меня важно только то, — высказалась она о своем принципе правления, — чтобы оперы были такие, как я считаю».

Дирижер маэстро Артуро Тосканини ответил на «захват власти музыкально непорочной» вдовой бойкотом фестиваля в 1931 году, как он заявил, «из-за художественного разочарования». Но рассудительная Винифред смогла найти ему замену, знаменитый Вильгельм Фуртвенглер заступил на место Тосканини. На должность художника-постановщика удалось привлечь Эмиля Преториуса, а режиссером — главного режиссера Прусского государственного театра Хайнца Титьена. В свое время покойный супруг рекомендовал ей эти кандидатуры. Самым важным для Байрейта и Винифред стало приглашение кругленького, низкорослого Титьена, которого дети Вагнеров вскоре прозвали Совой. Яркая личность и блестящий художник, он, впоследствии протееже Германа Геринга, внешне проводил линию партии, а в действительности метался между приспособленчеством и сопротивлением диктату; во всяком случае, его можно сравнить с театральным режиссером Густавом Грюндгенсом.

Вдохновение и энергия этих мужчин, присоединившихся к фестивалю Винифред, произвели революционные изменения в байрейтских постановках Вагнера в начале тридцатых годов. Современные и эффектные декорации заменили развалюхи времен основания фестиваля. Спектакли решительно очистили от вычурных нагромождений, что вызвало резкое неприятие у старых вагнерианцев. «Хранителям» было важно донести до зрителя нетронутыми все элементы, «на которые еще взирал сам мастер», и конфликт длился годы, затрагивая также мировоззренческие вопросы. При этом Винифред приходилось выслушивать упреки, что, пригласив Титьена и Преториуса, она впустила в святую святых «подозрительных в расовом отношении» или, по крайней мере, политически ненадежных сотрудников.

Но благодаря своему упорству и поддержке Гитлера, особенно после 1933 года, она вышла победительницей из спора «с XIX столетием». Обоих золотов, возглавлявших оппозицию, лишили влияния «самым оскорбительным образом», как жаловалась в 1932 году Ева Чемберлен. Суровость средств, с помощью которых велась борьба, испытал на себе некий старо-вагнерианец по фамилии Цинстаг, проживавший в Швейцарии.

Его известили, что ради сохранения собственного здоровья «он не должен вновь ступить на немецкую землю».

Так же решительно Винифред Вагнер покончила со своим прошлым. Складывается впечатление, что она хотела вычеркнуть усопшего супруга из своих воспоминаний и из своей нынешней жизни. Она отмежевалась от его произведений, носивших такие оригинальные названия, как «Лежебока», «Звездная заповедь» или «Банадитрих», и считавшихся самыми исполняемыми немецкими операми на рубеже XIX и XX веков. Она довольно успешно препятствовала постановкам этих опер. Из историографии фестиваля почти полностью были стерты воспоминания о сыне Рихарда Вагнера. Его кабинет Винифред превратила в мемориальную комнату Рихарда Вагнера. Даже Вальтер Айгн, режиссер, репетирующий с солистами, внебрачный сын Зигфрида от дочери священника, ощутил на себе беспощадную борьбу Винифред с прошлым. Его уволили без предупреждения.

Были ли это вполне объяснимые действия молодой эмансипированной вдовы, как полагают благожелательные биографы Винифред? Или запоздалая месть женщины, терпеливо страдавшей от унижительных эскапад Фиди? Та жажда деятельности, с какой Винифред после смерти Зигфрида взялась за дело, позволяет сделать вывод, что наряду со скорбью она почувствовала свободу.

Теперь она могла свободно встречаться и с «дядей Вольфом». Когда стремящийся к власти агитатор, чья партия НСДАП давно превратилась в серьезную политическую силу, ехал из Мюнхена в Берлин, он обязательно останавливался в «Ванфриде». В разваливавшейся республике царили настроения, близкие к гражданской войне, что, по утверждению Гитлера, побуждало его «к строжайшему соблюдению тайны».

Действительно, обычно он появлялся только с наступлением темноты. И, как впоследствии с издевкой вспоминала Фриделинда Вагнер, рассказывал детям о своих «опасных политических приключениях». С Винифред Гитлер по-прежнему встречался в уединенных ресторанах. Сохранились упоминания об их нескольких встречах в трактире «Берингерсмюле» во Франконской Швейцарии.

«Политическая позиция моей матери была и остается для меня губительным духовным наследием, которое я вынужден нести всю свою жизнь, тем более что она с типичным валлийским упрямством никогда не отступала от нее».

Вольфганг Вагнер в автобиографии

«Вследствие своего воспитания, полученного в кайзеровской Германии, она не могла открыто проявлять сочувствие».

Готтфрид Вагнер

«Политика не интересовала Винифред. Ей были важны люди».

Вальтер Шерц-Парей, биограф Винифред Вагнер

«Прямая связь с политической верхушкой...»
Винифред Вагнер и «заместитель» Гитлера Гесс.

Однажды фюрер сел в машину к страстной автолюбительнице Винифред, о чем она с гордостью рассказывала: «Я сидела за рулем, а он рядом, что казалось ему необычным, потому что, увидев женщину за рулем, он всегда кричал своему шоферу: “Женщина! Осторожно, женщина за рулем!” Чтобы прибыть незамеченным и не привлечь внимания, он действительно сел ко мне в машину и даже похвалил мое вождение». Винифред, всю жизнь любившая путешествовать, могла теперь предаваться своей страсти, не считаясь, как прежде, с планами мужа. Когда не было фестиваля, она иногда появлялась в Берлине, посещала Титьена, ходила в кино с Гитлером или с папским нунцием Пацелли, будущим Папой Пием XII, в оперу.

30 января 1933 года Винифред Вагнер была дома, в Байрейте. Вольфганг Вагнер рассказывает, что в этот день мать взволнованно позвала его к радио. Диктор сообщил, что только что рейхспрезидент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. Ее друг, еще недавно совершавший паломничество к могиле мастера, теперь — канцлер Германской империи! Это сообщение больше озадачило Винифред, чем осчастливило. «Бедный Вольф, — так описал Вольфганг ее реакцию, — я не верю, что он долго продержится». Действительно, это опасение соответствовало распространенному мнению, что Кабинет Гитлера, как и его предшественников, просуществует недолго. Однако «дядя Вольф» и не думал после «легального» получения власти создавать конституционное правительство. С головокружительной скоростью он сбросил овечью шкуру и заменил Веймарскую республику Третьим рейхом — человеконенавистнической диктатурой, которая роковой смесью террора и обмана поймала в свои сети большинство немцев.

Кульминацией головокружительного упоения властью, безусловно, явился фестиваль 1933 года. Люди будто «опьянели», вспоминал исполнитель Ганса Сакса певец Рудольф Бокельман. Весь Байрейт был украшен флагами со свастикой. Вдоль подъезда к театру стояли ряды штурмовиков, а на улицах то и дело звучали крики «Хайль!». В витринах байрейтских книжных магазинов уже лежала не вагнеровская «Моя жизнь», а гитлеровская «Моя борьба». Когда фюрер со своим кортежем, наконец, поднялся на «Зеленый холм», настроение напоминало

полные эйфории массовые сцены «Мейстерзингеров». Кинохроника запечатлела восторг, повторившийся только на параде победы 1940 года после завоевания Франции: юные девушки в слезах, коллективный восторг, национальная истерия. На входе в театр стояла исполненная достоинства хозяйка фестиваля Винифред Вагнер, приветствовавшая Гитлера преданной улыбкой. Он обращался к ней «высокородная госпожа», избегая интимного «ты», характерного для прежних дружеских встреч. Она отвечала «мой фюрер». Казалось, будто хранительница Святого Грааля и Первосвященница Байрейта положила свое сокровище к ногам нового правителя. В этот момент Байрейт производил впечатление сакрального центра новой нацистской Германии.

В здании театра человек, решивший в новое время выполнить миссию «Риенци», запретил восхвалять себя, ибо в святая святых все внимание должно уделяться мастеру. Гитлер велел распространить среди посетителей фестиваля следующее послание: «По поручению канцлера: фюрер просит по окончании представления воздержаться от исполнения «Песни о Германии» или «Хорст Вессель». Ничто не выражает немецкий дух так великолепно, как бессмертные произведения самого мастера». Только когда погас свет, Гитлер вошел в ложу, в которой когда-то сам Людвиг II внимал произведениям Вагнера. Как тогда, во времена баварского короля, публика молча поднялась и села лишь после того, как Гитлер занял свое место. Символическое появление «дяди Вольфа» выглядело как преисполненное пафосом завоевание святилища, хранившего наследие Рихарда Вагнера. Хотя до этого фюреру пришлось позаботиться о том, чтобы фестиваль вообще состоялся.

Весной и летом 1933 года Винифред с ужасом констатировала, что сотни иностранцев отказались от билетов, да и в Германии спрос на билеты был довольно вялый. Затраты превышали доходы, а все попытки добиться государственной поддержки заканчивались неудачей. Сам Гитлер, похоже, так был занят укреплением своего господства, что неделями не интересовался подругой из Байрейта. «Мы в ледяном одиночестве, — записала в духе времени Лизелотте Шмидт, близкая подруга Винифред. — Травля Байрейта, которая в конечном счете име-

ет исключительно еврейское происхождение и не останавливается ни перед ложью, ни перед подлостью». Потом Винифред все же удалось дозвониться Гитлеру по телефону. «Вольф отнесся с пониманием к нашей проблеме, — торжествовала верная Лизелотте в своем следующем письме к родителям, — он вызвал госпожу Вагнер в Берлин, она полетела на самолете, и за четверть часа нам была оказана помощь — и какая! Все именно так, как мы думали: он ни о чем не подозревает, а в его окружении люди по человеческим причинам не слишком благосклонны к нам». Гитлер дал распоряжение СА, национал-социалистическим союзам женщин и учителей закупить большое количество билетов и распространять их среди верных соратников. Год спустя уже Имперское министерство пропаганды отвечало за закупку билетов для поддержки фестиваля, обеспечив Винифред 364 тысячи рейхсмарок — более трети бюджета.

Приход Гитлера к власти в мгновение ока превратил семейное мероприятие с шатким бюджетом в щедро финансируемое полугосударственное предприятие. Фестивалю негласно предписывалось служить самовыражению режима. Само собой разумеется, что в годы национал-социализма фестиваль не платил налогов. Если добавить сюда еще 50 тысяч рейхсмарок, которые Гитлер из личных средств жертвовал на новые постановки, то становится очевидным этот фатальный симбиоз. Граница между искусством и политикой почти неразличима. Страстный вагнерианец Томас Манн метко окрестил Байрейтский театр времен национал-социализма «Гитлеровским придворным театром». Руководительница фестиваля между тем больше всего радовалась улучшению финансового положения: «Наконец у меня твердая почва под ногами», — заявила она после сезона 1934 года.

Но и вне фестиваля Вагнер играл первую важную в гитлеровской Германии: первые строки арии «Пробуждайтесь!» из хора «Мейстерзингеров», слегка измененные в песню «Германия, пробуждайся!», красовались на флагах НСДАП, торжественные мероприятия заканчивались операми Вагнера, а партийные съезды открывались звуками «Риенци». Пронацистские газеты и журналы подчеркивали значение Байрейтского

«Она все делала и не боялась никакой работы».

Вольфганг Вагнер

«Она всегда заправляла всеми делами и всегда все решала сама».

Эрика Янсен, статистка на Байрейтском фестивале

«Мать фестиваля...»

*Винифред Вагнер
за кулисами
в Байрейте.*

фестиваля для Третьего рейха. В то время как еврейские деятели искусства и приверженцы авангардистского искусства считались «дегенератами», музыка Рихарда Вагнера служила ярким примером «здорового национального искусства».

Министр пропаганды Йозеф Геббельс задал тон во время первого фестиваля под свастикой: «Пожалуй, нет ни одного произведения, столь близкого нашему времени с его душевным и духовным напряжением, как “Мейстерзингеры” Рихарда Вагнера. В прошедшие годы немцы, полные ожидания и веры, часто воспринимали его потрясающий хор “Пробуждайся, приближается день” как явный символ пробуждения немецкого народа из глубокого политического и душевного наркоза ноября 1918 года».

Вскоре в атмосфере «национальной» ревальвации Байрейта возникли слухи о свадьбе Винифред и фюрера. Разве не естественно, что фюрер и рейхсканцлер вступит в брак с «высокородной госпожой» Байрейта и тем самым продемонстрирует всем, насколько «послание» Вагнера отвечает чаяниям нового государства? Доморощенный поэт и старый соратник Чемберлена Ханс фон Вольцоген уже восторгался будущей идеальной парой: «Они будто Бальдур с Фрикой». В Берлине ходила шутка, как после свадьбы с Вольфом официально обращаться к многодетной Винифред – может быть, «почтенная имперская мать»? Впоследствии сводная сестра Гитлера Ангела Раубаль рассказывала, что слышала об обещаниях Винифред династическими узами скрепить ось Байрейт – Берлин.

Но, похоже, свадебные колокола так и не зазвонили из-за Гитлера. Правда, до нас дошло его высказывание, что «если ему когда-нибудь придется жениться, то госпожа Вагнер будет наиболее подходящей кандидатурой», однако он все же не захотел связать себя узами брака.

Дочь Фриделинда вспоминает, что еще школьницей она на чистом франконском диалекте сообщала каждому, желавшему это слышать: «Моя мама хотела бы, но дядя Вольф не хочет, и все». Последняя воля Зигфрида, гласившая, что Винифред, снова выйдя замуж, потеряет власть в Байрейте, не играла при этом существенной роли. Для человека, сумевшего вышибить из седла целое государство, чье-то завещание не представляло

«Я должна признаться, что этот мужчина, как личность, тут же произвел на меня большое и глубокое впечатление. Прежде всего, необыкновенно привлекателен был его взгляд».

Винифред Вагнер в интервью Хансу Юргену Зибербергу, 1975 год

«Ее он почитал, потому что она была последовательницей Вагнера. Вагнер был для него всем, и она всегда приветствовала и принимала Гитлера у себя в Байрейте...»

Герберт Деринг, управляющий Гитлера в имении «Бергхоф»

«Винифред кормила его, одевала, давала уроки элементарнейших манер, брала с собой в оперу, снабжала деньгами и соби-рала у себя гостей, чтобы представить фюрера влиятельным людям».

Фриделинда Вагнер

«Дядя Вольф...»
Гитлер
с Винифред,
Виландом и
Вольфгангом
Вагнер в саду
поместья
«Ванфрид».

серьезной преграды. В действительности, главным препятствием являлось то, что Гитлер изображал одинокого избранника, тратившего все силы на управление своим народом. Этот стереотип присутствует и в операх Вагнера. В сравнении с теми мифическими высотами, на которых теперь якобы пребывал поклонник вагнеровской оперы, стоявший некогда в партере театра Линца, семейные радости казались недостойной низиной. Однако он часто повторял Винифред, что даже если она не выйдет за него замуж, то все равно останется «королевой». Он именно так и говорил: «королевой».

После смерти Рихарда Вагнера «Зеленый холм» приобрел довольно мрачную политическую энергетику. Виновны в этом, прежде всего, Козима, Зигфрид и Винифред Вагнер, которые, будучи руководителями фестиваля, поощряли подобное положение вещей, а также такие национал-консервативные вагнерианцы, как, например, Хьюстон Стюарт Чемберлен, пытавшиеся всячески «подтвердить и разъяснить послание мастера». После 1933 года этот «народный шабаш ведьм» стал неотъемлемой частью гитлеровского рейха, а «послание» Вагнера – составляющей национал-социалистического мировоззрения. Тот, кто осмеливался критиковать это, подвергал себя опасности.

Когда Томас Манн – истинный вагнерианец – в феврале 1933 года в докладе «Страдания и величие Рихарда Вагнера» пожаловался на превращение композитора в инструмент пропаганды и подчеркнул многообразие идеологии Вагнера, в зале вспыхнуло негодование. Известные музыканты, среди них и Рихард Штраус, составили «Протест из Мюнхена – родного города Рихарда Вагнера», а на страницах «Фелькишер Беобахтер» «полубольшевик» Манн, своим докладом «опозоривший немцев», подвергся жесткой критике. Писатель понял, что травля является лишь прелюдией к насилию, и вскоре эмигрировал из Германии.

Общественные настроения в Германии того времени чем-то напоминали атмосферу «Мейстерзингеров». Не случайно именно это произведение Вагнера Гёббельс превозносил как «абсолютную инкарнацию немецкого духа», ибо оно содержит все, что «определяет и наполняет душу немецкой культуры». Он также пел дифирамбы любимой опере Гитлера «Риенци», хотя

героем раннего произведения Вагнера являлся не германец, а римлянин, и ее музыкальное оформление столь скудное, что она до сих пор не ставилась в Байрейте.

Однако в то время речь шла не об искусстве. В нацистской литературе существует множество толкований мировоззрения Вагнера. Некий Альфред Грунски в памфлете под названием «Рихард Вагнер и новая Германия» охарактеризовал «Кольцо нибелунга» как «мощнейшее художественное изображение расового мышления». Эту же тему активно развивала и «Фелькишер Беобахтер». В передовице Геббельса говорилось: «Тому, что представляет собой еврей, научил нас Рихард Вагнер. Давайте прислушаемся к нему, мы, благодаря слову и делу Адольфа Гитлера, наконец, освободились от кабалы недочеловеков. Он говорит нам все в своих письменных трудах и музыке, в которой каждый звук дышит чистой немецкой сутью». Все националистические цитаты, касающиеся Вагнера, составили бы толстую книгу, и тем не менее композитор вовсе не является предвестником и вдохновителем холокоста, зато настоящие предвестники провозгласили себя преемниками Рихарда Вагнера.

В течение жизни Гитлер менял свои пристрастия в музыке Вагнера. После захвата власти он уже не любил слушать «народные послания» «Мейстерзингеров», предпочитая мрачные и чувственные пассажи из заключительного монолога «Тристана» или траурную музыку «Гибели богов». Последняя была его самой любимой оперой. Он неоднократно ездил в Байрейт только для того, чтобы услышать «Гибель богов». Понять извращенную личность этого грандиозного преступника можно, лишь изучив его пристрастие к тягостному и дурманящему состоянию.

Он не был рациональным политиком, принимавшим решение в результате логических размышлений. Диктатор руководствовался чувствами и, по собственному утверждению, следовал «внутреннему голосу» и верил в Провидение, направляющее его действия. В начале правления Гитлера это приносило ему успех, но в конце концов его иррациональность погубила миллионы людей.

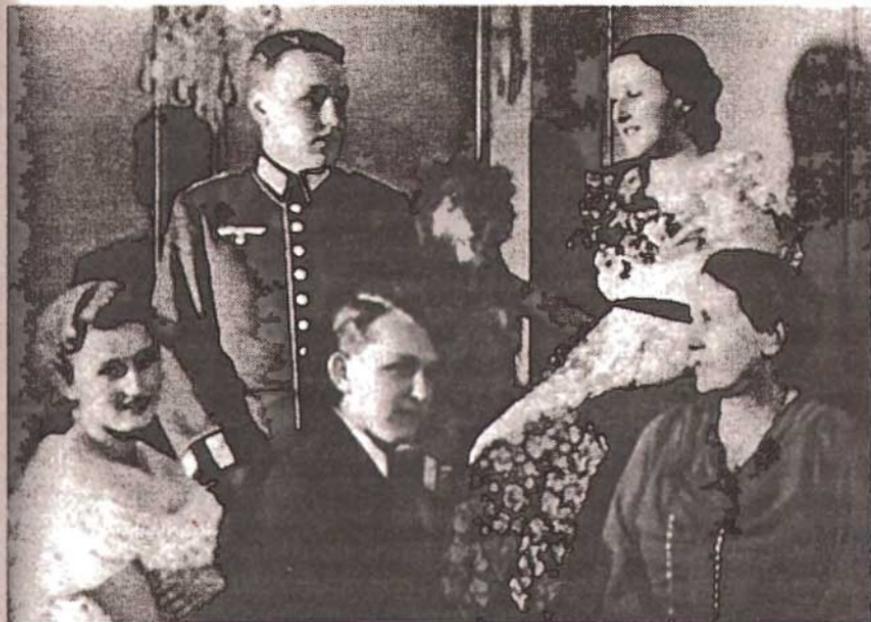
Особое влияние на мировоззрение Гитлера оказало позднее произведение Вагнера «Парсифаль». Торжественный тон этой

«религиозной оперы», похоже, стал примером для многочисленных речей Гитлера, в которых он потрясает слушателей, умело создавая атмосферу коллективного потрясения. Если просмотреть киносъемку памятных дат режима, например, ежегодный «маскарад» 9 ноября в память гитлеровского путча в Мюнхене, неизменно проходивший под музыку Вагнера, то в глаза бросается грубое сходство с литургией. Много заимствований и из «Парсифаля»: культ «обагрённых кровью знамен», «вечный огонь» у монументов погибшим, монотонный речитатив с именами «мучеников движения» и одинокая фигура «первосвященника», 9 ноября это обычно был заместитель фюрера Гесс. Все это подчеркивало желание национал-социализма стать чем-то большим, чем политическое движение: Многочисленные указания по проведению политических праздников, записанные на крайне формализованном языке, отражают псевдорелигиозный характер национал-социализма.

Из «Парсифаля» взята еще одна идея: объединение избранных вокруг Святого Грааля — чаши с чистой кровью. Разве орденские замки поразительным образом не напоминали замок Святого Грааля? А расовое безумие с доказательством арийского происхождения и идеями «культивирования немецкого духа» не соответствовало принципу избранности? Разве указание добиваться чистоты крови не связано с «Парсифалем»? Имеются ли в опере Вагнера скрытые инструкции для «гиммлеров» и «эйхманнов» эпохи национал-социализма? Данное утверждение выдвинуто недавно, и в столь категоричной формулировке оно, конечно, не соответствует действительности.

Нет никаких ссылок на прямую связь оперы с гитлеровской программой массового уничтожения и созданием «элитных» эсэсовских подразделений.

Рассказ председателя судебной коллегии Германа Раушнинга из Данцига (Гданьска) о том, что диктатор изложил ему «Парсифаля» как наказ «очистить кровь» «избранным отрядом посвященных», вызывает у историков большие сомнения. Вероятно, Раушнинг все это придумал. Да, есть печально знаменитое полотно 1935 года, на котором Гитлер в сверкающих доспехах изображен рыцарем, охраняющим Святой Грааль, но тогда почему с началом войны по всей империи были запрещены

«О политике у нас вообще не говорили».

*Винифред Вагнер, интервью с Хансом Юргеном Зибербергом,
1975 год*

«Он бывал в нашей семье, но не был включен в нее, в том смысле, что моя мать не спрашивала: послушай, Вольф, что ты скажешь на это, правильно ли будет, если Виланд сделает то и то? Мать не просила у него совета».

Вольфганг Вагнер об отношениях с Гитлером

«Она одобрила, что оба ее сына вышли из гитлерюгенда».

Вальтер Шерц-Парей, биограф Винифред Вагнер

«Потом была еще одна попытка породнить "Ванфрид" с Гитлером. Гитлер должен был жениться на Фриделинде Вагнер».

«Франкенност», 1 августа 1950 года

«Пронемец-ки настроенная семья...»

Семейное фото Вагнеров 1938 года.

постановки «Парсифаля»? Последнюю оперу Рихарда Вагнера забраковали прежде всего потому, что, с точки зрения нацистов, ее как раз можно было толковать по-разному. У Вагнера фюрер «священной общины» невежественен, «настоящий дурак», а обладательница «нечистой крови» Кундри в конце «Парсифаля» не только не уничтожена, но «спасается» после крещения.

«“Парсифаль” — скучный», — так непосредственно комментировали дети Винифред Вагнер сложное и самое значимое произведение своего деда. Для них Третий рейх означал беззаботную и привилегированную юность. Все четверо приносили из школы только посредственные отметки, но все промахи компенсировало пожалованное Гитлером «государственное происхождение». Когда отпрыскам Винифред разонравился гитлерюгенд, то они просто из него вышли, благодаря связям матери с имперской канцелярией. Вольфганг Вагнер вспоминает, что ему — в отличие от любого другого немецкого юноши — не грозили никакие последствия подобных поступков: «Я рассказал Вольфу, а он сказал, что поступил бы так же».

В школе наследники Вагнера, конечно, имели успех благодаря своим связям и рассказам о дяде Вольфе. Гитлер оказал обоим сыновьям Винифред особую честь и разрешил им, единственным во всей империи, — кроме личного фотографа Гитлера Хофманна — фотографировать свою персону. По словам очевидца, он позировал Вольфгангу и Виланду сколько потребуется и никуда не спешил.

Мальчики могли заработать кучу денег. Так как у Вольфганга была еще и небольшая кинокамера, сохранилась киносъемка Гитлера в кругу семьи Вагнеров. На ней диктатор в светлосером костюме, беседуя с Винифред, идет по лужайке, поднося к губам чашку, вероятно, чая. При виде этой идиллии невольно вспоминается утверждение Ханна Арендт о «банальности зла».

Ни в любительском фильме Вольфганга, ни на фотографиях — нигде не видно Хайнца Титьена рядом с Гитлером. Прожженный заправила Байрейта, без которого уже нельзя было представить фестиваль, целенаправленно избегал общения с диктатором. Когда Гитлер появлялся в Байрейте, Титьен становился «невидимым», а Винифред хотелось бы видеть Воль-

«Я всегда буду вспоминать о нем с благодарностью, потому что он мне здесь в Байрейте буквально подготовил грядки и помогал во всех смыслах».

Винифред Вагнер

«Странно и парадоксально, что моя мать, англичанка, воспитанная в демократических традициях и не склонная следовать авторитетам, легко попала на удочку диктатора».

Вольфганг Вагнер в автобиографии

«Моей бабушке, человеку властному, было бы недостаточно существовать в качестве госпожи Винифред Гитлер-Вагнер. Могу сказать прямо, что ей было значительно важнее руководить фестивалем, потому что тогда она располагала большими возможностями».

Готтфрид Вагнер

«Моя мать хотела бы, а дядя Вольф нет...»

Гитлер в сопровождении Винифред Вагнер и Хайнца Тильена направляются на открытие фестиваля, 1938 год.

фа и Хайнца вместе на фотографии. Ведь Титьен стал постоянной величиной в ее жизни. Он слишком быстро занял место, которое она желала отдать Гитлеру и от которого тот так упорно отказывался.

Со свойственной ей прагматичностью она сделала своему Хайнцу недвусмысленное предложение, заявив, что он «призванный», и тут же назначила его художественным руководителем. После войны Титьен описывал это следующим образом: «Она умоляла меня, просила, еще немного — и упала бы передо мной на колени. Тут уж я не смог устоять».

Винифред Вагнер в ту пору было около тридцати пяти, а к необычным мужчинам она всегда питала слабость. Титьен, как ее покойный муж Зигфрид, да и Вольф тоже, вовсе не был представительным мужчиной. «Сова» казался тшедушным и слабым, особенно если стоял рядом с массивной Винифред. Но, как рассказывает Вольфганг Вагнер, он мог быть очаровательным, умным, острым на язык и каким-то таинственным. Перед его приездом в Байрейт на репетиции Винифред заранее радовалась. «Госпожа Вагнер очень счастлива и вся преобразилась», — заметила няня Лизелотте Шмидт. В Берлине у Винифред была квартира по соседству с Титьеном, и их отношения, по словам певца Боккельмана, выходили за рамки платонических. Однажды Боккельман без предупреждения появился в берлинском офисе Титьена и застал обоих хранителей Байрейта в процессе «ужасно смешного совокупления».

По мнению любителей оперы, Титьен сыграл для Байрейта чрезвычайно полезную роль. Руководитель берлинских оперных театров, он мог приглашать на фестиваль лучшие голоса рейха. Благодаря ему, Преториусу и Фуртвенглеру постановка «Лоэнгина» 1936 года представляет собой наивысшее художественное достижение. Записи на пластинках того времени, по уверению экспертов, выдерживают сравнение с лучшими современными оперными постановками. Однако остается спорным, как оценивать этот успех с моральной точки зрения.

Многие деятели искусства, получавшие в Третьем рейхе щедрые гонорары и государственную поддержку, после войны утверждали, что пытались в смутное время спасти искусство. Многие, в том числе Винифред Вагнер и Хайнц Титьен, исполь-

зовали свои связи для помощи жертвам нацизма, подвергавшимся преследованиям. В показаниях 1945 года Титъен писал в свое оправдание, что они никогда не служили пропаганде, сохраняя «внутреннее неприятие» нацистской доктрины. Конечно, трудно вынести справедливую оценку, учитывая обстоятельства того времени. Действительно, в байрейтских инсценировках гитлеровской эпохи трудно усмотреть пропагандистские элементы. В зале знаменитого фестиваля — в отличие от многих других немецких театров — не висели знамена со свастикой, однако остается веский упрек в адрес Титъена, который после войны хвастался своими, пусть и нерегулярными, контактами с представителями сопротивления из круга Вицлебена и Герделера. Высокое искусство фестиваля и его мастера предоставляли Гитлеру платформу для пропаганды и самовыражения. Много ли остается от художественной значимости, если в оркестре сидели жертвы режима, подвергавшиеся преследованиям из-за убеждений или сексуальной ориентации, а в партере благоговейно внимали музыке их преследователи и убийцы миллионов невинных людей? Непредвзятую оценку затрудняет также тот факт, что диктатор в знак благодарности пожаловал Фуртвенглеру и Титъену титул советников.

В спасении жертв нацизма особо важную роль сыграла Винифред Вагнер благодаря своим связям. В первую очередь она заступалась за музыкантов и сотрудников своего театра. Обычно это ей легко удавалось, потому что в отношении вагнерианцев Гитлер проявлял удивительную терпимость. Например, в 1937 году Гитлер на фестивале на глазах у всех раскованно и приветливо болтал с камерным певцом Максом Лоренцом и его супругой Лоттой, хотя каждый знал, что Лоренц — гомосексуалист, а его супруга — еврейка. Эта пара благополучно пережила войну. Иногда Титъен и Винифред Вагнер вступались за совершенно незнакомых людей. Получив информацию от своих вышестоящих знакомых, они предупреждали об арестах. После войны дирижер Лео Блех и баритон Херберт Янсен дали показания, что благодаря этому они вовремя покинули Германию. Винифред приходилось играть двойную роль, потому что, прямо выступая против государственного террора, она, конечно, могла навредить себе. Когда в 1937 году Геббельс позвонил ей

по поручению Гитлера с целью потребовать увольнения всех сотрудников-гомосексуалистов, она была сама любезность. «Байрейту не повезло, — злорадно записал министр, — нужно все это основательно почистить. Я говорил с госпожой Вагнер. Она озадачена этим, но признает, что так дальше не пойдет».

В довоенные годы Гитлер регулярно приезжал на фестиваль. В 1936 году представления фестиваля были прерваны на время Олимпийских игр в Берлине, чтобы фюрер смог посетить оба мероприятия. С этого года во время фестиваля он жил в Байрейте в доме Зигфрида Вагнера — пристройке к левой стороне «Ванфрида», в которую въезжал вместе со свитой: охраной, камердинерами и личным поваром. Винифред предоставила ему возможность выбрать здание для проживания по его желанию. Поклонник оперы из имперской канцелярии настаивал на том, чтобы во время трапезы вместе с ним за стол садился кто-нибудь из семьи Вагнеров.

Для далекого от Вагнера окружения Гитлера наступали тяжелые дни. Фотограф Генрих Хофманн сообщал: «Для Гитлера фестиваль был отдыхом, поэтому он думал, что делает приятное и для своей свиты, приглашая ее на неделю или больше в Байрейт.

Билеты Гитлер оплачивал из своего кармана. Однако не для каждого приглашение Гитлера однозначно означало радость. Многие с большим удовольствием поехали бы в горы или на море, чем ежедневно внимать Вагнеру в духоте зрительного зала. Тем, кто по долгу службы — в форме или смокинге — сидел с Гитлером в вагнеровской ложе, нельзя ставить в вину легкую дремоту при подчас невыносимой жаре. Для страховки один обычно следил за другим, чтобы, вовремя толкнув в бок, подавить на корню первый храп». До нас дошло и острое словцо министра пропаганды Геббельса о тех днях, когда Третьим рейхом управляли из Байрейта: «Ванфрид и сумасшествие (по-немецки — Wahnsinn) начинаются с одного слога!» — утверждал он.

Вечером, после оперы, Гитлер с Винифред, а позднее и с детьми, сидел в доме перед камином, ведя до самого утра нескончаемый монолог. Отношения хозяйки дома с Титьеном, похоже, совершенно его не тревожили, тем более что он почти

Festspiele Bayreuth 1939. Die Dirigenten

*«Никогда не спрашивала о партийной принадлежности...»
Винифред Вагнер со «своими» артистами, 1939 год.*

«В своих отношениях с людьми я никогда не руководствовалась предписаниями партии. Я всегда сохраняла свои отношения с друзьями евреями и с «родственниками евреев», помогала как им, так и абсолютно не знакомым евреям, если это было в моей власти».

Винифред Вагнер

«Моя мать была эмансипированной женщиной».

Вольфганг Вагнер

никогда не видел режиссера, а восхищение Винифред своим Вольфом ни в коей мере не уменьшилось. «Она была его крепостной, — иронизировал после войны Титъен. — Даже в теплые ночи Гитлер любил, чтобы во время его разговоров в камине тлели поленья».

О том, о чем говорили при свете камина, сохранились различные воспоминания. Винифред утверждала, что о политике не говорилось ни слова. В Байрейте Гитлер интересовался только искусством. Ее сын Вольфганг, которому пару раз тоже разрешалось послушать монологи фюрера, подтверждает пространные рассуждения Вольфа о Вагнере: «Обстоятельный вагнерианец, в незнании его нельзя было упрекнуть», однако Вольфганг припоминает и политические монологи. Так, Гитлер примерами из истории пытался оправдать жестокие насильственные меры: «Он отстаивал мнение, что битва с саксами Карла Великого явилась проявлением политической силы». Сестра Фриделинда приводит следующий характерный пассаж, высказанный Гитлером перед войной: «Я надеюсь, — сказал дядя Вольф, обращаясь к матери, — ты осознаешь, что в следующую войну первая бомба полетит на Байрейтский театр, а вторая — на “Ванфрид”».

Но «святилище» вагнеровского культа пока еще существовало, и хозяйка дома наслаждалась своим особым положением в империи своего старого друга. Она обедала с Муссолини в имперской канцелярии, блистала на приеме для деятелей искусства в Доме немецкого искусства и выступала с речью матери во время чаепития с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. «Высокородная госпожа» и фюрер регулярно обменивались дорогостоящими подарками, заверяя друг друга во взаимном уважении. Однажды перед въездом к дому «Ванфрид» вдруг появился внушительный лимузин фирмы «Бенц», а на свое пятидесятилетие Гитлер, по инициативе Винифред, получил подлинные документы Вагнера. Это были оригинал рукописи «Риенци», партитуры «Золота Рейна» и «Валькирии», а также набросок к «Гибели богов». По воспоминаниям очевидцев, это подарок, больше всего взволновавший юбиляра. Чтобы подчеркнуть их союз, Винифред распорядилась празднично украсить Байрейт. Имеются фотографии Бай-

«Типичным для Винифред Вагнер было то, что она все время воспроизводила суждения других. Негативные высказывания в духе нацистской элиты или слова о других женщинах, если критически проанализировать, в основе являются нагромождением чужих мнений. Это никогда не было ее собственным критическим анализом».

Готтфрид Вагнер

«Она чувствовала себя немкой».

Вальтер Шерц-Парей, биограф Винифред Вагнер

«Типично валлийское упрямство...»
Винифред Вагнер и ее сын Виланд.

рейтского театра от 20 апреля 1939 года, когда Вольф в далеком Берлине гигантским военным парадом отмечал свой юбилей. На снимке огромный портрет Гитлера украшает торцовую стену, а вокруг — целый лес знамен со свастикой.

Следующий фестиваль в конце лета 1939 года полностью проходил под знаком сгущающихся военных туч. На последнем представлении «Тристана и Изольды» выступала уже другая певица, так как француженка Жермен Любен, опасаясь интернирования, ночью спешно покинула страну. Также уехали многие другие гости фестиваля. Казалось, что настроение конца света из «Гибели богов» царило не только на сцене. Во время фестиваля Винифред Вагнер выполняла роль миротворца, стараясь устроить встречу Гитлера с находящимся здесь же британским послом Хендерсоном. После войны «высокородная госпожа» сообщила, что ее покровитель не проявил интереса к переговорам. Он резко заявил своей старой приятельнице, что если Хендерсон появится в его ложе, он тут же покинет Байрейт.

Начало войны затронуло самое уязвимое место Винифред — ее семью. Правда, ее первенец Виланд, входивший в число 25 избранных, на которых «возлагались большие надежды» после «окончательной победы», был освобожден от военной службы, но Вольфганг сражался в Польше.

Прошла всего неделя с начала войны, когда по телефону сообщили роковую весть: ее сын Вольфганг пал за «фюрера, народ и отечество». К счастью, сообщение о смерти оказалось ошибочным, Вольфганг попал в плен и был тяжело ранен, возможно, самими немцами. Однако удар оказался для Винифред слишком сильным. Для выздоровления самолет вермахта доставил сына в Берлин, где в госпитале его навещил верховный главнокомандующий — добрый дядя Вольф байрейтских времен с букетом цветов.

Дочь Фриделинда, по прозвищу Мауси, доставляла Винифред серьезные неприятности. С осени 1938 года «трудный ребенок» находился во Франции и Швейцарии — по «политическим и личным» причинам, как она потом говорила. Винифред вместе с Виландом поехала к ней в Париж, безуспешно пытаясь переубедить ее. Теперь, зимой 1939—1940 годов, времени

«Мужчина
а не пар-
тия...»
Байрейтс-
кая поклон-
ница
Гитлера.

«Я полностью отделяю Гитлера, которого знала, от того, что ему сегодня вменяется в вину».

Винифред Вагнер

«Увлечение Адольфа Гитлера Вагнером помогло ему узаконить собственную политическую миссию. Он воспользовался вагнеровской идеей о национальном искусстве для своей идеологии».

Вольфганг Вагнер в автобиографии

«Ясно, что моя бабушка до последнего вздоха оставалась убежденной национал-социалисткой и до самого конца открыто восхищалась Адольфом Гитлером. Никогда не возникало сомнений, что она полностью на его стороне».

Готтфрид Вагнер

уже не оставалось. Мауси заявила, что эмигрирует в Америку. Поэтому в начале февраля 1940 года Винифред отправилась в Цюрих, твердо решив вернуть дочь. Конечно, высокопоставленная дама, имеющая доступ к самому фюреру, без проблем получила визу. Если верить рассказу Фриделинды, то для матери важнее была не семья, а предотвращение «предательства родины».

В напряженном разговоре Винифред использовала все возможные средства. «Возвращайся домой», — умоляла она надломленным голосом, сообщив о тяжелом ранении Вольфганга, из-за которого брат якобы страстно желает видеть сестру. Не добившись результата, она вдруг резко изменила тон и перешла к угрозам. «Если ты не послушаешься, — так впоследствии излагала Фриделинда заявление матери, — будет издан приказ, по которому тебя истребят и уничтожат при первой возможности». «Истреблять» и «уничтожать» — эти понятия из «Словаря недочеловека» руководительница Байрейтского фестиваля произнесла в номере цюрихской гостиницы. Прорвался ли здесь стиль Вольфа, излагавшего перед камином свое видение будущего? И какой требуется фанатизм, чтобы мать могла так угрожать собственной дочери?

Враждебная выходка матери только укрепила Фриделинду Вагнер в намерении эмигрировать в Америку. Там она перебивалась временными заработками и считалась образцовой эмигранткой. В 1944 году она написала книгу о пережитом в Байрейте, особенно о встречах с Гитлером. Книга под названием «Ночь над Байрейтом» легко читается, и в ней можно почерпнуть массу анекдотических историй. Так, у Фриделинды говорится, что Гитлер хотел бы видеть волшебных дев в «Парсифале» голыми, что однажды за столом у него случился приступ ярости с «пенной у рта» и что в хорошем настроении он шутил над Геббельсом и Герингом. Мать Винифред и ее любовник Титъен изображены в книге чрезвычайно плохими людьми.

Но, похоже, в красочное описание Фриделинды Вагнер время от времени вкрадываются выдуманные пассажи. Не все ее рассказы выдерживают проверку — констатировали агенты Бюро стратегических служб США (OSS) в секретном докладе о наблюдении за внучкой Рихарда Вагнера. Их характеристика:

«Не слишком заслуживает доверия, хочет быть в центре внимания, болтлива». После войны родственники, включая Винифред, конечно, полностью опровергли книгу как «лживую халтуру». Однако не все так просто. Фриделинда опиралась на подробный дневник, и после войны многие свидетели подтвердили ее характеристики, поэтому во многом благодаря своей беспощадности «Ночь над Байрейтом» остается ценным источником, которому доверять следует с осторожностью. Из описания цюрихского разговора с Винифред следует вычеркнуть некоторые слова, но в целом угрозы властной матери кажутся вполне достоверными. Можно хорошо представить себе, с какими чувствами они расстались — Фриделинда отправилась на пароходе через океан, а Винифред — обратно, в увешанной свастикой Байрейт.

Зато трое других детей не доставляли ей хлопот. Виланд и выздоравливающий Вольфганг вскоре привели в дом достойных невест, женились и обзавелись потомством. Красавица Верена, по прозвищу Никкель, порадовала мать, выйдя замуж за представителя высших правящих кругов. Ее муж, импозантный Бодо Лафференц, обер-рейхслейтер нацистской организации «Сила через радость» (KdF), отвечал за обеспечение в годы войны Байрейтского фестиваля достаточным количеством публики. Вообще-то Винифред не хотела проводить фестиваль во время войны, полагая, что она продлится один-два года. Ведь и в Первую мировую войну ее покойный супруг держал ворота на «Зеленом холме» закрытыми. Однако Гитлер, без которого в Байрейте не принимались важные решения, распорядился по-иному. Теперь билеты не поступали в свободную продажу. Все расходы, включая гонорары, покрывала организация «Сила через радость», в том числе и превосходные 17% чистой прибыли, остававшиеся в доме Вагнеров.

Отныне вагнеровский фестиваль окончательно стал государственным мероприятием. Специальные поезда доставляли в Байрейт необычных зрителей. Сюда для поднятия духа направляли «заслуженных соотечественников», причем абсолютно бесплатно. Гитлер был в восторге: «Во время войны я смог осуществить то, о чем мечтал Вагнер — избранные люди из народа, солдаты и рабочие бесплатно посещают фестиваль». Тить-

ен, которому удалось вернуть своих артистов с фронта, видел все несколько иначе. В 1940 году он с издевкой говорил о новоявленных вагнерианцах: «Им что труба, что флейта». Потом стали приезжать инвалиды без рук, без ног, и он перестал шутить. Казалось, что раненые прибывают в Байреит для лечения Вагнером.

Дядя Вольф в последний раз посетил фестиваль в 1940 году. На обратном пути после молниеносной победы над Францией он велел остановить свой спецпоезд в Байрейте и, в упоении от своего триумфа, послушал «Гибель богов». Это была его предпоследняя встреча с Винифред, не считая кратких визитов «высокородной госпожи» в поезд фюрера. В последующие годы они только разговаривали по телефону и обменивались телеграммами. Лишь дети Винифред пару раз встречались с главнокомандующим в Берлине. Сыновья Виланд и Вольфганг обсуждали проект, отложенный на время «после заключения мира»: перестройку Байрейтского театра.

Сохранилось несколько эскизов проекта. На них не типичный оперный театр, а скорее «франконский Акрополь» с пристройками, колоннадами и плоскими крышами. «Зеленый холм» должен был соответствовать гигантским сооружениям в Берлине и своими размерами заявлять о величии своих создателей. Образцом для проекта послужил Пергамский храм, на обширном «Зеленом холме» он мог бы разместиться десятки раз. Крайним выражением мании величия, отлитой в бетоне, являлось купольное сооружение, спроектированное над старым театром так, чтобы защитить его от непогоды.

Виланду и Вольфгангу исполнилось двадцать, и они уже заявляли о своих претензиях на наследство. Во время визитов к Вольфу обсуждалась не только перестройка театра, но и будущие постановки. Даже не приезжая в Байрейт, Гитлер не утратил пламенной любви к Вагнеру. Самому смелому и самому безумному из своих военных походов — нападению на Советский Союз — он дал имя средневекового императора Фридриха I Барбароссы, личность которого очаровала в свое время и Рихарда Вагнера. Сохранившийся фрагмент оперы под названием «Барбаросса» подтверждает то поистине магическое влияние, которое Гогенштауфены оказывали на композитора. Ваг-

*«Гости
фюрера...»
Винифред
Вагнер
привет-
ствует
прибывших
на фести-
валь солдат
вермахта.*

«Мы все сожалели о начале войны. Даже национал-социалисты. Я думаю, мы не были восторженными фанатическими приверженцами войны».

*Винифред Вагнер, интервью с Хансом Юргеном Зибербергом,
1975 год*

«Для нее война была самым ужасным из того, что вообще могло быть».

Вольфганг Вагнер

нер восторгался, прежде всего, «величественным, варварским, возвышенным и даже божественным неведением личности», — как начертал он на полях отрывка.

После поражения под Москвой зимой 1941 года немецким генералам из окружения Гитлера — «величайшего полководца всех времен» — стало ясно, что их повели на Восток с «невежеством Барбароссы» и что их судьба вполне может быть схожа с печальной участью утонувшего императора. Стремление продолжать войну после краха под Москвой выходило за рамки разумного, к тому же диктатор объявил войну США — сильнейшей промышленной державе в мире.

В те дни он все сильнее попадал под власть иррационального. «Когда я слушаю Вагнера, — заявлял он своим генералам, — мне чудятся мелодии прошлого». С безысходностью войны все больше увеличивался разрыв между реальным миром и оперными фантазиями Гитлера. Хотя, разве действительность не напоминала пылающие миры из «Гибели богов», а, может быть, даже и превосходила их? А жуткая и величественная гибель народного трибуна Риенци под руинами собственной столицы казалась все более отчетливой параллелью с реальностью?

А в это время фестивальная жизнь в пока еще мирном Байрейте наполнилась неожиданными нюансами. Винифред Вагнер изо всех сил старалась сгладить непримиримую борьбу за власть между Титьеном и своими сыновьями. «Ванфридская молодежь» рвалась к власти, а руководительница фестиваля все еще не доверяла сыновьям самостоятельное руководство фестивалем. Титьен грозил своей полной отставкой как в работе, так и в личной жизни. Винифред подключила находящегося вдалеке Вольфа, который постановил, что Виланду и Вольфгангу следует подождать до конца войны, а пока получить образование. Это сильно умерило пыл обоих молодых людей, но ни в коей мере не уменьшило их восторга перед Гитлером и его делом. Еще в сентябре 1944 года Виланд Вагнер верил в «окончательную победу» и в письме выразил надежду, «что Грааль снова засияет». Своего родившегося в 1943 году сына он преданно окрестил Вольф-Зигфрид, странным образом соединив имя наставника и родного отца. Вольфганг не терял из виду могущественного дядю, к примеру, он считал, что фюрер дол-

жен решить, какую оперу Вагнера следует исполнить на «праздник окончательной победы».

Мать не уступала своим сыновьям. Лежавшие в руинах города Германии и слухи о преступлениях в лагерях не умяли восхищение Винифред «делом». Перед портретом фюрера в «Ванфриде» каждый день ставили свежие цветы. Для программы фестиваля 1943 года она составила пламенное воззвание: «То, что для фестиваля 1943 года, проходящего в годы войны, выбраны именно «Нюрнбергские мастерзингеры», имеет глубокое и символическое значение. Это произведение красноречиво демонстрирует нам созидателя немецкого человека с его национально обусловленной волей творца, которого маэстро запечатлел в бессмертном образе нюрнбергского сапожника и народного поэта Ганса Сакса, который в сегодняшней борьбе западного культурного мира с разрушительной силой большевистско-плутократического мирового заговора придает нашим солдатам неодолимую боевую мощь и фанатичную веру в победу нашего оружия».

Несмотря на подобные заверения в верности, Винифред Вагнер все реже встречалась со своим другом, из «Волчьего логова» пытавшегося сдержать свои отступающие армии. Ей не хватало общения со знаменитостями и блистательных встреч «мирных» времен нацистского режима. Вместо этого она опровергала подозрения в еврейском происхождении Козимы и в переписке, между прочим, благодарила шефа СС Гимmlера, руководившего самым массовым убийством в истории человечества, за присланные «красивые рождественские тарелки».

По иронии судьбы самое известное покушение на Гитлера получило кодовое название из мира Вагнера. Под «Валькирией» скрывалось намерение отважных заговорщиков, офицеров вермахта, лишить СС и гестапо власти путем убийства Гитлера. К сожалению, тиран не пострадал во время покушения и еще девять страшных месяцев разыгрывал свою личную «Гибель богов».

В тот день, 20 июля 1944 года, когда граф Штауффенберг оставил бомбу под столом с военными картами в «Волчьем логове», в Байрейте исполняли «Мейстерзингеров» — жемчужину последнего «военного» фестиваля, поставленную в декора-

циях Виланда Вагнера. Когда Винифред Вагнер узнала о взрыве, она тут же послала в Ставку несколько взволнованных телеграмм и отчаянно пыталась дозвониться туда по телефону. Через несколько часов ей удалось поговорить с Гитлером и передать ему свои поздравления по случаю его удивительного «спасения». Но, к ее удивлению, диктатор ни словом не обмолвился о покушении, а, как обычно, перевел разговор на будущие постановки и идею «Провидения».

После войны на одном из допросов Винифред сообщила о его словах, будто он слышал, как «мимо пролетела богиня победы».

Даже в конце войны обитатели «Ванфрида» не подозревали о бедственном положении большинства немцев. «Нам было чертовски хорошо», — не без угрызений совести вспоминает супруга Виланда Гертруда. Винифред полностью использовала свой организаторский талант. Она отправила обслуживающий персонал в близлежащие деревни за провизией, по праву считывая на уважение среди франконцев. Ее погреб ломился от копченостей, сала и сахара. Имелся даже кофе в зернах, экзотический товар в последний год войны, рождественский подарок Гитлера. В октябре 1944 года Бодо Лафференц, зять Винифред, и Виланд Вагнер сообщили о полученном ими специальном задании. Вместе с заключенными концлагеря Флоссенбюрг им предстояло работать над секретными техническими проектами, в том числе и над моделью «видящей бомбы». Это были первые непосредственные контакты клана Вагнеров с ужасами лагерей. Рассказы Виланда и Бодо, по воспоминаниям Гертруды, породили определенные раздумья и сомнения, однако их было недостаточно для отказа от убеждений.

20 апреля 1945 года Винифред Вагнер послала своему другу в подземное царство под берлинской имперской канцелярией поздравления с днем рождения. Его мрачные видения становились реальностью. Своим секретаршам Гитлер сообщил о странном желании в предсмертный час послушать «Смерть Изольды», но в бункере ему не удалось его осуществить. По радио сообщение о смерти Гитлера сопровождалось похоронным маршем из «Гибели богов». Известие настигло Винифред Вагнер во франконском Оберварменштайнахе, где у нее был

«Я, так сказать, мать фестиваля и последняя инстанция для всех вопросов, возникающих внутри этого многогранного комплекса».

Винифред Вагнер, 1940 год

«Госпожа Вагнер — и в этом ее большая историческая заслуга — соединила Байреит с национал-социализмом».

Адольф Гитлер, март 1942 года

«Следует поблагодарить Винифред Вагнер за продолжение дела Байрейта».

Йозеф Геббельс, дневник, 30 мая 1942 года

«Там наверху все было весьма и весьма “коричневым”».

Эрика Янсен, статистка на Байрейтском фестивале

«Лучше в горы или на море...»

Второй эшелон нацистской команды (на снимке Роберт Лей — второй слева) был вынужден появляться на «Зеленом холме».

летний дом. Там же она с ужасом узнала о том, что беженцы разграбили костюмерный цех Байрейта и без стеснения разгуливают по улицам в костюмах Вотана и Изольды. Таким же оскорблением она посчитала конфискацию Байрейтского театра победителями-американцами, обосновавшими свои действия тем, что это — «собственность Гитлера». С юридической точки зрения, они ошибались, но за двенадцать лет диктатуры преданность Винифред Вагнер на самом деле превратила «Зеленый холм» в духовную собственность нацизма.

Но она не желала задумываться об этом. Вместо этого в обычном тоне ругала «оккупацию» байрейтской недвижимости. «Театр несколько недель являлся казармой черных американцев, — писала она в 1946 году об использовании здания фестиваля, — можете себе представить, сколько разрушили за это время!»

В 1947 году Байрейтский суд обвинил Винифред в «главной вине и получении выгоды» от режима, но затем признал ее просто «виновной». Судьи, прежде всего, инкриминировали ей «использование для гитлеровской пропаганды одного из известнейших имен в истории культуры». Ее имущество конфисковали, а в качестве наказания определили 450 дней общественно полезных работ, а именно уборку байрейтской привокзальной площади. Однако до приведения приговора в исполнение так и не дошло, так как через год ее апелляцию удовлетворили. После многочисленных свидетельств жертв нацизма, за которых заступалась Винифред Вагнер, ее признали «виновной в меньшей степени». Затем Винифред оставила все свои посты, освободив места для сыновей. Перед этим она энергично воспрепятствовала альтернативным планам управления «Зеленым холмом»: возвращению Фриделинды или назначению чуждого семье руководства.

Отныне она оставалась в тени, время от времени собирая в своих уединенных покоях старых вагнерианцев и нацистов. Она не скрывала своих взглядов и убеждений, которые ничуть не изменились: подписывала письма «88», неонацистским кодом, означавшим «Хайль Гитлер», смеялась над сокращением «USA» (США), расшифровывая его как «наш святой Адольф» (по-немецки — Unser seliger Adolf), рассказывала возмутительные

«Мы, «старые национал-социалисты», в душе стоим перед руинами... Как стало возможно, что все хорошее, что мы вначале ожидали от национал-социализма для нашего народа и нашей отчизны, превратилось в прямо противоположное, с ужасными перегибами и страшными последствиями?»

Винифред Вагнер, 1947 год

«Подсудимая согласно статье 4/2 закона включена в группу II обвиняемых (активисты)».

Из первого приговора суда против Винифред Вагнер, 1947 год

«Подсудимая признана виновной в меньшей степени».

Из второго приговора суда против Винифред Вагнер после слушания дела в апелляционной инстанции, 1948 год

«До последнего вздоха убежденная национал-социалистка...»

Винифред Вагнер в 1947 году на суде в Байрейте.

анекдоты о евреях и иногда встречалась с представителями «старой гвардии», например, вдовой Гейдриха Линой. Но для сыновей, успешно возродивших знаменитый фестиваль, она сделала одолжение, скрывая от общественности свои взгляды. Правда, она сетовала на «преступления против фестиваля», коими считала инсценировки Виланда в духе абстракционизма, и смотрела их, сидя спиной к сцене, однако все восторги и похвалы в адрес Вольфа, столь сильно изменившего ее жизнь, Винифред по-прежнему хранила в тайне. Винифред осознавала, что в ныне демократичном Байрейте высказывания в защиту нацизма могут навредить бывшим любимцам Гитлера Виланду и Вольфгангу.

До 1975 года Винифред Вагнер соблюдала обет молчания, который сама на себя и наложила. Если бы она держала его и далее, то оставила бы по себе совсем иную память, поскольку так и не удалось доказать ее личную вину во время нацистского режима. Она действительно фанатично верила Гитлеру, целиком приняла нацистские идеи, но преступлений в уголовно-правовом смысле слова не совершала. Винифред Вагнер не являлась преступницей, но, находясь на высокой должности, поддерживала Гитлера, входила в высшие круги власти и содействовала осуществлению планов диктатора, хотя и заступалась за преследуемых, что смягчает ее вину. Обвинение в пособничестве режиму в той или иной мере касается большей части тогдашнего поколения немцев. Слепо следующих за Гитлером было больше чем достаточно. Винифред Вагнер в этом отношении всего лишь одна из многих. Ее высокое положение и близость к Гитлеру ничего не меняют.

Лишь в 1975 году, через три десятилетия после краха ново-явленного Риенци из Браунау, Винифред Вагнер допустила печальную и досадную оплошность. Поддавшись на уговоры кинорежиссера Ханса Юргена Зиберберга и своего внука Готтфрида Вагнера, она дала подробное интервью, в котором упрямо признавала себя сторонницей Гитлера. Перед камерой она заявила, что «никогда не отречется от своей дружбы с Вольфом». О неслыханных преступлениях высказалась следующим образом: «Я глубочайше сожалею об этом, но для меня в моих личных отношениях это ничего не меняет. Часть его, скажем так,

которую я знаю, я и сегодня ценю точно так же, как прежде. Весь этот, так сказать, негативный Гитлер в моей душе не существует, потому что я его таким не знаю, я имею в виду то, что все мое отношение к нему покоится исключительно на личном общении».

Страшный пример отрицания, полный властной наивности. Аморально и даже преступно отделять Гитлера, такого симпатичного в частной жизни, от одиозного военного преступника, мысленно разделять Джекилла и Хайда. По мнению внучки Нике Вагнер, причина этого, с одной стороны, «в неспособности Винифред печалиться», с другой — в очевидной неспособности понять.

Во время судебного процесса против нее Винифред Вагнер написала письмо, вскрывающее ее идейную беспомощность: «Мы, бывшие идеалисты, стоим перед загадкой. Как стало возможно, что все хорошее, что мы вначале ожидали от национал-социализма для нашего народа и нашей отчизны, превратилось в прямо противоположное с ужасными перегибами и страшными последствиями?» Она так и не поняла, что именно ее «идеализм» подготовил почву для страшных преступлений. Может быть, не хватало моральной силы, а может быть, — сострадания к жертвам. Винифред Вагнер умерла 5 марта 1980 года.

Цара Леандер
ПЕВИЦА

«Я пою свои песни, и в 90 случаев из 100 они о любви. Потому что для 90 людей из 100 любовь важнее политики. Я убеждена в этом».

«Где написано, что артисты должны разбираться в политике? Я даже рада, что мне навесили ярлык “политической идиотки”».

«В кино и на сцене я постоянно играла одну-единственную роль — в различных костюмах и меняющейся обстановке: роль Царя Леандер».

«Я хотела в Германию и никогда не пожалела об этом. Ни разу. Нельзя даже представить себе, чему только я не научилась в Германии. Немцы сформировали мою жизнь».

«“УФА” поставила на меня свое клеймо, такой мне и пришлось остаться».

«Политика меня не интересовала. Ей должны заниматься мужчины, если хотят».

«Гитлеру, видит Бог, было чем заняться, кроме того, как играть со мной в канасту. Для меня он, в первую очередь, ревуший голос из радио, которое я тут же выключала, так как очень восприимчива к злобным звукам, и непостижимый человек с усами и челкой, известный по тысячам фотографий и сотням выпусков кинохроники».

«Я — Леандер, и этого достаточно».

Цара Леандер

«Цара не была ни нацисткой, ни антинацисткой, она просто хотела делать карьеру».

Дуглас Серк (Детлеф Зирк), кинорежиссер

«Эта женщина нашла уязвимое место в немецкой душе — красивый кич — все немцы любят кич. Она делала необыкновенно “кичевые” фильмы».

Виль Квадфлиг, актер

«Если ты во время диктатуры, как бы она ни называлась, известен и работаешь, ты должен подчиняться, иначе попадешь в тюрьму. Даже шведку могли спокойно упрятать в концлагерь. Уж лучше петь пропагандистские песни».

*Эвелин Кюннеке,
певица и актриса*

«Статная, высокая, рыжеволосая, с маленькими веснушками на лице, с необыкновенно красивым ртом».

*Ильзе Вернер,
певица и актриса*

«Цара шла по жизни с терпением мадонны, с завидным мужеством принимая удары судьбы. А сколько таких ударов пережили немцы после 1918 года! Цара была для них ходячей инструкцией».

*Корнелия Цумкеллер,
историк кино*

«Моя мать чувствовала, что теперь она сможет добиться того, чего хотела, а именно — настоящего успеха за границей. «УФА» славилась почти как Голливуд. Моя мать могла уехать в Голливуд, но отказалась, потому что не хотела уезжать так далеко от Швеции. Она была настоящей шведкой, в Германии ей казалось, что Швеция где-то рядом. Лучше Берлин, чем далекий Лос-Анджелес».

Геран Форсель, сын Цары Леандер

«Она с трудом зарабатывала деньги, чтобы прокормить семью. Ей хотелось больше денег, и поэтому она уехала к нацистам. Там все сложилось удачно, и ее финансовое положение изменилось коренным образом. Она стала богатой, очень богатой».

*Ингрид Сегерштедт-Виберг,
шведский политический деятель*

«Она была очень близорукой. Если кто-то смотрит вдаль мимо камеры, ничего не видя, то взгляд кажется исполненным тоски».

Виль Квадфлиг, актер

Открывается занавес, на сцене певица в необычном окружении: вокруг нее пирамида из женщин, прячущих лица за боа из перьев. В центре вся в белом ангелоподобная Цара Леандер. Раздается ее низкий чувственный голос, и кажется, что его теплый, бархатный тембр заполняет весь зал, проникая в душу каждого. «Я знаю, однажды случится чудо, и тысячи сказок станут явью», — поет “звезда”, растягивая согласные и произнося раскатистое “р”. «Божественное создание» стоит на подиуме в длинном, украшенном стразами наряде с пятью гигантскими перьями и выглядит как образец, как символ «чистой женственности»: «Я знаю, так быстро не проходит любовь, такая большая и прекрасная». Музыка нарастает, сопровождаемая дивным хором. Лицо певицы совсем близко, оно кажется неземным: глаза устремлены к небу, взгляд просветленный, на щеках — слезы. Она с необыкновенной страстью поет: «И поэтому однажды случится чудо, я знаю, мы снова увидимся».

Как цветы на солнце, женщины раскрывают свои боа, но вдруг становится заметно, что лица эльфов угловатые и грубые. На некоторых вообще видна щетина. Выражение лиц слишком серьезное, даже несколько несчастное. На них мешком висят платья, не подчеркивая талий, которых, похоже, и нет. С грудью тоже что-то не в порядке: у одной она расположена слишком высоко, у другой — низко, а у третьей — набок.

«Было сложно найти для этой сцены женщин таких же красивых, таких же высоких и таких же крупных, как сама Цара, чтобы получилась единая, эстетичная картина», — вспоминает актер Вольфганг Прайс о подборе статистов для эпизода из самого успешного фильма Цары Леандер «Большая любовь». — Таких женщин не было, и тогда, недолго думая, решили привлечь эсэсовцев из лейб-штандарта “Адольф Гитлер”: они были все как на подбор высокие. В принципе — идеальное

«Я выросла с четырьмя братьями и с детства привыкла обращаться с мужчинами».

«Я никогда в жизни не брала уроков пения, никогда. Маленькой девочкой училась игре на пианино и скрипке, а вот пением никогда не занималась... У меня всегда был альт, от природы».
Цара Леандер

«Девушка из северных лесов...»

Цара Леандер с двумя из ее четырех братьев.

решение. Ведь шла война, и большинство мужчин были на фронте, а других мы быстро не смогли бы найти. Лейб-штандарт просто откомандировали к нам, к тому же удалось сэкономить на статистах. Поэтому в этой сцене участвует одна-единственная женщина — Цара, все остальные — переодетые мужчины. Только для ближнего плана снимали лица красивых девушек».

Лейб-штандарт СС являлся личной армией Гитлера, снискавшей себе кровавую славу после «Ночи длинных ножей» и ликвидации Эрнста Рёма, а позднее, как элитное подразделение «Ваффен СС», отличавшееся «стальным боевым духом». Эта странная подоплека событий служит лучшему пониманию Цары Леандер: она всегда утверждала, что была только актрисой, далекой от политики и национал-социализма. На самом деле волей-неволей она являлась «звездой» Третьего рейха, невозможно рассматривать ее как актрису отдельно от гитлеровского режима. Ведь именно диктатура сделала ее тем, кем она стала. Описанная сцена вполне соответствует «мифу» Цары Леандер. Особое воздействие оказывал ее необыкновенно низкий голос, почти баритон, волнующий сердце. «Звезда», которую кинематографисты Третьего рейха вывели на сцену и стилизовали под неземную диву. Песня «Я знаю, что однажды будет чудо» принесла Царе Леандер мировую славу, но в то же время и обвинение в том, что в войну она была голосом нацистской пропаганды. Ту же идею нес в себе фильм «Большая любовь», в нем рассказывалось об отношениях между женщиной и женщиной в годы войны и призывал женщин к отказу от любви во имя победы Германии.

Цара Леандер была самой высокооплачиваемой актрисой в нацистской Германии. С 1936 года, когда «УФА» заключила с ней договор, до 1943 года — времени ее возвращения на родину в Швецию — Цара снялась в десяти фильмах. Шведка, тяжело-весная, с огненно-рыжими волосами и голосом, как у мужчины, наполовину женщина-вамп, наполовину заботливая мать, стала самой яркой «звездой» Третьего рейха и кумиром миллионов мужчин и женщин, целая нация лежала у ее ног. Кем же была Цара Леандер на самом деле: великой актрисой или удачным «культурным продуктом»? «Сиреной», обожавшей нацист-

ских офицеров, или жертвой политики? Деревенской простушкой или прожженной карьеристкой? Где кончается миф о Царе Леандер и начинается реальность?

В детстве никто не видел в Царе Стине Хедберг «звезду», а меньше всех — четверо братьев, дразнивших ее за полноту, веснушки и непослушные рыжие волосы. Цара родилась 15 марта 1907 года в шведском городе Карлштадте в семье маклера по продаже земельных участков, увлекавшегося музыкой. У нее была очень строгая мать, которая не увлекалась искусством и готовила дочь к типичной в то время роли домохозяйки и матери семейства. Несмотря на это, с 1911 года Цара училась игре на пианино и скрипке, в 1913 году впервые выступила на конкурсе Шопена, на этом музыкальное образование Цары завершилось, пением она никогда не занималась. До 1922 года она ходила в гимназию, а потом два года жила в Риге в качестве компаньонки подруги матери, здесь она научилась свободно говорить по-немецки. Вместе со своей благодетельницей Цара наслаждалась культурной жизнью большого города, ходила в театр и на концерты и вскоре решила стать актрисой.

Ее первая попытка закончилась плачевно: в 1926 году на вступительном экзамене в актерскую школу Королевского драматического театра Стокгольма Цара с треском провалилась. Зато влюбилась в элегантного молодого актера и сына пастора Нильса Леандера, за которого в 19 лет вышла замуж. Безденежная пара переехала к его родителям в глухую провинцию, Остерготланд. Через год, в 1927 году, у Цары родилась дочь Бозль, а через два — сын Геран. В 1927 году она вместе с супругом впервые вышла на сцену в опере «Белоснежка», а в октябре 1929 года ее зачислили в труппу знаменитого короля оперетты Эрнста Рольфа в Гетеборге — так началась карьера Цары Леандер. К тому времени брак с Нильсом Леандером, который слишком много пил, дал трещину, Цара ушла от него, и в 1931 году они развелись.

Ей удалось войти в театральный мир, но гонорар, который она получала за пение комических куплетов, оказался таким скромным, что она еле сводила концы с концами. Решив положить этому конец, с прицелом на карьеру и хорошими рекомендательными письмами в кармане молодая актриса от-

правилась покорять Стокгольм. В том же году она получила роль в новогоднем ревю «Фолктеатерн». Хотя со своими огненно-рыжими волосами и необычным для того времени ростом 1 м 72 см она казалась странной, режиссеров впечатлила ее красота и, не в последнюю очередь, необычное, очень низкое контральто. Вместе с маленькими детьми и матерью — отец к тому времени умер — Цара Леандер сняла двухкомнатную квартиру, иногда она брала к себе еще двух младших братьев-школьников. Груз ответственности за семью, крошечная квартира и нужда тех лет стали для нее основной причиной действовать. Цара поставила цель стать «звездой» и преодолеть материальные трудности: «Сила воли заменила нехватку денег, я должна была пробыться, подняться вверх. Я, как молодая горячая лошадь, вырвалась из стойла и во весь дух пустилась вскачь. Она неловко двигается, ржет дико и грубо, но в ней есть что-то притягательное, а из-под копыт у нее вылетают искры, как звездная пыль, как огненное сияние». Как позже выяснилось, ни политика, ни мораль не могли заставить ее свернуть с намеченного пути.

В последующие годы Цара Леандер играла в многочисленных ревю, опереттах и комедиях в Швеции, совершила турне по всей Скандинавии. Пробыться помог ей Геста Экман — известнейший шведский актер и театральный режиссер. В Германии его знали по роли Фауста в фильме Фридриха Вильгельма Мурнау.

В «Веселой вдове», где Цара исполняла заглавную роль, они имели оглушительный успех в Стокгольме в 1931 году. Однако идея Экмана в отношении ее будущего не нравилась Царе. «Он хотел сделать Цару Леандер не только примадонной оперетты, но и настоящей трагической и комедийной актрисой, — писал впоследствии один из коллег Экмана. — Не он виноват в том, что эти планы не осуществились. Просто она больше интересовалась финансовым успехом, чем творческим». В своих воспоминаниях Цара соглашается с этим язвительным замечанием, добавляя: «Меня подстегивала не только жажда денег. Я довольно точно знала, где предел моим возможностям». Уже в самом начале карьеры Цара Леандер, умная и деловая женщина, смогла понять, что ее капитал — не актерский талант, а голос.

«Она мечтала об Америке и Голливуде».

Карл-Адам Никоп, шведский журналист

«Она была естественным, веселым человеком. Ее окружали такие же радостные люди, и это было, собственно говоря, прекрасное время».

Ильзе Вернер, певица и актриса

«Она хотела сделать карьеру...»

Молодая актриса в 1930 году с двумя коллегами.

В 1930 году она заключила договор с «Одеоном» и до своего отъезда в Берлин записала 60 пластинок, создав тем самым неиссякаемый источник денежных поступлений.

В Швеции состоялся и кинодебют Леандер. Правда, первые попытки оказались довольно жалкими. В фильме «Мистерии Данте» (1930 год) она снялась в эпизоде в роли молодой красивой ведьмы, летящей на метле и громко при этом поющей. В комедии положений «Фальшивый миллионер» (1931 год) изобразила экстравагантную женщину-вамп. Ее актерские успехи казались скорее скромными, зато зрители не могли оторвать глаз от ее глубокого декольте. В своей третьей шведской картине «Брачный скандал» в 1935 году она сыграла успешную актрису и саму себя: на студии «УФА» она отшлифует эту роль. Но по-настоящему дела Цары пошли в гору в Вене.

Тем временем в Скандинавии имя Цары Леандер приобрело известность. Когда датский актер и режиссер Макс Хансен предложил ей участвовать в Вене в оперетте «Аксель у ворот рая» Ральфа Бенацкого, она тут же согласилась. После семи лет работы в театрах Швеции у Цары возникло чувство, что она топчется на месте, она была открыта для всего нового. Вместе со своим вторым супругом и менеджером Видаром Форселем Цара Леандер отправилась в Австрию. Элегантный и всегда прекрасно выглядящий Форсель был сыном театрального режиссера и по профессии редактором в газете.

Они познакомились, когда Форсель хотел написать о Царе статью. В сентябре 1932 года они поженились. Форсель усыновил детей Цары, бросил работу журналиста и полностью посвятил себя успеху супруги, который стремительно набирал обороты. Оперетта «Аксель у ворот рая» имела оглушительный успех, вся Вена лежала у ног неизвестной шведки. «Она была сногшибательной, — рассказывает Ильзе Вернер. — Невероятная личность, огненно-рыжие волосы, и потом этот слегка надломленный голос. Что-то сказочное; настоящий фурор. Она появилась и стало ясно: родилась “звезда”». В оперетте Цара играла роль «звезды», прототипом для этой роли послужила Грета Гарбо. В песне, которую Цара исполняла в Венском театре, подразумевалась «божественная», но эта песня словно предсказала звездный путь самой Цары.

Я — «звезда». Большая «звезда» со всеми капризами,
таков приговор, господи, не так ли?
Кинозвезда, кумир тысяч девушек.
Кинозвезда, идол сегодняшнего времени. Метровыми буквами
В маленьких городках возвешают о твоей славе,
твоей красоте, твоей необычности.
Кинозвезда, ты фетиш нашего века!
Каждый желает быть на твоём месте.
Но яркий свет прожектора
скрывает от мира мое истинное лицо.
В глубине сердца я одна.

Оглушительный успех в прославленном Венском театре принес Царе Леандер первый ангажемент в Австрии в 1936 году, она получила роль в фильме на немецком языке с символическим названием «Премьера». Снова Цара Леандер играла роль «звезды» варьете, то есть саму себя. Хотя в этом фильме Цара часто появляется в невыгодном свете, поговаривали, что режиссер Геза фон Больвари якобы высказался о широких бедрах дивы следующим образом: «У нее задница, как у рабочей лошади». Публика приняла фильм на ура, и Цару чествовали как новую «звезду». «У нее был необычный голос, она излучала внутреннюю силу, мощную харизму, огромную притягательность, — объясняет певица Эвелин Кюннеке успех Леандер. — К тому же она обладала женской привлекательностью, которая шла от души, и, думаю, было что-то еще, что нельзя ни объяснить, ни описать, что-то таинственное, очаровывающее людей». На Цару Леандер обратили внимание не только в Вене, но и в Берлине.

В это время немецкое кино искало новую «звезду». Нацисты отчаянно соревновались с Голливудом, намереваясь превзойти его. Марлен Дитрих в 1930 году покинула Германию ради Голливуда и, несмотря на многочисленные, сказочно выгодные предложения Геббельса, не собиралась возвращаться. Ингрид Бергман снялась в Германии только в одной картине, продолжив карьеру в Америке, шведка Грета Гарбо уже пользовалась там большим успехом. Немецкой киноиндустрии явно не хватало большой кинозвезды международного класса с огромным обаянием и светской притягательностью. На Леандер, блестя-

ще пародирующую Грету Гарбо в Вене, обратили внимание именно из-за пресловутого «комплекса Гарбо».

«Мы убеждены, что кино — одно из самых современных и мощных средств воздействия на массы», — писал министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс, считавший себя «страстным любителем киноискусства» и его покровителем. Поэтому сразу после захвата Гитлером власти он стал вмешиваться в дела кинематографа. Вновь созданная Имперская кинопалата, в которую должен был вступить каждый работник кино, незамедлительно исключала «неарийцев». Начался великий исход: сценаристы Билли Уайлдер, Уолтер Райш и Роберт Либманн, режиссеры Фриц Ланг, Вильгельм Дитерле, Макс Офюльс, композиторы Ганс Эйслер и Курт Вайль, а также актеры Аста Нильсен, Петер Лорре и Конрад Вейдт явились прискорбными утратами.

Мировой экономический кризис пережили только три больших концерна, считавшиеся, несмотря на экономические потери, главными конкурентами Голливуда: Универсум Фильм АГ («УФА»), «Тобис» и «Терра». Чтобы полностью взять киноиндустрию под свой контроль, в 1933 году Геббельс велел основать банк «Фильмкредит», кредитовавший до 1937 года до 50% игровых фильмов.

Понятно, что деньгами снабжались только фильмы, нравившиеся власти имущим. «Искусство свободно, — провозглашал Геббельс, — но ему придется привыкнуть к определенным нормам». Через год в силу вступил ужесточенный Имперский закон о кинофильмах. Он давал «имперским кинодраматургам» право проверять сценарии, вносить изменения в готовые картины, запрещать фильмы, противоречащие «национал-социалистическому или художественному восприятию», и присуждать фильмам звание «художественно и политически значимых». Решающим являлся отныне голос Министерства пропаганды. Геббельс лично вмешивался в распределение ролей: в список под номером один попадали артисты, пользующиеся особой благосклонностью Гитлера или Геббельса. Вскоре в нем прочно утвердилась Цара Леандер. Геббельс, охотно «помогающий» молодым актрисам, оставил за собой личное право раздавать роли и командовать на кинопробах. «Неугодные» акте-

«В те годы... искали новую Гарбо. Новую Гарбо. Немецкую Гарбо».

Цара Леандер в автобиографии

«Будучи шведкой, Цара приехала из-за границы и не имела никаких политических мотивов или сомнений. Она лишь радовалась, что сможет сделать карьеру».

Виль Квадфлиг, актер

«Лучшая,
кого мы
смогли
найти...»
«Звезда»
варьете.

ры попадали в «черный список», и их больше не приглашали сниматься.

К 1942 году Геббельс полностью национализировал германскую кинопромышленность, объединив ее в «УФА-фильм ГмБХ». Отныне «имперский киноруководитель» отвечал за художественное и «духовное состояние» продукции. Ведомство возглавил Фриц Хипплер, поставивший под сомнение свой эстетический вкус после создания «подстрекательского» фильма «Вечный жид». Любое кинотворчество подлежало контролю со стороны Геббельса. В вермахте были созданы «пропагандистские роты», получившие задание снимать военную хронику. Перед кинофильмом посетителям кинотеатров приходилось смотреть часовую кинохронику или научно-популярные фильмы. Но когда в 1936 году «УФА» искала новую «звезду» международного уровня, студия была еще более или менее независима — последнее слово было пока не за Геббельсом.

Первым новую «звезду» в Вене увидел Карл Фрейлих, один из самых авторитетных немецких кинорежиссеров. Однако только после того, как Ганс Вейдеман, вице-президент Имперской кинопалаты, высказал свое восторженное мнение о ней, Царе было сделано предложение о съемках. С помощью своего супруга Видара Форселя Цара Леандер выторговала у «УФА» договор, на который любо-дорого было посмотреть. В следующие два года Леандер обязалась сняться в трех фильмах, сценарии которых могла выбрать сама. За два года она должна была получить 200 тысяч рейхсмарок, из них 53% — в шведских кронах, кроны сразу переводили прямо в Стокгольм. По истечении двух лет гонорар можно было пересмотреть. Для сравнения: средняя заработная плата немецкого рабочего составляла в 1942 году 144 рейхсмарки, работницы — всего 93 рейхсмарки. Кроме того, ведущие актеры, по распоряжению Гитлера, начиная с 1938 года могли списывать с налогов 40% своих доходов как расходы на рекламу. Цара Леандер зарабатывала даже больше, чем ее известные коллеги Эмиль Яннингс, Ганс Альберс или Хайнц Рюманн.

В то время Цара получала многочисленные предложения из Голливуда. Ею заинтересовались и в Англии, но британская фирма, записав с ней в 1934 году песню «Я написала тебе пес-

ню о любви», больше не появлялась. Много говорили о том, почему Цара Леандер не приняла ни одно из этих предложений, а предпочла гитлеровский рейх. Она сама объясняла свое решение нежеланием расстаться с семьей: «Следом за письмами на дорогой фирменной бумаге с грифами Пате, Метро-Голдвин-Майер и «УФА» в моей гардеробной появлялись элегантные господа, а для меня главным было, чтобы работа не уводила меня далеко от дома, т.е. от Швеции и от детей. Уже через две недели в Вене мной овладевала ностальгия, и так повторялось всегда. Лучше Лондон, чем Голливуд, лучше Берлин, чем Лондон, — так мы рассуждали». Вообще-то точно неизвестно, были ли конкретные предложения из Голливуда. К тому же Цара не говорила по-английски, и на «фабрике грез» под названием «Голливуд» ей, неизвестной шведской актрисе, пришлось бы начать все с самого начала. «Что стало бы со мной без Германии? Я не сентиментальна, но что получилось бы из меня? Десятый номер в Америке? Ничего! Я хотела в Германию и никогда не пожалела об этом, ни разу. Нельзя даже представить, чему только я не научилась в Германии. Немцы сформировали мою жизнь», — призналась она в 1974 году в интервью Северогерманской телекомпании (NDR).

Конечно, Германия перед Второй мировой войной, несмотря на гитлеровскую диктатуру, пользовалась признанием во всем мире и поддерживала отношения с другими странами.

Для актеров, собирающихся сделать карьеру, Бабельсберг был одним из самых важных мест. Даже Ингрид Бергман и Грета Гарбо снялись здесь в своих первых фильмах. О том, что за красивым фасадом открытого, правового государства, которое Гитлер пытался продемонстрировать на Олимпийских играх 1936 года, набирает силу тоталитарная диктатура, Цара Леандер знала лучше других. Правда, в своих мемуарах мегазвезда Третьего рейха намеренно не касалась политических вопросов и ввиду неслыханных преступлений, совершенных Гитлером и от имени Гитлера, охотно называла себя «политической идиоткой». На самом деле Цара Леандер уже в начале своей карьеры значительно теснее соприкасалась с политикой, чем позднее хотела признать. Одновременно с Гестой Экманом многообещающая актриса познакомилась в Швеции с режиссером, ак-

тером и автором песен Карлом Герхардом. Герхард души не чаял в Царе Леандер и считал ее своей протеей. Обоих связывала крепкая дружба, с 1932 по 1936 год они тесно сотрудничали.

Карл Герхард принадлежал к левым политическим кругам в Швеции, о чем ясно давал понять в своих сатирических песнях и спектаклях. Одним из левых политических деятелей Швеции и убежденных противников нацизма являлся либеральный издатель и редактор Торгни Сегерштедт. В его доме в Гетеборге регулярно встречались деятели искусства и науки, споря о политическом положении в Европе и особенно в Германии. Законом о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству от марта 1933 года Гитлер фактически захватил власть и уничтожил демократию. Набирающие силу бойкоты евреев, запрет на деятельность различных политических партий, преследование инакомыслящих, сфабрикованные результаты выборов в рейхстаг и не в последнюю очередь Нюрнбергские расовые законы 1935 года, по которым немецкие евреи лишались своих прав, давали массу поводов для беспокойства. Там часто присутствовал и Карл Герхард вместе с Царой Леандер. «Мы все и, прежде всего, Карл Герхард были решительно против Гитлера и всех нацистов», — сообщает дочь издателя Ингрид Сегерштедт-Виберг. Когда Цара Леандер, «политическая идиотка», отправилась в Берлин, она прекрасно знала о политической ситуации в Германии и нацистском режиме.

До 1936 года она пела песни, сочиненные для нее Карлом Герхардом, и обладала ясной политической позицией, по крайней мере, так считали ее тогдашние шведские друзья. Песня «В тени сапога», исполняемая Царой в 1934 году в Народном театре в летнем ревю «Мое радушное окно», превратилась в популярный антинацистский шлягер. В этой песне оплакивали судьбу евреев, насилие и беззаконие в гитлеровском рейхе:

Я стою в тени сапога,
прикованная к толстой колонне,
пережитку прусского духа
и рабства в Древнем Вавилоне

...

«Студии "УФА" требовался новый "звездный" материал». *Дуглас Серк (Детлеф Зирк), кинорежиссер*

«Цару тщательно готовили, много фотографировали и делали все, чтобы ее красивый низкий голос имел успех, именно поэтому она стала большой "звездой"».

Виль Квадфлиг, актер

«Расчетливо воспользовалась свободным местом...»

Цара Леандер со своим мужем Видаром Форселем.

Так как у искусства есть аристократия,
возвышающаяся
над временем и расами,
оно не склонится
перед выговором со стороны солдата.
Духовность и дух, и восторг
можно выслать из страны, но нельзя уничтожить.
Европа теряет разум.
Шаг к культуре
будет сделан, если мы выйдем
из тени Вавилона.

«Никто не пел эту песню лучше, чем она. Поэтому мы были крайне удивлены, когда она неожиданно уехала в Берлин, — вспоминает Ингрид Сегерштедт-Виберг. — Вначале мы не понимали. Мы так гордились ею, она была нашей знаменитой «звездой» международного класса. Но потом, когда мы узнали, что она поддерживает отношения с Гитлером и Геббельсом и принимает ситуацию в Третьем рейхе, то есть, так сказать, поменяла стороны, мы были жестоко разочарованы».

Опасность гитлеровского режима широко обсуждалась не только в кругах Карла Герхарда. По «расовым причинам» от работы отстранили коллег Леандер по Венскому театру: актера и режиссера Макса Хансена, Ганса Вайгеля и автора «Акселя у ворот рая» Пауля Моргана.

Это не прошло мимо Цары Леандер. «Цара никогда не была глупой, но когда-то она с трудом содержала семью, — объясняет либеральный депутат Ингрид Сегерштедт-Виберг равнодушные «звезды». — Я понимаю, что она устала и хотела зарабатывать деньги. Когда она отвернулась от нас и переметнулась к нацистам, то, конечно, осталась в выигрыше. Она стала богатой, очень богатой». Сама Цара Леандер в качестве аргумента в пользу Германии приводила следующий: «В Америке налоги для иностранных актеров составляли 40%, а в Германии довольствовались 4%». Сын Цары Геран Форсель подтверждает финансовую алчность Цары: «Она относилась к деньгам, как к чему-то осязаемому. Она хотела держать их в руке, не верила ни чекам, ни банкам. Если кто-то обещал ей за работу чек на 5000 марок,

*«Некий
материнский
инстинкт...»
Цара
Леандер
со своими
двумя
детьми
Бозль и
Гераном.*

*«Цара не любила почивать на лаврах; в ней было слишком много
нестололюбия и энергии».*

Корнелия Цумкеллер, историк кино

*«Она была не "арийской" девушкой, а зрелой женщиной и уже по-
ремному становилась легендой».*

Ильзе Вернер, певица и актриса

она хотела не чек, а наличные». Цара Леандер использовала шанс стать «звездой» в одной из самых могущественных киноимперий мира и получить за это щедрое вознаграждение. Это было решение, продиктованное честолюбием, а не совестью. Волей-неволей она поменяла политическую позицию и, фактически согласившись рекламировать нацистский режим, автоматически стала его представительницей. После войны ей не стоило удивляться упрекам в свой адрес из-за работы в гитлеровском рейхе. Как известно, если встал под дождь, то промокнешь.

Приглашение Цары на работу в Германию не прошло гладко. Представители студии «Тобис», посмотрев фильм «Премьера», якобы пришли к выводу, что голос у нее слишком низкий, а она сама слишком странная для кинозвезды. Геббельс вначале тоже прореагировал отрицательно: «Вечером проверял фильмы, “Премьера” с Царой Леандер. Никаких знаменитостей, тут Вейдеман не сможет блеснуть», — писал он 6 февраля 1937 года, и позже: «Посмотрел шведский фильм с Царой Леандер, не особое достижение. Считаю, что эту женщину переоценивают». Но киновед-самоучка ошибался.

«УФА» сделала ставку на свою находку, но пока в Царе Леандер видели лишь необработанный алмаз, которому предстояла огранка. Режиссер ее первого фильма на «УФА» «К новым берегам» Детлеф Зирк говорил: «Студии “УФА” требовался новый “звездный” материал. Лилиан Харвей уже не было, и все мечтали о такой же “звезде”, как в фильме “Конгресс танцует” (1931 год), грациозной блондинке. Я приехал в Вену и увидел спектакль. Леандер оказалась не грациозной блондинкой, а флегматичной дамой с необычайно красивым классическим лицом над грузным телом, тяжеловесный широкий наряд и скрывал, и подчеркивал его. Позже я обнаружил, что она широкобедрая и сильная, с таким же сильным голосом, но этот голос, почти баритон, волновал меня. Мне казалось, что в ней есть что-то необычное, а странное и необычное всегда в диковинку».

Но прежде чем в Бабельсберге отсняли первый кадр, «УФА» принялась систематически делать из нее «звезду». Ответственным за создание мифа «Леандер» являлся шеф отдела рекламы

на «УФА» Карл Опиц. Дабы разбудить любопытство и подогреть ожидания публики, в прессе поместили различные сообщения рекламного характера. «Осенью и зимой того года в газетах писали о девушке из северных лесов», — вспоминает Цара. Одновременно «звезде» подобрали соответствующий гардероб. Важно было подчеркнуть красоту и необычность Леандер и скрыть ее недостатки. «Дамы из костюмерного цеха осмотрели меня и обнаружили, что я еще выше, чем они опасались, у меня прямые плечи, я никогда не носила бюстгальтер, а также иду по жизни на ногах, которые понравятся только перчаточнику: все надо было шить специально. Грумер и мастер по парикам, увидев мои волосы, вынесли приговор, что Бог мог создать такой цвет только по ошибке: невозможно преднамеренно добиться поразительного сочетания свекольного и морковного цветов». «Проблемной зоной» Леандер были ее широкие бедра. Глубокими декольте и ниспадающими одеждами костюмеров удавалось отвлечь внимание от этой «неприятности». То, что не могло скрыть искусство костюмеров, Леандер маскировала широкополыми шляпами или большими веерами, шальями и сумками, которые держала перед собой.

Ее рост тоже добавлял хлопот партнерам по фильмам. Любимец женщин Вилли Биргель, игравший в первом фильме Леандер ее возлюбленного, вначале пришел в ужас и отказался сниматься с ней, потому что она оказалась выше него. Для решения проблемы Детлеф Зирк велел соорудить рядом с рельсами для операторской тележки систему из десятисантиметровых блоков. «Отныне Вилли Биргель шествовал по этим блокам, а она рядом. Сперва Биргель стеснялся. Она же оставалась абсолютно невозмутимой», — вспоминает Зирк.

Имидж Леандер создавался, в первую очередь, за счет ее красивого лица: голова, слегка склоненная набок, изящно изогнутые, накрашенные темной помадой губы закрыты или на них играет легкая улыбка, взгляд вверх, ясный и отсутствующий, будто устремленный вдаль. Именно такой Леандер изображали на плакатах и открытках, а также на любом крупном плане во время съемок. «Цара Леандер — роскошная, светская и эротичная женщина. Недоступная и одновременно зовущая, она будто приглашала зрителя в свои фантазии. Женщина, на ко-

торуЮ смотрят снизу вверх, как в кинотеатре с кресла на экран. Недосыгаемая “звезда”, присутствующая и отсутствующая одновременно. Она играла взглядом так же, как и ее героини на экране», — писал один из критиков. Удивительный «загадочный» взгляд Леандер имел банальную причину. «Она была чрезвычайно близорука, — вспоминает певица Эвелин Кюннеке, — а если близорукому человеку светить в глаза лампочкой в один киловатт, то невольно возникает этот исполненный тоски взгляд». Образ Цары Леандер вобрал все сразу: светская роковая женщина, недосыгаемая, гламурная и эротичная. На студии намеренно добивались сходства с Гарбо. «Я должна была восседать на Олимпе, недостижимая и непонятная, — пишет Леандер. — И снова призрак Гарбо: загадочность, непостижимость, мистика и легенда».

Усилия «УФА» в создании мифа «неприступной» затронули даже частную жизнь Цары. «Когда мы шли в ресторан, то всегда занимали столик в отдельном зале, потому что мама не могла с семьей есть на людях, ей постоянно мешали», — описывает сын Геран Форсель годы жизни в Берлине.

Даже когда Леандер шла за покупками, «УФА» просила закрыть на это время магазин для обычных покупателей. «Или мы шли после закрытия в универмаг (KDW), тогда она ходила по магазину только с нами, детьми, и говорила: “Хочу это померить, это купить” — просто невероятно», — вспоминает Геран Форсель.

Этот имидж дивы ревностно поддерживался. Ни одна фотография Леандер не появлялась без личного разрешения Опица, если Леандер выглядела на фото неудачно, к примеру, слишком полной, то до появления на афишах фото ретушировали. Мастером изображения Леандер являлся фотограф и оператор Франц Веймайр: почти во всех фильмах, снятых с ней на «УФА», он стоял за камерой. «Франц Веймайр совершал со мной волшебные превращения, — вспоминала Цара, — в действительности я не была такой красивой, как в его фильмах. Он часами добивался нужного света для единственного крупного плана». Веймайр обычно снимал Леандер снизу, чтобы подчеркнуть «высокий рост» и освещал ее спереди. «Вообще-то это необычное лицо при всяком освещении оставалось прежним, — заме-

«Гebbельс был чрезвычайно интересным мужчиной. Обладал большим чувством юмора и все понимал. Чем он еще занимался, не мое дело».

Цара Леандер, 1974 год

«Может быть, Леандер кем-нибудь сможет стать, если получит хороший материал и режиссера».

Йозеф Геббельс, дневник, 8 февраля 1937 года

«Если повнимательнее исследовать созданный господином Геббельсом пропагандистский ландшафт, то сразу будет видно, откуда что берется. Это абсолютно ясное дело».

Виль Квадфлиг, актер

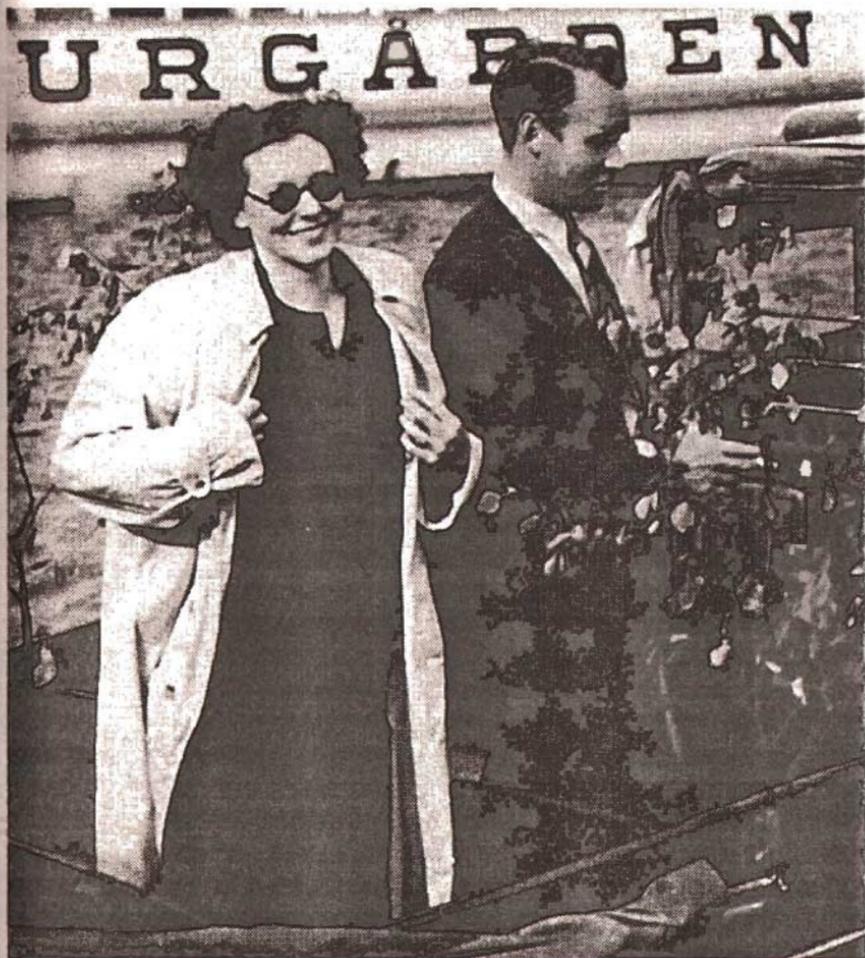
«Коммерческий успех ее фильмов огромен...»
Цара Леандер и министр пропаганды.

чал Детлеф Зирк. — Оно чем-то напоминает по строению лицо Гарбо, что очень хорошо подходит для кино, то же спокойствие лица, отсутствие нервозности. Сейчас в лицах интересна нервозность. Противоположность этому — спокойные, как бы плоские лица, они чрезвычайно красивы в кино. Такие лица, как у Гарбо, Бергман и у многих шведок, мы, молодые кинематографисты, называли коровыми. Спокойные глаза, красивые, как у коров, отсутствие динамики, оказывающее поразительное воздействие на камеру. Мне казалось, что Леандер можно снимать любым объективом, даже искажающим широкоугольным. Это лицо, так сказать, выносливо во всех отношениях».

Премьеру первого фильма Цары «К новым берегам» 31 августа 1937 года Карл Опиц обставил как событие государственной важности: «Толпы людей. Длинные заграждения из полицейских. Маленькие дети с сине-желтыми вымпелами и флажками. Прожекторы как на хоккейном стадионе. Почетный эскорт с полицейским сопровождением.

За ними в открытом авто эскорт «звезды» — восемь мужчин во фраках. О, это было великолепно! Премьеры в крупных берлинских кинотеатрах всегда превращались в сказочно помпезные шоу. Широкие улицы вокруг у станции «Цоо», где находились «Глория-паласт» и «УФА-паласт ам Цоо» в такие вечера были полны людей», — вспоминала Леандер. Режиссером мелодрамы «К новым берегам» являлся Детлеф Зирк, создавший ее типаж «страдающей роковой женщины». Цара Леандер играет в этом фильме певицу Глорию Вейн, «звезду» лондонского варьете. Она готова сесть в тюрьму вместо своего возлюбленного, подделавшего чек. Исполненная страстного ожидания, героиня напрасно ждет неверного, обманувшего ее возлюбленного. Несбывшаяся любовь отныне прочно вошла в ее репертуар.

Обе песни «Я стою под дождем» и «Да, сэр» Ральфа Бенацкого стали шлягерами. Лучшим в ее фильмах всегда были музыкальные номера, написанные специально для нее. Чтобы оправдать включение этих номеров в фильм, для Цары обычно отводилась роль певицы — примадонны варьете, мюзикла, «звезды» кино с певческим прошлым, оперной или просто певицы. Если по сценарию такой роли не было, то она, например

Цара с 1933 по 1945 год была первой и единственной актрисой, которая, несмотря на привлекательные предложения из Англии и Америки, выбрала Германию и, как считали немецкие зрители, немцев».

Корнелия Цумкеллер, историк кино

«Она не хотела становиться немкой, она была шведкой и хотела остаться ею».

Геран Форсель, сын Цары Леандер

*«Недалеко от Швеции...»
С Видаром Форселем
в 1937 году в Стокгольме.*

как в «Сердце королевы», изображала несчастную королеву с музыкальным талантом. Цара никогда не была великой актрисой. Позже критики писали, что Цара Леандер в принципе не играла разные роли, а всего лишь меняла наряды. Еще точнее будет сказать, что она всегда играла саму себя: «Я никогда не могла влезть в душу, мысли и чувства другого человека, — писала она в мемуарах. — В кино и на сцене я постоянно играла однуединственную роль в различных костюмах и меняющейся обстановке: роль Цары Леандер».

Фильм «К новым берегам» не имел бешеного кассового успеха, но критики покорно превозносили ее, прежде всего — прелесть ее голоса: «Он пьянит, как терпкое красное вино. Звучит мощно, как орган, прозрачный, как стекло, тяжелый, как металл. В этом голосе все: торжество, счастье, упоение жизнью и боль. И этот голос принадлежит Царе Леандер, недавно открытой великой трагедийной актрисе германского кинематографа», — писала «Берлинер Локальанцайгер». Разгромных статей и не ожидалось, ведь Геббельс превратил критику в «рассуждения об искусстве» прежде всего для того, чтобы критики не писали ничего отрицательного, за исключением тех случаев, когда следовало указание свыше. Почитательница Цары Эдельтрауд Рихтер, тогда еще ребенок, тоже вспоминает о своем безграничном восхищении Леандер: «Воздействие было неописуемым. Я, совсем маленькая, сидела в кино, а во весь экран — лицо Цары. Так прекрасно было смотреть на нее, я могла бы сидеть так дни и ночи напролет. А песни! Меня интересовали не слова, а звучание ее голоса. И это испытывала не только я. В зале царил мертвая тишина, все увлеченно слушали». Второй фильм Детлефа Зирка «Хабанера» (1937 год) стал настоящим триумфом, песня «Ветер рассказал мне песню» стала популярной не только в Третьем рейхе. Ее партнером в этой мелодраме стал Фердинанд Мариан, сыгравший еврея Зюсса в одноименной пропагандистской картине Файта Харлана. После войны в связи с запретом на профессию он вместе с женой покончил с собой.

Даже Геббельс, не распознавший вначале очарование Цары Леандер, ее кассовый успех и воздействие на публику, пересмотрел свое мнение: «Коммерческие успехи фильмов с ней огром-

ны...» С этого момента он заботливо следил за Леандер. Царе удалось сделать карьеру в Германии. В последующие годы ей предстояло сняться на «УФА» в десяти картинах — в основном исторических и развлекательных мелодрамах. Поэтому на упрек в том, что она являлась рупором нацистской пропаганды, Цара Леандер отвечала, что снималась только в любовных фильмах. Конечно, и мелодрамы выполняли в гитлеровском рейхе пропагандистскую функцию. Из 1000 игровых фильмов, снятых с 1933 по 1945 год, комедии составляли 48% от общего числа, мелодрамы — 27%, а пропагандистские фильмы — лишь 14 %. Геббельс считал, что пропаганду нельзя вести грубыми методами: «Я не хочу такого искусства, которое доказывает свой национал-социалистический характер исключительно демонстрацией национал-социалистических эмблем и символов, — заявил он в 1937 году Имперской кинопалате. — Важным признаком воздействия пропаганды на умы зрителей является то, что она не нарочита. Когда пропаганда становится заметной, она перестает действовать». Почему для него развлекательные фильмы являлись делом «государственной важности», стало понятно с началом войны: «Как раз в критические часы испытаний оптимизм помогает преодолевать трудности и препятствия. Без оптимизма нельзя выиграть войну», — заявил Геббельс «деятелям культуры» на ежегодной конференции. «Чем темнее улицы, тем сильнее должны сиять наши театры и кинозалы. Чем тяжелее время, тем ярче должно освещать его искусство, утешая человеческие души». Геббельс видел в кино «национальное средство воспитания» масс, задачей которого является приукрашивание настоящей жизни. «Фильмы с Царой Леандер преследовали ту же цель, что и зрелища в Древнем Риме, — считает Виль Квадфлиг, снимавшийся с ней в «Сердце королевы». — Хлеба и зрелищ народу! Ее фильмы ловким маневром отвлекали людей от политики, заманивая их в кино, не давая задумываться над реальностью».

На первый взгляд странно, что именно иностранка, шведка, стала «звездой» номер один в гитлеровском рейхе. Но парадоксальным образом во времена, когда осуждалось все чужеземное, именно иностранные актеры добились в Третьем рей-

хе наибольшей славы и государственных почестей. С одной стороны, в Германии просто-напросто не имелось «звезд» мировой величины, с другой, по крайней мере, в кино любили экзотику и атмосферу чужестранного: венгерка Марика Рёкк, русская киноактриса, эмигрантка Ольга Чехова, популярная певица чилийка Росита Серрано, шведка Кристина Зедербаум, голландец Йоханнес Хеестерс. Даже большая любовь Геббельса Лида Баарова была чешкой. Цара не только являлась иностранкой, но в основном и играла «чужую на чужбине». В то время как пропаганда готовила немцев к завоевательным войнам, Цара изображала лондонскую певицу варьете, тоскующую по родине шведку, мнимую американку, венгерскую шансонетку, русскую помещицу, шотландскую королеву, итальянскую оперную певицу и датскую «звезду» мюзик-холла.

Героини Леандер страдали в Южной и Северной Америке, Австралии, Венгрии, Шотландии и в пустыне. Когда Гитлер развязал Вторую мировую войну и отрезал рейх от остального мира, Леандер служила немцам своего рода отдушиной. Киновед Карстен Витте подвел итог: «В Царе Леандер немецкий зритель воплощал порочные мечты и наслаждался чужим счастьем и чувственной страстью. Цара не разжигала огонь, она хранила жар как обещание счастья, недоступного зрителям тех лет».

Чем уже становился мир немцев, тем чаще «фабрика грез» в угоду зрителям изображала экзотические дальние страны. Прежде всего, в «Хабанере» ясно выразилась тоска по запретному. Героиня фильма, шведка, приезжает в Пуэрто-Рико и влюбляется в красавца-тореадора и мечтает жить в этой южной стране. Но, оказавшись там, скучает по своей снежной родине. «Тогда эту тоску испытывали многие женщины, — считает режиссер Хельма Зандерс-Брамс, — в эти годы тосковали и солдаты, которые стремились скорее на фронт, на фронт, чтобы потом скорее попасть обратно домой».

На экране Цара Леандер воплощала противоположность тому, что пропагандировалось в Третьем рейхе. Одним внешним видом она уже явно противоречила нацистскому идеалу «германской женщины» — голубоглазой блондинки, целомудренной и естественной. Осуждению подвергались косметика и ук-

«Что стало бы со мной без Германии? Я не сентиментальна, но что получилось бы из меня? Десятый номер в Америке? Ничего!»

Цара Леандер, 1974 год

«Может быть, сама того не осознавая, она расчетливо воспользовалась свободным местом, возникшим в киноиндустрии по вине диктатуры».

Корнелия Цумкеллер, историк кино

«Она должны была делать то, что написано в сценарии и что говорил им режиссер. А режиссер, конечно, получал директивы из Министерства пропаганды».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«Этот исполненный тоски взгляд...» Цара Леандер с Вилли Биргелем в фильме «Чернобурка».

рашения, идеальной прической считались длинные косы или так называемый «олимпийский» валик, появившийся в 1936 году, когда проходила Олимпиада, курить было предосудительно. «Задача женщины быть красивой и рожать детей», — так считал Йозеф Геббельс. В искусственной сексуальности и женственности Леандер воплощались желания зрителей, которые нацистское правительство охотно удовлетворяло. «Белокурая девушка-работница, скромная и аскетичная, не каждому приходилась по вкусу. Постоянное требование: “вы должны быть сильными, стойкими, выносливыми и строгими по отношению к себе и другим”, — говорит актер Вольфганг Прайс. — И вот появилась очаровательная женщина, соблазнительная, исключаяющая мысли о сексе, но вполне допускающая эротические фантазии и грезы о любви. Женщина, полная теплых чувств и материнского инстинкта — в этом и состояла ее прелесть». Цара Леандер стала любимицей публики именно потому, что не соответствовала нацистскому идеалу: «Вообще-то “породистая” для нацистов означало белокурую, холодную, красивую и сдержанную арийку, — считает Хельма Зандерс-Брамс. — Но нет, в данном случае “породистая” означало громоздкую, массивную особу с почти еврейским именем, большими глазами, тяжелыми веками и вечной тоской в голосе. Это сочетание очаровало нацистов». «Запретный» плод манил к себе даже нацистских прислужников.

В годы диктатуры, когда царили грозные приказы и строгое повиновение, пуританские нравы и расовая идеология, Цара Леандер фактически постоянно переходила грань дозволенного. Даже ее имя — «Цара» — звучало почти как еврейское имя «Сара», которое по инструкции с 1938 года ставилось в паспорт всем еврейским женщинам. Как пишет Леандр в мемуарах, Геббельс заговорил с ней однажды о ее имени, на что она возразила: «А Ваше имя, господин министр, кажется, Йозеф?» — заставив его таким образом рассмеяться. Она была загадочным и манящим, «странным андрогенным существом» — из соблазнительного женского тела раздавался почти мужской голос. У ее песен всегда были дерзкие, эмансипированные, почти непристойные тексты, такие песни, как «Может ли любовь быть грехом», «Его зовут Вальдемар» и «Только не плакать из-за люб-

ви, в жизни есть не только он один», сильно противоречили царившим представлениям о морали. Даже после того как президент Имперской кинопалаты запретил исполнение песен с английскими словами, Цара пела: «Я такая и такой останусь — йес, сэр!» Многие ее вещи содержали джазовые композиции, танго, хабанеру и чардаш, что совершенно не соответствовало «немецкой песенной традиции». Однако Цара была иностранкой и пела эти песни о дальних городах, давая выход запрещенным чувствам, но, по сути дела, не нарушая национал-социалистический кодекс добродетели.

В своих ролях Цара поставила под сомнение даже место женщины в национал-социалистическом обществе. «Во-первых, мы воспринимаем женщину, как мать наших детей, а во-вторых, как вечную спутницу мужчины в жизни, работе и борьбе», — заявил Гитлер в 1935 году. Место женщины дома, в конце концов, спасение Германии зависит от «той самоотверженности, с которой наши жены и девушки снова посвятят себя семье и мыслям о материнстве». Цара же всегда играла роли самостоятельных, успешных работающих женщин, выступающих против принятых норм и требующих жертвы за их любовь. Для немецких женщин, в довоенные годы рожавших детей, а во время войны занявших место мужчин в повседневной жизни, это был бальзам на душевные раны и выражение их собственных чувств.

Однако во всех фильмах Леандер присутствовал назидательный элемент: за независимость и поиски себя в интимной жизни героиня обычно бывает наказана и терпит неудачу. Хотя иностранной героине дозволялось вести либеральный образ жизни, ее судьба свидетельствовала, сколь опасно нарушать установленные нормы. К тому же Цара изображала один и тот же тип женщины: любящую всем сердцем и сильно страдающую красавицу, готовую на самопожертвование ради мужчины или ребенка. Олицетворяя красоту страдания, она выжимала у зрителей слезы: никто не был так прекрасен, изображая несчастье, как она. «Молодые девушки особенно впечатлительны, — вспоминает Эдельтрауд Рихтер, — а именно в то время, когда надо быть бодрой и деятельной и нельзя плакать, так хочется иногда пролить слезу. Особенно трогателен фильм “До-

рога на свободу”, когда героиня Леандер в конце умирает, практически умираешь вместе с ней и говоришь себе: сейчас снова побегу на другой сеанс и увижу ее живой». Тоска героини по страстной любви никогда не будет утолена. Выбирая между необычным и добропорядочным мужем, она всегда выбирает последнего, который не гарантирует ей ни любви, ни даже средств к существованию, но который добропорядочен. Однако, несмотря на самоотверженность и лишения, «благородная госпожа» всегда сохраняла свое величие. «И в этом она воплощала такие немецкие добродетели, как смелость, верность, жертвенность и, не в последнюю очередь, отказ от удовольствий», — писала одна из критиков.

Немецкие зрители наслаждались Царой Леандер, так же как бывший президент США Билл Клинтон марихуаной — курил, но не затягивался.

Некое «бунтарство» соответствовало духу нацистов, считавших свое движение пробуждением от заскорузлого мещанства кайзеровских времен и времен Веймарской республики. В «Родине» (1938 год), одном из своих самых успешных фильмов, Цара Леандер сыграла всемирно известную певицу, которая после карьеры в Америке возвращается к себе на родину в Ильминген. Действие происходит в конце XIX в. Ее отец, сыгранный Генрихом Георге, узнает, что она была возлюбленной нынешнего директора банка и от этой связи у нее есть ребенок. Он пытается уговорить ее выйти замуж за нелюбимого, жадного до денег человека. Отвергнутая всеми, она в платье с глубоким декольте, исполняя песню «Женщина становится красивой только благодаря любви», пытается оправдаться перед язвительными дамами буржуазного общества. После некоторого сопротивления ей все же приходится уступить, но перед свадьбой ее будущий супруг, уличенный в мошенничестве, накладывает на себя руки. Теперь она спокойно может выйти замуж за органиста, с которым ее связывает большая любовь. «Этот фильм срывает маску с двуличной и лживой брачной морали», — торжествовал Геббельс.

«Родина» имела большой успех не только в Германии, но и во всем мире. В 1939 году режиссер Карл Фрелих получил за него Национальную кинопремию и приз за лучшую режиссуру

«Потрясающее явление на сцене...»
Царя Леандер с композитором Лотаром Брюне перед выступлением, 1939 год.

«Лучше Лондон, чем Голливуд, лучше Берлин, чем Лондон».

Царя Леандер в автобиографии

«Она выбрала Германию и никогда об этом не жалела, так как в Германии у нее было множество поклонников. Она любила Германию, прежде всего, Берлин».

Бригитте Петтерсон, экономка Царя Леандер

на Биеннале в Венеции. Расчет национал-социалистов оправдался: Цара Леандер стала экспортным товаром преступного режима. Геббельс послал диве сорок роз и пригласил ее на первую дружескую беседу в свое министерство. «Лучи милости осветили Бабельсберг», — описывает Цара Леандер симпатию со стороны прежде скептически настроенного министра пропаганды.

Снявшись в «Родине», своем третьем фильме, Цара Леандер выполнила обязательную программу по контракту, теперь от нее зависело, продлевать договор или нет. Между тем политическая ситуация в мире обострилась. Во время съемок «Хабанеры» в 1937 году на Тенерифе ощущалась гражданская война в Испании: над побережьем кружили артиллерийские корабли, в портах происходили вооруженные столкновения.

В ноябре 1938 года, через несколько месяцев после завершения съемок «Родины», в Германии горели синагоги. Преследование евреев стало очевидно и для представителей кинокругов. После фильма «Хабанера» режиссер фильма Детлеф Зирк покинул Германию, поскольку жизнь его жены-еврейки подвергалась опасности, и через Швейцарию и Голландию бежал в США. В Голливуде он сделал карьеру под именем Дуглас Серк.

Цара Леандер находилась на высших ступенях крутой карьерной лестницы и наслаждалась триумфом: «Иногда нам разрешалось пойти на премьеру, — вспоминает Форсель. — Там стояли тысячи людей и истерично скандировали: “Цара, мы любим тебя! Цара, мы любим тебя!” Становилось не по себе, что наша мама — “звезда”, сводящая людей с ума». Под впечатлением от своего оглушительного успеха, Цара продлила контракт с «УФА». Даже начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 года не помешало ей и дальше служить нацистской пропаганде, хотя она и не желала этого признавать. Геббельс удерживал ее в Германии всеми средствами. В долгой беседе 14 июня 1939 года Геббельс предложил ей новую виллу и грандиозные привилегии в надежде, что она будет чувствовать себя как дома, как настоящая немка. Цара после начала войны написала на «УФА», «что события последнего времени только упрочили мои чувства к “УФА” и моим немецким друзьям». Геббельс лично пытался развеять возникшие опасения «звезды». 11 января 1940

«Я не могу поменять «политический цвет», потому что у меня его никогда не было».

Цара Леандер в автобиографии

«Я чувствовал, что здесь что-то замечательное. От слова "замечать"».

Дуглас Серк (Детлеф Зирк), кинорежиссер

«Вообще не интересовалась политикой...»
Цара Леандер собирает «зимнюю помощь» вермахту.

года он записал в дневнике: «Госпожа Леандер переживает из-за своих детей. Она боится, что Швеция будет втянута в конфликт. Я ее немного успокоил. Женщины абсолютно аполитичны». «Цара хотела денег, — объясняет шведский журналист Карл-Адам Никоп поведение своей землячки, — и, возможно, как многие шведы, думала, что Гитлер выиграет войну, и если она останется в Германии, это будет хорошей инвестицией в будущее». Но война сказалась и на семье Цары: ее муж, Видар Форсель, покинул Германию, чтобы, как офицер запаса, вступить в шведскую армию. Обоих детей — Бозль и Герана — он взял с собой.

Цара осталась, извлекая выгоду из привилегий топ-звезды, хотя в своих мемуарах она изображает себя трудолюбивой пчелкой, не имеющей ни минуты времени для развлечений: «Люди считают, что быть “звездой” — это означает возлечь в шелках и кружевах в шезлонге, пить шампанское, есть конфеты и читать плохие романы. На самом деле моя рабочая неделя в Берлине была расписана по минутам, как на обычном заводе или фабрике. С 5 часов 45 минут понедельника, когда звонил будильник, до 15 часов субботы я принадлежала “УФА”. По вечерам съемки регулярно затягивались до полуночи. В течение месяца мне надо было появляться на некоторых представительских мероприятиях. Вареное яйцо, бутерброд и чашка кофе подкрепляли мои жизненные силы, потом приезжал Херрманн на “хорхе”, чтобы доставить меня в Бабельсберг ровно к 7 часам. В 9 часов, с точностью до секунды, трубили сбор на съемку. В 12 часов — получасовой обед, означавший освобождение от моих великолепных, но ужасно тяжелых и жарких нарядов. Этого перерыва хватало только на то, чтобы скинуть парадные костюмы, поесть и вытянуться на шезлонге в гардеробной. С 12 часов 30 минут до 19 часов с небольшими перерывами шли съемки. И так день за днем, неделя за неделей, год за годом. Блестящей жизнью это не назовешь».

Геббельс же в декабре 1940 года записал: «Ей нравится быть у нас». Действительно, никогда — ни до, ни после — за Леандер не ухаживали так, как в Третьем рейхе. Она жила на вилле сначала в Груневальде, потом в аристократичном берлинском районе Далем. Слуги заботились о большом, комфортабельном

доме, для поездок в ее распоряжении был «хорьх» кремового цвета с личным шофером. «Нас баловали, — вспоминает Геран Форсель о жизни в Груневальде. — У нас была повариха, гувернантка для детей, горничная, личный инструктор верховой езды, учитель физкультуры и шофер, возивший нас в школу, хотя у нас в семье было только четыре человека. Сегодня невозможно себе это представить». Когда позволяло время, Цара любила со своей подругой, актрисой Грете Вайзер, пробежаться по ювелирным магазинам города или поискать в антикварных лавках красивую мебель для своего имения в Швеции, купленного в 1939 году на доходы от пластинок.

«Лене», так называлось имение, находился у Норркепинга и вообще-то был полуостровом. Участок занимал площадь 59 000 кв. метров, на которой располагались водоемы с рыбой, леса и поля, 22 острова, маленькие островки и шхеры. В доме было два этажа, боковая пристройка, 39 комнат, прекрасная библиотека. Купив этот замок, Леандер исполнила свою заветную мечту: отныне она все свободное от съемок время проводила в своем поместье. Геббельс интересовался ее рассказами о нейтральной Швеции и с удовольствием обсуждал с ней политическую ситуацию: «Немного поболтал с госпожой Леандер, — писал он в дневнике в 1940 году. — Она только что вернулась из Швеции. Рассказывает много интересного о жизни там. Швеция относится к нам гораздо положительнее, чем раньше. Там исключают победу Англии, уже нет симпатий к Норвегии. Независимое политическое существование в будущем уже не считается возможным. Интересное знакомство со шведской ментальностью». Цара Леандер в роли информатора гитлеровского министра пропаганды — непривычная сторона жизни такой «аполитичной» кинодивы.

За свою карьеру она продала политическую мораль нацистскому режиму, а вот как человек Цара Леандер, даже будучи «звездой», оставалась милой и приятной. Геран Форсель характеризует ее как «великолепную мать», при малейшей возможности заботящуюся о воспитании своих детей. «Дома она была не “звездой”, а совсем другим человеком, — рассказывает сын. — Бегала по дому ненакрашенная, в очках и халате, с веснушками и растрепанными волосами. Когда поздно ночью приходи-

ла с работы домой, сбрасывала туфли, будила нас апельсиновым салатом и говорила: «Пойдемте, дети, споем!». По воскресеньям, вспоминает Форсель, дети приходили в спальню матери, разыгрывали с ней сценки, играли в рыцарей и в «Монополию». В студии Цара тоже не поражала окружающих какими-то «звездными» выходками. Все коллеги в один голос рассказывали, что она отличалась высочайшей дисциплиной в работе, редко требовала чего-то особенного и была веселым остроумным человеком, по-приятельски и дружелюбно общающимся с людьми.

Цара любила празднества, и на ее вилле часто бывал пир горой. Как рассказывают очевидцы, «в списке приглашенных обычно значились только мужчины, чтобы все внимание было сосредоточено на ней — единственной женщине в доме». Говорят, что Цара Леандер не отказывалась и от любовных романов. Ей приписывали связь с Виктором Штаалем, по словам ее дочери, она горячо и искренне любила своего личного композитора Михаэля Яри. Однако скандалов в частной жизни Леандер не было, поскольку договор якобы запрещал «звезде» переходить границы дозволенного.

«Вечеринки у нее действительно были оргиями, по крайней мере, в том, что касалось еды и напитков, — пишет один из критиков. — Подавали самое лучшее, прежде всего деликатесы, которых уже давно не было в свободной продаже. Алкоголь лился рекой, но опять же только изысканный. Цара, все время борющаяся со своим весом, во время празднеств забывала про диету и ела за троих». О ее способности пить, не пьянея, ходили легенды. Маргот Хильшер вспоминает: «Во время работы над фильмом “Сердце королевы” Цара все время пила что-то из кружки — и до, и после съемки. Однажды я ее спросила, что же она пьет. Она ответила: “Молоко, и еще раз молоко, вы должны пить много молока, чтобы быть красивой”. Однажды, когда она стояла перед камерой, я взяла кружку и понюхала, это было не молоко, а виски». Жажда наслаждений вредила ее фигуре. Цара и так была склонна к полноте, и перед каждым фильмом проходила курс похудения, но все равно в некоторых кадрах заметна ее прибавка в весе.

«Она приняла режим и была благодарна, что могла работать в Германии».

Виль Квадфлиг, актер

«На сцене она была абсолютно уверенной, но за кулисами патологически волновалась, ее приходилось выталкивать на сцену. Успокаивалась она с помощью бутылки спиртного».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«От этого мир не погибнет...»

Цара Леандер поет на концерте для солдат вермахта.

«УФА» тоже не скупилась на празднества. Ко дню ее рождения в 1939 году студия организовала помпезный прием на вилле Цары, как пишет сама дива, удостоенная такой чести: «Золотой дождь для украшения дома вагонами везли из солнечной Италии. Дворецкие, официанты и слуги были одеты в фиолетовые ливреи, на столах стояли орхидеи, я сама была тоже в лиловом. Приглашены были все модные люди, въезд киношников возглавлял главный шеф «УФА» — генеральный директор Людвиг Клишш. В знак того, что Леандер отныне ходовой коммерческий товар немецкого кинематографа, Геббельс также почтил прием своим присутствием». Министра пропаганды наверняка раздражал комедийный талант Цары. По воскресеньям, как рассказывает Форсель, Цара Леандер регулярно приглашала десяток коллег к себе на виллу отобедать. «Мама была непревзойденной комической актрисой с фантастичным юмором, она могла бы стать клоунессой», — вспоминает сын. Ей доставляло особое удовольствие подшучивать над Герингом и Геббельсом. «Я помню, все смеялись до слез, когда мама изображала Геббельса». Но открыто министр пропаганды своего раздражения не показывал.

В обязательную программу Леандер — «звезды» «УФА» — входило посещение премьер, кинобалов, гала-концертов и приемов, на радость народу и высокопоставленным нацистам. Она регулярно бывала в гостях у Геббельса, любившего окружать себя «звездами» и «звездочками» из мира кино; в его доме в Ланке или на улице Германа Геринга. Он частенько появлялся в «КДДК» — артистическом клубе на Унтер-ден-Линден, где собирались деятели киноискусства. Цара Леандер относилась к Геббельсу как подчиненная к начальнику. Ее мнение о поджигателе войны было довольно позитивным: «Никто не может утверждать, что он был привлекательным мужчиной, но когда он проявлял интерес к какой-то теме, от него исходил своеобразный интеллектуальный шарм. В такие моменты он становился красноречивым и остроумным, его темные глаза искрились, а голос приобретал теплоту и силу». Она считала, что Геббельс «в отношении кино выражал интеллигентные взгляды. Он слишком любил этот вид искусства, чтобы злоупотреблять им в пропагандистских целях. Геббельс был интересным чело-

веком. Нельзя сказать, что он мне не нравился. Лишь в конце он изменился, стал безрассудным и опасным».

Геббельса за глаза называли «бабельсбергским бычком» и упрекали в том, что некоторые молодые актрисы добивались его расположения, ложась к нему в постель. Впоследствии на «УФА» не осталось почти ни одной актрисы, не обвинявшей его в сексуальных домогательствах. Цара Леандер не исключение. В своих воспоминаниях она пишет о приглашении на виллу Геббельса в Шваненвердере, где она неожиданно оказалась с Геббельсом наедине. «Больше никто не придет, — якобы сказал Геббельс. — Думаю, что вдвоем мы проведем приятный вечер».

«Что Геббельс подразумевал под “частным приглашением интимного характера” было ясно как Божий день. Дешевая сцена соращения, к тому же примитивно инсценированная. Огромная лампа с шелковым абажуром бросала желтоватый свет на мои руки у рояля. В углу мерцали свечи, стояли роскошные цветы, на диване лежали шелковые подушки — большие, как матрацы. Музыка Шопена». Цара хвастается, как справилась с ситуацией: поправила министра пропаганды во время игры на рояле и дерзко попросила поесть: «К тому времени я знала, что могущественные господа любят, когда им возражают или говорят правду».

В общении с нацистскими бонзами Царе, по крайней мере, как явствует из ее мемуаров, нравилось играть роль капризной «звезды». Она пишет, что с Гитлером встречалась только два раза в жизни: первый раз во время большого приема деятелей искусства и второй раз в 1939 году на премьере фильма «Песня пустыни». Эту встречу Цара Леандер необдуманно изобразила как забавную перепалку: «Входит адъютант, чеканным шагом приближается ко мне и объявляет: “Фюрер и рейхсканцлер желает, чтобы Вы, милостивая госпожа, появились за его столом”. Так как мне явно не хватало опыта в общении с диктаторами, я со смешанными чувствами рысью бегу за ним. Гитлер вежливо поднимается, я сажусь и одновременно спрашиваю себя, о чем можно побеседовать с господином по имени Адольф Гитлер. Выбираю приветливый заинтересованный тон и по-матерински улыбаюсь: “Скажите, господин рейхсканцлер, Вы

пробовали что-нибудь сделать со своими волосами?» Гитлер вздрагивает и мгновенно оборачивается ко мне. Но, видя мое любезное и участливое выражение лица, он нерешительно улыбается мне и с серьезной озабоченностью начинает беседу. Обстоятельно описывает свою борьбу с челкой: «Вы даже не представляете, что я только не пробовал: маслом, мазью, воском для волос и всевозможными странными настоячками. Ничего не помогает. Волосы все время падают на лоб. Это безнадежно». Потом мы немного едим, и Гитлер заказывает шампанское».

Согласно Царе Леандер, встреча заканчивается тем, что дива выходит на террасу выкурить сигарету, а Гитлер вскоре вежливо прощается.

Все встречи с высокопоставленными нацистами Цара Леандер описывает как забавные эпизоды, во время которых она дерзкими фразами выводила их из равновесия. Похоже, ее и впоследствии не смущало, что Гитлер и его прислужники, вошедшие в Европу как подлые убийцы, ответственны за насилие и преследования, смерть и страдания людей по всем миру. Гитлер для нее был «в первую очередь, ревуший голос из радио, которое я тут же выключала, так как очень восприимчива к злобным звукам, и непостижимый человек с усами и челкой, известный по тысячам фотографий и сотням выпусков кинохроники». Однако гитлерюгенду она не симпатизировала и запретила сыну вступать в него. «Не может быть и речи, — сказала она ему, когда он попросил ее разрешения. — Мальчики не должны кричать и маршировать, как солдаты, они должны веселиться и играть».

Мы не знаем, как Гитлер относился к своей диве. Известно, что диктатор был настоящим фанатом кино. До войны он каждый вечер в своей квартире или на Оберзальцберге смотрел один-два фильма, которые выбирал вместе с Геббельсом. Архитектор Альберт Шпеер утверждал, что фюрер питал слабость к непритязательным развлекательным фильмам и мелодрамам. Его любимыми актрисами были Лил Даговер, Ольга Чехова и Цара Леандер. По воспоминаниям Шпеера, «успех был гарантирован музыкальным фильмам с большим количеством голых ног». Однако Гитлер дважды, несмотря на просьбы Геббельса, отклонял присуждение Царе звания «государственной актри-

«У нее были большие трудности в Швеции, огромные трудности, из-за ее деятельности здесь, у нацистов».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«“Звездной болезнью” она почти не страдала, но ясно чувствовала, что она — “звезда”».

Виль Квадфлиг, актер

«Я знаю, что она не унывала и умела пить».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«Она любила веселиться...»
Цара Леандер
в 1941 году
дома
в Швеции.

сы». Правда, 21 ноября 1941 года Геббельс пишет: «В этой связи я поднимаю вопрос о Леандер. Фюрер выражает точку зрения, что, конечно, госпожу Леандер надо произвести в государственные актрисы, потому что, во-первых, она действительно великая актриса, а во-вторых, имеет большие заслуги в области признания немецкого кино в мире». Но, похоже, Гитлер изменил свое мнение. Через несколько месяцев, после премьеры фильма «Большая любовь», министр пропаганды еще раз прозондировал почву, и у него сложилось впечатление, что Гитлер сомневается из-за того, что у Леандер было шведское подданство.

В сентябре 1942 года стало окончательно ясно, что Гитлер против присуждения Леандер этого звания.

Цара Леандер была не только культурной вывеской нацистского государства, она была также «золотым ослом», приносящим талеры. Особенно в войну, когда пойти было некуда, немцы устремились в кино. С завоевательными походами Гитлера прокат немецких фильмов распространился почти на всю Европу, число кинотеатров в «великогерманском пространстве» почти удвоилось и достигло 8600 штук (2,8 миллиона мест). В 1943 году число посетителей германского кинематографа за год впервые перешагнуло миллиардный рубеж. Наиболее оглушительный успех имели «Концерт по заявкам» с Ильзе Вернер и «Большая любовь» с Царой Леандер. Конечно, немецкие фильмы выиграли оттого, что после объявления Гитлером войны США в 1941 году окончательно запретили продукцию Голливуда. В 1942–1943 финансовом году «УФА» получила 155 миллионов чистой прибыли, в 1943–1944 — 175 миллионов, большая часть этих денег пошла на вооружение и способствовала продолжению войны.

Все десять фильмов Цары на «УФА», с кассовой точки зрения, входили в число лучших. Не удивительно, что Геббельс и «УФА» делали все для придания своему продукту товарного вида: планировался и утверждался не только ее гардероб, но и поминутный распорядок дня. Она пишет о «низкопоклонническом турне» в Голландию в 1938 году: «Меня послали на премьеру в Амстердам, как живую рекламу. Каждая минута на публике во время моего “государственного визита” была расписа-

«УФА» слепила из нее «звезду», и она прекрасно справилась с этой ролью. Публика лежала у ее ног. Она была «звездой». Потому что люди хотели ее такой видеть».

Бригитте Петтерсон, экономка Царя Леандер

«Гebbельс использовал ее, чтобы поднять авторитет немцев на оккупированных территориях».

Карл-Адам Никол, шведский журналист

«Эта женщина была неслыханно популярна. Ее везде смотрели, любили, знали».

Ильзе Вернер, певица и актриса

«Ей нравилось у нас...»

*Царя Леандер
раздает авто-
графы в Париже
в 1941 году.*

на и утверждена. Я заранее знала, что по прибытии на Центральный вокзал получу гардении, и что в последний вечер подадут суп из омаров». В оккупированной в июне 1940 года Франции Цара блистала на «Германской культурной неделе» 1941 года и раздавала автографы немецким солдатам на Елисейских полях. Шведский журналист Карл-Адам Никоп с ужасом вспоминает, что Цара в одном из интервью заявила, что Париж совсем не изменился после оккупации, только вместо туристов теперь путешественники в форме. В том же году, когда она дублировала во французской столице фильм «Дорога на свободу», она призналась нацистскому журналисту: «Мое сильнейшее впечатление в Париже – воскресная смена германского караула у Триумфальной арки. Потрясающе и захватывающе!»

Нацистская пропаганда использовала Цару Леандер, а она добровольно позволяла это. Леандер множество раз выполняла приказ Геббельса и давала концерты для вермахта, добровольно участвуя в пропагандистских и благотворительных мероприятиях, собирая «зимнюю помощь» для вермахта.

Несмотря на то, что она поддерживала нацистов, Леандер впоследствии дистанцировалось от политических событий: «Никто в студии не говорил о политике, никогда», — клялась она. В общем и целом это правда. Большинство художников и артистов, оставшихся в Германии, держались особняком, хотя бы для того, чтобы сохранить карьеру. «Мы вообще не интересовались политикой, — подтверждает Вольфганг Прайс. — Нам нравилось, что можно снимать фильмы, и концентрировались на этом. Мало кого интересовало, что происходит под Москвой». Бабельсбергская студия считалась свободной зоной, политика оставалась за порогом. «Цара Леандер в студии была далека от того, что происходило на улице, там существовал особый мир, — считает режиссер Хельма Зандерс-Брамс. — В павильонах были звукопроницаемые стены, и во время бомбардировок Берлина в них снимали слащавые мелодрамы. Актеры играли перед камерой в абсолютной изоляции в полном смысле этого слова». Актриса Ильзе Вернер даже хвалит те годы: «Мы, как одна большая семья, держались друг за друга».

Однако за красивым фасадом царили страх и равнодушие. Даже самовлюбленные «звезды» «УФА» не могли предотвра-

тить проникновение диктатуры в съемочные павильоны. «О политике говорили только шепотом, — призналась в одном из интервью Маргот Хильшер. — Но все равно было не ясно, кто тебя слушает, и велик был страх, что на тебя донесут». «Мы все опасались врагов, — говорит Виль Квадфлиг. — И ни один человек не отваживался высказать собственное мнение даже немногочисленным друзьям. Мы, актеры, были попутчиками режима. Это печально, но объяснимо. Мы все хотели пережить войну».

Даже исчезновение некоторых коллег, эмигрировавших по «расовым» или политическим причинам, многие считали «единичными эпизодами». Однако один случай вызвал шок и оцепенение в кинокругах: с 1937 года Геббельс притеснял и запрещал снимать Йоахима Готтшалька, одного из популярнейших актеров Третьего рейха, не пожелавшего развестись со своей женой-еврейкой. «Фу-ты, черт, как представишь, что этот мужчина днем делает в немецком кино большие деньги, а ночью ложится в кровать со своей еврейской бабой», — откровенно науськивал его коллег Геббельс. 5 ноября 1941 года Готтшальк отравился газом в своей квартире вместе с женой и ребенком. «Лишь немногим хватило мужества быть такими последовательными, как Готтшальк, — комментирует это самоубийство Виль Квадфлиг. — Услышав об этом, мы все испугались до смерти, а с другой стороны, подумали, а со мной как обстоит дело? Я со всем соглашаюсь и не сопротивляюсь?»

С началом войны ситуация обострилась. Геббельс решительно не допускал «политического непослушания» деятелей искусства. Его первой политической жертвой во время войны стал режиссер Герберт Зельпин. Летом 1942 года он получил задание инсценировать «Титаник» как доказательство провала Великобритании. Когда режиссер, типичный холерик, на съемочной площадке отрицательно высказался о войне и вермахте, на него донесли авторы сценария, и Геббельс потребовал объяснений. Зельпин не сразу взял обратно свои высказывания, «направленные на подрыв оборонной мощи страны», и Геббельс прямо в своем кабинете приказал арестовать его. На следующее утро Зельпина нашли повесившимся в камере. «Типично для этих господ от кино, — заявил Геббельс. — Сначала болтают

почем зря, ругают фюрера и рейх, а потом все отрицают. Когда их уличают, то у них пропадает кураж; они настолько лишены вкуса, что вешаются на собственных подтяжках». Геббельс велел развесить объявления в павильонах, в которых сообщалось, что Зельпин «гнусной клеветой и оскорблениями германских солдат и офицеров, сражающихся на фронте, совершил тяжкое преступление против военной морали». Ходили слухи, что Зельпина убили гестаповцы.

Чем дольше продолжалась война, тем сильнее сгущались тучи. Геббельс не останавливался даже перед казнями. В августе 1943 года актера Карла Йона за «пораженческие высказывания», т.е. анекдоты о фюрере, Чрезвычайный суд приговорил к смерти, в 1944 году тот же приговор был вынесен пресс-секретарям студий «Терра» и «УФА» Эриху Кнауфу и Рихарду Дювлю. Но к этому времени Цара Леандер уже давно находилась в Швеции.

До Цары Леандер доходили не только сведения о жертвах из ее ближайшего окружения. В отличие от других, она, часто бывая в Швеции, имела доступ к иностранным газетам. Уже в конце 1941 года в британскую прессу просочились сообщения об ужасах холокоста. В мае 1942 года еврейские профсоюзные деятели передали британской прессе сведения польского подполья. Би-Би-Си сделала подробный репортаж, а «Дейли телеграф» 7 июня поместила статью: «Более 700 тысяч польских евреев уничтожены во время самой большой резни в истории человечества», там говорилось в том числе и о специальных грузовиках, используемых нацистами как передвижные газовые камеры. Общественность западных стран получала все новые сведения о геноциде. 17 декабря 1942 года противники Гитлера в войне сделали открытое заявление: США, Великобритания, СССР и восемь находящихся в эмиграции правительств оккупированных Германией государств «резко осудили германские зверские методы уничтожения».

В своих воспоминаниях Цара самодовольно ставит себе в заслугу то, что всегда поддерживала контакты с преследуемым меньшинством — гомосексуалистами. «Даже во время войны я сохранила эту дружбу, за что меня однажды вызвали к шефу «УФА». Он предостерег меня от общения с гомосексуалами, но

«По мнению публики, Цара была не просто большой “звездой”, она была частью большого мира, который с каждым годом нацистской диктатуры все дальше удалялся от немцев».

Корнелия Цумкеллер, историк кино

«Она отгородилась от всего. Она сказала: я шведка, какое мне до этого дело? Собственно говоря, по праву. Она же не была немкой».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

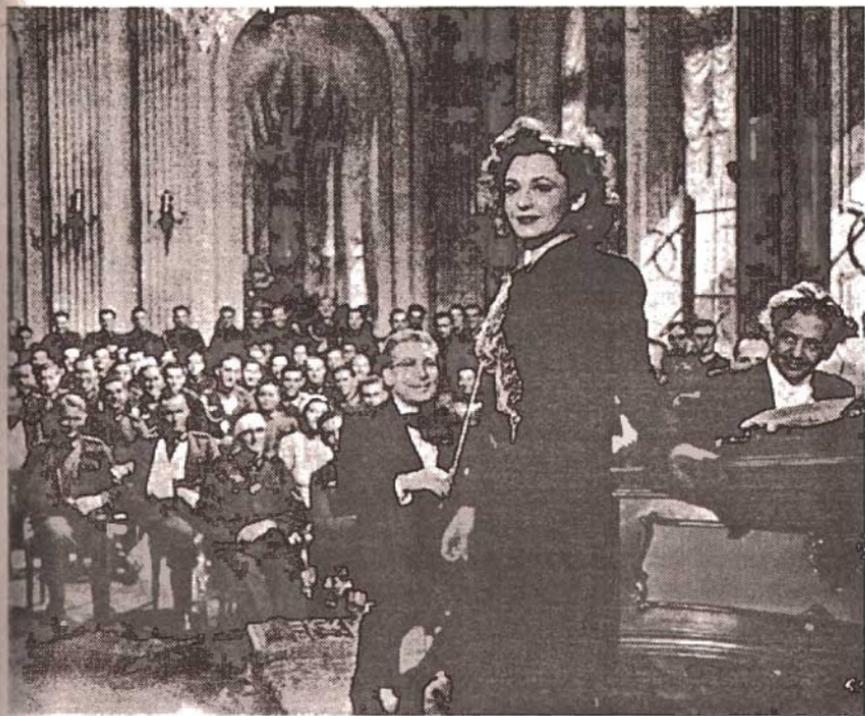
«Вынослива во всех отношениях...»

С супругом Видаром Форселем и детьми.

я не позволила себе указывать. Своих друзей я выбираю сама. “Могут быть страшные неприятности”, — добавил руководитель “УФА”. “Пожалуйста, мне придется с этим смириться”, — ответила я тогда. — “У меня, как у шведки, другая точка зрения. Я всегда считала, что гомосексуалисты такие же люди, как мы. А сколько великих личностей в истории человечества были гомосексуалистами? И знавшие их люди уважали, почитали, любили и восхищались ими. Мое шведское представление о морали подсказывает мне, что мы не можем свысока указывать пальцем на людей, живущих иначе”».

Но, к сожалению, Цара Леандер не пошевелила и пальцем, чтобы помочь актерам-гомосексуалистам. Из двух миллионов мужчин-гомосексуалов по приблизительным подсчетам свыше 50 000 с 1939 по 1945 год оказались в нацистских тюрьмах и концлагерях. Число заключенных на самом деле было выше, так как не всех отмечали «розовым треугольником». Большинство попадали в тюрьмы как преступники, растлители молодежи, лица, совершившие половое преступление, или как асоциальные элементы. Еще в 1930 году газета «Фелькишер Beobachter» писала, что в гомосексуальности сконцентрированы «все злобные инстинкты еврейской души», и вскоре они будут наказаны как «самые тяжкие преступления, за которые полагается смертная казнь через повешение или выдворение из страны». После убийства шефа СА Эрнста Рема в 1934 году, чья гомосексуальность являлась только предлогом для ликвидации руководства СА, уголовная ответственность за гомосексуализм была ужесточена. В 1938 году осудили 8500 человек, лишь с началом войны число осужденных стало постепенно снижаться. Но с 1940 года, по распоряжению Генриха Гимmlера, каждый гомосексуалист, совративший более одного партнера, попадал в концлагерь. После 1941 года за гомосексуальные действия членам СС грозила смертная казнь.

Бруно Балц, верный сочинитель текстов Цары Леандер, попал в лапы гестапо. Автора таких шлягеров, как «Ветер рассказал мне песню», «Может ли любовь быть грехом», «Красивая женщина сказала — может быть», «Его зовут Вальдемар», «Не дари мне больше красных роз» арестовали по доносу в 1941 году. Он провел три недели в подвалах гестапо на Принц-Альб-

Нацисты завладели ею. Она не оставалась в стороне».

Ингрид Сегерштедт-Виберг, шведский политик

«Ее успех отвлекал от политики. От военных дел, которые нас тогда интересовали и владели нашими умами, хотели мы того или нет».

Виль Квадфлиг, актер

Цара Леандер обладала огромной силой воздействия, мощной харизмой. В конечном счете, в этом тайна ее успеха».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«В этом голосе — все...»

Цара Леандер в роли певицы и Пауль Хербигер в роли пианиста в фильме «Большая любовь».

рехт-штрассе. Говорят, что композитору Михаэлю Яри, утверждавшему, что Бальц нужен ему для следующего фильма с Царой Леандер, удалось добиться его освобождения: Сама Цара Леандер или не знала об аресте своего любимого автора и друга, или просто не прореагировала на это. Именно после ареста Бруно Бальц сочинил песню «От этого мир не погибнет». Вначале считалось, что этот шлягер придает мужество преследуемым гомосексуалистам, затем его причислили к пропагандистским песням. Сидевший в концлагере еврей Гари Филипп, к тому же гомосексуалист, рассказывает:

«В лагере, когда заключенные собирались вместе, мы пели эту песню и надеялись, что случится чудо, война закончится, и нас спасут. Это успокаивало нас». Сданной точки зрения, даже песня «Может ли любовь быть грехом», с которой Цара Леандер завоевала сердца простых немцев и нацистских бонз, может считаться гимном преследуемых гомосексуалистов. Этот феномен во многом объясняет успех Цары Леандер: в песне «Я знаю, однажды случится чудо» каждый мог найти что-то для себя лично. В ней говорилось о любви, она помогала выжить на фронте и в тылу, поддерживала жертв нацизма и радовала их палачей. Цара Леандер принадлежала всем.

Конечно, банально обвинять людей задним числом в том, что они смирились с чьими-либо преступными действиями. Цара Леандер занимала привилегированное положение в Третьем рейхе, поддерживала контакты с приспешниками Гитлера и, обладая шведским паспортом с неограниченным правом въезда и выезда, имела больше возможностей помогать людям, преследуемым режимом. «Я в войну помогала беженцам, — рассказывает Ингрид Сегерштедт-Виберг. — Это была очень непростая задача, а для Цары, боюсь, невозможная. Для таких действий требуется большое мужество, потому что ты сам балансируешь между жизнью и смертью». Но Царе Леандер карьера была важнее, тем более что она далась ей с таким трудом.

За оглушительным успехом «Родины» провал следовал за провалом. «Чернобурка» (1938 год) режиссера Виктора Туржанского оказалась скучной любовной комедией, картину оживляла только песня Цары «Может ли любовь быть грехом».

Фильм «Средь шумного бала» также имел скромный успех. Его премьера состоялась в канун Второй мировой войны, за две недели до нападения гитлеровских войск на Польшу. Леандер играла возлюбленную композитора Чайковского, беззаветно преданную ему и отказавшуюся от всего ради его карьеры. Кроме того, что Цара снова великолепно страдала, в памяти осталась лишь песня «Только не плакать из-за любви». Вершиной безвкусицы стал фильм «Песня пустыни», впервые показанный 17 ноября 1939 года.

Сама Цара Леандер, которой в этом фильме пришлось взобраться на верблюда, неохотно вспоминала о нем: «Мое появление в роли прославленной певицы Грейс Коллинс — с песком на зубах и в туфлях — казалось абсолютно немотивированным. О, это было плохо!» Антибританский фильм оказался настолько отвратительным, что «даже немецкая публика не пожелала о нем знать. “Песня пустыни” явилась полнейшей неудачей. Уже через несколько дней его сняли с проката. В то время я приняла это близко к сердцу, потому что два моих предыдущих фильма тоже не имели успеха».

Не известно, действительно ли Цара приняла провал близко к сердцу и боялась потерять работу, но чуть позже в кино появился самый дорогой ее фильм, явившийся одновременно низшей точкой ее карьеры. «Сердце королевы» — помпезный исторический фильм режиссера Карла Фрелиха, рассказывающий о жизни шотландской королевы Марии Стюарт. С парой лишних килограммов на бедрах, которые не могли скрыть даже пышные костюмы, Леандер неуклюже передвигалась на экране. Даже своими песнями, исполняемыми не к месту, поющая королева не могла спасти положение. Фильм потерпел фиаско. Через две недели после премьеры 1 ноября 1940 года военная авиация Геринга ввиду неудавшейся «битвы за Англию» с бессмысленным вандализмом превратила английский город Ковентри в груды развалин. Британцы отреагировали массивной бомбардировкой немецких городов.

Возможно, после таких неудач Цара Леандер действительно незаметно исчезла бы с экрана, если бы режиссер Рольф Ханзен не помог ей снова обрести славу. Уже его первый фильм с Леандер «Дорога на свободу» имел огромный успех. А второй —

«Я знаю, однажды случится чудо» – в разгар войны! Мы все понимали это так: снова будет мир, покой, снова появится еда, люди снова смогут жить нормально. Но господа там наверху этого не понимали и истолковали ее следующим образом: «Я знаю, однажды случится чудо» и мы овладеем всем миром».

Цара Леандер, 1974 год

«Я знаю, однажды случится чудо» – такие вещи были, конечно, пропагандой в самом прекрасном и ужасном смысле, потому что все жаждали такого счастья, чуда».

Виль Квадфлиг, актер

*«Необыкновенно
"кичевые"
фильмы...»
Сцена из фильма
«Большая любовь»,
1942 года,
с Грете Вайзер.*

«Символ женской добродетели...»
С Виктором Штаалем
в фильме
«Большая любовь».

«Шведка Цара Леандер воплощала... в своих фильмах все классические немецкие добродетели, которые национал-социалисты пытались укоренить в своем народе: смелость, верность, готовность к самопожертвованию и, не в последнюю очередь, отказ от удовольствий».

Корнелия Цумкеллер, историк кино

«Своей карьерой она не рисковала, нет, вовсе нет. Она наверняка могла бы что-нибудь сделать, если бы захотела».

Виль Квадфлиг, актер

«В принципе все равно, пел ты в этой стране пропагандистские песни или нет. Во время диктатуры это абсолютно все равно. Их просто заставляли делать то, что от них требовалось».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«Большая любовь» — превзошел все остальные работы Леандер и стал вершиной ее карьеры. Одновременно это ее единственный фильм, впоследствии признанный пропагандистским и позволивший называть Цару «нацистской сиреной». Цара Леандер играла певицу варьете, Ханну, знакомящуюся во время авианалета с молодым обер-лейтенантом люфтваффе. Для обоих это была большая любовь с первого взгляда, они провели вместе ночь, но война стала препятствием свадьбе и счастливому финалу.

Молодой офицер вызывается добровольцем на русский фронт. Ханна обижается на него, но когда он, раненый, лежит в госпитале, она понимает, что в военное время армия выше всего и долг женщины состоит в том, чтобы отказаться от собственных желаний.

«Большая любовь», несомненно, несет черты пропагандистской ленты, только в этом фильме Леандер изображена повседневная немецкая жизнь, пусть даже приукрашенная. Впервые дива спустилась с заоблачных высот и смешалась с простым народом. В фильме актриса ездит на метро, как и положено нормальной немке. Жители дома во время налета собираются в подвале. Если в действительности в убийственно тесных бункерах царил угнетающая атмосфера ужаса, то в фильме — веселое и беззаботное настроение. Жильцы уютно попивают кофе, а когда звучит тревога, то мальчик, которому помешали играть, жалуется: «О, именно сейчас!» Война выглядит как пикник. Ради достоверности Геббельс лично поправил одну сцену: во время помолвки, которую влюбленные празднуют вместе с гостями, жениха неожиданно вызывают на фронт. «Отснятый за неделю материал по субботам отправляли на просмотр господину Геббельсу, — рассказывает Вольфганг Прайс. — Об этой сцене он сказал, поскольку все-таки шел третий год войны: «Так немецкая женщина не живет». Нам пришлось переснимать: в маленькой квартире, где меньше гостей, меньше французского шампанского, зато больше немецкого колорита». Вместо женственного платья в цветочек Цара в версии Геббельса надела строгий белый костюм, возможно, подражая простоте германской солдатской формы.

В этом фильме Цара Леандер стала «символом женской добродетели», столь ценимой в тылу. Известная певица отказывается от своей вольной жизни и превращается в терпеливую офицерскую жену, подчиняющуюся требованиям военного времени. Пропагандистское воззвание было обращено, прежде всего, к женщинам: летом 1942 года началось наступление на Восточном фронте, и в Германии не осталось ни одной семьи, где бы сын, брат или отец не ушли бы на войну. Почти все немецкие женщины, как и певица Ханна Хольберг, узнали боль разлуки. Счастливый конец фильма давал им надежду, что надо ждать и надеяться, что их любимые после победы вернуться к ним — «случится чудо».

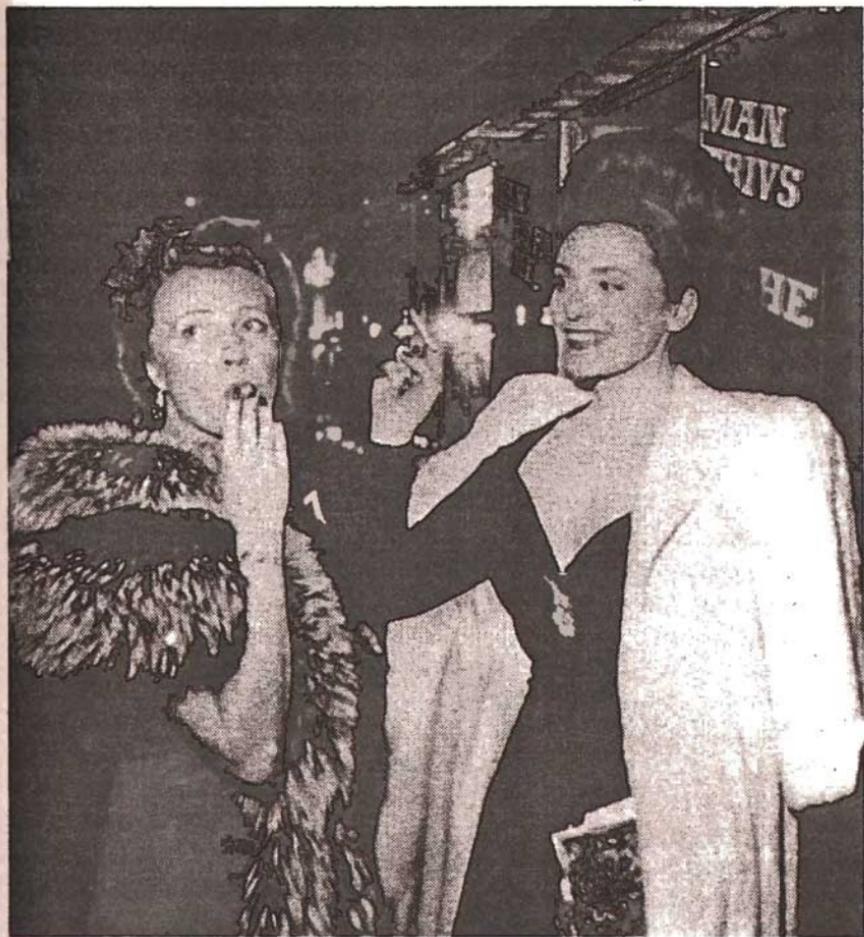
Одновременно фильм пропагандировал идеал мужчины-солдата, долгом которого является сначала защита Отечества, а потом уже семьи. Любовь помогает ему пережить войну, и он надеется на послевоенное семейное счастье. Как рассказывают бывшие военные, Царе Леандер удалось поднять настроение солдат на фронте. «Я вспоминаю, — с восторгом говорит один из ветеранов, — как в России мы лежали в грязи и часто слушали по радио голос Цары, это давало нам всем утешение и новую надежду». Как настоящая женщина-патриотка, Ханна едет в войска и в разгромленном замке в оккупированной Франции поет для раненых солдат вермахта песню «От этого мир не погибнет». Военные, некоторые из них с эсэсовскими знаками на петлицах, весело раскачиваются в такт вальса. Об этой сцене один из тогдашних критиков написал: «Раненые в зрительном зале радовались веселому рефрену песни не менее, чем раненые на экране». Цара Леандер всю свою жизнь утверждала, что никогда не пела для солдат вермахта. Ирония судьбы состояла в том, что в фильме были заняты настоящие солдаты. «В театре, где мы снимали эту сцену, было от 500 до 800 мест. Чтобы сэкономить на статистах, вызвали настоящих солдат, — вспоминает Вольфганг Прайс. — И когда она пела: “От этого мир не погибнет, он еще нужен”, конечно, впечатление было огромным: мир еще нужен, вы еще нужны, ты еще нужен».

Премьера фильма состоялась 12 июля 1942 года через две недели после первой массированной британской бомбардировки Германии, превратившей центр Кельна в руины.

На Восточном фронте германские армии начали новое крупномасштабное наступление. Катастрофа в этот момент еще не ощущалась. Лишь через полгода гитлеровскую армию принесли в жертву под Сталинградом, а Геббельс в берлинском Дворце спорта призвал к «тотальной войне». Пока еще песни обещали исполнение великодержавных мечтаний, а не призывали к мужеству перед лицом окончательного краха. «Мы хотели сказать, что снова будет мир, люди снова смогут жить нормально, — впоследствии оправдывала себя Леандер в одном из интервью. — Господа наверху истолковали это по-своему: “Случится чудо, и мы овладеем миром”. Мы же имели в виду совсем другое». Осуществился тезис Геббельса о «незримо действующей пропаганде». Фильм оценили как «ценный для государства, искусства и народа».

Жалобы на фильм поступили только от верховного командования вермахта: германский офицер авиации не пойдет в первую же ночь в постель с почти не знакомой ему дамой. Однако шеф люфтваффе Герман Геринг отмел критику: «Если летчик не воспользуется такой ситуацией, то это не летчик», — заявил этот известный бонвиван. Роль лейб-штандарта СС «Адольф Гитлер» в съемках сцены «Я знаю, однажды случится чудо» не запечатлена в официальных документах. Исторический парадокс: на сцене рядом с Царой Леандер в дамских платьях стояли стальные «германские воины» Гиммлера, пародируя самих себя. «Я был неизвестным актером, — с удовольствием рассказывает Вольфганг Прайс, сыгравший в фильме офицера авиации. — Когда однажды, в мундире подполковника, я проходил мимо комнаты статистов, там переодевался лейб-штандарт. Тут меня увидел фельдфебель и заорал: “Встать, смирно!” Все, в чем были, вскочили на вытяжку: в женских платьях, со съехавшими париками, наполовину покрашенные или в трусах — очень странная картина. Я непринужденно промолвил: “Продолжайте!”, помирая в душе со смеху».

До 1944 года производственным затратам в 3 миллиона рейхсмарок соответствовали 9,2 миллиона дохода. К 1943 году «Большую любовь» посмотрели около 27 миллионов зрителей. Цара Леандер находилась в зените славы и считалась самой вы-

«Немецкая женщина может снова перевести дух».

- Генрих Гиммлер в 1943 году по поводу отъезда Леандер

«Она не хотела больше оставаться в Германии. Когда упали первые бомбы, она испугалась. Она уже не чувствовала себя комфортно в Германии. И это, конечно, было связано не только с бомбами».

Геран Форсель, сын Цары Леандер

«Я шведка, какое мне до этого дело...»

Цара Леандер в 1944 году на своей родине в ожидании возможности вернуться к своей прежней деятельности.

сокооплачиваемой «звездой» Третьего рейха. Если в 1937 году ее годовой гонорар составлял 200 тысяч рейхсмарок, то к 1943 году он увеличился до 400 тысяч рейхсмарок. Однако большую часть денег она зарабатывала песнями. «Его зовут Вальдемар», «Только не плакать из-за любви», «Может ли любовь быть грехом», «Ветер рассказал мне песню» пользовались бешеным успехом, пластинки выпускали миллионными тиражами. Многие из них Леандер записывала на немецком, шведском и французском языках. К ее услугам были звукозаписывающие студии Берлина, Стокгольма и Парижа.

Тем временем развязанная Гитлером война достигла Германии. С февраля 1942 года британцы приступили к массированным бомбардировкам немецких городов с целью «подорвать моральный дух немецкого народа». В начале 1943 года Королевские ВВС получили поддержку военной авиации США, и страдания мирного населения в Германии уже не прекращались. Днем — прицельные налеты американцев, ночью — ковровые бомбардировки англичан. С 1940 года союзники регулярно бомбили Берлин. В январе 1943 года президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль в Касабланке потребовали безоговорочной капитуляции Германии. Разжигаемые пропагандой, в Третьем рейхе поползли слухи, что союзники хотят не только победить Германию, но и уничтожить ее население. Цара не отреагировала на пропагандистский лозунг «Наши стены рушатся, наши сердца — никогда!» Она вспомнила, что была шведкой, и хотела домой. После катастрофы под Сталинградом в феврале 1943 года стало ясно, что Германия проиграет войну. Геббельс в своей печально знаменитой пропагандистской речи во Дворце спорта пытался мобилизовать население на решающий бой: «Вы хотите тотальную войну?» Цара однозначно ответила: «Нет».

Правда, кинодива не могла пожаловаться на плохое обеспечение. В бомбоубежище ее виллы можно было с комфортом пережить налеты на Берлин. Но все-таки она жила в постоянном страхе, опасаясь, что и ее дом однажды разрушат бомбы. «Звезде» стало неуютно в гитлеровском рейхе, к тому же у нее возник конфликт на съемках. Цара Леандер во время

съемок своего последнего фильма «Тогда» впервые сцепилась с Геббельсом и «УФА». Конечно, не по политическим, а по финансовым причинам. Из-за нехватки валюты студия «УФА» вопреки договору отказалась выплачивать Царе 53% гонорара в шведских кронах, предложив расчет в рейхсмарках. Взбешенная дива прервала съемки и оставалась дома, пока «УФА» не уступила и не перечислила кроны согласно договору.

С осени 1942 года Цара Леандер проводила мало времени в Германии, используя постоянную визу, разрешавшую въезд в Швецию. Ее последний «краткий разговор» с Геббельсом 28 ноября 1942 года протекал не совсем мирно. Геббельс попытался уговорить ее сняться в других фильмах, на что она, очевидно, согласилась. Кроме того, он предложил своей любимой «звезде» поместье в Германии и внушительную пожизненную пенсию, потребовав только одного: Цара Леандер должна была принять германское подданство. Возможно, он надеялся навечно привязать шведскую диву к Третьему рейху. Однако Цара Леандер душой и телом была предана Швеции. «Я отказалась, — пишет Леандер, — и мы холодно распрощались». Решение было принято: она навсегда покинула Германию. Большую часть ценностей она уже перевезла в Швецию. К тому же ей удалось, как хвастается она в своих мемуарах, во время боевого распития напитков с министром экономики Вальтером Функом выманить у него разрешение на вывоз в Лене антиквариата. На этот раз Цара откровенно наживалась на войне.

В последний раз она приехала в Берлин 3 марта 1943 года на премьеру картины «Тогда». Режиссер Рольф Ханзен вспоминал: «Когда около половины двенадцатого все, наконец, закончилось, мы поехали в Бабельсберг, где “УФА” устроила прием. Подавали такие напитки и деликатесы, что мы не верили своим глазам — все это в разгар войны. Потом подошла Цара и пригласила меня и пару друзей на свою виллу в Груневальде, чтобы отпраздновать премьеру там в узком кругу. Мы поехали, не подозревая о бомбежке Берлина.

Когда мы подошли к дому Цары — длинному одноэтажному строению, то кухонная пристройка полыхала ярким пламенем». Пожар на вилле сыграл решающую роль в том, что она покину-

ла Германию. В апреле 1943 года Леандер окончательно переселилась в Швецию. Договор с «УФА» действовал до середины 1943 года. «УФА» регулярно присылала ей сценарии, которые Цара отвергала. Она больше не хотела в Германию и в сентябре 1943 года заявила в шведской прессе об окончании ее договора с «УФА».

Для многих немецких поклонников отъезд Цары явился потрясением, а «для некоторых — зловещим предзнаменованием», как писал впоследствии один из критиков: «За словами «Цара Леандер уехала» скрывалось одиночество и предчувствие грядущего краха. В начавшейся войне на истощение был утрачен всеобщий объект любви — роскошный и оболстительный». Особо злобно реагировала пресса на интервью «враждебные по отношению к Германии», которые Цара Леандер дала в Швеции. В газете «Штострупп» под заголовком «Цара Леандер — друг евреев!» 20 июля 1944 года было написано: «Знаменитая прежде в Германии шведская кинозвезда Цара Леандер осенью начнет выступления в ревю стокгольмского цирка под руководством врага Германии Герхарда. Герхард — известный салонный большевик, использующий свои представления в Швеции для безудержной политической агитации. Стокгольмская коммунистическая газета «Ни Даг» опубликовала интервью с Царой Леандер, в котором та признает себя другом евреев и оставляет за организаторами ревю решение об исполнении ею антигерманских куплетов». В издаваемой Генрихом Гиммлером «Политической службе для СС и полиции» в 1944 году также появилась оскорбительная статья: «Мы какое-то время не видели эту сверхженщину Цару Леандер. «Может ли любовь быть грехом», для нее — нет, а если бы и была, часто складывалось такое впечатление, что это ей все равно. Да, сэр, путь до девушки легкого поведения был для нее недалек, исхоженный окольный путь к счастью. «Женщина становится красивой только благодаря любви», которую можно превратить в славу и деньги. Сначала она изображала в Германии светскую даму и постепенно оттеснила на второй план и заменила истинную немецкую женщину».

Мы ее при этом восхваляли. Ее фотографии висели во всех блиндажах, и для многих солдат она стала символом женствен-

«Царю Леандер интересовало только, как заработать побольше денег».

Карл-Адам Никоп, шведский журналист

«У нее была девичья привлекательность, которая шла из души, и я думаю, что-то еще, что нельзя ни объяснить, ни описать, что-то таинственное, очаровывающее людей».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«Она была большой личностью. Когда она появлялась на сцене или в комнате, сразу чувствовалась личность. Личностью нельзя стать, ей нужно родиться».

Ильзе Вернер, певица и актриса

*«Постоянно играла одну только роль...»
Цара Леандер
в 1953 году
с режиссером
Альфредом
Брауном.*

ности. А теперь в блиндажах сидят Иваны, наслаждаясь ее заушенной улыбкой. Желаем ей хорошо развлечься! Цара исчезла. Она уехала, хорошенько заработав у нас на чистой эротике. Немецкая женщина может снова перевести дух».

Зарождающаяся ненависть к Царе не мешала нацистам по-прежнему показывать ее фильмы, несмотря на требования их запретить со стороны некоторых партийных органов. Решающую роль сыграло послание Геббельсу от имперского киноруководителя Третьего рейха Ханса Хинкеля, в котором обращалось внимание на то, что экспортные фильмы являются, в конце концов, «локомотивом для всей германской продукции, сбыт которой в ином случае ставится под сомнение». По экономическим причинам он сопротивлялся намерению изъять фильмы с Леандер с внутреннего и внешнего рынка, указав на то, что «в кинотеатрах рейха идет 500 копий повторного кино, принося около трех с половиной миллионов рейхсмарок в год. Конечно, от денег можно отказаться, но для германского кинопроката будет чрезвычайно сложно заполнить 500 кинотеатров другими фильмами». Фильмы остались в прокате, а на радио до января 1945 года звучали песни Цары.

В Швеции Цару ждал неприятный сюрприз. Она наивно полагала, что без проблем вернется к своим прежним занятиям. Вместо этого ее встретило презрение и даже злоба, ее отвергли. Цару упрекали в том, что она была «звездой Гитлера». При этом большинство шведов банально лицемерили, потому что официально заявившая о своем нейтралитете Швеция на самом деле поддерживала отношения с гитлеровским рейхом. Деятели литературы и искусства после захвата Гитлером власти считали правильным и выгодным работать в Германии. Вначале шведы даже гордились тем, что «их» Цара Леандер стала международной «звездой» и сделала карьеру в Третьем рейхе. Когда фильмы «Премьера» и «К новым берегам» показали на кинофестивале в Венеции в 1937 году, шведские газеты писали: «В Венеции Цара Леандер представляет Швецию в австрийском и немецком фильмах». Все картины Цары Леандер с успехом шли на ее родине.

С началом войны Швеция заняла ключевое положение в экономике Германии, поставляя железную руду и покрывая

«Она вообще не интересовалась политикой».

Геран Форсель, сын Цары Леандер

«Она делала вид, будто совершенно наивна в политических делах. Она никогда не была наивной».

Ингрид Сегерштедт-Виберг, шведский политик

«Я такая и такой останусь...»

Цара Леандер со своим третьим мужем Арне Хюльперсом.

30% потребности военной промышленности при производстве оружия и броневой техники. Чтобы гарантировать свою «независимость» после оккупации Дании и Норвегии и вступления Финляндии в войну, Швеция разрешила перевозку германских войск по своей территории. В ответ шведы получали из Германии уголь и текстиль. До конца 1944 года королевство меняло золото имперского банка на валюту, хотя уже с начала 1943 года было известно, что речь идет о награбленном золоте из оккупированных областей. Как и Швейцария, Швеция добилась от немецких властей того, чтобы в паспортах евреев была проставлена буква «J», чтобы еврейских беженцев было легче опознавать на границе и высылать обратно. Молодые шведы даже служили в «Ваффен СС», были охранниками в концлагерях и состояли в расстрельных командах. После нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 года глава шведского государства король Густав V прислал германскому верховному главнокомандующему телеграмму с пожеланием «больших успехов в разгроме большевизма». Лишь когда катастрофа под Сталинградом наметила конец «тысячелетнего рейха», положение дел изменилось. В Швеции поднялись антигерманские настроения, которых ранее не наблюдалось в официальных кругах.

Карл Герхард, друг Цары и ее бывший покровитель, делал все возможное для возвращения ее в профессию. Он решил пригласить ее в свои шоу, но это известие вызвало в Швеции волну негодования, и пресса устроила настоящую кампанию против Леандер. Карл-Адам Никоп, тогдашний главный редактор журнала «СЕ» писал: «Нормальный швед не будет год за годом общаться с доктором Геббельсом, не будет связываться с кликой, которая самым жестоким и беспощадным образом мучает наших соседей, не будет разъезжать по оккупированным странам и принимать восхищение оккупационных властей. Даже в том случае, если хочет заработать денег и считает удобным изображать из себя “политического идиота”, пытаюсь оправдаться. Это не оправдание».

Энергичнее всего протестовало объединение датских и норвежских беженцев в Швеции: «Они написали письмо Карлу Герхарду, в котором угрожали ему: “Если ты скроешь, чем за-

нималась Цара в последние военные годы в Германии, то тогда конец твоей карьеры близок», — вспоминает Карл-Адам Никоп. Чтобы разрядить обстановку, Карл Герхард 14 июля 1944 года устроил на своей вилле прием для высшего общества Стокгольма. Там произошел скандал. В то время как некоторые журналисты и коллеги успокаивали Цару, другие, узнав о ее появлении, демонстративно покинули виллу. Ввиду такой массовой враждебности Цара Леандер в открытом письме Карлу Герхарду отказалась от участия в его ревью. Глубоко обиженная и озлобленная, она скрылась от массовых нападок в своем имении Лене.

В последующие пять лет кинодива, превратившись в помещицу, занималась рыболовством, скотоводством, огородничеством и вела хозяйство. Одно время принимала у себя прибалтов, бежавших от русских через Балтийское море. Леандер не испытывала финансовых проблем: киногонораров и денежных отчислений от пластинок хватало. Однако «звезде» было только 36 лет, когда она в зените славы вдруг свалилась в никуда. Ей, настоящей актрисе и певице, не хватало публики. В личном отношении дела тоже шли не блестяще — брак с Видаром Форселем переживал кризис, а ее шекотливое положение только ухудшило ситуацию. В 1946 году они развелись.

И все же Царе Леандер, несмотря на все препятствия, удалось вернуться на сцену. После краха гитлеровского рейха союзники запретили Царе Леандер выступать в оккупированных зонах, однако уже 13 ноября 1948 года она стояла перед немецкой публикой на концерте в Саарбрюккене, а затем с триумфом выступала по всей Германии. Немцы не забыли «свою Цару». В Швеции «звезда» вернулась на сцену только 5 августа 1949 года, выступив в Мальме. В последующие годы она снялась в семи фильмах, в том числе в таких как «Габриела», «Куба Кабана» и «Аве Мария», однако не добившись такого успеха, как на «УФА».

Во всем мире она до глубокой старости пользовалась известностью благодаря своим песням из фильмов «УФА» и мюзиклов.

Однако рассуждения о ее «политическом прошлом» на этом не закончились. Еще во время войны американская тайная по-

лиция следила за деятельностью Цары. 19 декабря 1942 года агент США в Швеции Эрик С. Эрикссон успокоил американцев следующим сообщением: «Она точно не симпатизирует нацистам. Я более чем убежден, что она принадлежит к нашим сторонникам». Один шведский дипломат после войны даже утверждал, что Цара Леандер втайне работала против немцев и помогала людям бежать от преследований. Офицеры секретной службы активизировались, когда Цара Леандер в 1951 году подала прошение на проведение концертного турне в США. В документах ЦРУ значится, что, по сообщению одного из информаторов, в Третьем рейхе из актеров готовили агентов, и Цара Леандер успешно шпионила для иностранного отдела абвера. Ее мужа Видара Форселя обвинили в том, что он переводил из Германии в Швецию крупные суммы денег и покупал для немцев участки земли. В другом рапорте говорилось о ее работе на советский КГБ и деятельности в роли русского шпиона. В годы борьбы с коммунистами в США этих слухов было достаточно, чтобы Леандер отказали в визе. Вместо этого она совершила турне по Южной Америке. Такие же донесения о работе Леандер на нацистов, на СССР или в качестве двойного агента содержатся и в документах шведской секретной службы, хотя доказательств ее разведывательной деятельности нет. В сущности, сама мысль о том, что женщина, думающая только о карьере, занималась политической деятельностью, абсурдна.

В гитлеровском рейхе Цара Леандер была божественной, неприступной дивой. Ее уход со сцены продлился десятилетия, под конец превратившись в уродливую насмешку. Пожилая дама с морщинистым лицом, которую воспринимали в основном как ископаемое, вновь и вновь выходила на подмостки во время многочисленных «прощальных турне» и, не жалея себя, моталась за гроши по гастролям.

Уже во времена «УФА» образ женщины-вамп и любящей матери гарантировал Леандер гомосексуальных поклонников, а с возрастом она превратилась в настоящую «маму голубых», поэтому до сегодняшнего дня ее любят пародировать артисты нетрадиционной сексуальной ориентации. После смерти в 1978 году ее третьего супруга и аккомпаниатора Арне Хюльперса с

«Германия была ее второй родиной».

Геран Форсель, сын Цары Леандер

«Она была “звездой”, одинокой “звездой”, к которой в политическом смысле не прислушивался ни один человек».

Виль Квадфлиг, актер

«“Мама голубых” — так называли ее бесцеремонные берлинцы, потому что когда-то она пела в клубе для гомосексуалистов и слыла их любимицей».

Ильзе Вернер, певица и актриса

«Большая личность...»

*Цара Леандер
в 1972 году на приеме у Вилли Брандта.*

ней случился инсульт. Цара умерла 23 июня 1981 года в Стокгольме. Песни Цары Леандер живут и поныне. Эта шведка была потрясающей женщиной с великолепным голосом, который она с радостью одолжила бы любому режиму, если бы ей достаточно за него заплатили. Но «звездой» она смогла стать только в гитлеровском рейхе: немцы лучше других восприняли ее меланхоличную тоску, а в годы диктатуры велик был спрос на олицетворяемый ею миф. Она проигнорировала чувство политической ответственности, необходимое для «звезды» мирового уровня, придерживаясь правила: сначала деньги, потом мораль. Она никогда не утверждала, что была кем-то, кроме певицы. Что здесь миф, а что реальность? Она говорила: «Я — Леандер, и этого достаточно».

«Большая
"звезда"
с каприза-
ми...»
Состарив-
шаяся дива.

«Я ни о чем не жалею. Жалеть — это всегда глупо».

Цара Леандер

«Была Цара Леандер, помпезная великанша, чувственная, уверенная в себе, светская и, насколько было позволено, ироничная».

Криста Ротзоль, журналистка

Марлен Дитрих
ПРОТИВНИЦА

«Пожалуй, всем известен мой ответ гитлеровскому режиму, настоятельно призывавшему меня вернуться и стать «царствующей королевой немецкой кинопромышленности». Неизвестно только, как мне хотелось всадить нож в тщеславные сердца этих господ».

«Если бы не Гитлер, у меня была бы куча детей и дом на моей родине».

«Я немка и понимаю немцев. Они все мечтают о своем предводителе. Мы все его хотим, таковы немцы. Они хотели своего вождя. И они его получили».

«Многие художники так преданы своей работе и так зависимы, что не могут оставить ее по политическим причинам».

«Я горжусь своим, единственным в своем роде, берлинским юмором, так часто облегчавшим мне тяжелую жизнь».

«Конечно, я любила догитлеровскую Германию, это моя родина, и мои воспоминания прекрасны и грустны. Как и все воспоминания».

«Будь у немцев характер, они бы меня ненавидели!»

Марлен Дитрих

«Она любила немецкую культуру, Веймарскую республику. Когда положение дел изменилось, когда эта страна со своей культурой и красотой превратилась в олицетворение мерзости и жестокости, ей было сложно это принять. Она отвернулась не от своей родины, а от того, что из нее вышло».

Мария Рива, дочь Марлен Дитрих

«Она — сплошное напоминание о чудесном блеске двадцатых и тридцатых годов, мечты которых она столь совершенно воплощала и верила в них сама. Богиня и одновременно дитя исчезнувшей западноевропейской киноромантики».

*Гунар Ортлепп,
журналист*

«Все, что ни делает Марлен Дитрих — совершенно. Она идеальная актриса, идеальный оператор и идеальный модельер».

Альфред Хичкок, режиссер

«В Германии было только две суперзвезды: Марлен Дитрих и Адольф Гитлер».

Карел Дирка, кинопродюсер

«Ее красота была дурманящей, но холодной. Ее очарование, чувственное, эротичное, но подчиненное разуму. Она никогда не была жертвой, как Рита Хейворт или Мэрилин Монро».

Хельмут Каразек, критик и журналист

Она точно знала, что хотят от нее мужчины, и знала, как с этим обращаться. Ее не могли смутить даже две тысячи американских солдат в оперном театре города Алжир, она почти не замечала их нетерпение и дикие крики. Марлен Дитрих уверенно вышла на сцену в сшитой по заказу американской офицерской форме, в руке маленький чемодан. На какое-то время это сбило солдат с толку, но вскоре они были вознаграждены: «звезда» вечера достала из чемоданчика прозрачное платье. Элегантный шаг в сторону — и она уже за ширмой. Через пару секунд она в своем легендарном «обнаженном платье», неосязаемом, расшитом блестками, на все намекающем и абсолютно ничего не показывающем. В этом наряде Марлен Дитрих олицетворяла всех женщин, по которым тосковали солдаты всех армий. Небесное создание поднимает руки. «Мужчины издали животный крик. В течение пяти-шести минут они ревели и кричали. Потрясающе! Ребята были совершенно не в себе. Марлен полностью растворилась в зале. Она просто стояла на сцене, позволяя каждому взять частичку себя», — вспоминает Джошуа Логан, ее бывший коллега по американской Объединенной службе организации досуга войск. А потом ребята увидели ее первый номер — зажигательную песню «See What the Boys in the Backroom Will Have». Она знала, чем можно побаловать этих парней: «поющая пила» никого не оставляла равнодушным. Марлен села на стул, высоко подняла платье и поместила между ног длинную пилу, на которой сыграла «Pagan Love Song». Такого языческого гимна любви в оперном театре во французской части Алжира, построенном в конце XIX века, еще не слышали. И такого зрелища большинство молодых солдат из пуританской Америки еще не видели.

«Сейчас война! Ужасно! 6 августа отец отправился на Западный фронт. Мамочка постоянно плачет».

Марлен Дитрих, дневник, 15 августа 1914 года

«Теперь все мертвы. Сегодня похоронили отца. Сегодня утром мы были не в школе, а на Мемориальном кладбище у отца. Как раз рыли его могилу».

Марлен Дитрих, дневник, июнь 1916 года

«Я же мечтала о золотой веселой юности...» Марлен (справа) с матерью и отцом, лейтенантом полиции Луисом Эрихом Отто Дитрихом, 1906 год.

Мужчин в походной форме, наводнивших 11 апреля 1944 года оперный зал в Алжире, не смущало, что у женщины на сцене немецкая фамилия и такое же происхождение. Они были в восторге от белокурого создания, впервые выступающего для базирующихся за океаном войск США. Их не смущало, что высокопоставленные нацисты, те мужчины, против которых им приходилось сражаться, тоже дружно восхищались Дитрих. Например, правая рука Гитлера, министр пропаганды Йозеф Геббельс. Его поражал потенциал этой женщины. Он давно вынашивал планы превратить ее в парадную вывеску германского кино. Это была мечта нацистов, так и не ставшая явью. Марлен Дитрих ни за что на свете не хотела украшать собой мрачный корабль нацистских идеологов. Снова и снова Гитлер через своего верного Геббельса добивался ее благосклонности. Но немецкая кинозвезда неуклонно отвергала все предложения. Вместо того чтобы как «королева «УФА»» сниматься в Берлине, она развлекала на фронте солдат американской армии. Ей была милее публика в оливковом и форме цвета хаки, а не серые шинели германской армии. Для американцев мировая «звезда» была рядом, на сцене, сексуальная и изумительно недостижимая. Для нацистов — только недостижимая.

Дитрих пользовалась оглушительным успехом не только у военных, но и у мужчин совершенно иного склада. Многие индивидуалисты, нонконформисты, занимающиеся искусством и презирающие банальные клише, тоже не могли устоять перед ее очарованием. Когда эксцентричный голливудский режиссер Джозеф фон Штернберг, обычно появляющийся в обществе в сапогах на шнуровке, галифе и тюрбане, вошел сентябрьским вечером 1929 года в «Берлинский театр», на нем был черный вечерний костюм, как и положено для визита в театр. «Два галстука», так называлась пьеса, которую он планировал посмотреть, и которая весь сезон давала доход, пользуясь успехом у берлинцев. В этот почти летний вечер в битком набитом партере театра вместе с ним пьесу смотрели 1500 зрителей; они смотрели захватывающее зрелище: джазовая музыка, мир чикагских гангстеров, 50 актеров танцевали чарльстон на сцене. В главной роли блистал Ганс Альберс, но фон Штернбергу бросилась в глаза женщина, отличавшаяся на сцене невероятной

*«Он давал ей много сил...»
В 1923 году Марлен Дитрих вышла замуж за Руди Зибера, несмотря на любовные похождения обоих супругов, они всю жизнь прожили в браке.*

«У меня был грандиозный скандал с мамочкой, когда она сказала, что если я встречаюсь с несколькими гимназистами, то я нимфоманка... Я все время наталкиваюсь на то, что в самых безобидных вещах все видят что-то плохое... Если с каким-нибудь гимназистом поговоришь в поезде, то ты уже "нимфоманка"? Нет, нет, для меня это слишком».

Марлен Дитрих, дневник, 4 февраля 1917 года

«Все, что она делает, — превосходно».

Петер Богданович, режиссер

непринужденностью и элегантностью: она пела на английском языке, излучая при этом скучающую надменность. Через несколько минут после того как 28-летняя Марлен Дитрих ступила на сцену, Джозеф фон Штернберг понял, что его поиски наконец-то завершились.

Он нашел свою Лолу — циничного ангела обольщения. Штернберг явился в «Берлинский театр» не ради собственного удовольствия, он искал актрису для нового фильма. В Германии он хотел экранизировать для «УФА» роман Генриха Манна «Учитель Гнус». Ему как раз не хватало идеальной Лолы — певицы из ночного клуба «Голубой ангел», вскружившей голову почтенному учителю. Для начала голливудский профессионал Штернберг позволил вскружить голову себе.

Марлен, которую он увидел на сцене, создали «бурные двадцатые», принесшие миру то, что мы знаем сегодня как «массовую культуру»: популярные хиты кино, театра и эстрады, мировые «звезды» имеющие миллионы поклонников и огромный рынок для развивающейся индустрии «искусства для развлечения».

Двадцатые годы были бурными для всей Европы и для Америки, но именно немцам второе десятилетие XX века открыло новую эпоху. Политические, социальные и военные кризисы потрясли страну: поражение на Западном фронте во время Первой мировой войны и революция 9 ноября 1918 года, положившая конец вековой монархии и иллюзиям имперского величия и аристократического блеска германской нации. «Почему я должна жить в это ужасное время? Я так мечтала о «золотой» веселой юности. Но вот все это случилось. Мне так жаль кайзера и всех прочих. Чернь нападает на любого, кто едет в экипаже. Мы пригласили на чай нескольких дам, но никто из них не смог приехать, только графиня Герсдорф. Вооруженные солдаты на Курфюрстендамм сорвали с ее мужа кокарду. Куда ни глянь, везде красные флаги». В строках из дневника 17-летней Марлен Дитрих, написанных 9 ноября 1918 года, беспомощность и изумление.

Юность Марлен Дитрих, появившейся на свет 27 декабря 1901 года под именем Мария Магдалена Дитрих, оставалась «золотой и веселой» только до 1914 года. Ужасная катастрофа

XX века — Первая мировая война — не миновала и ее семью. 16 июня 1916 года на Восточном фронте погиб ее отчим, Эдуард фон Лош. Он женился на ее матери Йозефине в 1911 году¹.

Родной отец Марлен — лейтенант полиции Луис Эрих Отто Дитрих — скончался еще в 1907 году. В воспоминаниях Марлен оба мужчины в форме представляли единую идеальную картину. «Мой отец — высокая, внушительная фигура, блестящие сапоги, запах кожи, хлыст, лошади. Мои воспоминания уже расплывчаты, нечетки». Отчим — дворянин, служивший в императорской гвардии, позволил вдове Дитриха и его дочерям Элизабет и Марлен существенно подняться по общественной лестнице. В кайзеровской Германии офицерская дворянская семья относилась к высшему обществу. В родительском доме в Шёнеберге царила прусская дисциплина, но не ограниченность. Марлен и ее старшая сестра находились на привилегированном положении: лицей и уроки музыки, послеобеденные чаепития, французские и английские гувернантки — аристократический стиль жизни во времена Вильгельма II был светским и роскошным. Однако дети усвоили главные прусские добродетели, в первую очередь: «Выполнять свой долг». В интервью 1991 года Марлен Дитрих описала главный завет тех лет: «В детстве я научилась собираться с силами. Я также научилась не обременять других своими негативными эмоциями».

В 1914 году наступили серые военные будни, и жизнь стала гораздо сложнее. Население Германии тщетно надеялось на скорую победу. Наступил голод, всю зиму приходилось сидеть на одной брюкве. Эпидемия гриппа унесла жизни тысяч мирных людей. В семьях не знали о судьбах близких, сражающихся на фронте. Все это, и особенно смерть отчима, омрачили жизнь юной Марлен. Она хорошо усвоила, что война — это не веселая прогулка.

¹ Согласно книге Мари Рива «Моя мать Марлен Дитрих» и приведенным в ней фрагментам дневника Марлен, ее родной отец, Луис Эрих Отто Дитрих, отправился на Западный фронт 15 августа 1914 года; в июне 1916 года (без указания числа) в ее дневнике отмечено, что отец погиб. Йозефина Дитрих приняла предложение Эдуарда фон Лош зимой 1917 года, в августе 1917 года он погиб. — *Примеч. ред.*

Поражение в войне и Ноябрьская революция изменили жизнь всех немцев. Каждый реагировал по-своему. Многие отвергали изменения, оставаясь верными прежним правителям и былым ценностям, в молодой республике они превратились в тайных противников демократии. Другие легко восприняли перемены; разочарованность сменилась иронией, позволяющей переносить суровую реальность. Какие ценности, какая мораль выжила в огне такой ужасной войны? Просто жить и развлекаться, а в Берлине, несмотря на сложные времена, можно было выбрать удовольствия на любой вкус: от секса до наркотиков. Юная Марлен Дитрих ощущала себя частью этого мира, понимая, что он полон различных возможностей.

Марлен Дитрих, девушка из хорошей семьи, избрала для себя музыкальную карьеру. С 1919 по 1921 год она училась по классу скрипки в Высшей музыкальной школе Веймара. Независимая студенческая жизнь, в то время весьма нетипичная для молодых женщин, а также особая богемная атмосфера Веймара, родины «Баухауза», только усилили те черты характера, которыми обладала Марлен, красивая, свободная и желанная. В 1921 году в Берлине она получила свою первую работу и стала единственной скрипачкой в оркестре, игравшем в кинотеатрах во время немых фильмов. По иронии судьбы ее поразительно красивые ноги чуть не стоили ей карьеры: через месяц она была уволена, поскольку кокетливо обнаженные колени молодой дамы слишком отвлекали мужчин.

Почему же не использовать свой дар очаровывать мужчин в профессии? В составе «Кабаре Гидо Тильшера» Марлен отправилась на гастроли с танцевальным ревью. Так из минуса ноги превратились в плюс, причем на долгие годы. Вернувшись в Берлин, она танцевала в варьете. Сцена, свет ramпы и восхищение публики давали молодой женщине радость и уверенность в себе, впрочем, Марлен не намеревалась провести остаток дней в танцовщицах. В двадцать лет она была не только красивой и дисциплинированной, но и весьма смелой и честолюбивой. Такой она и явилась на собеседование в театральную школу уже тогда легендарного Макса Рейнхардта. После вполне обнадеживающего начала преподаватели провалили ее на заключительном экзамене. Однако способная девушка нашла

Уже в 16 лет она знала, что хочет стать «Дитрих».

«Судьба работала бы на нее и в Германии. Кто знает, может быть, она стала другой Рифеншталь».

Мария Рива, дочь Марлен Дитрих

«Ей недостаточно быть только красивой. Она реалистка, и в ней есть что-то от клоуна».

Нозл Коуард, писатель, режиссер и актер

«...без видимой причины что-то булькает в горле...»

Молодая и талантливая Марлен Дитрих наслаждалась жизнью в Берлине эпохи «бурных двадцатых».

иной способ попасть в театральный мир Рейнхарда: она стала брать уроки пения и заниматься актерским мастерством с одним из преподавателей школы и постоянно появлялась на спектаклях мэтра. Ей удалось получить маленькие роли, и вскоре Марлен играла на одной сцене с корифеями немецкого театра тех лет. К 1923 году она уже 92 раза выходила на сцену и основательно отшлифовала свои сценические навыки.

Молодой актрисе было что показать, к тому же она инстинктивно почувствовала, где можно преуспеть — в столичном Берлине наряду с оживленной театральной жизнью быстро развивалась киноиндустрия. Марлен попросила своего дядю, имевшего личные и деловые контакты в мире кино, познакомить ее с режиссерами. В 1922 году она получила крошечную роль, но решила, что она абсолютно не фотогенична: «Картошка с волосами», — прокомментировала она свою внешность на просмотре фильма «Таковы мужчины». Но все же Вильгельм Дитерле в 1923 году дал ей роль в своем режиссерском дебюте «Человек у дороги». Постепенно ее имя становится известно и публике, и критикам.

В 1922 году также в кино она познакомилась и со своей первой большой любовью. Занимаясь распределением эпизодических ролей, молодой помощник режиссера, Рудольф Зибер, встретил свою будущую жену. Недолго думая, он пришел к решению, что Марлен должна сыграть важную роль в его личной жизни. Опытный, хорошо выглядящий и очаровательный Руди действительно завоевал сердце начинающей актрисы, 17 мая 1923 года они поженились, а 13 декабря 1924 года на свет появилась Мария Элизабет Зибер — единственный ребенок Марлен Дитрих.

Прошло несколько месяцев после родов, и молодой женщине стало скучно в роли матери. Как и супруг, Марлен окунулась в ночную жизнь Берлина. Казавшиеся на людях идеальной парой, молодые супруги стремились при помощи развлечений забыть о нюансах их семейной жизни. Жизнь в столице была ключом, и они наслаждались ее декадентской фривольностью, посещая, кстати, необязательно вместе, берлинские бары и ночные клубы. Марлен была известна как «танцовщица с Курфюрстендамм»: слишком красивая и лег-

комысленная, чтобы ее принимали всерьез, и слишком славная, чтобы ее не замечали. В 1924 году один критик написал о «красноречии ее ног» и восхищался ее «прекрасной, инстинктивной женственностью». Король критиков Альфред Керр писал, что ценил Марлен исключительно «за ее тело». В 1926 году ей, наконец, удалось получить интересную роль в пьесе «Дуэль у Лидо», Марлен играла француженку, унесшую много мужских жизней. В рискованном по тем временам шелковом брючном костюме она изображала современную, безрассудно смелую молодую женщину, экзотическую и не обремененную моралью. В 1927 году вместе с певицей кабаре Клэр Вальдофф она выступала в оперетте «Из уст в уста». В ней она продемонстрировала то, что позже восхитило Джозефа фон Штернберга: непринужденность, сдержанность и «незаинтересованность во время исполнения песни, как бы между прочим, без особенного голоса».

Однако карьера Марлен в кино буксовала, никакого прорыва пока не предвиделось. Ее работа в ревю и варьете подрывала отношения с Руди Зибером. Дочку Марлен, Марию, окружали заботливые родственники, но у матери не очень-то хватало времени на девочку. После многочисленных выступлений в Вене, состоявшихся благодаря любовной связи Марлен с австрийским актером, кинозвездой Вилли Форстом, она вернулась в Берлин.

Следующий ангажемент превратил ее в местную знаменитость. В музыкальном ревю «Это носится в воздухе» она выступала с «поющей пилой» — раздвинув ноги, сидела на стуле и изображала игру на орудии дровосеков. Наконец-то весь Берлин увидел самые прекрасные ноги города. Вскоре даже появилась поговорка: «Марлен с красивыми ногами...»

До встречи со Штернбергом в «Берлинском театре» Марлен Дитрих сыграла в 16 фильмах — произведениях, участие в которых она позднее отрицала. Еще в 1929 году в пьесе «Два галстука» Марлен показала публике и голливудскому режиссеру все то, что отличало ее впоследствии: своеобразное смешение жизнелюбия и депрессии, голос с легкой грустью, склонность воспринимать мир таким, какой он есть, и в то же время не давать ему сломить себя.

В ее задачи не входило изменение мира, она не интересовалась ни политикой Веймарской республики, ни Гитлером с его партией, презирающими эту республику и желающими покончить с ней. В тот момент Марлен Дитрих интересовалась своей карьерой, которая в 1930 году наконец-то пошла в гору. В фильме «УФА» «Голубой ангел», снятом Штернбергом, она сыграла певицу Лолу, чья обольстительная внешность сводит с ума ограниченного и нелюбимого учениками профессора Унрата в исполнении Эмиля Яннингса. Страсть к певице и жизнь ночного клуба «Голубой ангел», в которую он окунулся, делают его изгоем в приличном обществе. «С головы до ног я создана для любви...» — поет на сцене соблазнительница Лола, но когда почтенный учитель, словно мотылек, летящий на свет, становится ее добычей, она хладнокровно замечает: «Если мотыльки сгорают, я в этом не виновата».

В «Голубом ангеле» начинающая актриса Марлен Дитрих легко переиграла мировую знаменитость Эмиля Яннингса. Однако содержание фильма так шокировало руководство «УФА» и, прежде всего, пуритански настроенного киномагната, владельца «УФА» Альфреда Гугенберга, что они не заметили таланта Марлен и, не сомневаясь в провале фильма, «оскорбляющего порядочных немцев», отказались от дальнейшего договора с исполнительницей, а также временно отменили премьеру в Берлине. Тем временем представитель студии «Парамаунт» в Берлине телеграфировал в Голливуд: «Эта актриса — настоящая сенсация, надо заключать договор!» «Парамаунт» действовал без промедления. Американцы заплатили 20 тысяч марок по всем договорным обязательствам Марлен в Берлине, освободив ее от контрактов, — и началась авантюра под названием «Голливуд».

1 апреля 1930 года Марлен Дитрих сидела в первом ряду «Глория-паласт» на Курфюрстендамм на одном из почетных мест для «звезд» вечера. Премьерная лихорадка охватила всю съёмочную группу: главные действующие лица «Голубого ангела» нервно ерзали на своих сиденьях. Рядом с Марлен сидели Эмиль Яннингс, Джозеф фон Штернберг и продюсер Эрих Поммер. Наконец, на экране мелькнул последний кадр, занавес опустился. Несколько секунд царил тишина, затем разда-

«Именно он сказал ей, что в Германии случилось что-то ужасное, именно он сказал ей: не возвращайся. В политике он разбирался лучше нее. Он давал ей много сил».

Мария Рива, дочь Марлен Дитрих, об отношениях Марлен с супругом Рудольфом Зибером

«Когда ее спрашивают, что она думает о Гитлере и нацистах, она отвечает: «Я никогда не говорю о политике»».

Американская журналистка Дороти Калхаун в журнале «Моушен Пикче», январь 1934 года

«Единственный безотрадный момент во время первого пребывания в Голливуде — тоска по маленькой дочке, которую я оставила с мужем и няней в Берлине, потому что она была слишком мала для такого длительного путешествия».

Марлен Дитрих

«Ущербная частная жизнь...»

В 1931 году Марлен Дитрих взяла дочь Марию с собой в США, справа — супруг Марлен Рудольф Зибер.

лись бурные аплодисменты. Публика чествовала молодую исполнительницу, а знаменитого Эмиля Яннингса разжаловала в статисты.

Марлен несомненно была «звездой» будущего, но киномагнат Гугенберг с компаньонами, владевшими самой крупной кинофабрикой Европы, не знали, что с ней делать. В их мире не оказалось места для этой восходящей «звезды». Германия традиционных ценностей и прусского духа, о которой мечтал Гугенберг, и которую с 1933 года начали создавать нацисты, в культурном плане сделала огромный шаг назад. Германская кинопромышленность не предложила Марлен Дитрих никаких контрактов, поэтому уже в 1930 году ей не пришлось выбирать — работать в Германии или за границей.

Итак, Голливуд. Уже на другой день после берлинской премьеры «Голубого ангела» Марлен отправилась в Америку.

Супруг Руди, оставшийся в Берлине со своей возлюбленной Тамарой и маленькой Марией, не возражал. Немка Дитрих с ужасом обнаружила, что Голливуд и Берлин находятся в разных мирах. Штернберг и боссы «Парамаунта» тут же озадачили ее, дав понять, что заинтересованы в ее таланте, но не довольны ее внешним обликом. Внешность актрисы необходимо было изменить в соответствии с потребностями студии. Джоозеф фон Штернберг гордился своим открытием и начал «лепить» Марлен по образцам «Парамаунта». Прежде всего, Штернберг отправил ее к преподавателю сценической речи, чтобы искоренить немецкий акцент, прописал диету и гимнастику; ходит легенда, что потрясающий овал лица Марлен был создан путем удаления коренных зубов. Новый макияж довершил создание дивы а-ля Голливуд. Штернберг был не только талантливым режиссером, но и осветителем и оператором, он делал чудеса с лицом Дитрих на киноплёнке.

«Освещение Штернберга и предложенный им макияж ликвидировали грубоватость Лолы, а ее идеально прекрасное лицо теперь стало совершенным кинематографическим мифом, излучая загадочность, тоску, обольщение, теплоту, уязвимость, пресыщенность», — писал биограф Марлен Стивен Бах. Почва для мифа по имени Марлен Дитрих была подготовлена, отныне можно было сочинять все, что угодно. Женщина Марлен

«Я всеми силами борюсь против безжизненности здесь и против безжизненности вообще, против пустоты внутри. Я все отдаю и ничего не получаю».

Марлен Дитрих, письмо Максу Кольпе от 2 апреля 1934 года

«Я сама никогда не страдала от того, что покинула родину. Я жила в стране, великодушно принявшей всех попавших в беду чужеземцев».

Марлен Дитрих, 1991 год

«...необычная женщина...»

Торт от Марлен Дитрих по случаю 25-летия режиссерской деятельности Эрста Любича (справа).

исчезла за маской Марлен Дитрих. «Она не была частным лицом, безжалостная, если необходимо, к любому и к самой себе», — писала о ней одна журналистка. Сама Марлен говорила в интервью 1991 года о своей «ущербной частной жизни». В США Марлен организовали потрясающую рекламную кампанию: еще не вышел ее новый фильм, а плакаты и афиши уже висели повсюду, везде можно было прочесть: «Новая звезда “Парамаунта” — Марлен Дитрих».

Лишь после этого она появилась на экране в фильме «Марокко». Марлен играет в нем героиню без гражданства Ами Жоли, уставшую от жизни парижскую певицу из ночного клуба, безнадежно влюбившуюся в солдата Иностранного легиона, роль которого сыграл Гари Купер. Выступая в шокирующем публику фраке и цилиндре, она является дерзкой и загадочной женщиной, которая в силу обстоятельств не может вырваться из среды проституток и наркоманов. В конце концов, она отправляется дальше, в Буэнос-Айрес, чтобы там продолжить все ту же жизнь.

«Есть и женский Иностраннный легион», — говорит героиня Марлен — девиз, который, в общем-то, ассоциируется с дальнейшей жизнью и самой актрисы. Фильм «Марокко» побил в США все рекорды посещаемости. Несмотря на «великую депрессию», кассовые сборы «Парамаунта» и кинотеатров были внушительными. «Лос-Анджелес Таймс» писала: «Мисс Дитрих выделяется вызывающим спокойствием и необыкновенной сдержанной выразительностью». Она репетировала каждое слово, каждое движение, каждый глубокий, загадочный взгляд, не полагаясь на случай, поскольку знала, что в красоте нет ничего случайного. Ее рецептом успеха оставался «стиль Дитрих». Этот рецепт — смесь суровой школы Голливуда с манерами берлинской богемы — одобрили во всем мире. На родине гордились берлинским цветком, столь пышно расцветшим за океаном.

Марлен Дитрих вернулась обратно в Берлин, правда, на короткое время. Столица чествовала ее во время короткого визита в 1931 году. Он явился первым и последним триумфом, которым одарил ее родной город. Дитрих снова в Берлине! Все мечтали это увидеть. Публичные выступления превращались в столпотворения, берлинцы ликовали. Однако ее собственный

*«Я, к счастью, была в Америке, когда нацисты пришли к власти...»
На своей второй родине она жила в роскоши и всегда путешествовала с огромным багажом.*

«Похоже, из-за весны я внезапно затосковала по Берлину. Вспоминаю, как ранними вечерами ехала в открытой коляске по Курфюрстендамм, и вдруг без видимой причины что-то булькает в горле. Наверное, потому, что я была молода и была дома».

Марлен Дитрих, письмо Максу Кольпе от 2 апреля 1934 года

«Марлен Дитрих обосновалась в Америке. Она была не согласна с тем, что происходило в Германии. У нее была возможность уехать. За это нельзя обижаться на нее и считать ее поступок предательством родины».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

восторг был достаточно сдержанным. Одному знакомому журналисту 29-летняя Марлен призналась: «Мне, неизвестной маленькой актрисе, пришлось очень тяжело в Берлине. Известность уже не делает меня по-настоящему счастливой. Знаете, слава пришла слишком поздно». Но не все в Германии, вовсе не все, спешили ее прославлять, представители национал-социалистической партии охарактеризовали фильмы Марлен как «третьеразрядную, губительную пошлость» и потребовали изгнать их из германских кинотеатров.

В США ее работы тоже подвергались критике: американские женские организации, отличающиеся жесткими моральными принципами, призывали к бойкоту фильмов Дитрих, в котором она играла «в основном проститутку». Марлен критиковали также за то, что она живет в Голливуде, а ее ребенок и муж — в Германии, американские пуритане не могли этого пережить! Для спасения репутации Марлен решает привезти дочь Марию к себе в США. Руди Зибер со своей любовницей Тамарой обосновался в Париже в качестве представителя студии «Парамаунт», он отвечал за дублирование фильмов. Таким образом Марлен всех устроила, чтобы «никто не страдал», по крайней мере, так это выглядело.

Если «Марокко» помог «Парамаунту» выбраться из долгов, то следующий фильм с Марлен — «Обесчещенная» — оказался неудачным. Марлен играла роль венской проститутки, которую во время Первой мировой войны шеф австрийской тайной полиции использует в качестве шпионки. Прообразом героини фильма являлась Мата Хари. Несмотря на фиаско, Штернберг продолжал снимать Марлен Дитрих в типичных ролях. Следующим их совместным фильмом стал «Шанхайский экспресс». Эта лента имела самый большой успех у публики, фильм был выдвинут на «Оскара» в трех номинациях. Однако американский журнал «Венити Фэйр» отозвался враждебно: «Штернберг меняет свой лаконичный стиль на щегольские забавы с ногами Дитрих в шелковых чулках и ягодицами в кружевах, превратив ее саму в потаскуху из потаскух». На Штернберга это не произвело никакого впечатления. В «Белокурой Венере» Марлен вновь играет певицу из ночного клуба, занимающуюся проституцией, что-

«Даже если бы у нее не было ничего, кроме голоса, она смогла бы разбивать им сердца».

Эрнест Хемингуэй, писатель, 1952 год

«Она принадлежала к людям, по отношению к которым испытываешь жуткое чувство, будто жизнь существует только для них и все происходит только для того, чтобы они получили это все и стали еще значительнее».

Мария Рива, дочь Марлен Дитрих

«Я всегда являлась поклонницей Марлен Дитрих и могу ее понять. Будь у меня тогда такая возможность — в то время я была слишком молода, — но будь она у меня, я, конечно, поступила бы так же».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

На фотографии Эрнест Хемингуэй, танцующий с Марлен Дитрих; он называл «звезду» «The Kraut», что переводится как «квашеная капуста».

бы содержать своего ребенка и больного мужа. У публики этот фильм провалился.

В это время в Германии нацисты призывали к бойкоту фильма «Обесчещенная», назвав его «второклассным Ремарком». Что являлось, по нацистским меркам, двойным оскорблением: Ремарк был запрещенным писателем в Третьем рейхе в том числе и из-за своей знаменитой антивоенной книги «На Западном фронте без перемен».

После 1932 года публика открыто отвергала фильмы с Дитрих, также плохо обстояли дела и у самой студии «Парамаунт», ей грозило банкротство; вся кинопромышленность страдала от мирового экономического кризиса. Для Марлен Дитрих и Джозефа фон Штернберга наступили не лучшие времена: на «Парамаунте» у них практически не осталось покровителей. Те, кто пригласили режиссера и его «находку» в Голливуд, были уволены или находились на вторых ролях, 38-летний Штернберг сообщил, что ему опостылело снимать фильмы, и он уходит из кино, чтобы рисовать, читать и строить дом своей мечты.

Марлен тоже сделала выводы. Она заявила, что возвращается в Европу с целью добиться успеха на сценах Берлина и Парижа. Однако выяснилось, что ей придется остаться в США, к этому ее вынуждал контракт. «Парамаунт» не позволил Марлен вернуться на родину, предпочитая в эти нелегкие времена платить незадействованной в съемках кинодиве 4000 долларов в неделю на карманные расходы.

В конце концов, руководители студии пригласили ее на роль в фильме «Песнь песней» режиссера Рубена Мамуляна, в котором она, как и в ее первых четырех американских фильмах, должна была сыграть девушку легкого поведения, проще говоря — проститутку. Марлен была не в восторге от роли Лили и пропустила предварительное собеседование. Когда «Парамаунт» лишил ее за это 4000 долларов, она почувствовала себя свободной от дальнейших обязательств по контракту. В декабре 1932 года она действительно захотела выбраться из Голливуда и отправиться назад в Европу. Затянувшийся политический кризис в Германии не пугал ее. Нацисты у власти? Это ненадолго. Предстоящую катастрофу, самую страшную в истории Германии, все равно никто не мог себе представить. В Берли-

не, как и раньше, открывались интересные перспективы для карьеры.

Также полагал и Джозеф фон Штернберг: он приехал в столицу Германии, пару раз встречался с Лени Рифеншталь и обедал с Альфредом Гугенбергом. Однако конкретных проектов для Штернберга и Марлен не получилось. Решающим для дальнейшего пути актрисы оказался настойчивый совет ее адвокатов выполнить контракт с «Парамаунтом». Таким образом, 3 января 1933 года она приступила к работе в «Песне песней» практически против воли, так как, по ее собственному признанию, на «Парамаунте» она чувствовала себя «под домашним арестом».

Так что в период прихода Адольфа Гитлера к власти и политического переворота в Германии Марлен отвлекли другие события, тем более что она находила утешение в любовных похождениях. Претендентами на ее сердце в то время являлись: Морис Шевалье, снимавшийся на «Парамаунте», режиссер Рубен Мамулян и Брайан Ахерн, партнер Марлен по фильму «Песнь песней».

А Штернберг тем временем стал свидетелем новой политической реальности в Берлине: 28 февраля 1933 года он ехал на такси в аэропорт «Темпельхоф» мимо дымящегося рейхстага. В поджоге обвинили молодого голландского коммуниста по имени Маринус ван дер Люббе. До сегодняшнего дня высказываются предположения, что национал-социалисты сами организовали поджог. После поджога рейхстага правительство Гитлера получило свободу действий для борьбы со своими политическими противниками: президент Германии Гинденбург чрезвычайным постановлением аннулировал некоторые статьи конституции и предоставил рейхсканцлеру Гитлеру широкие полномочия.

Фон Штернберг, считающий себя «аполитичным человеком», не увидел страшного знамения времени. В этом он походил на многих немцев, вряд ли многие всерьез тогда воспринимали нацистскую угрозу. Его не особенно интересовало, что Гугенберг, владелец студии «УФА», финансировал нацистов и помог Адольфу Гитлеру стать рейхсканцлером.

Марлен издали видела все отчетливее. Она понимала, что без Штернберга у нее в Германии не будет никаких шансов, но

также она понимала, что после «коричневой революции», которую пережила ее родина, нереально было планировать в Германии съемки фильма с американским евреем из Вены. Уже в апреле 1933 года нацисты лишили гражданства некоторых известных деятелей искусства, евреев по национальности: Макса Рейнхардта, Курта Вайля, Лиона Фейхтвангера. Под угрозой оказались все, не соответствующие нацистским представлениям об искусстве. Томас и Генрих Манны, Берт Брехт, Артур Кестлер, Фриц Ланг и Билли Уайлдер, современные художники и архитекторы, создатели стиля «Баухауз», а также многие другие деятели искусства оказались «нежелательными элементами» и во избежание дальнейших преследований эмигрировали.

10 мая 1933 года нацисты нанесли еще один удар по культурной жизни Германии. Преданные национал-социалистам активисты публично сожгли произведения Маркса, Фрейда, Гейне, Маннов, Стефана Цвейга, Эриха Марии Ремарка и сотен других писателей, которых «коричневые невежды» сочли «дегенеративными». Неудавшийся рисовальщик открыток Адольф Гитлер определял, что хорошо и ценно в искусстве. Художников и публицистов, не вписывающихся в его мещанскую картину мира, изгоняли из страны, преследовали или, как издателя «Вельбюне» Карла фон Осецкого, гноили в концлагерях.

Марлен Дитрих не испытывала ни малейших симпатий к новой власти в Германии и их политике в области культуры в частности. Становление ее личности происходило в эпоху «золотых двадцатых» в Берлине — центре европейской культурной жизни, — Марлен была на удивление свободна от предрассудков и условностей. В то же время она чувствовала себя сторонницей идеалов прусской аристократии и презирала нацистского вождя, который был «обыкновенным плебеем».

Марлен оставалась равнодушной к их разглагольствованию о «народном единстве» и сама решала, чью сторону займет. Ее позицию поддерживал и муж Руди. Он собственными глазами видел, что творится в Берлине, и телеграфировал жене в Санта-Монику: «Ситуация ужасна... Бары большей частью закрыты. Театры и кино невыносимы, улицы пусты. Евреи нашей профессии в Париже, Вене, Праге».

«Марлен Дитрих — необычная женщина».

Джозеф фон Штернберг в своих воспоминаниях

«Штернберг мучил всех, но к Дитрих относился особенно подло».

Цезарь Ромеро, партнер Марлен Дитрих в кино

«Она на девяносто процентов хорошая, а на десять процентов — ужасно глупая».

Эрих Мария Ремарк, возлюбленный Марлен Дитрих

«Ее красота была дурманящей, но холодной».

Двое мужчин, несчастливо влюбленных в Марлен Дитрих: Джозеф фон Штернберг (слева) и Эрих Мария Ремарк (справа)».

События в Германии после прихода нацистов к власти сказались и на Голливуде. В то время как страна выдающихся поэтов и мыслителей культурно беднела, Америка обогащалась лучшими представителями немецкой культуры. Конечно, они испытывали в Новом Свете серьезные трудности: хотя Голливуд и предлагал хорошие возможности для людей, работающих в сфере кино, но многие эмигранты не имели в США шансов на успешную карьеру. Вновь прибывшие в Голливуд эмигранты, не имевшие средств и связей, считали большой удачей поддержку устроившихся здесь земляков. Наряду с Эрнстом Любичем, Залкой Фиртель и Лионом Фейхтвангером Марлен Дитрих относилась к числу хорошо устроившихся. «К счастью я была в Америке, когда нацисты пришли к власти. Поэтому я, как и все в Америке, знала о событиях в Германии и всех злодеяниях; я могла помочь многим преследуемым бежать и получить здесь пристанище, а затем работу», — скромно рассказывала она. Марлен не упоминала о том, что с помощью щедрых финансовых пожертвований она облегчала участь многочисленных беженцев из Германии, а возможно, и спасала их жизни. Дело в том, что США строго придерживались довольно низких въездных квот и выдавали разрешения на въезд только в том случае, если заявитель мог назвать гражданина США, гарантирующего его финансовый доход. Эти события заставили Дитрих признать, что самое главное сейчас — дисциплина: ее финансовое благополучие и платежеспособность стали важнее тщеславия и капризов. Ведь в Германии жила ее семья — мать, сестра с мужем и сыном Хассо, — которой тоже могла понадобиться финансовая помощь.

Успех первого фильма, снятого без Штернберга, подтвердил прагматические размышления Марлен. Пресса без устали хвалила «Песнь песней», которую Марлен терпеть не могла. Об исполнительнице главной роли «Нью-Йорк Таймс» писала следующее: «Марлен Дитрих порхает в “Песне песней” с лирической грацией небесного создания — настоящая усадка для глаз». В этом фильме Марлен исполняет роль проститутки, держа сигарету в уголке губ, она красиво и эротично исполняет песню «Джонни, когда у тебя будет день рождения...», обещая каждому мужчине все и ничего.

Однако подобный женский тип не соответствовал вкусу национал-социалистов, Марлен Дитрих явно противоречила их идеалу женщины. Своей склонностью к мужским костюмам, мужским ролям и связям с женщинами она бросала вызов общепринятым общественным устоям, и не только в Германии. Но Геббельс был недоволен успехом Дитрих по другим причинам, ему не давало покоя то, что единственная немецкая кинозвезда мирового уровня блистала не в Берлине, а в Голливуде. По указанию «бабельсбергского бычка» в прессе публиковались язвительные комментарии в адрес Марлен. В них говорилось, что немцам придется отказаться от Марлен: «Сомнительно, что в обозримом будущем немецкие зрители смогут увидеть фильмы с Марлен Дитрих. Пока что для нее важнее доллары».

В конце 1933 года в Берлине вышло распоряжение, запрещающее «арийским деятелям кино», живущим за границей без договорных обязательств, работать в Германии, поскольку они саботируют строительство новой культуры и, следовательно, являются предателями. Марлен Дитрих была шокирована, так как она стремилась сохранить свою добрую славу в родной стране. До сих пор она избегала публичных критических высказываний в адрес Третьего рейха. Напротив, Марлен тщательно выбирала слова и придерживалась нейтральных суждений. В марте 1934 года она отправилась в Берлин, и ради своих родственников попыталась смягчить отношения с новым режимом: 14 марта 1934 года руководитель Имперской кинопалаты объявил, что Марлен пожертвовала «существенную сумму» в благотворительный фонд данной организации. Однако уже через два дня нацисты запретили в Германии показ ее фильма «Песнь песней».

Нацистские борзописцы со слов доктора Геббельса наперебой разъясняли основания запрета: «Марлен Дитрих известна во всем мире как немка, а она исполняет в Америке роли девушек легкого поведения, в результате мир получает абсолютно неправильное и ненадлежащее представление о Германии».

Так «девушка легкого поведения» постепенно сжигала за собой мосты. Визит в Германию в 1934 году наглядно продемонстрировал Марлен, что в империи Гитлера у нее нет буду-

шего. Правда, она и не собиралась лить воду на пропагандистскую мельницу «уродливого карлика», как она называла Геббельса. Дитрих видела, что сделали нацисты с ее друзьями из берлинской богемы, сюда входили и запрет на профессию, и публичное уничтожение книг, и лишение гражданства с выдворением из страны, и травля в прессе, и заключение в концлагеря. Позднее оказалось, что ее пожертвование Имперской кинопалате явилось вознаграждением за две уступки: выездную визу в Америку ее супругу Руди Зиберу и признание действительными внутреннего и заграничного паспортов Марлен Дитрих. Ведь даже мировой «звезде» не с руки было оказаться без гражданства и каких-либо прав.

Марлен Дитрих покинула Германию, не подозревая, что увидит родину только через десять с лишним лет. Однако она оставалась немкой и в глубине души, и для публики. Возвращаясь из Европы на лайнере «Иль де Франс», она познакомилась с писателем Эрнестом Хемингуэем. Эта блестящая женщина, покидавшая свою родную Германию, тут же получила от него прозвище «The Kraut» — «квашеная капуста» или на сленге «немка». Ирония Хемингуэя свидетельствовала о том, что в глазах американцев Марлен по-прежнему, прежде всего, немка.

В последующие годы Голливуд не принес ей особого утешения. Пресса неблагоприятно приняла фильм Штернберга «Красная императрица» о Екатерине Великой с Марлен Дитрих в главной роли. Журналисты принялись критиковать ее за вызывающее поведение. Гигантский заголовок в газетах гласил «Дитрих влюблена», а под ним более мелким шрифтом было набрано «Самая большая любовь Дитрих — сама Дитрих!» Обсуждались ее любовные связи, так же как и «открытый», то есть фактически фиктивный брак с мужем Рудольфом Зибером.

Ее старинный покровитель Штернберг, сделавший из нее мировой секс-символ, считал, что их совместному пути пришел конец. Его мучило то, что именно он не мог единолично обладать этой женщиной, имеющей романы с различными мужчинами и женщинами. В искусстве она была его творением, однако режиссировать ее любовную жизнь он не мог. Тем не менее сложные взаимоотношения пошли на пользу их со-

*«Америка всегда была добра ко мне...»
В 1939 году Марлен Дитрих впервые получает право участвовать в выборах в США, в Нью-Йорке она внесла свою фамилию в список избирателей.*

«Когда Гитлер пришел к власти, я была вынуждена сменить гражданство, в ином случае я бы этого никогда не сделала. Америка приняла меня тогда, когда у меня, так сказать, больше не было родины, и я благодарна ей за это. Я жила там и соблюдала все законы. Я была хорошей гражданкой, но в душе оставалась немкой. Немкой в душе, немкой по воспитанию».

Марлен Дитрих в своих воспоминаниях

«Я поняла, что она против национал-социализма, но видела ее борьбу не против Германии, а против Гитлера».

Лени Рифеншталь, режиссер

вместным фильмам, тогда как в жизни они превратились в утомительную обыденность. Последним даром красоте и таланту Марлен должен был явиться фильм 1934 года «Дьявол — это женщина», в нем Марлен исполняла роль прекрасной, но бессердечной танцовщицы Кончиты, приносящей мужчинам только несчастье. Фильм возмутил и цензоров, и критиков, и зрителей. Для Марлен совместная работа с ее наставником завершилась. Удрученная, она признавалась близким: «Я разочаровала его. Я оказалась не тем идеалом, который он искал. Я пыталась сделать то, что он хотел, но не добилась успеха. Он никогда не был по-настоящему доволен». На публике она дипломатично заявляла: «Мистер фон Штернберг какое-то время не намерен снимать фильмов. У него многочисленные интересы кроме кино, прежде всего, живопись. Он хочет отдохнуть и придерживается мнения, что для меня наступило время пойти собственным путем».

Нацисты не смогли удержаться от комментариев. Ее дочь Мария Рива рассказывает, что посыльный из германского консульства принес ее матери передовую статью, «опубликованную в ведущих немецких газетах по личному указанию министра пропаганды доктора Йозефа Геббельса». В ней говорилось: «Мы аплодируем Марлен Дитрих, наконец покинувшей еврейского режиссера Джозефа фон Штернберга, заставлявшего ее играть только проституток или обесчещенных женщин, а не роли, которые могли бы сделать честь этой великой гражданке Третьего рейха». И далее: «Теперь Марлен должна вернуться на родину, и взять на себя историческую роль предводительницы германской киноиндустрии, а не позволять использовать себя голливудским евреям».

Однако Марлен действительно пошла своим собственным путем. Она сознавала, что из-за фильмов Штернберга за ней закрепился образ красивой, гламурной, но недостижимой и жестокой женщины. Знаменитый голливудский режиссер Эрнст Любич решил это изменить.

Любич тоже считал, что ее слишком много изображают как «Дитрих» и слишком мало как «Марлен». В его фильмах на передний план должна была выйти «Марлен» — красивая, умная женщина с чувством юмора, человеческое существо, а не боги-

ня или демон. В комедии «Желание» она играет похитительницу драгоценностей, которая в Париже встречает американца Тома Бредли (Гари Купер), влюбляется в него, и он в конце концов помогает ей. Журнал «Тайм» хвалил этот фильм: «Романтическая комедия, изысканная и очаровательная, в которой Марлен показала наивысшее достижение, с тех пор как стала слишком порядочной для демонстрации своих ног, прославивших ее в США». Марлен снова была при деле, а ее слава позволяла ей получать баснословные гонорары за каждый фильм. В 1936 году за фильм «Сад Аллаха» она получила 200 тысяч долларов, став, согласно мнению «Тайм», самой высокооплачиваемой женщиной в мире.

В середине июня 1936 года на набережной порта в Нью-Йорке можно было увидеть 60 чемоданов с монограммой «МД», ожидающих погрузки. Трансатлантический лайнер «Нормандия» должен был перевезти через Атлантику особенную пассажирку — Марлен Дитрих снова собралась в Европу. Газеты ловили каждый ее вздох: «Она нарушила все законы астрономии, и земля, а с нею и корабль, вращались вокруг нее, а не вокруг солнца», — написал женский журнал «Вог». На борту «звезда» занимала фешенебельную каюту — четырехкомнатные апартаменты в первом классе. Гостью баловали особыми знаками внимания, в частности, в ее честь на лайнере демонстрировали фильм «Желание». Окруженная свитой, кинодива изо дня в день позировала в костюмах для отдыха, позволяла себя фотографировать в неформальной обстановке, и грелась в лучах собственной славы. Штатная репортерша «Вог», полностью очарованная Дитрих, телеграфировала: «Даже морские волны не устояли перед шармом Марлен. На второй день, когда океан заволновался, капитан сказал мисс Дитрих: “Тысячу раз прошу прощения. Я позабочусь о том, чтобы подобное не повторилось”». Трудно сказать, оказал ли Нептун должное уважение высокочтимой путешественнице.

На «Нормандии» Марлен прибыла в Гавр, затем отправилась в Лондон. Ее встречали на вокзале Виктории, и полиции с трудом удавалось сдерживать огромную толпу зевак.

Она вышла из поезда закутанная в норку и красный бархат, поскольку во время появлений на публике Дитрих любила по-

ходить на персонажей, которых она изображала на экране. Успешная карьера Марлен продолжалась: в Лондоне летом 1936 года она получила от продюсера Александра Корды чек на 450 тысяч долларов (соответствует сегодняшним шести-семи миллионам долларов) за участие в фильме «Рыцарь без доспехов». Ей нужны были деньги, поскольку ее «звездное положение» требовало вложения больших средств, кроме того, Марлен содержала находящихся в Париже супруга Руди и его возлюбленную. Если не считать того, что Дитрих из своих гонораров выделяла деньги многочисленным коллегам и друзьям, бежавшим из Германии после прихода Гитлера к власти в относительно безопасные страны. Марлен их понимала, поскольку тоже утратила родной дом.

Берлинская вечерняя газета «Ахт ур абендблатт» 31 июля 1936 года под заголовком «Марлен ругает свою родину» прокомментировала ее выступление в Великобритании: «Прибывшая вчера в Лондон киноактриса Марлен Дитрих заявила представителям прессы, <...> что не думает когда-либо возвращаться в Германию, так как с ней там якобы плохо обращаются. По ее словам, в Германии на нее нападают и ненавидят ее фильмы, потому что не могут простить отъезда, который не является ее виной. Сомнительна попытка триумфа в Лондоне за счет прежней родины».

В Лондоне суперзвезда Марлен влюбилась в британского кинокумира Дугласа Фэрбенкса. Пара сняла целый этаж в лондонской гостинице «Кларидж». Позже Фэрбенкс описывал Марлен как «хорошую, сердечную немецкую девушку, подчас с... несколько нетрадиционными идеями. Она точно знала, какую маску желает видеть на ней общественность, и ей нравилось изображать недоступную и недостижимую Венеру, сводящую мужчин с ума. Иногда она становилась любящей матерью, но существовала и абсолютно нормальная женщина Марлен, любящая готовить и шутить. Сладкая, милая, очень талантливая, очень внимательная, очень умная». Согласно Фэрбенксу, «потрясающе необыкновенная возлюбленная, философ и подруга, правда, иногда довольно дерзкая».

Наступил сочельник 1936 года, но даже в канун Рождества Марлен не поддавалась на уговоры. Когда ее двенадцатилетняя

дочь по-детски наивно пыталась объяснить матери, что в Рождество нельзя выпроваживать посетителя, Марлен только отмахнулась, поскольку речь шла о посланце министра пропаганды Третьего рейха доктора Геббельса. В холле лондонской гостиницы «Мейфэйр» в декабре 1936 года какой-то немец целыми днями ожидал аудиенции кинозвезды. Марлен привыкла к визитам мужчин, но ей стало не по себе от таких настойчивых попыток завербовать ее, и она упорно и непреклонно отклоняла все предложения. Посланник из Германии, киноагент по имени Александр фон дер Хайде, предлагал Марлен свою защиту от клеветнических нападок в Германии. Он передал ей следующее сообщение: «В Рождество я сижу один в Лондоне, где не знаю ни души, но все же счастлив и доволен, потому что за прошедшие полгода добился того, чтобы официальные власти поступали с Вами справедливо, как с актрисой, человеком и немкой». За словами фон дер Хайде стоял Йозеф Геббельс. В письме, полученном фон дер Хайде 22 декабря, говорилось: «Сегодня по поручению имперского министра пропаганды, доктора Геббельса, сообщаю Вам, что впредь в германской прессе не будут появляться публикации, наносящие ущерб авторитету госпожи Дитрих».

Наряду с галантным предложением защиты фон дер Хайде мог предложить и многое другое, по крайней мере, он так считал. Марлен ожидал щедрый рождественский подарок. Ни один мужчина — пусть и по поручению другого — не обещал ей так много! «Целый мир», меньше национал-социалисты обычно не предлагали, будет у ее ног, если Марлен вернется в Берлин «королевой УФА». Она получит полную свободу действий, будет сама устанавливать гонорары, выбирать режиссеров и сценарии. Правда, имелась одна оговорка, присущая всем обещаниям нацистов: в качестве сотрудников студии нежелательны евреи.

По мнению Геббельса, мировая «звезда» Марлен Дитрих в качестве вывески немецкой киноиндустрии чрезвычайно укрепила бы престиж нацистского государства. Гитлеру, похоже, эта мысль тоже нравилась.

Управляющий именем «Бергхоф» Герберт Деринг в интервью Центральному германскому телевидению (ZDF) сообщал

о противоречивом мнении диктатора о Дитрих: «У нас показывали много запрещенных американских фильмов, он всегда смотрел фильмы с Марлен Дитрих и всегда хвалил ее как актрису». Однако профессиональные качества и физические достоинства кинозвезды не могли отвлечь Гитлера от мысли, что она предала Германию. «Она часто показывала свои ноги, а на ноги он любил посмотреть, хотя вообще-то он окрестил ее гие-ной. Он не любил ее, потому что она сбежала», — продолжал Деринг. Гиена или нет, но Дитрих считалась самой потрясающей женщиной в мире. Как можно было уговорить ее перейти в нацистский лагерь?

«Фюрер хотел бы, чтобы Вы вернулись домой», — говорилось в письме, переданном посланником Геббельса. Однако гитлеровский рейх никогда не был для Марлен домом, того Берлина, который она знала и любила, уже не существовало. Умнейшие головы и вдохновеннейшие художники покинули Германию: одни — потому что были евреями, другие — из-за политических преследований, большинство — из-за полного несогласия с режимом гитлеровской Германии. Марлен была знакома с множеством эмигрантов, помогала им, по-матерински утешала, поэтому она хорошо знала, на чьей стороне ее симпатии. Этот личный опыт легко позволил Дитрих проявить политический инстинкт: она заявила посланнику Геббельса, что никогда не согласится встать в первые ряды нацистской пропаганды.

6 марта 1937 года Марлен совершила еще один важный шаг: в новом здании городского муниципалитета Лос-Анджелеса она присягнула на верность американскому флагу и конституции. В строгом костюме и фетровой шляпе с широкими полями она, куря одну сигарету за другой, нервно ожидала решающего момента. Вот служащий по делам иммигрантов принял ее заявление на получение гражданства. Перед зданием муниципалитета ее ожидали 16-цилиндровый «кадиллак» и пресса. Перед тем как сесть в роскошный автомобиль, Марлен заявила ожидающим журналистам: «Я живу здесь, я работаю здесь. Америка всегда была добра ко мне». И ни слова критики в адрес нацистской Германии.

«Потоком шли восторженные рецензии, а для писем ее поклонников создали почтовое отделение, мужчины мечтали положить к ее ногам все свое состояние, а знаменитости добивались ее расположения ради того, чтобы сфотографироваться вместе с ней».

Джозеф фон Штернберг, режиссер

«Я послан к Вам не германским правительством, а прибыл как уполномоченный и по поручению моей фирмы. Хотя я приехал не по заданию фюрера, но все-таки наш директор Фазольт перед моей поездкой к Вам проконсультировался в компетентной правительственной инстанции и удостоверился в том, что очень приветствовалось бы, если бы Вы приехали в Германию и стали бы работать здесь».

Письмо представителя кинофирмы Александра фон дер Хайде к Марлен Дитрих от 14 августа 1936 года

*«Мы Вам очень благодарны...»
Марлен Дитрих
в 1942 году во
время турне по
стране с целью
продажи
облигаций
военных займов
(Кливленд,
штат Огайо).
Она продавала
облигации
успешнее всех.*

Все равно немецкая пресса отреагировала весьма злобно. Юлиус Штрайхер не преминул съязвить в «Штюрмере»: «Дитрих столько лет провела среди “киноевреев” Голливуда, что из-за “еврейских контактов перестала быть немкой»». Под фотографией в «Штюрмере» также было написано: «Небрежно одетый судья принимает клятву Дитрих, с помощью которой она сможет предать свою родину». Даже в США некоторые симпатизировали гитлеровской Германии, например, в газетах американского издателя Херста про Марлен Дитрих опубликовали статью под пошлым заголовком: «Дезертировала из родной страны!»

Вначале почти американку Марлен Дитрих преследовали неудачи: по бюрократическим причинам срок ожидания американского загранпаспорта составлял два года, британский фильм «Рыцарь без доспехов» провалился у публики, так же как и безупречная эксцентричная комедия «Ангел» Эрнста Любича. Затем последовало публичное унижение суперзвезды: зависимые от студий американские владельцы кинотеатров опубликовали в профессиональных голливудских газетах статьи на целую страницу. В них Марлен Дитрих называли «отравой для кассы». То, что она попала в хорошую компанию — упоминались также имена Греты Гарбо, Джоан Кроуфорд, Кэтрин Хепберн и даже Фреда Астера, чьи последние фильмы не принесли ожидаемого дохода, — являлось слабым утешением. Критические статьи и неудачные фильмы возымели действие: студия «Парамаунт» отказалась от Марлен, которая получила денежную компенсацию и потеряла предназначенную ей роль.

Марлен в буквальном смысле бежала в Европу. Лето 1937 года она проводила в Венеции. В гостинице «Де Бейн» на Лидо она встретила со многими эмигрантами. К компании отдыхающих среди прочих принадлежали супруг Марлен Рудольф Зибер и Джозеф фон Штернберг, в таком обществе Марлен было не так-то просто отвлечься от проблем Голливуда. Однако спасение было близко: тем летом к ее столику в зале ресторана в стиле «бель эпок» подошел джентльмен с отменными манерами и пригласил Марлен на танец. «Самая известная в мире безработная женщина посмотрела в монокль самого продаваемого в мире писателя, а его монокль взглянул в глаза сфинкса», —

*«Я живу
здесь, я
работаю
здесь...»
Марлен
Дитрих в
«голливудс-
кой столо-
вой» —
танцзале
для солдат.*

«Америка приняла меня, когда я отреклась от гитлеровской Германии. Нельзя только брать, нужно и давать. Это написано и в Библии».

Марлен Дитрих в своих воспоминаниях

«Все, что эта женщина делала, играла или изображала, она использовала как провокацию, вызов».

Хельмут Каразек, критик и журналист

пишет Стивен Бах, биограф Дитрих, о встрече Марлен с Эрихом Марией Ремарком.

Автор популярного романа «На Западном фронте без перемен» в 1933 году был вынужден покинуть нацистскую Германию, хотя не был ни евреем, ни коммунистом. Нацисты расценили его антивоенный роман как провокацию, таким образом, Ремарк превратился в политического противника режима.

Успешный автор вел светскую жизнь, проводя время на европейских курортах. Наряду с красивыми женщинами и быстрыми машинами его самой большой слабостью являлся алкоголь. Однако этот мужчина, знакомый Дитрих еще по Берлину и теперь разделявший с ней эмигрантскую судьбу, увлек Марлен. Они мгновенно влюбились друг в друга, и Марлен потянуло в город любви – Париж. Затем они решили вместе ехать в Америку. Однако имела место неприятная проблема: Марлен Дитрих приехала в Европу с германским загранпаспортом. Несмотря на то, что она уже публично присягнула на конституции США, формальная выдача ей гражданства затягивалась, а срок действия загранпаспорта Германской империи истек. Волей-неволей Марлен Дитрих пришлось в ноябре 1937 года нанести унизительный визит в немецкое посольство в Париже.

В логове льва ее ожидала важная компания: посол граф Иоханнес фон Вельчек принимал ее стоя, по бокам от него за стульями стояли четыре дипломата высокого ранга навтытяжку. Они сразу взяли Дитрих в оборот: своими заявлениями в прессе она якобы нанесла урон престижу рейха. Она холодно возразила, что не отвечает за болтовню в газетах и напомнила господам о том, что она «немка от и до». Она грозила предпринять правовые шаги против тех, кто утверждает обратное. Конечно, паспорт продлят, заявил, в конце концов, фон Вельчек, но он должен передать особое послание: «Не становитесь американкой, возвращайтесь обратно в Германию! В Германии Вас ожидает триумфальный прием». Но Марлен вежливо сослалась на сотрудничество с Джозефом фон Штернбергом: «Если Вы пригласите его снять фильм в Германии, я, безусловно, буду готова работать в Германии». Дипломаты хранили ледяное молчание. «Означает ли это, что Вы не хотите, чтобы господин фон

Штернберг снимал фильм в Вашей стране, потому что он еврей?» — не унималась Марлен.

«Вы отравлены американской пропагандой, у нас нет антисемитизма», — звучал жалкий и лживый ответ дипломата. Марлен нанесла встречный удар: «Ну, что ж, это чудесно. Я подожду, пока Вы заключите с господином фон Штернбергом необходимые договоры. Надеюсь также, что немецкая пресса изменит свой тон в отношении меня и господина фон Штернберга». Посол фон Вельчек, вновь превратившись в дипломата, попытался спасти ситуацию: «Одно слова фюрера, и все Ваши желания будут исполнены. Как только Вы вернетесь, конечно». На следующий день Марлен получила продленные паспорта. «Похоже, я и в самом деле нравилась этому страшному человеку в Берлине», — спустя годы вспоминала она в своих мемуарах тот день в Париже.

Не известно, что немецкие дипломаты из Парижа сообщили в Берлин, но очевидно, что они пытались представить свое поведение в выгодном свете. Так, абсурдная сцена в германском посольстве была оценена в Министерстве пропаганды как успешное установление контакта. 7 ноября 1937 года Геббельс записал в дневнике: «Марлен Дитрих сделала в нашем посольстве в Париже официальное заявление против клеветников, подчеркнув, что она немка и останется таковой. Она должна выступать у Хильперта в “Немецком театре”. Отныне я возьму ее под защиту».

Вскоре он прислал человека, который работал вместе с Марлен в Берлине в 1920-х годах, и которого она ценила: Хайнц Хильперт, главный режиссер «Немецкого театра». Марлен приняла Хильперта и вела себя дипломатично. Поэтому посланник Геббельса сообщил в Берлине положительные новости. По его словам, Дитрих изъявила готовность вернуться в Берлин, как только ей позволят договоры в Голливуде. 12 ноября 1937 года Геббельс пишет в дневнике: «Хильперт был в Париже. Марлен Дитрих сможет выступать в Берлине только через год. Но она твердо на стороне Германии». Ровно через неделю еще одна запись в дневнике: «Я велю реабилитировать ее в прессе!»

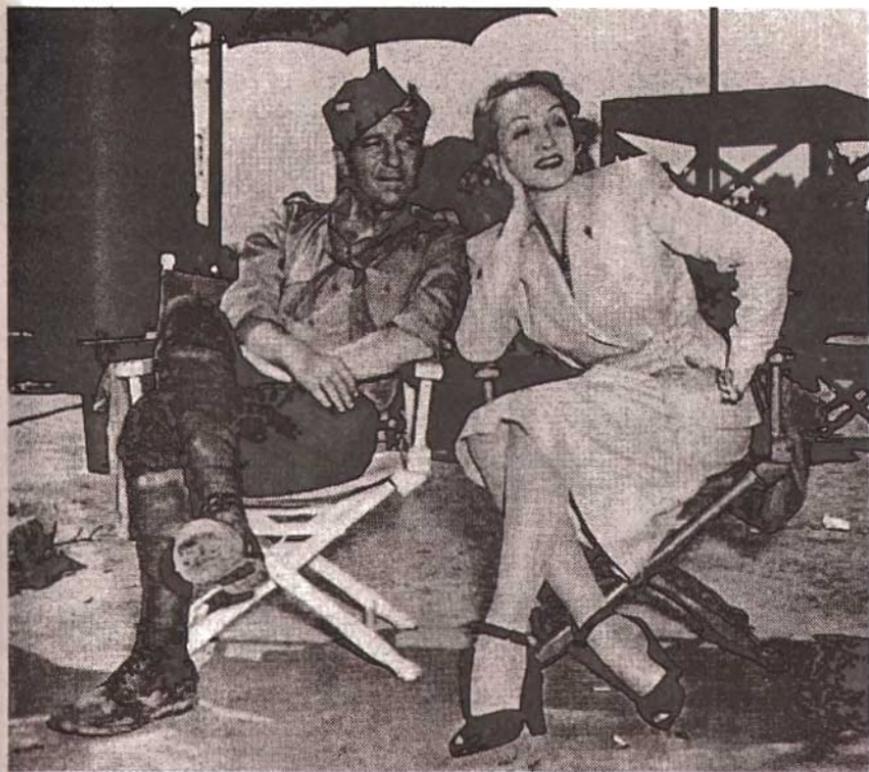
Отговорка, что в Голливуде у нее срочные обязательства, была не совсем искренней, поскольку ангажемента не предви-

делось. Однако Марлен по-прежнему пользовалась популярностью, ее много фотографировали.

На вечеринках и премьерах она блистала в экстравагантных нарядах, изумруды и рубины в изобилии украшали самую желанную женщину в мире. В светском обществе ей не было равных, Марлен всегда оставалась самым желанным гостем. Но в сверкающем мире Голливуда, не интересовавшемся событиями в Европе, в одном вопросе она всегда представляла исключение: ее лично касалось и тревожило все происходящее в Европе. Война в Европе угрожала ее семье, ее стране. Марлен с ужасом читала и слушала новости об аншлюсе Австрии и аннексии Богемии и Моравии.

Поэтому в конце 1938 года она все равно решила поехать в Европу. В Швейцарии, где ее дочь Мария училась и жила в пансионе, она встретилась со своими родственниками из Берлина. Свидание омрачилось тем, что муж ее сестры Георг Виль упомянул имя Геббельса. По поручению имперского министра пропаганды он должен был передать ей, что фюрер придает большое значение возвращению Марлен. Марлен пришла в бешенство. После недавних событий подобный шаг стал для нее совершенно невыносимым: убийствами во время погрома в ночь на 9 ноября 1938 года нацисты показали миру свое истинное лицо. А перед этим Марлен смогла лично почувствовать себя жертвой национал-социалистической травли. В 1938 году в Дюссельдорфе прошла выставка «Дегенеративная музыка — подведение итогов», направленная против так называемого еврейского влияния в музыке, она должна была стать дополнением к мюнхенской выставке «Дегенеративное искусство». На выставке упоминались и песни Марлен, написанные евреями, такие как, например, «С головы до ног я создана для любви...», на ее творчество тоже наклеили ярлык «дегенеративное».

Во время встречи в Швейцарии Марлен настойчиво уговаривала своих родственников уехать из Германии. Но мать Марлен, Йозефина фон Лош, не хотела покидать Берлин и полученный в наследство часовой завод, которым она в то время руководила. Когда семья Дитрих прощалась друг с другом в Лозанне, никто из ее членов не подозревал, что в следующий

«То, что Марлен стала «антинемкой» вполне очевидно, и у нее были на это причины».

Лени Рифеншталь, режиссер

«Вся ее карьера, вся ее жизнь напоминает блистательную мелодраму, разворачивающуюся по вечным законам доброго, старого, таинственно мерцающего черно-белого фильма: начиная со сказки об открытии ее таланта гениальным мастером кино Джозефом фон Штернбергом до передаваемой из уст в уста легенды о потрясающей возлюбленной, чья коллекция червонных валетов и пиковых дам подрывала моральные основы даже нечестивого Голливуда».

Гунар Ортлипп, журналист

*«Я не собираюсь сидеть здесь и смотреть, как война проходит мимо...»
Марлен
Дитрих и ее возлюбленный
Жан Габен
в Северной Африке.*

раз они увидятся только после того, как по Европе пронесутся огневые штормы Второй мировой войны.

Из Швейцарии Дитрих поехала в Париж. Там она встрети-
лась с Жаном Габеном, «звездой» французского кино. Однако
в тот момент их роману было не суждено развиваться, поскольку
у Марлен имелись дела в США. Она снова пересекла Атланти-
ку, чтобы в июне 1939 года в Лос-Анджелесе получить свиде-
тельство о том, что отныне она гражданка Соединенных Шта-
тов Америки.

Обращаясь к 200 иммигрантам, получившим гражданство
США, в том числе и Марлен, судья предупредил: «Мы должны
отказаться от любой пропаганды, противопоставляющей один
класс, расу или религиозное сообщество другому. События за
границей наглядно продемонстрировали трагические послед-
ствия злоупотребления пропагандой». Умные слова, но Мар-
лен Дитрих доказала, что не нуждается в подобных предосте-
режениях.

В мире кино ей требовалась поддержка. Продюсер Уолтер
Вангер сделал предложение, вначале смутившее ее. Он пред-
ложил ей роль в вестерне. Придется снова сменить имидж?
Марлен требовалось время на раздумье. Летом 1939 года с
только что полученным американским паспортом в кармане
Дитрих вновь отправилась в Европу. В Париже она встретила
Ремарка, фон Штернберга, свою дочь Марию и других «при-
дворных» из окружения «великой Дитрих». Вся компания от-
правилась в Антиб. На этом фешенебельном курорте на юге
Франции она познакомилась с Джозефом Кеннеди, послом
США в Великобритании, Кеннеди проводил на Лазурном бе-
регу каникулы со своими сыновьями. Однако благосклонная
позиция американского дипломата в отношении Третьего рей-
ха вызывала различные дискуссии, не мешающие Марлен
флиртовать и танцевать с блестящими кавалерами, сыновья-
ми Кеннеди, Джеком и Джоном Фицджералдом. Каникулы на
вулкане в конце лета судьбоносного 1939 года имели для Мар-
лен и экзотические грани. В то время как ее постоянный спут-
ник Эрих Мария Ремарк, с которым она обращалась весьма
жестоко, ежевечерне топил в кальвадосе страхи перед своей
несостоятельностью в качестве писателя, Марлен для разно-

«Когда кто-то видел верное решение, моя мать обладала умом осознать и принять его. После чего оно становилось ее идеей».

Мария Рива, дочь Марлен Дитрих

«Ваша красота общеизвестна, излишне о ней говорить, и поэтому я преклоняюсь не перед Вашей красотой, а перед Вашей добротой. Она сияет в Вас, как свет волны в волнующемся море; прозрачная волна, идущая издалека и, как подарок, несущая свой свет, свой голос и свою пену к нам, к берегу, на котором мы стоим».

Жан Кокто, писатель и режиссер

«Похоже, шоу-бизнес был ее религией...»

Бетт Дэвис и Марлен Дитрих выступают перед солдатами в «голливудской столовой» в Лос-Анджелесе.

образия пустилась в любовное приключение с женщиной. Ею была владелица заводов по производству виски, канадская миллионерша Джо Кастерс, яхта которой стояла на якоре перед Вильфранш-сюр-Мер.

На юге Франции Марлен приняла решение участвовать в предложенном ей вестерне. Главный продюсер студии «Юниверсл», венгр по фамилии Джо Пастернак, создавал свой фильм вместе со сценаристом из Германии евреем по национальности Феликсом (Джексоном) Иоахимсоном, бывшим берлинцем композитором Фридрихом Холлендером, а также бывшей германской подданной Марлен Дитрих в главной роли.

Для чисто американского жанра кино – вестерна – такой подбор участников исключителен. Этот фильм в Голливуде делали практически одни европейцы, в иллюзорном мире киностудии они прекрасно существовали и продуктивно работали. В Европе жизнь была совершенно иной – европейские народы сделали попытку военным путем разрешить старые конфликты. Старый Свет грозил взорваться в любую минуту.

Дитрих и ее «придворные» успели в последний момент покинуть «европейскую пороховую бочку». Марлен находилась в океане на борту французского лайнера, когда пришло сообщение о нападении германского вермахта на Польшу. Марлен пришла в смятение: если некоторые из ее близких находились вдали от войны, то родственники, оставшиеся в Германии, так или иначе, подвергались опасности. Она – американка и направляется в США, подальше от войны, а мать, сестра и муж сестры находятся в Берлине.

Дитрих не демонстрировала своих страхов, напротив, дисциплинированно и упорно при помощи вестерна «Дестри снова в седле» принялась реанимировать свою карьеру. В этом фильме Марлен играла певицу из салуна Френчи, ее партнером был Джеймс Стюарт, имевший успех в фильме «Мистер Смит едет в Вашингтон». Марлен снова пела, Холлендер написал для нее зажигательную песню «See What the Boys in the Backroom Will Have», эта песня оставалась в репертуаре Дитрих на протяжении всей ее последующей карьеры. Она продемонстрировала свой комический талант и те части тела, которые сделали ее знаменитой – танцуя на бар-

ной стойке, Марлен поднимала ноги как в берлинском кафе-шантане 1920-х годов. В фильме «Дестри снова в седле» 1939 года появилась та же Марлен, которая еще в роли Лолы из «Голубого ангела» сводила мужчин с ума. «Дестри» стал огромным успехом, и «отрава для кассы» вновь превратилась в афродизиак.

Партнером Марлен в следующем фильме «Семь грешников» был Джон Уэйн. Здесь она играла легкомысленную девушку Бижу — энергичную, веселую и добрую. В ночном клубе «Семь грешников» на одном из островов в Тихом океане Бижу вскружила голову американскому морскому лейтенанту (Джон Уэйн). Этот непритязательный фильм был хорошо принят публикой. Биограф Дитрих Стивен Бах приводит рецепт ее успеха в те годы: «Бижу определила характер Марлен на последующее десятилетие: непреклонная, но не оторванная от жизни, обольстительная, но смешная, реалистка, но с умом и чувством юмора».

Это были как раз те свойства характера, которые помогали людям без серьезного ущерба для психики переживать «мировой пожар» — Вторую мировую войну. Эти свойства в ближайшие годы требовались людям и в Америке. В декабре 1941 года японцы нанесли удар по военно-морской базе США Перл-Харбор на Гавайских островах, после чего США объявили Японии войну, а 12 декабря 1941 года Германия объявила войну США. Отныне родина Марлен и страна, гражданкой которой она стала, вступили в войну.

В безмятежном мире Голливуда, среди богатых и красивых людей, живущих в иллюзорном мире, легко было укрыться от войны. Но не для Марлен! Она хотела внести свой вклад в окончание войны, и приняла решение выступить против нацистского режима. Чем же кинозвезда могла поддержать военные усилия США? В Голливуде знали ответ на этот вопрос! В тот день, когда Гитлер объявил войну США, «калифорнийские звезды» тоже объявили боевую готовность. В Лос-Анджелесе основали так называемый «голливудский комитет Победы», председателем отделения актеров стал Кларк Гейбл. Актрисы сразу же взялись за дело — начали агитировать за покупку облигаций военных займов.

В продаже облигаций Марлен Дитрих не было равных. Она записывалась на радио и четыре раза участвовала в рекламных турне по Соединенным Штатам. Министерство финансов США отметило, что она продает облигации лучше всех в Голливуде. Она использовала свою популярность для продажи облигаций во время больших мероприятий, выступала в барах, своими прелестями поощряя мужчин к покупке облигаций. «В ночных клубах она садилась на колени к опьяневшим жертвователям, не давая им уйти, в то время как фининспекторы звонили в работающую круглосуточную информационную службу банков, чтобы убедиться в покрытии чеков», — сообщает биограф Марлен Стивен Бах. Однако президент решил, что получение выплат при помощи соблазнительного тела в сумрачных барах переходит всякие границы.

Во время такого выступления в Вашингтоне президент Франклин Рузвельт по телефону пригласил Дитрих вечером в Белый дом и по-отечески дал нагоняй: «Я слышал, что Вы делаете очень многое для продажи облигаций военных займов. Мы Вам за это благодарны, но я запрещаю Вам этот вид продажной акробатики. Отныне Вы не будете появляться в ночных клубах. Это приказ». Дочь прусского офицера знала и уважала подобный тон, она повиновалась.

Марлен стала помогать армии по-другому. Вместе с комиками Гроучо Марксом и братьями Риц она ездила по стране, посещая военные базы и госпитали и развлекая солдат. Комики сыпали шутками, а Марлен обеспечивала необходимую дозу эротики и пела песенку «Мужчины на флоте» из фильма «Семь грешников». Для солдат в оливковой армейской форме текст песни менялся на «Мужчины в армии». Молодые ребята, лицезревшие живую «богиню Голливуда», вряд ли замечали изменение текста.

Марлен было немного за сорок, и подобное участие в войне стало для нее новым шансом продвинуть свою карьеру. В последний раз она стояла на сцене в ранней молодости в Берлине, демонстрируя свое мастерство «в живую». Теперь, когда в кино повысился спрос на молодых женщин, и такие актрисы, как Лана Тернер, Рита Хейворт, Хеди Ламарр и Бетти Грэйбл, начали делать карьеру, новая деятельность давала Марлен уверен-

«Я чувствовала себя в ответе за войну, которую развязал Гитлер. Я хотела помочь как можно быстрее завершить войну. Это было моим единственным желанием».

Марлен Дитрих в своих воспоминаниях

«У нее глаза были с поволокой, как у коровы, рожающей теленка».

Эмиль Яннингс, партнер Марлен Дитрих по фильму «Голубой ангел»

«У нас показывали много запрещенных американских фильмов, и Гитлер всегда хвалил Марлен Дитрих в профессиональном плане, но с другой стороны, она предала Германию, и это ему не нравилось. Он окрестил ее гиеной».

Герберт Деринг, управляющий имением Гитлера «Бергхоф»

«Самое главное, что я когда-либо сделала...»
Организатор солдатского досуга Марлен Дитрих в 1944 году в Лондоне (фото слева) и по возвращении в США после первой поездки в действующие войска.

ность в завтрашнем дне. Для женщины среднего возраста в Голливуде того времени практически не было ролей, надо было быть или достаточно молодой, или достаточно старой, чтобы играть матерей юных героинь. Марлен смотрела на эту проблему вполне реалистично: «Карьера кинозвезды длится до тех пор, пока длится юность, а юность на экране увядает быстрее, чем на сцене. Публику можно обмануть на театральной сцене, но не в кино», — сказала Дитрих перед войной в одном из интервью.

Война сыграла важную роль в жизни Марлен Дитрих: «Она вошла в историю войны, так же как война стала важной частью ее собственной истории. Война означала поворотный пункт, апогей ее жизни в этот период, и определила будущее. Марлен смогла подвести итог прошлому и без посторонней помощи сформировать свою личность, которую увидит мир в будущем. До этого будущего было далеко, но оно не ограничивалось Голливудом», — такова оценка Стивена Баха.

В Голливуде появлялись все новые беженцы из Европы. После оккупации Франции германскими войсками летом 1940 года в США бежали многие французские деятели искусства, в том числе и кинозвезды. Марлен отлично говорила по-французски, любила Францию и с удовольствием общалась с вновь прибывшими, среди которых были Жан Габен и Жан Ренуар. Однако знаменитого во Франции Габена, давнего друга Марлен, в Голливуде почти не знали. Находясь вдали от родины, лишенный работы, здоровенный француз нуждался в утешении и находил его у Марлен. «Я любила заботиться о нем», — признавалась она впоследствии. Сочувствие постепенно превратилось в роман, а затем в большую любовь, они вместе переехали в дом в Брентвуде. Но Габен был парнем с характером, он не хотел делить Марлен с толпами поклонников, ревновал ее и был недоволен. Роман трещал по швам, а тут еще и солдаты, которых она очаровывала в «Удивительном шоу», которое Орсон Уэллс организовал в шатре на бульваре Кауенга в Лос-Анджелесе. Габен бывал там каждый день. «Когда она выходила на сцену, в платье — довольно рискованном — и с таким понимающим взглядом, она увлекала каждого. Солдаты приходили в неистовство», — спустя годы рассказывал Габен в одном интервью.

Габен ревновал до умопомрачения, даже несколько раз избивал Марлен, поскольку подозрения приводили его в раж. Но французский киногерой был несчастлив еще и потому, что Америка не приняла его, он чувствовал себя неуютно в этой стране и чувствовал сильные угрызения совести. Габен не хотел играть в кино, он хотел бороться с гитлеровским вермахтом в рядах «Свободной Франции» под командованием генерала де Голля. Весной 1943 года рапорт 39-летнего Жана Габена о добровольной отправке на фронт был удовлетворен. Марлен проводила его до военного порта в Норфолке в Виргинии. В туманную ночь он простился с ней у дока и отправился на войну, танкер должен был отвезти его в Северную Африку. В каком-нибудь фильме эта сцена, возможно, и показалась бы пошлой, но во время реальной войны она стала тысячекратно грустной.

Боль разлуки укрепила Марлен в желании приблизиться к войне и к мужчине, который в ней участвовал.

Она хотела сама отправиться на фронт в качестве эстрадной артистки и обратилась в Объединенную службу организации досуга войск (USO). В USO объединились почти все творческие союзы и организации Америки, чтобы везде, где размещались и воевали американские войска, облегчать жизнь солдат, организуя столовые, библиотеки и досуг. Марлен ходатайствовала в USO об отправке ее за океан и даже составила собственную программу с участием музыкантов, юмористов и певцов.

Денег в USO нельзя было заработать, поскольку работали на общественных началах. Поэтому Марлен по-прежнему соглашалась на роли в кино. Для финансирования «своей военной кампании» она снялась на студии Метро-Голдвин-Майер в цветном фильме «Кисмет», в котором сыграла наложницу из гарема с «золотыми» ногами, для чего ноги Марлен были покрыты золотой краской. Марлен выглядела как «золотая» секс-бомба из Багдада в прозрачных золотистых кружевах потягивалась, лакомясь виноградом, под искусственным звездным небом студии. Но вот парадокс: публика толпами ломилась на самый плохой голливудский фильм Дитрих. Огромный рекламный плакат на Бродвее изображал только одно: «золотые» ноги Марлен.

Для организации досуга в войсках «золотые» ноги — не самая плохая рекомендация. О ногах Дитрих уже слагали легенды. Теперь она элегантно поднимала их, развлекая парней, готовых послужить отечеству. Нигде солдаты не могли увидеть эти ноги так близко, как в «голливудской столовой». Для находящихся проездом или размещенных в Лос-Анджелесе солдат в квартале развлечений на Голливудском бульваре USO устроило огромный танцзал с «живыми» эстрадными концертами. Здесь каждый вечер выступали лучшие свинговые оркестры и самые популярные исполнители. С солдатами танцевали настоящие «звезды». Все это спонсировала музыкальная фирма МСА и такие голливудские суперзвезды, как Бетт Дэвис. До своего отъезда за океан Марлен каждый вечер работала в «голливудской столовой». Танцевала с солдатами, «достаточно юными, чтобы годиться ей в сыновья, и достаточно взрослыми, чтобы не хотеть этого». Подавала им кофе, молочные коктейли, пончики, старалась быть полезной, где только можно. При необходимости бралась за метлу и делала яичницу.

Но Марлен уже не довольствовалась символическим вкладом в победу, совершаемым «звездами» Голливуда в Лос-Анджелесе. Она приняла однозначное решение самой отправиться на фронт, для чего велела продать с аукциона все свое имущество. «Мне нужны деньги, чтобы моей семье было на что жить во время моего отсутствия», — объяснила она и покинула Голливуд.

Беззаботная жизнь богемы, не имеющая ничего общего с военной действительностью, раздражала ее. Ей эта война была ближе, чем другим. Ведь ее мать и члены семьи жили в Берлине, который все чаще бомбили союзники. Племянник Марлен Хассо служил в германском вермахте, а Жан Габен — человек, которого она сильно любила — в «Сражающейся Франции» на территории Северной Африки.

«Я не собираюсь сидеть здесь, потихоньку работать и смотреть, как война проходит мимо меня», — заявила она. Как ни странно, Дитрих даже жалела о том, что отказалась служить Адольфу Гитлеру в качестве «королевы “УФА”», ведь тогда бы у нее был к нему доступ. Самоуверенная женщина воображала, что смогла бы повлиять на диктатора. «Иногда я спрашиваю

«Мы вносили немного радости и развлечения в жестокую жизнь американских фронтовиков, которые для меня самые великие герои, потому что вынуждены были защищать не свою страну и не своих детей».

Марлен Дитрих, 1991 год

«Мне было больно, что она выступала перед американскими солдатами, в то время как наши истекли кровью. Я никогда не думала, что она была принуждена к этому, потому что приняла американское гражданство. Именно поэтому мне приписали слова, что она предательница родины. Клянусь Вам, что я этого никогда не говорила и даже не думала».

Эвелин Кюннеке, певица и актриса

«Офицерская дочь нашла себе пристанище...»

В 1944 году в Париже начался ее роман с Джеймсом М. Гэвином — генералом парашютно-десантных войск.

себя, может быть, я была единственным человеком в мире, способным предотвратить войну и спасти жизни миллионов людей. Это всегда будет преследовать меня, — рассуждала она позднее. — Возможно, я смогла бы отговорить его». Отговорить Гитлера от войны и уничтожения евреев? Мировая «звезда» Марлен Дитрих иногда переоценивала себя, а иногда сомневалась в своих силах.

Но пока она влияла на ход событий более простым способом: Марлен присоединилась к ансамблю USO, отправляющемуся за океан. В Нью-Йорке она репетировала с собственноручно отобранной труппой: комик из ночного клуба Денни Томас выступал в роли конферансье и разучивал с Марлен шутки, в труппу также входили певцы и музыканты-универсалы, владеющие всеми инструментами — от аккордеона до пианино. Марлен являлась «звездой» ансамбля. Ее ноги в шутку называли самым ценным капиталом USO, а своими песнями она заводила любой зал. Для чисто мужской публики планировалось настоящее лакомое блюдо — номер с поющей пилой.

В феврале 1944 года труппа проехала по казармам и госпиталям США, приводя публику в неистовый восторг. 4 апреля 1944 года артисты получили приказ переправляться через океан. Перед этим они поменяли скучную форму USO на сшитую на заказ офицерскую форму и практичное армейское обмундирование. Затем последовал перелет на самолете через Гренландию и Азорские острова на Касабланку и далее в Алжир.

Триумф Марлен Дитрих в алжирском оперном театре 11 апреля 1944 года пришелся на самое начало нового периода в жизни 43-летней кинодивы. Свои выступления на фронтах в Северной Африке и Европе она называла «самым важным из того, что сделала». Работа Марлен не осталась незамеченной немецкими солдатами. После премьеры великолепное шоу дополнилось новой песней — английской версией немецкой песни «Лили Марлен». Ее любили солдаты всех стран, сражающиеся на фронтах Западной Европы. Благодаря Лале Андерсен немецкий вариант песни стал хитом на немецких радиостанциях, которые слушали солдаты, однако после поражения под

Сталинградом немцы больше не крутили его. Зато Марлен пела «Лили Марлен» на радиостанциях союзников — для многих солдат вермахта это был достаточный повод, чтобы тайком ловить «вражескую станцию».

Военная действительность выглядела совсем не так, как в сентиментальных песнях, вот что увидела Марлен: «Вхожу в палатку. В ней довольно темно, даже мрачно, потом падает луч света и разрезает темноту... Ужасающая тишина... Неподвижно сидит медсестра, ждет, когда понадобится, ничего не движется. Ряды кроватей. В них лежат юноши, они спят или без сознания. Рядом с каждой кроватью стоит штанга, на ней сосуд с кровью. Единственное движение в палатке, единственный шум — кровь, которая булькает, единственный цвет — цвет крови. Ты стоишь, и жизнь капает из этих сосудов в юношей. Ты смотришь, как она капает, ты видишь это...» Так описывала Дитрих репортеру «Вог» чувство беспомощности, укрепившее ее в решимости остаться на фронте и продолжать вносить свой вклад.

Весной 1944 года Марлен оказалась на фронте в Италии, в Неаполе, затем на Сардинии, на Корсике и, наконец, в Анцио.

5-я армия США как раз планировала двигаться дальше с завоеванного плацдарма. Здесь на побережье в Анцио Марлен выступала среди гранат, канистр с бензином и другими боеприпасами. «Мы играли наше шоу четыре-пять раз в день, обычно под открытым небом, и в хорошую, и в плохую погоду. Мы работали на грузовиках. Ставили два грузовика рядом, и получалась вполне приличная сцена. Если начинался дождь, мы все равно играли дальше и оставались на сцене столько, сколько могли выдержать солдаты». Марлен выступала для солдат, продвигающихся на север, в направлении Рима. Она успела пережить триумфальное вступление американцев в «открытый город» Рим, за который практически не было боев, а потом слегла с воспалением легких и попала в госпиталь в Бари. Она металась в лихорадке посреди тех самых «ужасов войны», там, «где из обожженных тел раздавались крики, как на скотобойне», как рассказывала Марлен впоследствии. В конце концов, Марлен Дитрих получила строго нормированную дозу пенициллина, не полагающегося гражданским лицам. Новое средство исполь-

зовалось только для спасения жизней раненых американских солдат.

Летом 1944 года Марлен откомандировали обратно в Нью-Йорк, где ее ожидали новые задания. 6 июля союзники высадились в Нормандии и открыли второй фронт против гитлеровской Германии. На этом фронте они намеревались целенаправленно использовать свое лучшее пропагандистское оружие. Британская «Солдатская радиостанция Кале» нуждалась в чем-то совершенно особенном. Информационных передач хватало, а вот в организации музыкальных выступлений, поднимающих дух солдат, потребовалась помощь американцев. Этим занялось американское Бюро стратегических служб (OSS). Задача состояла в следующем: с большим размахом выпускать все лучшее, что могла предложить американская поп-музыка, а также писать немецкие тексты песен, способные привлечь внимание врага. Для текстов первоначально планировалось использовать произведения Брехта, которого затем отклонили из-за излишней «коммунистичности» и излишнего авангардизма. Пригласили эстрадного писателя и эмигранта из Вены Лотара Метцля, служившего в то время ефрейтором в армии США.

Его сатирические немецкие тексты в сочетании с блестящей американской музыкальной аранжировкой в июле 1944 года записали в Нью-Йорке на пластинках. Вот, например, текст на музыку песни «Калифорния»:

«Потому что в прекрасном Четвертом рейхе
Никакой Геббельс не будет лгать,
Функ мошенничать,
Гитлер орать,
Гиммлер убивать,
Ширах приказывать,
Риббентроп воровать,
Розенберг храпеть,
А Лей — напиваться...»

Песни исполнялись немецкими певицами-эмигрантками: правда, такие имена, как Герта Глатц и Грета Келлер, меркли

*«Я хотела
помочь
завершить
войну...»
Кинозвезда
легко
мирилась с
трудностями.*

«Марлен Дитрих — голос, победивший рев Гитлера».

Карин Виланд, журналистка

«Она была Матерью Терезой, только с красивыми ногами».

Билли Уайлдер, режиссер

рядом со «звездой» ансамбля — Марлен Дитрих. Она единственная знала, что заказчиком является Бюро стратегических служб. Специально записанные на немецком языке пластинки с осени 1944 года прокручивались «Солдатской радиостанцией Запад», пришедшей на смену «Солдатской радиостанции Кале».

Марлен с головой ушла в новую работу. На публике она обычно появлялась в форме и агитировала активнее содействовать победе, подозревая американцев, находящихся вдали от настоящей войны, в равнодушии. «Люди в Соединенных Штатах должны узнать, что того, что мы делаем здесь, недостаточно», — требовала она в одном интервью. И она, немка по национальности, публично восхищалась американскими солдатами: «Легко быть смелым, если защищаешь свою родину», но американские солдаты — «одинокие мужчины, борющиеся вдалеке от своего дома. Им приказали, и они позволяют стрелять себе в голову, выбивать глаза и мозг, калечить тела, сжигать кожу. Они переносят боль и раны, как будто борются и умирают за собственную родину». Они воевали против бывшей родины Марлен, но так же как и Марлен, боролись против нацизма и Гитлера.

В конце августа 1944 года, когда Париж освободили войска союзников, Эрнест Хемингуэй провозгласил себя героем войны, и устроил в гостинице «Риц» на улице Камбон грандиозную попойку по случаю победы. Эрнесту Хемингуэю, военному корреспонденту журнала «Коллирс», жилось очень неплохо. Американский гражданин, находившийся в обозе армии США тем не менее истребил все возможные винные запасы в «Рице» в освобожденном Париже. Известный любитель выпить, периодически уходящий в запой, мачо и журналист-резервист чувствовал себя уверенно и комфортно, ему нравилась такая война. В «Рице» он обитал со своей любовницей Мэри Уэлш, корреспонденткой журнала «Тайм».

В сентябре в фешенебельной парижской гостинице некоторое время жила и давняя подруга Хемингуэя Марлен Дитрих. Журналистка Мэри Уэлш писала, что Марлен не особенно интересовалась войной по-хемингуэйски. Она хотела работать для солдат, сражающихся до победного конца. «Она

«Мой родной язык — немецкий. Я немка и останусь немкой, что бы ни пытались утверждать некоторые отвратительные газетчики».

Марлен Дитрих в своих воспоминаниях

«Мы ничего не понимали в политике, но, конечно же, были антинацистами».

Марлен Дитрих в интервью с Максимилианом Шеллом, 1982–1983 годы

«Во мне сосредоточена вся немецкая литература — от Гете до Рильке, с которыми я провожу дни и ночи напролет. Это очарование без конца».

Марлен Дитрих, 1991 год

«Голос, победивший рев Гитлера...»

По окончании войны Марлен Дитрих вновь встретила в Берлине со своей матерью.

была деловой женщиной, заботящейся обо всем в своей программе: от транспорта до размещения, от размеров сцены и зала до освещения и микрофонов. Похоже, шоу-бизнес был ее религией». Для писателя Хемингуэя война являлась лишь кулисой для его фантазий, а в задачу Марлен входило внести свой вклад в общую победу. Серьезная цель и одновременно выход из тупика. Ее двадцатилетняя дочь Мария, также работавшая в то время в службе по организации досуга войск, позднее писала об участии матери во Второй мировой войне: «Это была лучшая роль, которую она когда-либо играла. К тому же самая любимая и принесшая ей наибольший успех. Она пожинала лавры за смелость и героизм, получила ордена и похвалы, ее почитали и уважали. Пруссачка пребывала в своей стихии; ее немецкая душа со всей зловещей сентиментальностью восприняла трагедию войны». Далее Мария Рива пишет: «Офицерская дочь нашла себе пристанище. Она играла роль храброго солдата».

О якобы мнимых заслугах на фронте кинозвезды ее дочь пишет следующее: «Когда Дитрих рассказывала о своем турне, можно было подумать, что она действительно служила в армии по меньшей мере четыре года провела за океаном, лежала под длительным обстрелом и в любой момент подвергалась опасности быть убитой или, еще хуже, взятой в плен жаждущими мести нацистами. Слушатели верили, потому что в это верила она сама».

Однако полемические размышления дочери, по праву ставящие под сомнение некоторые легенды о ее матери, не могут оспорить следующее: Марлен Дитрих — «звезда» Голливуда дольше других находилась в войсках США в Европе и пользовалась у солдат наибольшей популярностью. Ее любили не только солдаты, но и видные генералы. В «Рице» в Париже Марлен познакомилась с 37-летним генералом Джеймсом М. Гэвином. Командир знаменитой 82-й парашютно-десантной дивизии считался самым молодым генералом в армии США. Военное мастерство и статус героя в сочетании с привлекательной внешностью и отличными манерами сделали свое дело — Марлен Дитрих сочла его неотразимым. После вечера, проведенного вместе с Хемингуэ-

ем и Мэри Уэлш в баре отеля «Риц», между кинозвездой и офицером началась любовная связь, которая хранилась в большой тайне. Так близко, как с Гэвином, с другими генералами Марлен не сходилась, но с удовольствием искала их общества. С генералом Паттоном она дружила. По словам Марлен, именно он сказал ей: «Если Вы попадете в плен, Вас, возможно, вовлекут в пропагандистскую работу и заставят делать радиопередачи, как Вы делаете для нас». Потом он подарил ей маленький револьвер и настоятельно попросил: «Прежде чем сдать, убейте парочку этих негодяев!». Биограф Марлен Дональд Спото размышлял о ее тяге к романтическим героям в форме: «В генералах она в некотором роде видела собственных отца и отчима, тех неприступных прусских офицеров, когда-то обделивших ее своей любовью». После войны на игривый вопрос, спала ли она во время пребывания в армии с Дуайтом Дэвидом Эйзенхауэром, верховным главнокомандующим экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, Марлен Дитрих кокетливо ответила: «Как бы я могла? Он же никогда не был на фронте».

Фронты в Северо-Западной Европе сместились на юг Нидерландов, оставив в тылу Бельгию, к границам империи. Там союзники натолкнулись на Западный вал и усиленные германские войска. Теперь вермахту после многих месяцев отступления приходилось защищать уже родную немецкую землю, и германские солдаты делали это с большой решимостью. 21 октября 1944 года американцы захватили Аахен — первый большой немецкий город, — но потом фронты замерли.

Перебои со снабжением задерживали дальнейшее продвижение американских войск, наступившая зима превратила войну на западе в изнурительные сражения за отдельные деревни и холмы в горах Эйфель и Арденнах. В середине декабря вермахт попытался еще раз изменить тактику. Во время наступления гитлеровских войск в Арденнах союзники понесли тяжелые потери, а в тылу, в Бельгии и во Франции, начались паника и хаос. Лишь в конце декабря американцы отразили наступление.

В ту зиму Марлен Дитрих — немка в американской форме — продолжила играть свою роль отважно и дисциплинированно. В разрушенных деревнях, среди холодных руин с крысами, она каждый день импровизировала: умывание на скорую руку, молниеносное переодевание, выступления в ледяных залах. Все это было обычным делом для кинозвезды Марлен Дитрих, так же как и обморожения, вши и понос. Кинодива изображала из себя фронтовика, носила шерстяные армейские брюки, коричневый джемпер и летнюю куртку на меху. Однако на сцене Марлен была существом из другого мира в неосязаемом платье с блестками, раздвинув ноги, она играла на «поющей пиле», вместе с коллегами отпускала шутки и, стуча зубами, исполняла весь свой репертуар. Мужчины любили ее за то, что она самоотверженно приехала к ним и создавала иллюзию нормальной жизни и родного дома.

Так, зимой 1944—1945 годов она гастролировала по Бельгии, Южной Голландии и Франции, и вдруг оказалась в Германии — впервые за десять лет. Ее первое впечатление было ошеломляющим. Марлен увидела полностью разрушенный Штольберг, маленький промышленный город в нескольких километрах восточнее Аахена. Два месяца немцы и американцы стояли здесь друг против друга, неделями линия фронта проходила через Штольберг, и Марлен увидела здесь полное опустошение. В конце 1944 года она лаконично объяснила американскому журналисту Фрэнку Конниффу: «Ненавижу смотреть на руины, но думаю, что Германия заслужила все то, что сейчас происходит».

Старший лейтенант Арнольд Хорвелл смутился, поскольку он меньше всего ожидал встретить живую кинозвезду в лагере смерти Берген-Бельзен. Его подразделению предстояло ликвидировать нацистский концлагерь. Перед ним стояла блондинка в офицерской форме США. «Это лицо, эти ноги», — пронеслось в голове британского офицера, без сомнения эта дама была ему знакома. Марлен Дитрих, «звезда» экрана и легенда, стремительно вошла в его кабинет, за ней скромно следовала невзрачная немка в штатском по имени Элизабет Вилль. Дитрих пришла к нему для обсуждения неприятного вопроса: ее сестру Элизабет с мужем задержали недалеко от лагеря Берген-

Бельзен. Когда Марлен, находившаяся в Мюнхене, узнала об этом, она решила, что обоим понадобится ее помощь. Однако быстро выяснилось, что родственники кинодивы вовсе не являлись жертвами концлагеря. Войска союзников установили, что рядом с концлагерем, в котором незадолго до окончания войны 13 000 узников умерли от издевательств, истощения, дизентерии и сыпного тифа, Георг и Элизабет Вилль содержали клуб для солдат вермахта и столовую. Клуб и столовая располагались в казармах танковой школы Берген в непосредственной близости от концлагеря. Супруги Вилль жили рядом с лагерем, общались с эсэсовцами из охраны и знали об ужасах, творившихся в лагере, поэтому в моральном плане недалеко ушли от нацистских убийц. Марлен Дитрих было крайне неприятно, что ее родственники оказались связаны с преступлениями национал-социализма, но все же, хотя в последний раз они виделись только перед войной, решительно вступилась за них.

Ей потребовалась помощь Арнольда Хорвелла, по счастливому совпадению родившегося тоже в Берлине. Хорвелл, немецкий еврей, еще в 1939 году эмигрировал в Англию и во время войны вступил в британскую армию. Между эмигрантами пробежала искра взаимопонимания: Марлен, ведущая собственную борьбу против Гитлера, сразу нашла верный тон, кроме того, ей повезло встретить одного из своих поклонников. Берлинские шутки лучших времен, всепобеждающий шарм актрисы и автограф в подарок настроили офицера союзнических войск на миролюбивый лад. Прямую вину семьи Вилль не установили, и просьба Марлен казалась выполнимой: их привили от тифа и разрешили сохранить квартиру при столовой. И еще — она очень попросила Хорвелла не предавать дело огласке, по возможности, не допускать никакой прессы.

Британский офицер охотно оказал «звезде» услугу, правда, его удивил тот факт, что в послевоенных публикациях журналисты упорно писали, что нацисты отправили сестру Марлен Дитрих «в концлагерь». Когда Элизабет Вилль спустя несколько лет публично стала говорить о «целостности Третьего рейха», Дитрих отмежевалась от нее, а в конце жизни даже вообще отрицала существование у нее сестры.

Летом 1945 года Марлен Дитрих вернулась в США, но здесь она уже не чувствовала себя счастливой: «Я вернулась в страну, не пострадавшую в войне, страну, которая не знала, что пережили ее солдаты там, на чужой земле. Моя ненависть к “беззаботным” американцам зародилась в то время». С блестящим миром под названием «Голливуд» для нее было покончено. Дитрих предавалась своим военным воспоминаниям и праздновала победу вместе с возвращающимися домой солдатами, но вскоре она ощутила себя здесь ненужной.

Европа, напротив, оставалась для Дитрих незавершенной главой. В сентябре 1945 года, после того как в июле армия США получила от СССР один из секторов бывшей имперской столицы, знакомый американский офицер нашел в Берлине мать кинозвезды. Марлен, находившаяся в те дни в Париже у Жана Габена, вылетела на военном самолете в разрушенный Берлин.

Фотографы уже поджидали ее в аэропорту Темпльхоф. Они хотели запечатлеть для мировой общественности трогательную встречу матери и дочери, ведь у мировой «звезды» нет личной жизни. Когда Марлен в американской офицерской форме вышла из самолета и обняла свою мать, она надеялась, что война для нее наконец-то закончилась. В Берлине она устроилась во временном жилище матери. Конечно, жизнь Марлен в Берлине была привилегированной жизнью представительницы оккупационных войск по сравнению с жизнью простых немцев. Давним довоенным друзьям, которым удалось найти ее, Марлен имела возможность предлагать кофе, сигареты и алкоголь. Однако того Берлина, который Марлен сохранила в своей памяти, уже не было. Многие из оставшихся в Германии ее знакомых избегали дискуссий о годах нацизма. Они не испытывали стыда и были полны сострадания к самим себе, жаловались на тяготы оккупации и легко забывали о своих прошлых заблуждениях и проступках.

После войны немцы были не только забывчивы в отношении своих ошибок, но также злопамятны, по крайней мере, в отношении женщины, раньше других смело выступившей против Гитлера и не скрывавшей этого. На нее обиделись за участие в войне на стороне американцев, речь шла даже о преда-

«Отстаньте от меня с этой чертовой бабой!»
Джозеф фон Штернберг, режиссер, 1968 год

«Она была легендой».
Мария Рива, дочь Марлен Дитрих

«Она — миф».
Андре Мальро, французский политик и писатель

«Я, слава Богу,
берлинка...»
В 1960 году
бургомистр
Западного Берлина
Вилли Брандт
принимает Марлен
Дитрих.

тельстве. Многих немцев раздражало ее появление в американской форме.

Поэтому Марлен Дитрих охотно приняла предложение работать во Франции. В Биаррице в ноябре 1945 года ее настигла весть о смерти матери от инфаркта миокарда в возрасте 69 лет. Марлен приехала в Берлин на похороны. Отныне ее уже ничего не связывало с Германией, кроме воспоминаний: «Конечно, я любила догитлеровскую Германию — свою родину, и мои воспоминания прекрасны и грустны, как и все воспоминания», — признавалась Дитрих. Но в то же время она писала: «Слезы, которые я пролила над Германией, высохли».

Следующее посещение Германии Марлен Дитрих состоялось спустя 15 лет, 30 апреля 1960 года бургомистр Вилли Брандт принял в Западном Берлине великую женщину, прибывшую сюда по его личному приглашению. У них было много общего, в частности, то, что из-за эмиграции и борьбы против нацистской Германии к ним враждебно относились новоиспеченные «ура-патриоты», которым все еще не удавалось разделить понятия «Германия» и «национал-социализм». Однако официальный Берлин отнесся к Дитрих дружески, в городской ратуше Шёнеберга почетная гостья расписалась в Золотой книге города.

Ее выступление во дворце «Титания» 3 мая 1960 года было омрачено демонстрацией противников, несшей плакаты «Марлен, убирайся домой!» и угрожавшей взрывом. 400 из 1800 мест в зале остались пустыми. Пришедшие увидели послевоенную Марлен — мировую «звезду» экстракласса, певицу, с триумфом исполняющую эстрадные песни. Свое мнение Дитрих высказала в песне: «Я не знаю, кому принадлежу, ведь солнце и звезды принадлежат всем, но я думаю, я принадлежу только себе одной». В последней песне она протянула берлинцам руку. «У меня еще чемодан в Берлине», — пела она. Зрители и, прежде всего, Вилли Брандт ликовали. После ее выступления занавес поднимался 18 раз, впервые за всю свою карьеру дива соблаговолила спеть на бис. Берлинцы и их «блудная дочь Марленекен» в какой-то степени помирились.

«Я презираю насилие в любой форме. И я оплакиваю его жертвы».

Марлен Дитрих в своих воспоминаниях

«Скажи мне, где цветы!» — такую сентиментальную песню может исполнять только такая несентиментальная женщина, как Дитрих».

Хельмут Каразек, критик и журналист

«Все, что ни делает Марлен, — совершенно...»
После войны она блистала как исполнительница эстрадных песен.

Дитрих еще соглашалась играть в фильмах и до 1975 года выступала как певица. Однако Дитрих все больше превращалась в пародию на собственное сценическое «Я». Она до смешного затыгивала тело в резиновый чулок, пытаясь создать иллюзию идеальной фигуры. Все говорили о «самой красивой бабушке мира», и это проклятие заставляло стареющую диву продолжать подчас невыносимые для нее выступления. Прямо во время концертов она пила виски и шампанское, стремясь показаться легкой и раскованной. Многочисленные падения пожилой женщины на сцене положили конец ее карьере. Долгие годы она унизительно пыталась отрицать свой возраст, а потом решительно удалилась от публики. «Меня зафотографировали до смерти», — подвела она итог. Дальнейшая жизнь Марлен проходила под знаком категорического запрета фотографировать или снимать ее на пленку. 15 лет одиночества в парижских апартаментах — последняя роскошь, которую позволила себе кинозвезда. Десятилетиями она хотела нравиться, а теперь делала то, что нравится ей. Дитрих закрыла занавес и исчезла, а легенда осталась.

Марлен Дитрих умерла 9 мая 1992 года в своей парижской квартире. По ее настоятельному желанию Дитрих похоронили в Берлине рядом с матерью. В 1990-х годах в Берлине все еще спорили из-за Марлен: обсуждалось, уместно ли назвать ее именем площадь или улицу. Наконец, в новом центре «Sony» открыли площадь имени Марлен Дитрих. Она заслужила эту честь, хотя не особенно в ней нуждалась. В любом случае Марлен навсегда останется в памяти людей как самая великая немецкая кинозвезда XX века. Свою славу она сохранила и упрочила еще и потому, что противостояла человеку, который вошел в историю как самый большой преступник XX века. Марлен Дитрих выступила против Адольфа Гитлера в тот момент, когда многие верили в него или не воспринимали его серьезно. Он совратил большинство немцев, а Марлен — вечная соблазнительница — показала ему и всем немцам границы дозволенного. На вопрос, почему она боролась с Гитлером, Дитрих отвечала чисто по-прусски: «Из чувства приличия!»

Литература

Общая:

Benz, Ute (Hrsg.): Frauen im Nationalsozialismus. München 1993.

Klinksiek, Dorothee: Die Frau im NS-Staat. Stuttgart 1982.

Koonz, Claudia: Mütter im Vaterland – Frauen im Dritten Reich. Freiburg 1991.

Kuhn, Annette/Rothe, Valentine: Frauen im deutschen Faschismus. Düsseldorf 1989.

Pilgrim, Volker Elis: «Du kannst mich ruhig ‚Frau Hitler‘ nennen» – Frauen als Schmuck und Tarnung der NS-Herrschaft. Reinbek bei Hamburg 1994.

Pini, Udo: Liebeskult und Liebeskitsch – Erotik im Dritten Reich. München 1992.

Schaake, Erich: Hitlers Frauen. München 2000.

Sigmund, Anna Maria: Die Frauen der Nazis. Wien 1998.

Sigmund, Anna Maria: Die Frauen der Nazis – Teil 2. Wien 2000.

Wagner, Leonie: Nationalsozialistische Frauenansichten – Vorstellung von Weiblichkeit und Politik führender Frauen im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main 1996.

К главе «Ева Браун»:

Fest, Joachim: Hitler – Eine Biografie. Berlin 1998.

Gun, Nerin E.: Eva Braun-Hitler – Leben und Schicksal. Velbert und Kettwig 1968.

Hamann, Brigitte: Hitlers Wien – Lehrjahre eines Diktators. München/Zürich 1996.

Joachimsthaler, Anton: Hitlers Ende. Lebenden und Dokumente. Augsburg 1998.

- Kershaw, Ian: Hitler 1889–1936. Stuttgart 1998.
 Kershaw, Ian: Hitler 1937–1945. Stuttgart 000.
 Maser, Werner: Adolf Hitler – Legende, Mythos, Wirklichkeit.
 München/Esslingen 1993.
 Speer, Albert: Erinnerungen. Frankfurt am Main/Berlin 1993.
 Speer, Albert: Spandauer Tagebücher. Frankfurt am Main 1994.
 Schirach, Henriette von. Der Preis der Herrlichkeit. Berlin 1995.
 Toland, John: Adolf Hitler. Bergisch Gladbach 1977.

К главе «Магда Геббельс»:

- Behrend, Auguste: Meine Tochter Magda Goebbels. In: *Schwäbische Illustrierte*. Stuttgart 1952.
 Heiber, Helmut: Joseph Goebbels. München 1988.
 Klabunde, Anja: Magda Goebbels. Annäherung an ein Leben.
 München 1999.
 Knopp Guido: Hitlers Helfer. München 1996.
 Meissner, Hans-Otto: Magda Goebbels – Ein Lebensbild. München 1978.
 Reuth, Ralf Georg: Goebbels. München/Zürich 1990.
 Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente, hrsg. von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. Teil I, Aufzeichnungen 1924–1941, München/New York/London/Paris 1987.

К главе «Лени Рифеншталь»:

- Cooper, Graham: Leni Riefenstahl and Olympia. London 1986.
 Filmmuseum Potsdam (Hrsg.): Leni Riefenstahl. Berlin 1999.
 Mitscherlich, Margarethe: Triumph der Verdrängung. Über die Filmregisseurin Leni Riefenstahl und die Memoiren der glühenden Hitler-Verehrerin. In: *Stern* 49/1987.
 Moeller, Felix: Der Filmminister. Goebbels und der Film im Dritten Reich. Berlin 1998.
 Riefenstahl, Leni: Memoiren. München/Hamburg 1987.
 Riefenstahl, Leni: Kampf in Eis und Schnee. Leipzig 1933.
 Riefenstahl, Leni: Hinter den Kulissen des Reichsparteitag-Films. München 1935.

- Rother, Rainer: Leni Riefenstahl – Die Verführung des Talents. Berlin 2000.
- Sontag, Susan: Faszinierender Faschismus. In: dies.: Im Zeichen des Saturn. Essays. München/Wien 1981.
- Taschen, Angelika (Hrsg.): Fünf Leben – Eine Biografie in Bildern. Köln 2000.

К главе «Винифред Вагнер»:

- Friedländer, Saul, und Rösen, Jörn (Hrsg.): Richard Wagner im Dritten Reich. München 2000.
- Karbaum, Michael: Studien zur Geschichte der Bayreuther Festspiele (1876–1976). Regensburg 1976.
- Köhler, Joachim: Wagners Hitler – Der Prophet und sein Vollstrecker. München 1997.
- Picker, Henry: Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Stuttgart 1977.
- Schertz-Parey, Walter: Winifred Wagner. Graz 1999.
- Spotts, Frederic: Bayreuth – A History of the Wagner Festival. New Haven 1994.
- Syberberg, Hans Jürgen: Winifred Wagner und die Geschichte des Hauses Wahnfried 1914–1975. Filminterview 1975.
- Wagner, Friedelind: Nacht über Bayreuth. Köln 1994.
- Wagner, Nike: Wagner Theater. Frankfurt am Main 1999.
- Wagner, Wolfgang: Lebens-Akte. München 1994.
- Wessling, Berndt (Hrsg.): Bayreuth im Dritten Reich. Richard Wagners politisches Erbe – Eine Dokumentation. Weinheim 1983.
- Wessling, Berndt: Wieland Wagner, der Enkel. Köln 1997.

К главе «Цара Леандер»:

- Beyer, Friedemann: Die Ufa-Stars im Dritten Reich – Frauen für Deutschland. München 1991.
- Currid, Brian: «Es war so wunderbar!» In: *montagelav*, Januar 1998.
- Filmmuseum Potsdam (Hrsg.): Blaue Augen, blauer Fleck – Kino im Wandel von der Diva zum Girlie. Berlin 1997.
- Jacobsen, Wolfgang, u.a. (Hrsg.): Geschichte des deutschen Films. Stuttgart 1993.

- Kreimeier, Klaus: Die Ufa-Story – Geschichte eines Filmkonzerns. München/Wien 1992.
- Krah, Hans (Hrsg.): Geschichte(n). NS-Film – NS-Spuren heute. Kiel 1999.
- Leander, Zarah: Es war so wunderbar! Mein Leben. Hamburg 1973.
- Moeller, Felix: Der Filmminister – Goebbels und der Film im Dritten Reich. Berlin 1998.
- Rabenalt, Arthur Maria: Joseph Goebbels und der «Großdeutsche Film». München/Berlin 1985.
- Reichel, Peter: Der schöne Schein des Dritten Reiches – Faszination und Gewalt des Faschismus. München/Wien 1991.
- Seiler, Paul: Zarah Leander – Ein Mythos lebt. Berlin 1994.
- Seiler, Paul: Zarah Leander – Ich bin eine Stimme. Berlin 1997.
- Zumkeller, Cornelia: Zarah Leander. Ihre Filme – Ihr Leben. München 1988.

К главе «Марлен Дитрих»:

- Bach, Steven: Marlene Dietrich – Die Legende, das Leben. Düsseldorf 1993.
- Dietrich, Marlene: Nehmt nur mein Leben – Reflexionen. München 1979.
- Dietrich, Marlene: ABC meines Lebens. Berlin 1963.
- Dietrich, Marlene: «Ich bin, Gott sei Dank, Berlinerin» – Memoiren. Berlin 1998.
- O'Connor, Patrick: Marlene Dietrich – Der blonde Engel. München 1991.
- Riva, Maria: Meine Mutter Marlene. München 1993.
- Seydel, Renate: Marlene Dietrich – Eine Chronik ihres Lebens in Bildern und Dokumenten. München 1984.
- Spoto, Donald: Marlene Dietrich. München 1992.
- Sudendorf, Werner: Marlene Dietrich – Dokumente, Essays, Filme. Teil I und 2. München 1978.
- Sudendorf, Werner: «Deutsche sehe ich fast gar nicht mehr». Briefe von und an Marlene Dietrich. In: *Filmexil*. Publikation der Stiftung Deutsche Kinemathek. Heft 8/November 1996.

Указатель

А

- Ага-хан III 46
Айгн Вальтер 230
Аксманн Артур 78
Альберс Ганс 278, 342
Альгайер Зепп 153
Андерсон Лала 388
Арлозоров Виктор 6, 90, 92,
114, 116, 118
Арлозорова Лиза 90, 92
Астер Фред 372
Аугштайн Рудольф 145, 217
Ахерн Брайан 359

Б

- Баарова Лида 6, 101, 112, 113,
128, 132, 292
Балаж Бела 186
Бальц Бруно 314, 316
Бах Стивен 352, 374, 381, 382,
384
Бенацкий Ральф 12, 274, 288
Бергман Ингрид 279, 288
Беренд Аугусте 83, 89
Бехштейн Эдвин 216
Биргель Вилли 285, 293
Блех Лео 245
Богданович Петер 343
Бокельман Рудольф 232
Больвари Геза фон 275

- Борман Мартин 28, 49, 57, 61,
62, 76, 78, 194
Брандт Вилли 333, 399, 400
Браун Гретель 20, 21, 26, 40, 58,
60, 67-69, 74
Браун Ева 3-5, 13, 15-79, 103,
121, 165
Браун Ильза 20
Браун Франциска (Фанни) 20,
66
Браун Фридрих (Фриц) 20, 22,
40, 66
Брехт Бертольд 360
Брюне Лотар 297

В

- Вагенер Отто 87, 107
Вагнер Верена 207, 212, 228,
253
Вагнер Виланд 206, 207, 212,
225, 228, 237, 241, 242, 249,
250, 253, 254, 256, 258,
262
Вагнер Винифред 8-10, 28,
201-263
Вагнер Вольфганг 180, 203,
205-208, 212, 221, 224, 225,
227, 228, 231, 232, 235, 237,
241-244, 247, 248, 250, 251,
253-256

Вагнер Гертруда 225, 258
Вагнер Готтфрид 203, 205, 208,
215, 224, 231, 243, 249, 251,
262
Вагнер Зигфрид 8, 9, 205, 207,
210-213, 218-220, 222, 223,
225, 226, 228, 230, 236, 238,
244, 246
Вагнер Козима 208, 210, 212-
214, 228, 238
Вагнер Нике 203, 263
Вагнер Рихард 8, 208-210, 213-
216, 218-220, 222, 225, 228,
230, 236, 238, 239, 242, 252,
254, 256
Вагнер Фриделинда 207, 208,
212, 216, 218, 225, 228, 236,
237, 241, 248, 250, 252, 253,
260
Вайгель Ганс 282
Вайзер Грете 301, 318
Вайль Курт 276, 360
Вайскер Гертруда 4, 17, 21, 24,
25, 29, 31, 39, 47, 54, 57, 63,
67-69, 73, 75, 77, 78
Вальдофф Клэр 349
Вангер Уолтер 378
Вейдеман Ганс 278, 284
Вейдт Конрад 276
Веймайр Франц 286
Вельчек Йоханнес фон 374
Вернер Ильзе 145, 267, 273,
274, 283, 308-310, 327, 333
Виланд Карин 391
Виль Георг 376, 397
Виль Элизабет 345, 396, 397
Вильямс Джон 206
Винтер Анни 27

Винтер Роза 189, 195
Вольф Бригитта 83, 97, 112
Вольцоген Ханс фон 236

Г

Габен Жан 377, 378, 384-386,
398
Ган Нерин 66, 70
Гарбо Грета 274-277, 279, 286,
288, 372
Геббельс Гельмут 121, 140
Геббельс Йозеф 3, 6-8, 11, 12,
63, 71, 77, 78, 83, 85, 86, 88,
91, 95, 97, 99-105, 109-118,
120-121, 123-129, 131-134,
136-139, 141, 147, 161, 165,
166, 169, 171, 172, 174, 175,
179, 180, 183, 194, 205, 217,
226, 236, 238, 239, 242, 243,
245, 252, 275, 276, 278, 282,
284, 287, 290-292, 294, 296,
298, 300, 301, 304, 305, 308-
312, 320, 322, 324, 325, 328,
330, 342, 363, 364, 366, 369,
370, 375, 376, 390
Геббельс Магда 3, 5-7, 28, 72,
81-141, 217, 259
Геббельс Хайде 121, 140
Геббельс Хедда 121, 140
Геббельс Хельга 108, 118, 121,
140
Геббельс Хильде 120, 140
Геббельс Хольде 121, 132, 140
Гейбл Кларк 31
Гейдрих Рейнхард 262
Гейне Генрих 360
Георге Генрих 296
Георге Манфред 180, 184

Геринг Герман 49, 72, 166, 183, 220, 221, 229, 252, 304, 317, 322
Герхард Карл 280, 282, 326, 330, 331
Гесс Рудольф 171, 183, 231, 240
Гиммлер Генрих 67, 72, 74, 167, 168, 257, 314, 323, 326, 390
Гинденбург Пауль фон 37, 232, 359
Гитлер Адольф 3-5, 7-10, 12-14, 16-21, 23, 25-38, 40-46, 48, 49, 51-78, 86, 91, 97, 98, 106-110, 119, 120, 122-124, 126, 127, 129, 131, 134, 135, 138, 140, 144, 146, 159, 162-166, 168-171, 174, 180-181, 183, 186, 188, 191-193, 202, 204-206, 209, 211, 213, 214, 216, 218-226, 228, 230-234, 236-246, 248, 250-254, 256-260, 262, 263, 268, 270, 276, 278, 280, 282, 295, 300, 305, 306, 308, 322, 324, 328, 330, 338, 339, 342, 351, 359, 360, 363, 365, 368, 383, 386, 388, 390, 392, 393, 397, 402
Глатц Герта 390
Голль Шарль де 385
Готтшальк Йоахим 311
Гричнедер Отто 17, 66
Грэйбл Бетти 382
Грюндгенс Густав 229
Гувер Герберт 96
Гугенберг Альфред 350, 352, 359
Гэвин Джеймс 387, 394

Д

Даговер Лил 306
Даунинг Тейлор 169
Деринг Герберт 27, 29, 33-35, 44, 46, 49, 51, 53, 54, 56, 58-63, 65, 68, 69, 73, 87, 91, 107, 119, 124, 237, 369, 370, 383
Дирка Карел 339
Дитерле Вильгельм 276, 348
Дитрих Йозефина, см. Лош Йозефина фон
Дитрих Луис Эрих Отто 341
Дитрих Марлен 3, 11-14, 158, 178, 275, 337-402
Дитрих Элизабет, см. Виль Элизабет
Додд Марта 52
Дэвис Бетт 379, 386
Дювель Рихард 312

З

Зандерс-Брамс Хельма 292, 293, 310
Зедербаум Кристина 292
Зельпин Герберт 311
Зибер Мирия Элизабет, см. Рива Мария
Зибер Рудольф 343, 348, 349, 351, 352, 356, 360, 364, 368, 372
Зиберберг Ханс Юрген 203, 206, 221, 237, 241, 255, 262
Зирк Детлеф, см. Серк Дуглас
Зокаль Харри 150, 187

И

Иден Энтони 248

Иоахимсон Феликс (Джек-сон) 380

Йон Карл 312

К

Калхаун Дороти 351

Каразек Хельмут 339, 373, 401

Квадфлиг Виль 266, 267, 277, 281, 287, 291, 303, 307, 311, 315, 318, 319, 333

Квандт Гаральд, сын Магды Геббельс 94, 108, 118, 121, 136, 137, 141

Квандт Понтер 6, 93, 94, 96, 105, 115, 120, 126

Квандт Элло 111, 128, 138

Кейтель Вильгельм 56

Кёлер Йоахим 214

Келлер Грета 390

Кеннеди Джек 378

Кеннеди Джозеф 378

Кеннеди Джозеф Фицджералд 378

Кёрбер Хильда 112

Керр Альфред 349

Кестлер Артур 360

Клиндворт Карл 208, 210

Кнауф Эрих 312

Кокто Жан 379

Кольпе Макс 353, 355

Корда Александр 368

Коуард Ноэл 347

Краузе Карл Вильгельм 31, 35, 42, 44, 46, 53

Кроуфорд Джоан 372

Кубицек Август 209

Купер Гари 354, 367

Кюннеке Эвелин 187, 188, 267, 274, 286, 293, 303, 307, 313, 315, 319, 327, 355, 357, 387

Л

Ламарр Хеди 382

Ланг Фриц 276, 360

Ланцнер Гуцци 153, 155, 157, 173, 175, 177, 179, 182, 198

Лафференц Бодо 253, 258

Леандер Нильс 271

Леандер Цара 3, 10-12, 265-335

Лей Инга 52

Лей Роберт 259, 390

Либманн Роберт 276

Логан Джошуа 340

Лоренц Макс 227, 245

Лорре Петер 12, 276

Лош Йозефина фон 345, 376, 393, 398, 400, 402

Лош Эдуард фон 345

Лукас Джордж 198

Люббе Маринус ван дер 359

Любен Жермен 250

Любич Эрнст 353, 362, 366, 372

Людеке Курт Георг 126

Людендорф Эрих фон 222, 223

Лютце Виктор 168

М

Мальро Андре 399

Мамулян Рубен 358, 359

Манн Генрих 360

Манн Клаус 204, 211

Манн Томас 203, 234, 238, 344, 360

Манштейн Эрих фон 188
Мариан Фердинанд 290
Маркс Гучо 382
Маркс Карл 360
Матул Тамара 352, 356
Метцель Лотар 390
Митльштрассер Вильгельм
34, 35, 53, 61
Митльштрассер Маргарете 17,
34, 41, 42, 51-53, 61, 65, 70,
71
Митфорд Юнити 52
Мичерлих Маргарет 145, 147,
155, 181, 185, 189
Миш Рохус 47, 58, 69
Молотов Вячеслав Михайло-
вич 55
Монро Мэрилин 339
Морган Пауль 282
Морис Эмиль 33
Моррис Гленн 156
Мурнау Фридрих Вильгельм
272
Муссолини Бенито 72, 222,
248

Н

Никоп Карл-Адам 273, 300,
309, 310, 327, 330, 331
Нильсен Аста 276

О

Овен Вильфрид фон 83, 85, 91,
97, 103, 113, 124, 131, 141,
172
Ондра Анни 28
Опиц Карл 285, 288
Ортлепп Гунар 339, 377

Осецкий Карл фон 360
Офюльс Макс 12, 276

П

Пабст Георг Вильгельм 157
Пастернак Джо 380
Петаччи Клара 72
Петтерсон Бригитте 297, 309
Плайм Анни 42, 57, 61
Помзель Брунхтльде 101, 112,
130, 135
Поммер Эрих 350
Прайс Вольфганг 268, 294,
310, 320-322
Преториус Эмиль 229, 244

Р

Райтер Мария 32
Райш Уолтер 276
Раубаль Гели 33, 36, 37, 39, 52,
58, 59
Рейнхардт Макс 150, 346, 360
Рейч Ханна 72, 140
Рёкк Марика 292
Рём Эрнст 38, 168, 270, 314
Ремарк Эрих Мария 358, 360,
361, 374, 378
Ренаур Жан 384
Риббентроп Иоахим фон 42,
43, 51, 55, 390
Рива Мария 339, 347, 349, 351,
352, 356, 357, 366, 369, 376,
378, 379, 394, 399
Рифеншталь Альфред 148, 149
Рифеншталь Берта 148
Рифеншталь Лени 3, 7, 8, 28,
59, 95, 143-200, 359, 365, 377
Ричель Оскар 89, 106

Розенберг Альфред 123, 171,
176, 227, 390
Ромеро Цезарь 361
Ротер Райнер 145, 169, 185, 191
Рузвельт Франклин 382
Рюманн Хайнц 278

С

Сакс Ганс 232, 257
Сегерштедт Торгни 280
Сегерштедт-Виберг Ингрид
267, 280, 282, 315, 316, 329
Серк Дуглас (Детлеф Зирк)
266, 281, 284, 285, 288, 290,
298, 299
Серрано Росита 292
Слезак Маргарете 52
Смирек Фрида 115, 125
Спилберг Стивен 198
Спото Дональд 395
Стюарт Джеймс 380

Т

Ташен Ангелика 199
Тернер Лана 382
Титьен Хайнц 225, 227, 229,
232, 242-245, 252, 253, 256
Томас Денни 388
Тоскани Артуро 229
Тренкер Луи 153, 154
Троост Пауль Людвиг 41

У

Уайлдер Билли 12, 276, 360,
391
Уайльд Оскар 212
Улиг Аннелизе 82, 117, 127,
131

Уэйн Джон 381
Уэллс Орсон 384
Уэлш Мэри 392, 395

Ф

Фанк Арнольд 152, 153, 156-
158, 177
Фегеляйн Герман 67, 68, 70, 74
Фейхтвангер Лион 360, 362
Фиртель Залка 362
Форд Генри 222
Форсель Боэль 271, 283, 300
Форсель Видар 274, 278, 281,
289, 300, 312, 331, 332
Форсель Геран 267, 271, 282,
283, 286, 289, 298, 300-302,
304, 323, 329, 333
Форст Вилли 349
Фостер Джоди 197, 200
Франсуа-Понсе Андре 83
Фрейд Зигмунд 360
Фрейлих Карл 278, 296, 317
Фрёлих Густав 112
Френц Вальтер 45, 177, 178
Фридлендер Рихард 89, 132-134
Фройцхайм Отто 154
Фромм Белла 83, 178
Функ Вальтер 325, 390
Фуртвенглер Вильгельм 229,
244, 245
Фэрбенкс Дуглас 368

Х

Хайде Александр фон дер 369,
371
Ханзен Рольф 325
Ханке Карл 129, 132, 138
Хансен Макс 274, 282

Ханфштенгль Эрнст 108
Харвей Лилиан 284
Харлан Файт 290
Хеестерс Йоханнес 292
Хейворт Рита 339, 382
Хекмайер Эйгер Андерль 156
Хемингуэй Эрнест 357, 364,
392, 394
Хепберн Кэтрин 372
Хербигер Пауль 315
Хефтен Вернер фон 70
Хильперт Хайнц 375
Хильшер Маргот 302, 310
Хиндельмайер Анна 21, 22
Хинкель Ханс 328
Хипплер Фриц 155, 169, 172,
173, 178, 181, 278
Хичкок Альфред 339
Холлендер Фридрих 380
Хорвелл Арнольд 396, 397
Хофманн Генрих 4, 23, 26, 27,
29, 36, 40, 41, 49, 64, 242, 246
Хубер Эрвин 182
Хюльперс Арне 329, 332

Ц

Цвейг Стефан 360
Цильке Вилли 177, 182
Цумкеллер Корнелия 267, 283,
289, 293, 312, 319

Ч

Чемберлен Ева 229
Чемберлен Невилл 48
Чемберлен Хьюстон Стюард
213, 214, 218, 219, 236, 238
Чехова Ольга 292, 306
Чиано Галеаццо 49

Ш

Шварцер Алисе 145, 199
Шевалье Морис 359
Шелл Максимилиан 393
Шёнманн Марион 67
Шеппард Ариане 83, 85, 87,
88, 91, 97, 103, 107, 115, 119,
125, 127, 131, 134
Шерц-Парей Вальтер 215,
227, 231, 241, 249
Ширах Бальдур фон 168, 390
Ширах Генриетта фон 32, 33,
36, 64
Шмальфусс Ханнес 130
Шмидт Лизелотте 233, 234,
244
Шнеебергер Ханс 153, 156, 198
Шпеер Альберт 4, 28, 49, 71,
121, 171, 183, 192, 199, 306
Шпици Райнхард 17, 42, 43,
51, 72
Шрёдер Криста 67
Штааль Виктор 302, 319
Штауффенберг Клаус Шенк
фон 70, 257
Штернберг Джозеф фон 12,
158, 342, 344, 349, 350, 352,
356, 358, 359, 361, 362, 364,
366, 371, 372, 374, 375, 377,
378, 399
Штрайхер Юлиус 186, 187,
197, 372
Шюнеманн Эмиль 170

Э

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид 395
Эйслер Ганс 276
Экман Геста 272, 279

Эльсер Георг 66

Эртль Ханс 145, 147, 151, 154,
159, 167, 173, 175, 177, 178,
180, 182, 198

Ю

Юнге Траудль 17, 19, 20, 39, 45,
64, 74, 75, 76

Я

Яворски Ханс фон 177

Якоб Петер 156

Яннингс Эмиль 278, 350, 352,
383

Янсен Херберт 245

Янсен Эрика 203, 235, 259

Яри Михаэль 302, 316

Оглавление

Женщины Гитлера	3
Ева Браун – подруга Кноп/Браубургер	15
Магда Геббельс – соратница Кноп/Хартль	81
Лени Рифеншталь – режиссер Кноп/Драйкюфт	143
Винифред Вагнер – муза Кноп/Дайк	201
Цара Леандер – певица Кноп/Шлоссхан	265
Марлен Дитрих – противница Кноп/Беркель	337
Литература	403
Указатель	407

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Гвидо КНОПП

ЖЕНЩИНЫ ГИТЛЕРА И МАРЛЕН

Перевод с немецкого *Т.Ф. Датченко*

Зав. редакцией *О.В. Сухарева*

Редактор *Е.Р. Секачёва*

Корректор *И.Н. Мокина*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Компьютерная верстка *И.Г. Денисовой*

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»

170000, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214

Наши электронные адреса: www.ast.ru

e-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»,
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЖЕНЩИНЫ ГИТЛЕРА И МАРЛЕН

Они не были вдовами погибших солдат или женщинами, оставшимися без крова с детьми на руках, они были столпами режима нацистской диктатуры или благожелательными спонсорами партии. Женщины поддерживали Гитлера часто по личным причинам, так же как и мужчины. Они голосовали за него, сотрудничали с ним и закрывали глаза на его преступления. По тем же причинам они выступали против диктатора и его режима, вступали в Сопротивление и публично выступали против нацизма. Шесть женщин – шесть судеб: соратницы, сторонницы и враги. В эту книгу вошли очерки, посвященные подруге и жене фюрера Еве Браун, соратнице Магде Геббельс, музе Гитлера Винифрид Вагнер, мастеру нацистской пропаганды Лени Рифеншталь, певице Царе Леандр и врагу диктатора Марлен Дитрих.

«История новейшего времени бывает увлекательнее, чем иной детектив».

Гвидо Кноп

ISBN 5-17-037224-8

9 785170 372249